

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

М. В. СКРЖИНСКАЯ

СКИФИЯ ГЛАЗАМИ ЭЛЛИНОВ

Научно-популярное издание

Издание второе

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

ББК 71.40 (Укр.)
Скр. (98)

Скржинская М. В.

Скифия глазами эллинов. — СПб.: Алетейя, 2001. —
304 с. — (Античная библиотека. Исследования).
ISBN 5-89329-108-5

Основатель и руководитель серии:

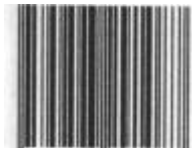
О. Л. Абышко

Произведения античных писателей, открывающие начальные страницы отечественной истории, впервые рассмотрены в сочетании с памятниками изобразительного искусства VI-IV вв. до нашей эры. Собранные воедино, систематизированные и исследованные автором свидетельства великих греческих историков (Геродот), драматургов (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан), ораторов (Исократ, Демосфен, Эсхин) и других великих представителей Древней Греции дают возможность воссоздать историю и культуру, этногеографию и фольклор, нравы и обычаи народов, населявших Восточную Европу, которую эллины называли Скифией. Творения древнегреческих скульпторов, вазописцев и ювелиров позволяют ярко представить внешний облик и некоторые детали быта эллинов и скифов, живших на краю греческой ойкумены в Северном Причерноморье.

Книга прекрасно проиллюстрирована.

Для всех интересующихся античной историей и культурой, а также для самого широкого круга читателей.

ISBN 5-89329-108-5

9 785 893 29 108 7

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© М. В. Скржинская, 1998 г.

Светлой памяти моего Учителя
профессора Аристида Ивановича Доватура

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя Греция, колыбель европейской цивилизации, всегда вызывает интерес у любого образованного человека. Здесь был заложен фундамент многих наук и созданы шедевры мирового искусства. Всему миру известны имена классиков древнегреческой литературы. Однако, воспринимая их как блестящих представителей античности, многие из нас не подозревают об их причастности к далекому прошлому России и Украины. Из-за поверхностного знания истории мало кто осведомлен о том, что в произведениях эллинов нашло отражение целое тысячелетие нашего прошлого. С него начинается письменная отечественная история, прошедшая через фильтр восприятия греков; поэтому мы до сих пор во многом видим ее глазами эллинов.

Сказанное относится и к античному искусству. Расхожее знание о нем сводится к общим представлениям о расписных керамических вазах и классических произведениях скульптуры, изображающих главным образом богов. Вместе с тем редко кому известно, что древнегреческие художники создали первые реалистические изображения людей, населявших Северное Причерноморье, и среди этих изображений есть подлинные шедевры.

В этой книге повествуется о том, как прошлое Восточной Европы освещалось в произведениях литературы и искусства VII—IV вв.,* как оно преломлялось в восприятии представителей великой греческой цивилизации. Ее влияние распространялось и на земли Скифии, на южных рубежах которой располагались колонии эллинов (рис. 1): Тира (в устье Днестра), Ольвия (при слиянии Южного Буга с Днепром), Херсонес (на юго-западном побережье Крыма), Боспорское царство со столицей Пантикапей (на Керченском полуострове). Это были первые государственные образования на территории России и Украины. Жизнь греческих колонистов протекала в постоянном общении с их соседями скифами; здесь одна из высочайших и древнейших земледельческих цивилизаций соприкасалась с самобытной культурой кочевого общества. Поэтому в задачи этой книги входит рассказ как о местных племенах, так и о греках, живших на берегах Скифии целое тысячелетие.

Войдя в орбиту экономической и культурной жизни Эллады, Скифия стала объектом пристального внимания некоторых греческих писателей. Они собирали сведения о ее географическом положении, климате, флоре и фауне, о составе населения, о войнах,

* Все даты, кроме оговоренных специально, относятся к периоду до нашей эры.

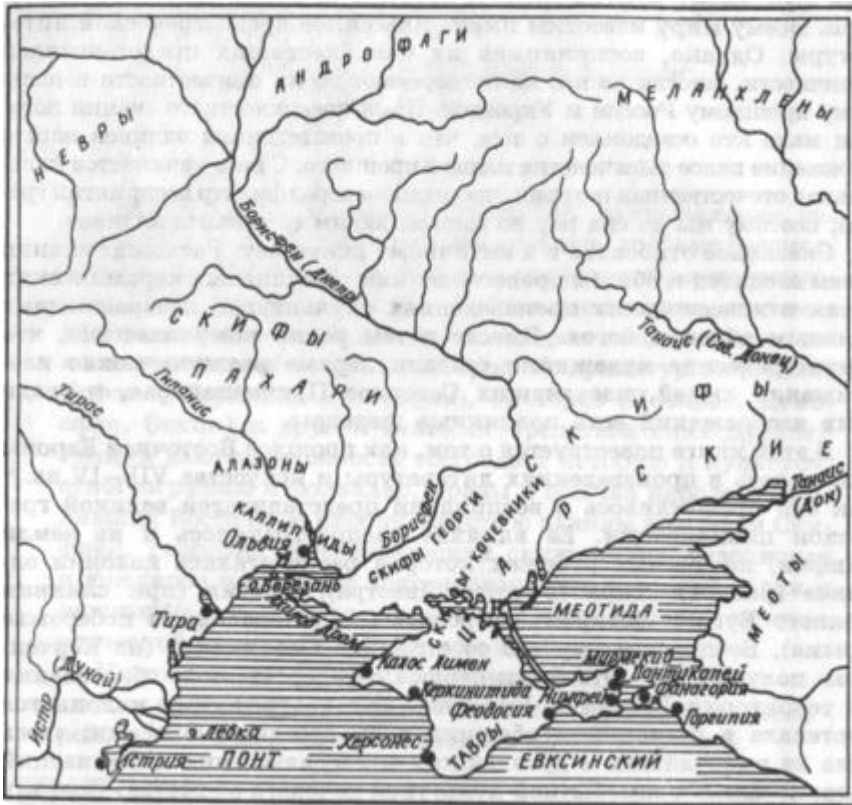

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья

торговле, а также касались сложнейших духовных проблем, в древности часто облекавшихся в форму мифов.

После исчезновения античных государств память о греческих колониях и их соседях в Восточной Европе сохранялась исключительно в произведениях древних авторов. В их числе «отец истории» Геродот, знаменитые географы Страбон и Птолемей, первый европейский энциклопедист Плиний Старший и др. Даже в самые мрачные периоды средневековья их труды не исчезали из круга чтения образованных людей Европы. Сообщения древних авторов служили путеводной нитью ученым нового времени, которые с конца XVIII в. стали находить остатки древнегреческих поселений и следы жизни племен, некогда населявших Северное Причерноморье. Ведущиеся уже более полутора веков археологические раскопки приносят все новые и новые открытия. О них написано множество научных исследований¹ и научно-популярных книг, изданы альбомы репродукций лучших находок.²

Что же касается почти неизменного фонда сведений древних авторов, то он в науке отступил как бы на второй план. И хотя письменные свидетельства постоянно привлекаются к конкретным исследованиям, ни отечественные, ни зарубежные специалисты не проанализировали весь объем разнообразнейших текстов, которые оставили нам современники тех давних времен.

Образование такой лакуны в исследованиях объясняется рядом объективных причин. Главная из них заключается в том, что внимание исследователей традиционно привлекает либо отдельное произведение, либо творчество какого-нибудь писателя или группы писателей определенного жанра. Среди дошедших до нас сочинений античных авторов нет ни одного, специально посвященного Северному Причерноморью; в лучшем случае этот сюжет представляет собой вставной экскурс в трудах на иную тему, а чаще всего — краткие попутные замечания.

О Скифии писали поэты и прозаики, ученые и дилетанты, очевидцы и компиляторы. Мы попытаемся войти в мир каждого писателя, выяснить, почему он обращался к описанию Скифии, попробуем оценить достоверность источников, исходя из специфики их жанра и задач авторов. Среди них были замечательный историк и писатель Геродот, великие греческие трагики Эсхил, Софокл и Еврипид, самые знаменитые ораторы Демосфен, Исократ и Эсхин.

Творения гениев литературы разных эпох живут веками; Гомер и Шекспир, Гёте и Пушкин входят в культуру каждого нового поколения. Вот какие поэтические строки родились у Осипа Мандельштама под влиянием второй песни «Илиады» в бессонную ночь в Коктебеле, где он гостил у поэта Волошина в 1915 году:

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины...*

*Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладой когда-то поднялся.*

Неувядаемая притягательность классического наследия объясняется тем, что талантливое произведение всегда несет в себе множество смыслов. Чем крупнее дарование писателя, тем многообразнее различные пласты смыслов, заключенных в его сочинении, так как оно концентрирует достижения культуры, накопленные многими поколениями. Искусство исследования литературного наследия состоит в умении ставить новые вопросы к казалось бы давно изученным текстам и находить в них прежде никем не замеченные ответы. Известный ученый М. М. Бахтин писал, что в любой момент диалога между исследователем и литературным произведением существует огромная масса забытых смыслов, но в определенные моменты они снова вспоминаются и оживают, так что у каждого смысла бывает свой праздник возрождения. Таков секрет неисчерпаемости познания литературных произведений, в том числе и тех, о которых пойдет речь в этой книге.

Античная литература развивалась на стадии культурного дуализма. В этот период наряду с традиционными народными знаниями формировалась наука, рядом с общинной организацией и родственными связями появилось государство, а из народного выделилось профессиональное искусство, из лона фольклора родилась литература. На первых порах литературные сочинения во многих своих приемах и средствах выражения сильно зависят от фольклора и в то же время сразу же кардинально отличаются от него. Фольклорные произведения анонимны, они — плод коллективного творчества, литературные же создаются определенными авторами; первые живут исключительно в устной форме, не имеют канонического закреплённого текста и существуют одновременно во многих вариантах, а вторые создаются авторами в законченном виде с определенным текстом и могут обращаться к читателю, отделенному от автора большим расстоянием и временем. Фольклор умирает вместе со своими носителями, но его глубокое влияние на многие произведения литературы дает возможность немало узнать об этом, казалось бы, полностью утерянном к настоящему времени виде устного творчества древних.

Поэтому значительная часть книги будет посвящена греческому и скифскому фольклору. Затем сочинения античных авторов мы рассмотрим по литературным жанрам, каждый из которых имеет свою специфику восприятия действительности. Наконец, античные памятники искусства дадут возможность увидеть, как выглядели те, о которых повествовали фольклорные предания и древние авторы. Таким образом, наше прошлое предстанет в преломлении взглядов греческих писателей и художников, чьи произведения пощадило неумолимое время.

Глава первая

ГРЕКИ И СКИФЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Что понимать под Скифией?

История населения Европы насчитывает десятки тысяч лет. По сравнению с этим огромным массивом веков ее письменная история совсем молода: ей всего два с половиной тысячелетия. Свои первые шаги она сделала в Элладе, или Греции, как ее начали называть римляне и до сих пор называют на многих языках. На древнегреческом языке написаны первые сочинения, в которых освещается история не только самих эллинов, но и многих народов, населявших ойкумену — «обитаемую часть земли», известную грекам. Ее северные пределы долго ограничивались северным побережьем Понта Евксинского (Черного моря) и прилегающими к нему степями.

Здесь лежала Скифия — область, известная под таким именем эллинам с первых шагов их знакомства в VII в. Ее западный рубеж проходил по низовьям Истра (Дуная), а восточный — по Танаису (Дону), Меотиде (Азовскому морю) и Боспору Киммерийскому (Керченскому). Оно соответствовало своему содержанию: «земля, населенная скифами». Но начиная с III в. территория расселения скифов стала значительно сокращаться вследствие внутренних причин развития скифского общества и из-за наступления с востока разных племен. Однако еще много веков название «Скифия» продолжало жить среди греков и римлян как географическое понятие, охватывающее всю Восточную Европу.

Для большинства античных писателей Скифия — это символ крайнего севера, «ледяная, заснеженная страна», о которой мало что известно рядовому греку и римлянину, не знающему многих трудов историков и географов. С таким образом Скифии, имеющим мало общего с реальной страной, читатель встретится у прославленных римских поэтов Вергилия, Горация, Проперция и даже у Овидия. Последнего император Август сослал в маленький городок Томы (современная Констанца в Румынии) близ границ Скифии.

Но и это ближайшее соседство не позволило поэту преодолеть сложившиеся литературные стереотипы.

Сходная судьба у названия народа «скифы». На рубеже нашей эры территория их обитания включала лишь частично Нижнее Поднепровье и степи Крыма, а в III в. н. э. скифы исчезли с исторической арены, когда замерла жизнь в их последней столице Неаполе Скифском (на окраине современного Симферополя). Однако этническое наименование надолго пережило своих истинных носителей, так как древние обозначали им многие, даже совсем не родственные скифам племена. Плиний Старший, энциклопедически образованный римский ученый I в. н. э., писал в «Естественной истории»: «Название „скифы“ постоянно переходит на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось за наиболее удаленными из народов, которые живут, оставаясь почти неизвестными остальным смертным».

Античная литературная традиция продолжала жить в средние века. Недаром русский летописец под 907 годом отметил, что греки называли славянские племена, жившие по Днестру и Дунаю, «Великая Скуфь». И в новое время, обратившись к русской поэзии XIX—начала XX в., мы встречаемся с образами скифов и Скифии, в которых отражаются все грани этих веками складывавшихся понятий.

Для античных писателей население Скифии делилось на две категории: эллины, основавшие на этой земле свои колонии, и местные племена — варвары, как греки называли все прочие народы, не говорившие по-гречески. Варвары Северного Причерноморья не имели письменности, а сочинения живших там греков не дошли до нашего времени. Поэтому все литературные источники античности — это восприятие далекой северной страны сначала глазами эллинов из метрополии, а затем глазами римлян.

Античная литература имеет огромную, более чем тысячелетнюю историю. Мы ограничимся VII—IV вв., периодом, когда описание Скифии соответствовало ее первоначальному значению: земля между Истром и Танаисом, подвластная скифам. Этот период охватывает время от появления скифов в Северном Причерноморье до начала упадка их могущества. Это время становления и наивысшего расцвета греческих колоний на берегах Черного моря. Оно совпадает с необыкновенным взлетом литературы и искусства в Элладе, с веками, которые называют «греческим чудом», когда здесь зародились многие науки, и в их числе история.

Греки считали историю скорее искусством, чем наукой. Ведь в один ряд с музами поэзии, драматургии и танца эллины ставили музу истории Клио. Труд «отца истории» Геродота не только важнейший исторический источник, но и первое крупное произведение эллинской художественной прозы, а сочинения крупнейших историков античности, таких, как Ксенофонт, Тит Ливий,

Тацит, стали признанными образцами литературного языка греков и римлян.

Почву для возникновения истории как науки, у истоков которой стоят Геродот и Фукидид, подготовили работы писателей, называемых логографами.³ Они жили в VI—V вв. и, подобно современным краеведам, записывали всевозможные сведения об отдельных городах или областях. Первые логографы появились в Ионии — области, расположенной в средней части побережья Малой Азии и на прилегающих к ней островах. Их родоначальником считался Кадм из Милета — крупнейшего культурного и экономического центра Ионии. Достаточно напомнить, что милетская школа VI в. стоит у истоков европейской философии. С имен ее блестящих представителей — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена — начинается любой общий курс философии.

Великая греческая колонизация

В глубине веков теряются времена, когда греки начали плавать вдоль южного побережья Черного моря к легендарной Колхиде. Эллины полагали, что свое первое поселение Синопу на южном берегу Понта они основали в IX в. Многие греческие полисы (города-государства) в VIII—VI вв. выводили колонии; это движение называют Великой греческой колонизацией. В ходе ее эллины широко расселились на запад и на север от своей родины по берегам Средиземного и Черного морей.

Свои поселения эллины называли словом «апойкия», образованным от глагола 'αποικίζω — «жить вдаль», «выселяться»; таким образом, «апойкия» — это поселение греков в чужой стороне. Город же, откуда прибыли поселенцы, именовался метрополией, т. е. городом-матерью. В современной историографии традиционно используется не греческий, а более поздний римский термин «колония». Связанный с глаголом *colere* (возделывать землю), он означал поселения римлян, которые основывались в подчиненных Риму областях.

Античные авторы считали Милет метрополией рекордного количества колоний: одни называли 75, другие даже 90. Сейчас нет возможности установить их истинное число, но определенно можно сказать, что милетяне основали не один десяток поселений, привлекая жителей других ионийских городов. С VII в. они планомерно продвигались на север, осваивая сначала азиатские берега на подступах к проливу Боспор Фракийский (современный Босфор), затем западное и северное побережья Понта Евксинского. Так, на протяжении VII—VI вв. появились Кизик на Пропонтиде (современное Мраморное море), Аполлония, Одесс, Томы, Истрия, Тира, Ольвия, Феодосия, Пантикапей и другие на Понте (рис. 2). На

Рис. 2. Карта основных городов Причерноморья, городов и островов Греции, упомянутых в книге

землях Скифии все колонии были милетскими, лишь Херсонес основали появившиеся позже, в конце V в., выходцы из Гераклеи Понтийской. Не случайно поэтому упоминания о Скифии встречаются на заре возникновения греческой прозы: ведь не только многие логографы, но и Геродот были представителями ионийской культуры.

Что же заставило греков, и в частности ионийцев, переселиться в края, которые на протяжении всей античности считались холодными и неприветливыми?

В IX—VIII вв. Эллада переживала экономический подъем.⁷ Население Греции стало быстро расти, и ее гористые, малоплодородные земли уже не могли прокормить всех жителей. Так возникла необходимость в поисках новых территорий для расселения избыточного населения и для импорта оттуда хлеба. Имелись и другие, также достаточно существенные, но все же второстепенные причины колонизации. Подъем сельского хозяйства обеспечивал избыточные продукты, главным образом вино и оливковое масло. В крупных городах ремесленники стали производить значительные партии товаров массового спроса — красивую столовую керамику, оружие, дорогие ткани. Все это вызвало значительное расширение торговли, поиски новых рынков сбыта. Колонии часто служили посредниками в торговле между Грецией и местными племенами. Это иллюстрируется находками в скифских погребениях греческих сосудов и украшений из разных центров Эллады. Например, в VI в. в Ольвии были модными ионийские золотые серьги-наушницы с головками львов, которые неоднократно находили при раскопках ольвийского некрополя (рис. 3). Такие же серьги обнаружены в погребении у села Емчиха Киевской области.

Расширявшемуся ремесленному производству требовалось все больше сырья, в первую очередь металлов, которых в Греции не хватало. Это стало еще одной причиной основания колоний в местах, откуда можно было получить недостающее сырье. Наконец, поводом для вывода колоний не раз служила политическая борьба, в результате которой победители изгоняли своих противников из города.

Греческая колония с момента основания становилась полностью независимым государством: вела самостоятельную политику и могла устанавливать дружеские контакты с конкурентами и даже с врагами своей метрополии. Но чаще всего колония поддерживала с метрополией культурные, экономические и религиозные связи, а также заключала политические союзы. Прекрасное свидетельство таких взаимоотношений найдено при раскопках Милета. Здесь в 1903 г. обнаружена надпись IV в., закрепляющая равные гражданские права милетян и ольвиополитов. Вероятно, подобные отношения с метрополией установились с самого начала существования Ольвии, а в IV в., после освобождения Милета от много-

Рис. 3. Золотые серьги-наушницы VI в. из Ольвии.
Эрмитаж. Санкт-Петербург

летнего владычества персов, старинный договор был возобновлен. В нем говорилось, что ольвиополиты в Милете, а милетяне в Ольвии имеют право занимать государственные должности, не платить определенных государственных налогов, участвовать в религиозных обрядах и празднествах, выступать на местных гимнастических состязаниях, обращаться в горродской суд, который обязан в пятидневный срок рассмотреть иск.

Скифия привлекала эллинов главным образом необычайным плодородием своих земель, дававших великолепные урожаи пшеницы, ячменя и овощей. Они обеспечивали не только потребности переселенцев, но также импорт в Грецию в обмен на необходимые для колонистов товары. Реки и моря Северного Причерноморья изобиловали рыбой, важнейшим продуктом питания греков, издавна населявших приморские земли. Месторождения соли в устье Днепра и в Крыму позволяли организовать засолку рыбы, ее длительное хранение и торговлю на экспорт. Полноводные реки Скифии открывали эллинам водные дороги вглубь материка для сношений с местными племенами, а по Черному морю лежал путь, постоянно связывающий колонистов со всеми важнейшими центрами греческой ойкумены.

Основание греческих колоний не всегда протекало мирно. Например, жители Сицилии не хотели пускать на свою территорию новых поселенцев.⁹ Но в Северном Причерноморье колонизация проходила без военных конфликтов. Многолетние археологические раскопки показывают, что к моменту появления греков на юге Восточной Европы отсутствовало земледельческое население, а небольшие по площади прибрежные эллинские колонии почти не затрагивали степных просторов, необходимых кочевникам. Скифы быстро оценили возможности торгового обмена с новыми поселенцами, которые предоставляли им то, что сами они не производили.

Незадолго до начала греческой колонизации среди кочевого населения Северного Причерноморья произошло коренное изменение. В VII в. сюда с востока продвинулись скифы, вытеснив киммерийцев, сведения о которых крайне скудны. В VI—V вв. скифы полностью подчинили своему господству степные и лесостепные области. Последовавший вслед за этим расцвет могущества скифов, затем постепенное сокращение сферы их влияния и уход с исторической арены проходили на глазах греческих колонистов и существенно влияли на их жизнь.

Таким образом, период сосуществования скифов и эллинов представляет особую страницу истории населения России и Украины. Благодаря записям древнегреческих авторов мы можем прочесть ее с начала и до конца, то восхищаясь великолепными описаниями, то досадуя на огромные лакуны.

Понт Евксинский и скифская земля

Античная литература дошла до наших дней с большими утратами. Многие произведения, пользовавшиеся громкой славой или признанным научным авторитетом, известны теперь лишь по названиям или цитатам в сочинениях более поздних авторов. Особенно плохо сохранились труды самых древних писателей так называемого периода архаики (VII—начало V в.), времени, когда греки поселились в Скифии.

По упоминаниям античных авторов известно, что древнейшие сведения о географии и населении Скифии были включены в «Землеописание» Гекатея, гражданина Милета, выдающегося политического деятеля и самого прославленного из логографов. На рубеже VI—V вв. появился его капитальный труд, где рассказывалось о всей известной грекам земле, которая разделялась на два материка — Европу и Азию. Описывая побережья Средиземного, Адриатического, Эгейского и Черного морей, Гекатей перечислял населявшие их народы, а также многочисленные греческие города и поселения, которые, по образному выражению Цицерона, составляли «как бы кайму, пришитую к обширной ткани варварских

полей». Среди них важное место занимала Скифия, уже более столетия привлекавшая пристальное внимание соотечественников Гекатея. К сожалению, от его сведений о Скифии сохранилось немного. Во время своих путешествий Геродот читал Гекатея и критически оценивал его сообщения о Скифии. Но об этом можно судить лишь по косвенным данным, так как историк ссылается на своего предшественника только при описании Египта и в связи с восстанием ионийских греков против персидского владычества.

Почти все сведения Гекатея о Скифии сохранились в этнографическом словаре позднеантичного писателя Стефана Византийского. Приведем для примера две статьи из этого словаря: «Каркинитиды, город скифский. Гекатей в описании Европы»; «Меланхлены, народ скифский. Гекатей в описании Европы». Этот город и племя меланхленов описаны у Геродота и других античных писателей, а об остальных населявших Европу скифских племенах (миргеты, матикены, эды) и городе Кардисе нам ничего не известно, кроме названий, выписанных Стефаном у Гекатея.

Среди сочинений логографов, собравших обширные мифологические, этнографические и географические сведения о разных областях, существовало специальное произведение о скифах. Об этом упомянул тот же Стефан Византийский, но каково было содержание произведения и дата его написания, неизвестно.

В число древнейших греческих источников о разных областях ойкумены входили карты, впервые появившиеся в Милете. Фило¹⁰соф Анаксимандр в первой половине VI в. начертил карту мира. Такие карты создавались по планам, схемам и рисункам отдельных местностей, которые милетские мореплаватели привозили со всех концов ойкумены, в том числе и из Скифии, где к тому времени появились уже несколько милетских колоний.

Гекатей дополнил и уточнил карту Анаксимандра и в таком виде дал ее в приложении к своему «Землеописанию». Изображение Понта¹¹ Евксинского на этой карте напоминало форму скифского лука. В отличие от греческого, согнутого из одного куска дерева, скифский лук был составным и имел в середине выступ. Его вид хорошо известен по изображениям вооруженных скифов и амазонок на греческой керамике, торевтике и скульптуре, а также на монетах городов Северного Причерноморья (рис. 25, 26, 27, 49, 53). В дальнейшем и другие греческие и римские писатели (например, Эратосфен и Плиний Старший) уподобляли южное побережье прямой тетиве, а закругленные восточный, западный и северный берег с выступом в виде Крымского полуострова — скифскому луку. Это может рассматриваться как свидетельство достаточно определенного представления о контурах северного побережья уже на древнейших картах.

По сохранившимся источникам известно еще о двух милетских картах VI в. с изображением Северного Причерноморья. Геродот

рассказывает, как милетский тиран Аристагор показывал спартанскому царю Клеомену план¹² военных действий по карте, выгравированной на медной доске. На ней были нанесены все известные грекам земли, моря, реки и города. Естественно думать, что такая карта включала Скифию и города на ее побережье.

Другую карту имел перед глазами составитель трактата «О числе семь», ошибочно приписанного Гиппократу. Карта изображала часть ойкумены, находившуюся в поле зрения торговых и колониальных интересов Милета. Автора трактата интересовали лишь крупные географические объекты, и поэтому он упомянул только Понт Евксинский, Меотиду и соединяющий их Боспор Киммерийский.

Таковы скудные сведения из сохранившейся архаической литературы о начальном периоде жизни греков в Северном Причерноморье. Однако по косвенным данным можно кое-что узнать о мироощущении греков при освоении новых земель. К этим данным относятся географические названия и мифы, действие которых происходит на берегах Понта.

Начнем с моря, по которому греческие корабли привезли колонистов на новую родину.

Древнейшее письменное упоминание об античном названии Черного моря встречается у Гекатея, называющего его Понтом, то есть просто морем. Такая традиция сохранялась на протяжении всей античности; однако источники V в. и более позднего времени указывают полное название моря — Понт Евксинский (Гостеприимное море), сменившее более ранее — Понт Аксинский (Негостеприимное море).

Уже в поэмах Гомера (рис. 4) можно различить знания эллинов о его южном и отчасти восточном и западном побережьях. Тринадцатая песнь «Илиады» начинается с того, что Зевс смотрит «вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и удивительных доителей кобылиц, питающихся молоком, бедных и справедливейших мужей». Взор бога обращен на западное побережье Черного моря, где живут фракийцы, хорошо знакомые грекам их северные соседи, мисийцы — одно из фракийских племен, обитавших между горным хребтом Гемом и Петром, и «доители кобылиц». Последних еще в античности отождествляли со скифами, а в современной научной литературе диску¹³тируется вопрос, имел ли Гомер в виду скифов или киммерийцев.

Не случайно у Гомера отсутствует этническое определение «доителей кобылиц» в отличие от более известных грекам фракийцев. В «Илиаде» отразились первые, еще очень поверхностные впечатления о кочевых народах, населявших Северо-Западное Причерноморье. Гомер обрисовал обобщенными, типичными для эпического памятника средствами не конкретное племя, а носителей необычного для греков хозяйственного уклада. Взгляд греческих морехо-

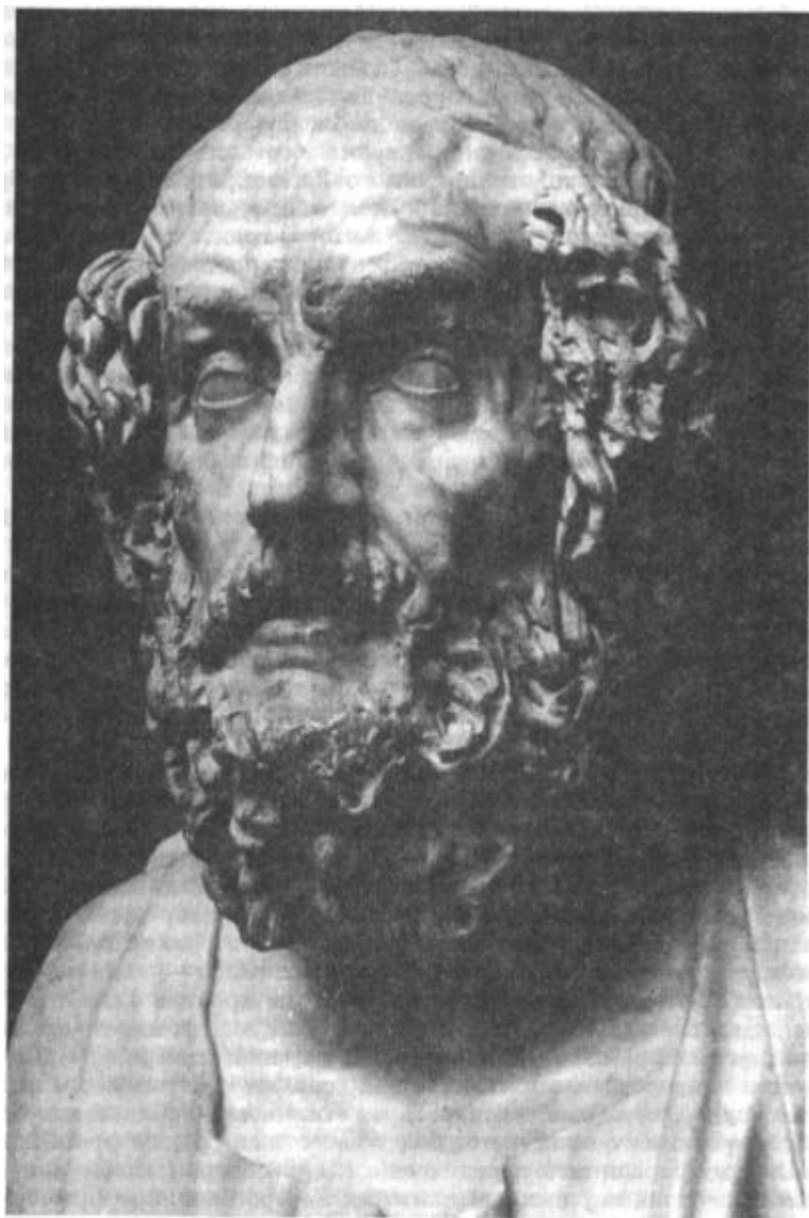

Рис. 4. Гомер. Римская копия с греческого оригинала. Ватиканский музей. Рим

дов — выходцев из народа земледельческой культуры — уловил такие необычные для них черты, как употребление в пищу кобыльего молока, «бедность» кочевника, который в отличие от земледельца нуждается в гораздо меньшем количестве предметов, необходимых для его существования, наконец, значительно меньшую по сравнению с греческим обществом социальную дифференциацию, что породило эпитет «справедливейшие», так как, на взгляд греков, среди бедных, мало отличавшихся по достатку племен соблюдалось равенство их членов.

Сходное представление о северных соседях Фракии было у Гесиода, поэта рубежа VIII—VII вв. В небольшом фрагменте из его утраченной поэмы описаны злоключения фракийского царя Финея; мучившие слепого царя крылатые божества гарпии увлекли его «в землю млекоедов, что дома имеют в повозках».¹⁴

В основе описаний северных соседей фракийцев у Гомера и Гесиода лежат рассказы мореходов-первооткрывателей берегов Понта. В те времена греки не совершали дальних сухопутных путешествий, да и позже всегда предпочитали морские пути.

Первые письменные сведения о северо-восточном побережье Понта содержатся также у Гомера. В начальных стихах одиннадцатой песни «Одиссеи» речь идет о входе в Аид в стране киммерийцев, которых большинство современных исследователей локализуют на Керченском полуострове и Северном Кавказе.

Плавание по Черному морю было сопряжено в древности с величайшими опасностями. По сравнению со Средиземноморьем здесь гораздо чаще дули сильные ветры, бушевали бури, не было спасительных в ненастье островов, столь многочисленных у берегов родины греков, наконец, водовороты и сильные течения в проливах затрудняли вход в Черное море. Неудивительно поэтому, что греческие мореплаватели VIII—VII вв., выходя из Босфора Фракийского, ощущали себя за пределами обитаемого мира, в просторах безбрежного океана, омывающего со всех сторон сушу. Такое представление, как замечает Страбон,¹⁶ запечатлено в поэмах Гомера. Недаром поэт поместил вход в Аид в стране киммерийцев на отдаленных берегах Понта.

Итак, на ранних этапах знакомства с Черным морем греки полагали, что они вышли в Океан или в огромное неизведанное море. Отсюда и произошло название Понт, море вообще, в отличие от других известных в то время морей, например Икарийского и Фракийского. Однако и позднее, на протяжении всей античности, когда Понт уже имел свое собственное определение — сначала Аксинский, а затем Евксинский, Черное море часто называли Понтом.

После того как греческие мореплаватели, освоив южные, восточные и западные берега, прошли вдоль северного побережья Черного моря, они поняли, что это замкнутое водное пространство, а не безбрежный океан, и подобно другим морям оно должно иметь

свое определение. Так появилось прилагательное «Аксинский», то есть «Негостеприимный». Оно вполне отвечало впечатлению греков о суровом северном море и обитателях его берегов. Название было заимствовано у местных ираноязычных племен, в число которых входили киммерийцы и скифы. Иранское слово *ахаина*, означающее темно-синее или черное (море), греки по созвучию, понятию с точки зрения их родного языка, истолковали как *αἰνός* — негостеприимный, что соответствовало их первому впечатлению. Заимствование названия моря, еще не известного Гомеру, произошло в VII в., но наиболее древние сохранившиеся литературные свидетельства об этом названии не старше V в., когда уже утвердилось наименование Понт Евксинский. Геродот, например, пользуется исключительно последним наименованием, а иногда пишет Понт без определения. Старое же название обычно использовали поэты, излагая древние мифы.

В четвертой Пифийской оде Пиндар, повествуя об аргонавтах, специально избрал вышедшее из каждодневного употребления наименование Понта Аксинский.¹⁷ Теми же соображениями руководствовался Еврипид в трагедии «Ифигения в Тавриде». Он четырежды назвал Понт Аксинским и каждый раз в связи с побережьем Крыма, где эллинов подстерегали враждебные племена тавров.

Эллины быстро забыли иранские истоки происхождения наименования моря. Истинную этимологию смогли установить лишь лингвисты XX в. Древние же авторы полагали, что определение родилось у самих греков при знакомстве с обитателями побережья. По утверждению Плиния, «Понт Евксинский прежде из-за негостеприимной дикости назвался Аксинским», а Страбон объяснял наименование бурями, бушующими на этом море, и «дикостью окрестных племен, особенно скифов», которые приносят в жертву чужестранцев, поедают их мясо, а из черепов делают кубки. Здесь скифами собирательно названы многие племена Северного Причерноморья с различными обычаями: ведь принесение в жертву чужестранцев было характерно для тавров, а людоедством отличалось лишь одно племя андрофагов.²⁰

Сходные мотивы можно найти в стихах Овидия. Строки одной из «Печальных элегий» в прозаическом переводе звучат так: «Меня удерживают студёные берега Евксинского Понта; он назван был древними Аксинским. Ведь его гладь волнуется не умеренными ветрами, и ты, чужеземный корабль, не войдешь в приятные гавани. Вокруг племена, которые кровью ищут добычу, и земля внушает страх не менее ненадежной воды».²¹

Действительно, на протяжении нескольких столетий, особенно благодаря знаменитой трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», в представлении образованных греков и римлян северное побережье Черного моря неизменно связывалось с описанием жестоких обычаев тавров, тем более, что эти обычаи не изменились и в первые

века нашей эры. Римский историк Тацит описал кровавую расправу с префектом когорты и его воинами, корабль которых тавры захватили в плен.²²

В античных источниках происхождение эпитета «Евксинский» имеет двойное толкование. Согласно одному из них после возникновения на берегах Понта множества греческих колоний Негостеприимное море превратилось в Гостеприимное как для эллинов, поселившихся на его берегах, так и для тех, кто приезжал из Греции торговать с ними.²³ Согласно другому толкованию греки дали морю ласковое название, чтобы задобрить его бурный характер.²⁴

Иную гипотезу о происхождении наименования предлагают специалисты по античной мифологии.²⁵ Первые впечатления греков о неизвестном бурном и бескрайнем море воплотилось в легенды, где Понт изображался краем мира, откуда идет дорога в потустороннее царство. Прилагательное «Евксинский» означало первоначально «гостеприимно встречающий мертвых», то есть по этому морю душа умершего отправлялась в Аид. Недаром вход в него помещали в стране киммерийцев на севере Понта.

Это объяснение представляется нам вполне убедительным, но его смысл, видимо, недолго оставался в памяти греков. Со второй половины VI в. и до конца античности они с полным основанием считали Понт гостеприимным в прямом смысле этого слова. Ведь на его берегах возникло много греческих городов, эллинские корабли постоянно бороздили его воды, везя сюда всевозможные товары со всех концов Греции и вывозя местные хлеб и сырье.

Итак, Черное море, сначала Негостеприимное, стало затем Гостеприимным, но называли ли его греки черным, подобно многим другим народам? Известно ведь, что иранское и старые кавказские, а позднее турецкое и современное русское и греческое наименования связаны именно с определением «темный» или «черный». В античной литературе лишь однажды встречается такое определение в 107-м стихе трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», и некоторые исследователи видят здесь одно из античных наименований моря.²⁸ Это малосостоятельная гипотеза, так как в греческой литературе с морской водой нередко связывали определение «черная». К примеру, в «Илиаде» вестница богов Ирида погрузилась в «черное море» близ острова Самоса, чтобы отыскать в морской пещере Фетиду и других богинь Океана.²⁷

Северные берега Понта греки с первых шагов знакомства определили как скифские земли. Исключение составлял один отрезок, где Крымские горы выходят к побережью. Они показались грекам сходными с горным массивом Тавр в Малой Азии, и на них было перенесено это наименование. Аналогичная картина наблюдается на Сицилии и в Испании, где горные цепи также получили от греков название Тавр. Так поступали многие народы при переимено-

лении на новые земли, называя там свои поселения и окружающие географические объекты именами, которые им были привычны на родине. Например, карта Америки изобилует множеством европейских топонимов.

От горной цепи Тавр произошло наименование Таврика, сначала относившееся лишь к горному Крыму. Его население соответственно стало именоваться таврами.²⁸ Остальная же известная грекам часть Восточной Европы считалась Скифией с начального периода колонизации.

На рубеже VII—VI вв. поэт Алкей, уроженец острова Лесбос, в одном из своих гимнов назвал Ахилла «владыкой скифской земли». Поэт имел в виду земли милетской колонии Борисфена, а затем Ольвии в районе Днепро-Бугского лимана. Здесь, как показывают материалы археологических раскопок, гораздо больше, чем в других колониях, было распространено поклонение Ахиллу.

Спустя столетие, Гекатей отмечал на Понте «скифский город» Керкитиду. Это упоминание характеризует не население города, а его местоположение в скифской земле. Подобным образом Гекатей назвал Лигурийскими греческие колонии Массилию и Монойкос. Первый город (современный Марсель) был колонией Фокеи, а второй основали жители Массилии. Таким образом, в сочинении Гекатея отразился обычай греков давать определение городов по тому народу, на землях которого они основывались. Такое определение закреплялось на века. Это иллюстрируют две надгробные надписи. В эпитафии Мойродора, умершего во II в., говорится, что его родиной была Ольвия в Скифии, а более ранняя надпись (рубеж IV—III вв.) из некрополя Пантикапея гласит, что погребенного здесь Гекатея «укрыла скифская земля».²⁹

Топонимика — свидетельство встречи греков и скифов

Еще до возникновения первых колоний греческие мореходы, знакомясь со Скифией, узнали от местного населения целый ряд географических названий, которые относились главным образом к морям и рекам. Наряду с наименованием Понта они услышали³⁰ Меотиде, чье название значило, как пишет Плиний, «Мать моря». Предполагалось, что водами Азовского моря наполняется Черное, а из него через пролив воды текут в Средиземноморье.

Эллины выделили восемь крупнейших рек Скифии и сохранили в своем языке их названия, происходящие от иранских или даже более древних индо-арийских корней.³¹ Пять из них — Истр, Тирас, Гипанис, Борисфен, Танаис — определенно отождествляются с Дунаем, Днестром, Бугом, Днепром и Доном, чьи современные назва-

ния впервые зафиксированы авторами римского времени. Остальные три — Пантикап, Герр и Гипакирис — не поддаются точному отождествлению с современными реками; это объясняется большими гидрологическими изменениями за истекшие две тысячи лет.

Наименования древнейших греческих колоний — Тирь, Борисфена и Пантикапея — происходят от названий рек. Это убедительное доказательство того, что местная топонимика стала известна эллинам еще в доколониционный период. Ведь название нового города-государства давалось при его основании, предварительно одобренным оракулом Аполлона, бога-покровителя колонистов. Милетяне получали необходимый оракул в своем храме Аполлона Дидимского, а эллины, жившие на Балканском полуострове, — в Дельфах. К жрецам Аполлона стекались все географические познания, добытые в плаваниях по Средиземному и Черному морям, и таким образом служители культа были осведомлены об устьях крупнейших рек, впадавших в Понт, и об окружавших их землях.

Некоторые географические пункты Северного Причерноморья, в первую очередь пролив Боспор Киммерийский, напоминали о киммерийцах, исчезнувших под напором скифов. Наименование пролива встречается у множества античных авторов, начиная с Гекатея; он упоминал также какой-то киммерийский город, то есть греческую колонию в землях киммерийцев.³² Римский географ Мела, опираясь на утраченные теперь сочинения греческих географов VI—V вв., назвал киммерийскими городами Мирмекий, Пантикапей, Феодосию и Гермисий, следовательно, киммерийскими землями считалось восточное побережье Крыма. Существовали также два греческих поселения — Киммерик и Киммерии (один — наевропейском, другой — наазиатском берегу Боспора Киммерийского),³³ мыс Киммерийский. Наконец, часть Восточного Крыма называли Киммерией, а переправы через Керченский пролив именовались Киммерийскими.³⁵ Все перечисленные топонимы группируются у Керченского пролива; лишь у Тираса³⁹ находился курган, именовавшийся могилой киммерийских царей, и в горной стране тавров высилась киммерийская гора. Такое распределение киммерийской топонимики нуждается в объяснении. Первое, что приходит на ум, это сосуществование здесь киммерийцев в соседстве с другими народами, в среде которых возникли подобные наименования. Таким образом, по мнению одних ученых, пролив был восточной,³⁷ а других — западной границей расселения киммерийцев.³⁷ Однако по материальным остаткам на берегах Керченского пролива археологам пока не удалось обнаружить контактной зоны киммерийской и какой-то иной культуры.

Другое объяснение исходит из полного отрицания факта жизни киммерийцев в Северном Причерноморье. Еще в прошлом веке

среди части ученых развилось гиперкритическое отношение к античным письменным источникам, сведения которых в большинстве своем признавались недостоверными. Эта точка зрения обсуждается в трудах некоторых современных исследователей.³⁸ Они считают данные Геродота полностью легендарными, а топонимику вовсе не принимают в расчет, выдвигая ничем не обоснованное предположение, что все киммерийские топонимы происходят от Боспора Киммерийского. Определение «киммерийский» они толкуют как «северный», так как киммерийцы — северный мифический народ. Пролив же между Керченским и Таманским полуостровами похож на Боспор Фракийский, находится к северу от него, и потому его называли Киммерийским. При этом никак не объясняется, почему один пролив был назван в соответствии с греческими традициями именем народа фракийцев, живших на его берегу, а другое название, образованное по тому же типу, не соответствует этой широко распространенной традиции.

Уязвимость рассмотренного толкования состоит в том, что в начальный период колонизации вполне реальные киммерийцы были хорошо знакомы грекам. В VII в. от нашествий киммерийцев на Малую Азию пострадали греческие города Эфес и Магнесия,³⁸ а другие города готовились к отпору врага. При раскопках Милета обнаружены остатки укреплений, сооруженных в предвидении киммерийской угрозы. На глазах у малоазийских греков в середине VII в. киммерийцы разграбили столицу Лидии Сарды и убили царя Гига.⁴⁰ Таким образом, греческим колонистам, выходцам из Малой Азии, киммерийцы не могли казаться мифическим народом. Поэтому корни киммерийской топонимики следует искать в исторической реальности.

Появление киммерийской топонимики на Боспоре обычно приписывается грекам. На наш взгляд, часть названий возникла еще в доколониционный период в среде скифов, у которых греки заимствовали ряд географических названий.

Скифы пришли в Северное Причерноморье через Северный Кавказ, используя давно существовавшую у местного населения дорогу через Керченский пролив. Они называли переправу именем киммерийцев, у которых они переняли этот путь. Разнообразные письменные источники, начиная с Геродота,⁴¹ содержат много свидетельств о переходе кочевников через Керченский пролив: сначала скифы, затем гунны, татары и др.; эта переправа неоднократно получала наименование по народу, от которого вновь прибывшие узнавали об ее существовании (например, в средние века здесь были хазарские переправы).

Киммерийские переправы, дважды упомянутые Геродотом,⁴² локализируют обычно в северной, узкой части Керченского пролива, где и теперь между Крымом и Таманью ходит паром. Здесь найдены развалины греческого городка с названием Порфмий (переправа).

Текст Геродота позволяет думать, что речь идет не об отдельном пункте, а обо всем Керченском проливе, ведь историк говорит о границе материков Европы и Азии, которую многие греческие ученые проводили по Танаису и Боспору Киммерийскому. По-видимому, переправа, называвшаяся Киммерийской, существовала не только в северной, узкой части пролива, но и у его южной оконечности. Недаром Геродот употребляет оба раза множественное число — Киммерийские переправы. Страбону известна большая переправа между Акрой на европейской стороне пролива и Корондой на азиатской стороне. Ледяной покров, по словам географа, простирался до этого предела.⁴³ Здесь скифы переходили зимой в Синдику,⁴⁴ лежавшую на азиатской стороне Боспора Киммерийского. Из-за боязни скот. Античный комментатор комедии Аристофана «Птицы» яснее других записал: «Скифы зимой из-за ее невыносимости складывают свое имущество на повозки и уезжают на другую сторону».⁴⁵

Климатические условия также вынуждали кочевников киммерийцев изменять в зависимости от сезона места своего обитания. Вероятно, скифы позаимствовали у них опыт перегона табунов по льду в Синдику, а летом переправу в самой узкой и мелкой части пролива. Они называли переправы Киммерийскими по имени тех, от кого их узнали. Греки же переняли у скифов уже установившееся название.

По-видимому, сходным образом появилось у греков название страны Киммерия. Раз ионийские географы называли киммерийскими города, основанные на западном берегу Керченского пролива, значит в архаический период считалось, что они находятся в Киммерии. Остатки сооружений, сохранившиеся в Киммерии с доскифской эпохи, скифы, а затем греки связывали с деятельностью киммерийцев: таковы Киммерийские укрепления, упомянутые Геродотом, и какие-то сооружения, около которых возникли греческие города Киммерии и Киммерик. Гора Опук, где лежал Киммерик, благодаря ее выгодному географическому положению с древнейших времен использовалась как укрепление. Его остатки дали боспорцам повод для названия города, вокруг которого многое напоминало о более древнем населении Восточного Крыма. Наверное, аналогичным образом возникло название города Киммерия, археологических следов которого пока не обнаружено.

Вероятно, киммерийская топонимика в языке скифов распространялась по всему Северному Причерноморью, а не только вокруг Керченского пролива. Мы думаем, что заимствование подобных топонимов греческими колонистами на столь ограниченной территории произошло потому, что греки осваивали земли около морского побережья, а кочевники (киммерийцы, а затем скифы) — степи, простиравшиеся далеко вглубь материка. Топонимика этих мест греков мало интересовала. У моря же кочевники регулярно

появлялись лишь на берегах Керченского пролива, через который они переправлялись, собираясь в дальние военные походы или перегоняя зимой стада. Эти обстоятельства способствовали тому, что бытовавшие в скифской среде киммерийские названия вошли в греческий язык только в районе пролива, где постоянные пути кочевников проходили близ основанных греками поселений.

Место для Пантикапея на берегу Боспора Киммерийского, по преданию, выделил грекам скифский царь Агаэт.⁴⁸ Таким образом, с самого начала оба народа оговаривали зоны влияния и регулировали условия, при которых греческие колонии не мешали сезонным движениям кочевников через пролив. Его иранское название Panti-Kara означает «рыбный путь»;⁴⁷ оно звучит в наименовании Пантикапея, столицы Боспорского царства. По Керченскому проливу из Азовского моря в Черное и обратно проходили огромные косяки рыбы, так что пролив был действительно рыбным путем.

Итак, рассмотренные топонимы проливают свет на этнический состав населения Северного Причерноморья в период основания греческих колоний. Теперь посмотрим, что внесли в топонимику эллины, поселившись в Скифии.

Начнем с названий городов. Их названия, как уже отмечалось, давались еще на родине колонистов, когда они в храме Аполлона получали одобрение на основание нового поселения. Непосредственно вопрошать бога могли только жрецы, которые затем передавали его ответ, заключенный в нескольких стихотворных строках, составленных гексаметром.

Сохранились тексты оракула Аполлона в Дельфах, устами которого вещала его жрица Пифия. Греки обращались к божеству за советом по самым разнообразным политическим и частным вопросам. На сходные группы вопросов изречения оракула составлялись по некоему стереотипу. Определенные стереотипы просматриваются и в названиях колоний. Пользуясь наиболее выразительными сведениями о местности, оракул нарек ряд древнейших причерноморских колоний по местным названиям пролива (Пантикапей) и рек (Истрия, Тира, Борисфен и Фасис).

Если же город основывался там, где не было никаких заметных географических пунктов с туземным названием, то оракул руководствовался описанием местности с выделением ее характерных черт. Так появились многочисленные, чисто греческие наименования колоний. Например, в Крыму Калос Лимен (Прекрасная гавань), Херсонес (город на полуострове), Керкинитида (город у Крабового залива) и Мирмекий (город у рифов).

Широко распространенный в Северном Причерноморье принцип наименования поселения по географическим ориентирам использовался и позже, когда греки уже прочно здесь обосновались и стали основывать свои дочерние поселения. Таковы Танаис в устье Дона, Акра («поселение на мысу») у южной оконечности Керчен-

ского пролива. Конечно, этим принципом не исчерпывались источники происхождения названий греческих поселений. Иные причины послужили поводом для наименования Ольвии, Феодосии, Нимфея и некоторых других городов. Каждое такое наименование требует специального исследования, и не всегда удастся выяснить, почему город получил то или иное название.

Рассмотрим топонимику Ольвийского государства, название главного города которого имеет уникальную историю.

Свою первую колонию в Северном Причерноморье греки основали близ Днепро-Бугского лимана, который они считали устьем Борисфена (Днепра). Соответственно поселение получило наименование Борисфен. Его остатки найдены недалеко от современного г. Очакова, на маленьком островке Березани. В античности он соединялся с сушей перешейком, давно затопленным морем. В результате повышения его уровня, начавшегося в первые века нашей эры, прибрежные части причерноморских античных городов находятся сейчас под водой. Со времен античности море покрыло значительную полосу берега шириной от нескольких десятков метров до километра и более.

Из всех северопричерноморских колоний только Борисфену посчастливилось сохранить дату своего основания — 647/6 г.⁴⁸ Она включена в «Хронику» Евсевия, который использовал массу теперь утраченных сочинений. Конечно, в каждой колонии хранились записи о времени ее основания; вероятно, списком дат вывода колоний располагали и храмы Аполлона, куда обращались за благословлением бога перед выводом колонии. Этими документами пользовались писатели, излагавшие историю своего родного города, области или всей Эллады.

Время возникновения остальных колоний в Северном Причерноморье определяется по археологическому материалу и относится к первой половине—середине VI в. Исключение составляет Херсонес, основанный Гераклеей Понтийской на столетие позже многочисленных ионийских колоний.

В середине VI в. в Борисфен прибыла из Ионии новая волна колонистов. Так как им не хватало места на небольшом полуострове с ограниченным запасом питьевой воды, они продвинулись севернее и обосновались в новом центре на берегу Южного Буга (Гипаниса) немного выше его слияния с Днепром.

Когда милетяне обратились к оракулу с просьбой одобрить вывод нового поселения в этот район, его природные богатства были уже хорошо известны. Поэтому оракул без труда предрек счастливую участь основателям полиса и их потомкам, назвав их колонию Счастливым городом Ὀλβυνή πόλις. И действительно, город просуществовал целое тысячелетие.

С течением времени Счастливый город стали называть одним прилагательным, и он превратился в Ольвию. Однако наименование

граждан — ольвиополиты — по-прежнему производилось от полного названия. Ольвия не была оригинальным наименованием колонии, так как в греческой ойкумене насчитывалось около десятка Ольвий.⁴⁹

В записях античных авторов об Ольвии наблюдается удивительный разноречивый, которого нет в отношении ни одного другого северо-причерноморского города. Город на Гипанисе постоянно встречается в античной литературе под именем Борисфен, даже когда о нем пишут люди, видевшие его своими глазами, такие, как Геродот или оратор I в. н. э. Дион, прозванный Хрисостомом, то есть Златоустом. Многочисленные надписи и монеты, найденные при раскопках, говорят исключительно об Ольвии, а писатели, даже зная об этом, называют его Борисфеном. Древнейший из них Геродот упомянул об ольвиополитах, следовательно, он знал официальное наименование города, но во всех прочих случаях историк написал о городе Борисфене и его жителях борисфенитах. Более поздние писатели⁵⁰ не раз объясняли, что Ольвия и Борисфен один и тот же город.

На самом деле вначале Борисфеном и Ольвией, как мы упоминали, назывались разные поселения на о. Березани и на Гипанисе. В V в. политический центр переместился из Борисфена в Ольвию и образовалось Ольвийское государство, включившее в свой состав Борисфен.⁵¹ Однако не местные греки продолжали называть новое государство Борисфеном. Ведь оно лежало в устье знаменитой реки, и первое небольшое поселение вошло в его состав, не сохранив статуса самостоятельного полиса. Для греческих мореплавателей это название звучало гораздо выразительнее, чем Ольвия (Ольвий было несколько, а Борисфен один), и оно сразу ассоциировалось с Северным Причерноморьем. Из устной речи наименование перешло в литературную традицию.

Различия в наименовании города или страны ее жителями и другими народами встречаются не только в древности, но и в наше время. Так, страна, которую ее граждане называют Deutschland, в русском и в ряде европейских языков сохранила свое древнее, известное с античности, наименование Германия, а немец, говорящий по-русски, скажет о своей родине Германия, а не Deutschland.

Точно так же и ольвиополиты, если речь шла об обращении к грекам неольвийского происхождения, называли себя борисфенитами, а свою родину — Борисфеном. Это ясно по двум надписям, найденным за пределами Ольвии. Мраморная плита с декретом IV в. о регулировании ввоза и вывоза «из Борисфена всякого чеканного золота и серебра»⁶² стояла на азиатской стороне Боспора Фракийского у святилища Зевса Урия. Сюда приставали суда перед выходом в Черное море, и поэтому там устанавливались надписи с копиями постановлений, которые было важно знать купцам, плывущим в Понт. Еще выразительнее надпись II в. с обращением ольвиополитов к оракулу Аполлона на острове Кларосе. Наряду с

официальным наименованием граждан в надпись внесено уточнение: «ольвиополиты, они же борисфениты».

В топонимике Ольвийского государства, кроме названия города, известно еще несколько топонимов греческого происхождения. При слиянии Гипаниса и Борисфена находился Гипполаев мыс (современный Станиславский), названный, по-видимому, по имени человека, носившего греческое имя Гипполай. На левом берегу Борисфена при его впадении лежала область Гилея (т. е. лесная), выделявшаяся среди степей своей растительностью. Ольвиополиты устраивали атлетические состязания на острове Ахиллов Дром (Бег Ахилла — Тендровская коса). Под покровительством Ольвийского государства близ устья Истра находился священный Ахиллов остров, иначе называвшийся Левка (т. е. белый — современный Змеиный).

Рассматривая античную топонимику Северного Причерноморья, мы отметили названия как греческого, так и местного происхождения, причем в количественном отношении доминируют первые. Они включают в себя наименования не только новых поселений, но и островов, мысов и целых областей.

Греки называли окружающие их географические объекты, руководствуясь примерно теми же принципами, какие существуют в настоящее время. Они давали наименования не только крупным рекам, но и любым ручьям и источникам, а также сколько-нибудь заметным горам, холмам, скалам и т. п. Им важно было знать все, что необходимо мореплавателю при каботажном плавании. Поэтому свое название получали каждый залив, бухта, остров, мыс. Эти объекты не представляли никакого интереса для кочевников. В их языке наименования часто присваивались не отдельному географическому объекту, а какой-то территории, представлявшей единство с хозяйственной точки зрения и нередко принадлежавшей определенной семье.

В топонимике Северного Причерноморья отразилось различие взглядов представителей двух культур: кочевников и земледельцев, которые по-разному видели и оценивали одну и ту же природу: то, что было важно для одних, не привлекало внимания других, и наоборот. При освоении земель Скифии греки встретились с неразвитой, на их взгляд, топонимикой, и поэтому они смогли позаимствовать сравнительно немного географических названий. Большинство из них относится к гидронимике: реки, два моря, пролив, переправы. В остальном же перед эллинами открывались широкие возможности собственного творчества, и они создали множество новых топонимов, используя традиции, которые принесли вместе с культурой метрополии.

Итак, обращение к топонимике позволяет представить первые шаги эллинов при освоении северного побережья Понта. Они осознали, что поселились в Скифии. Ее земли, прежде подвластные

киммерийцам, теперь находились под контролем скифов, мало интересовавшихся собственно побережьем. Они не противились появлению там греческих колоний, занимавших ничтожные территории по сравнению с бескрайними просторами степей. Археологические находки в скифских погребениях степной и лесостепной зон Восточной Европы показывают, что местное население сразу же вступило с греками в торговые контакты. Единственным местом, где постоянно скрещивались пути греков и скифов, оказался Керченский пролив, и это отразилось в более интенсивном, чем в прочих областях Северного Причерноморья, заимствовании местных названий.

Глава вторая

НА РУБЕЖЕ РЕАЛЬНОГО МИРА И ЗАГРОБНОГО ЦАРСТВА

Герои Троянского цикла мифов в Скифии и Таврике

В любой части ойкумены каждый грек с детства знал многочисленные рассказы о Троянской войне. Наиболее громкой славой пользовались поэмы Гомера, созданные во второй половине VIII—начале VII в. С них начиналось знакомство с литературой в начальной школе. В «Илиаде» и «Одиссее» описаны лишь отдельные события войны и трудности, постигшие некоторых героев на пути домой. Сюжет «Илиады» сосредоточен вокруг одного эпизода последнего года осады Трои: отказа Ахилла принимать участие в войне из-за ссоры с вождем войска Агамемноном. В «Одиссее» рассказывается о странствиях героев во главе с «хитроумным» Одиссеем после падения Трои и о том, как никому из них, кроме Одиссея, не суждено было вернуться на родину.

Фольклорные предания о Троянской войне вдохновляли многих поэтов VII—VI вв. на создание эпических поэм, но, кроме гомеровских, ни одна не сохранилась. Сейчас известны лишь имена некоторых поэтов и краткое содержание их произведений в изложении позднеантичных авторов. Стасин Кипрский в «Киприях» излагал предысторию и начало войны. Арктин Милетский написал две поэмы «Эфиопида» и «Разорение Илиона» (Илион — другое название Трои). В первой поэме говорилось о помощи троянцам войска эфиопов во главе с Мемноном, о победе над ним Ахилла и смерти героя от стрелы троянского царевича Париса. Во второй описывалась хитрость греков, построивших огромного деревянного коня; троянцы ввели его внутрь города, простодушно поверив, что противники отказались от борьбы и оставили коня как посвященный дар. На деле же спрятавшиеся в коне воины ночью вышли из него и помогли своим соратникам ворваться в Трою и покорить ее после десятилетней осады. В «Возвращениях» Гагия изображались злоключения другой, не той, о которой рассказыва-

ется в «Одиссее», группы героев во главе с Агамемноном. Наконец, в «Телегонии» Эвгаммона Киренского повествовалось о последних годах жизни Одиссея, погибшего от руки своего сына Телегона, рожденного волшебницей Киркой (или Цирцеей, как ее называли римляне), которая удерживала целый год на своем острове героев, возвращавшихся из-под Трои.

Влияние эпических поэм на греческую литературу было огромным. Из них черпали сюжеты поэты и драматурги, по произведениям которых нам известны многие мифы; а художники и скульпторы иллюстрировали различные эпизоды этих поэм. В некоторых из них принимали участие герои из Скифии. Мы обратимся к этой теме в главе об искусстве, так как вазопись — единственный сохранившийся источник об этих сюжетах.

Греческие колонисты в Северном Причерноморье прекрасно знали произведения Гомера и его последователей. По одной надписи V в. из Пантикапея можно заключить, что там устраивались соревнования в исполнении эпических поэм, а в Ольвии найдены два фрагмента чернолаковых чаш того же времени с начертанными на них стихами из «Малой Илиады» и «Одиссеи». Спустя несколько столетий, в конце I в. н. э., оратор Дион Хрисостом после посещения Ольвии говорил в своей «Борисфенитской речи», что почти все ольвиополиты знают наизусть «Илиаду».

Традицию особой любви к поэмам троянского цикла греческие колонисты унаследовали от своих ионийских предков. Ведь именно в Ионии к архаическому периоду лучше всего сохранились в памяти эллинов сказания о давнем совместном походе из материковой Греции на малоазийский город Трою. Остатки ее сооружений, разоренных оружием и пожарами, археологи нашли под холмом Гиссарлык на северо-западном побережье Малой Азии, недалеко от входа в пролив Дарданеллы. Таким образом, подтвердилась уверенность эллинов в реальности этого похода, который европейские ученые XVIII—XIX вв. считали такой же выдумкой, как участие в нем богов. Археологические находки не противоречат также определенному еще античными исследователями времени Троянской войны. В ее точной дате есть некоторые расхождения: по вычислению одних авторов, война произошла в XIII, по данным других — в начале XII в., а знаменитый ученый Эратосфен называл даже конкретные даты — 1193—1183 гг., если перевести их на наше летосчисление.

Цель похода, вероятно, определялась стремлением греков взять под контроль зону проливов, соединяющих Эгейское и Черное моря. Война завершилась относительным успехом осаждавших Трои. Они ее разрушили, но ни в эпосе, ни при раскопках не обнаруживается попыток победителей закрепиться в завоеванной области.

По-видимому, именно эта, одна из многочисленных войн столь прочно вошла в народную память потому, что она оказалась по-

следним значительным успешным походом греческих племен ахейцев и эолийцев, населявших Элладу в XIV—XIII вв. На их землю вскоре после Троянской войны вторглись с севера дорийцы. Они также принадлежали к группе греческих племен, были очень воинственны, но стояли на более низкой ступени развития. Дорийцы полностью разорили поселения ахейцев и эолийцев и, став хозяевами завоеванных земель, отбросили греческий мир на несколько столетий назад, ко временам более примитивной культуры.²

Часть прежнего населения, спасаясь от завоевателей, переселилась в Малую Азию. Там, в Ионии, расцвели замечательные города Милет, Эфес, Фокея, а на близких к побережью островах — Самос и Хиос. Они стали передовыми культурными очагами. Здесь с VII в., в так называемый архаический период, началось зарождение естественных наук, философии, историко-географической прозы.

Деление греков на три ветви — ионийцев, эолийцев и дорийцев сохранялось многие столетия. В их языке наблюдались сильные диалектные различия, хорошо заметные в надписях из греческих городов Северного Причерноморья. Надписям из милетских колоний свойственен ионийский диалект, а в Херсонесе, единственной дорийской колонии этого региона, отчетливо выделяются особенности дорийского диалекта.

Аристократические семьи греческих малоазийских городов особенно чтит предания о своем героическом прошлом. На пирах они любили слушать народных певцов — аэдов, исполнявших под аккомпанемент лиры песни о богах и героях. Такой пир, где выступает всеми чтимый аэд, прекрасно изображен в восьмой песне «Одиссеи». Царь Алкиной торжественно принимает в своем дворце Одиссея и приглашает слепого певца Демодока исполнить песни о подвигах героев под Троей.

На сюжеты таких народных песен греческие поэты, начиная с Гомера, стали слагать поэмы о Троянской войне.³ «Илиада», старшая из этих поэм, создана во второй половине VIII в., то есть примерно через пятьсот лет после описываемых в ней событий. Отделенные огромной хронологической дистанцией, исторические события в народной фантазии тесно переплелись с мифологией и в таком виде вошли в литературу. В эпических поэмах наряду с реальными людьми в действие включаются олимпийские боги и действуют отнюдь не беспристрастно, разделившись на покровителей и помощников их противников. Мифологическими подробностями обросли и образы героев Троянской войны.

Для нашей темы особенно важна традиция об Ахилле и его невесте Ифигении. От их судьбы зависел успех Троянской войны, а их посмертное существование греки относили в пределы Скифии.

Причиной похода на Трою в древности считалось оскорбление, нанесенное троянским царевичем Парисом спартанскому царю Менелая. Радужно принятый в доме Менелая, Парис вероломно

похитил жену царя прекрасную Елену и увез ее в Трою. Возмущенный Менелай решил отомстить и призвал на помощь соотечественников со всех концов Эллады. Для похода на Трою собралось огромное войско во главе с братом Менелая Агамемноном. С отрядами своих воинов в войну готовы были вступить многие прославленные герои: мудрый старый царь Пилоса Нестор, царь острова Итаки Одиссей, юный герой Ахилл, без помощи которого, как гласило пророчество, невозможно покорение Трои, и другие.

Из гавани Авлида, находившейся на берегу пролива между островом Эвбеей и Средней Грецией, войско собиралось отплыть на кораблях к малоазийскому побережью. Однако дни шли за днями, из-за полного штиля безжизненно висели паруса и двинуться в путь не было возможности. В войске царило нетерпение, начался ропот. Тогда прорицатель Калхас объявил вождям греков, что на них гневается богиня Артемида, и поэтому поход не может начаться. Умилостивить богиню может лишь принесение ей в жертву дочери Агамемнона Ифигении.

Выбор пал на дочь Агамемнона потому, что он оскорбил Артемиду, убив на охоте ее священную лань. Греки приписывали многим богам определенных священных животных и птиц, с которыми их часто изображали художники и скульпторы. Например, орел сопровождал Зевса, сова — Афины, павлин — Геру, лань — Артемиду. Эта символика прочно закрепилась за греческими богами и в новое время. Вспомним заключительные строки известного стихотворения Тютчева «Люблю грозу в начале мая»:

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

Долго не соглашался Агамемнон на смерть юной дочери, но, наконец, уступил просьбам Менелая и настроению войска, жаждавшего военных действий. Послав гонца к своей жене Клитемнестре, он скрыл от нее истинную причину и просил перед началом похода приехать с Ифигенией якобы для обручения с Ахиллом.

Когда Ахилл узнал, что дочь Агамемнона обманута, благородный герой заявил, что не даст принести в жертву ту, которая обещана ему в жены, и решил защищать ее до последней капли крови. Как изображает Еврипид в трагедии «Ифигения в Авлиде», девушка сама мужественно пошла на смерть, вняв словам отца:

*Эллада мне велит
Тебя убить... Ей смерть твоя угодна,
Хочу ли я иль нет, ей все равно.
О, мы с тобой ничто перед Элладой!*

*Но если кровь, вся наша кровь, дитя,
Нужна свободе, чтобы варвар
В ней не царил и не бесчестил жен,
Атрид и дочь Атрида не откажут.**

Лишь только пламя жертвенного костра охватило Ифигению, подул ветер, и стало возможным отправиться к Трою. На костер спустилось облако, а когда оно рассеялось, все увидели, что Ифигения исчезла и вместо нее жертвой стала лань. Одни рассказывали, что Артемида спасла Ифигению, превратив ее в бессмертную богиню, другие полагали, что Артемида перенесла дочь Агамемнона в Таврику и там сделала жрицей в своем храме.

Этот храм находился на северном берегу Понта в стране жестокого племени тавров, которые уничтожали всех попавших в их земли чужестранцев. Ифигении предписывалось приносить их в жертву Артемиде. Такими жертвами чуть было не стали брат Ифигении Орест и его друг Пилад. Они прибыли в Таврику, чтобы по велению оракула Аполлона разыскать и привести в Афины священную статую Артемиды. Пока друзья решали, как проникнуть в храм, тавры их схватили и привели к Ифигении для жертвоприношения. Узнав в пленниках соотечественников, Ифигения стала расспрашивать их о родине и случайно узнала, что один из них ее брат, которого она видела лишь маленьким ребенком перед началом войны. Жрица Артемиды придумала, как похитить статую богини и бежать с пленниками к их кораблю. С большим трудом беглецам удалось спастись от преследования царя тавров Тоанта, желавшего вернуть на родину священное изображение и покарать похитителей. Возвратившись в Грецию, Орест построил храм Артемиды Таврополы, установил там таврический идол, а Ифигения стала жрицей в этом святилище. В небольшом аттическом селении Алы Арафенидские показывали могилу Ифигении возле храма Артемиды.

Сказание об Ифигении оказалось самым распространенным среди греческих мифов, действие которых происходит в Северном Причерноморье. Уже в VI в. этот фольклорный сюжет вошел в эпическую поэзию. Страна тавров, где живет спасенная Артемидой Ифигения, упоминалась в «Киприях». С тех пор многие писатели избирали Ифигению героиней своих произведений. Наиболее известны были в древности трагедии Еврипида, а в новое время трагедия Гёте и опера Глюка на либретто об Ифигении. Литература вдохновляла художников на изображение различных сцен мифа. Мы видим их на греческих вазах (рис. 21—23), рельефах и на уцелевших фресках, украшавших дома Помпеи и Геркуланума,

* Авторы стихотворных переводов указаны в библиографии русских переводов в конце книги.

трагически погибших во время извержения Везувия в 79 г. н. э.⁶ Среди картин на античные сюжеты великого русского художника Валентина Серова есть «Ифигения в Тавриде».

Рассказ о жертвоприношении дочери вождя войска перед выступлением в поход уходит корнями в глубокую древность и отражает реальный обычай. Перед охотой или перед войной, когда проливалась кровь людей и животных, считалось необходимым умиловить грозную богиню, «хозяйку зверей». Приняв в жертву юношу или девушку, богиня, по древним верованиям, без гнева смотрела на то, как лишались жизни находящиеся под ее властью все живые существа. Некоторые черты почитания этой богини из пантеона первобытного общества вошли в культ Артемиды, жертвой которой стала Ифигения.⁷ Возможно, подобные жертвоприношения существовали еще во времена Троянской войны, и сказание отразило реальное событие.

Ифигения погибала на костре, чтобы обеспечить удачу в предстоящей войне, и этим исчерпывалась ее роль в древнейших фольклорных преданиях. Эта первоначальная версия мифа отразилась в произведениях некоторых писателей V в., где ничего не говорится о спасении дочери Агамемнона.⁸ Уже в архаический период человеческие жертвы у эллинов ушли в далекое прошлое; поэтому появилась потребность согласовать действие мифа с новой психологией, не допускающей насильственной смерти во имя умиловления бога. В культовых обрядах вместо реального заклания жертвы стало практиковаться символическое. Так, во время празднеств в честь Артемиды Тавропола в Аттике на шее юноши делался надрез, и капли крови падали на жертвенник. Изменилось и осмысление обряда. Его считали не воспроизведением жертвы Артемиде, а воспоминанием об опасностях, грозивших Оресту и Пилладу в храме в далекой Таврике.⁹

Стали иными рассказы и о судьбе Ифигении. Артемиды спасала свою жертву и либо превращала ее в вечно юное божество, либо делала своей жрицей.¹⁰ И в том и в другом случае Ифигения оказывалась в какой-то далекой сказочной стране. Ведь в фольклоре многих народов чудесные события мифов и сказок обычно происходят в отдаленных землях, граничащих с потусторонним царством. Поэтому во многих наших волшебных сказках говорится о «тридевятом царстве, тридевятом государстве», а европейцы, направляясь в неизведанные страны Азии и Америки, верили, что в заморских землях живут люди с песьими головами или находится сказочно богатая счастливая страна Эльдорадо, а где-то царит племя воинственных женщин, убивающих или обращающих в рабство всех мужчин. Напоминание об этом сохранилось в названии реки Амазонки в Южной Америке, где европейцы ожидали встретить легендарных воительниц.

До того как греческие корабли регулярно стали плавать по Понту, рубеж знакомого эллинам мира проходил южнее проливов, соединяющих Эгейское и Черное моря. Тогда считалось, что сказочное место, куда Артемиды перенесла Ифигению, находилось на острове Лемнос невдалеке от пролива Дарданеллы. Царем острова называли известного по поэмам Гомера Тоанта, который в трагедиях Софокла и Еврипида предстает как царь тавров. Ведь когда Лемнос стал хорошо знаком грекам, и их географический горизонт расширился до северного побережья Понта, действие мифа об Ифигении переместилось в Таврику.¹¹

Кроме сказанного, еще два обстоятельства имели решающее влияние на локализацию мифа в Таврике. С одной стороны, она оказалась одной из немногих областей, где греки воочию наблюдали человеческие жертвоприношения, о чем красочно пишет Геродот. С другой — определенную роль сыграла одна из эпиклез (прозвищ) Артемиды. В культе богов греки различали их многообразные функции, и в зависимости от того, чему в том или ином случае покровительствовало божество, ему присваивались разные прозвища. Например, Аполлон в одних храмах почитался как Врач, в других как Феб (божество солнечного света), в третьих как Мусaget, предводитель муз, покровитель искусства. Поэтому разными изображались атрибуты бога. Аполлон Бельведерский, сейчас олицетворяющий для нас этого античного бога, держал в руках лук; у Аполлона Мусгета на голове был венок, а в руках лира.

Эпikleза Тавропола звучала сходно с названием Таврики и ее обитателей. Однако греческие корни этих двух слов, как будет показано ниже, не имеют ничего общего между собой. В сознании же греков еще в VI в. ощущение этого различия уже было утрачено.

В предыдущей главе говорилось о происхождении названия страны Таврики и ее населения от малоазийского горного массива Тавр. Определение Артемиды Тавропола указывает на ее деятельность в качестве покровительницы домашних животных, в частности коров и быков (ταύρος — бык).¹² Недаром на монете города Амфиополя Артемиды изображена едущей на быке. Не только Артемиды, но также Афина и Деметра иногда наделялись эпиклезой Тавропола, и, вероятно, когда-то им приписывали функции покровительниц животных. Со временем забылся изначальный смысл эпиклезы; ее стали соотносить только с Артемидой и толковать как «богиня, которой поклоняются в Таврике».¹³

Культе Артемиды Тавропола существовал в Аттике, на острове Самосе, в малоазийских городах Команах и Сипиле и других местах Греции. Честь владения статуей богини, доставленной из Таврики, приписывал себе не только храм в Алах Арафенидских в Аттике, как широко известно по трагедии Еврипида, но также святилища в Аргосе, Лаодикее Приморской и даже в греческих колониях в южной Италии.¹⁴

Из «Истории» Геродота ясно, что миф об Ифигении в Тавриде рассказывали греческие колонисты в Северном Причерноморье. По их мнению, тавры считали свое божество Деву дочерью Агамемнона Ифигенией и приносили ей в жертву эллинов, захваченных в плен или потерпевших кораблекрушение у их берегов.¹⁵ Иными словами, здесь был популярен тот вариант мифа, где Ифигения по воле Артемиды преображалась в божество.

Отождествление с Ифигенией таврского божества, требующего кровавых жертвоприношений, конечно, принадлежит греческому мифологическому сознанию. В VI—V вв. тавры вряд ли имели хоть какое-нибудь представление о мифологии греков. Ведь даже после основания Херсонеса во второй половине V в. близ границ расселения тавров на протяжении 100—150 лет между херсонеситами и их соседями не было торговых контактов; археологи не находят греческих предметов при раскопках таврских памятников, которые в этом отношении сильно отличаются от скифских, в изобилии содержащих греческую керамику и украшения. Кроме того, известно, что этнические группы, еще не дошедшие до стадии создания государства, каковыми были тавры, крайне редко включают в свой пантеон иноплеменные божества. Таким образом, в архаический и классический периоды греческой истории сведения о таврах поступали лишь от тех греков, которым удалось спастись из плена и самим пришлось соблюдать церемонию человеческих жертвоприношений.

Греки, знакомясь с религией других народов, осмыслили функции варварских божеств, исходя из собственных представлений о религии и находя нечто общее со своими богами. Множество примеров такого рода приведено у Геродота. Он объяснил читателям, что ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы — Алилат, персы — Митра; историк перечислил египетских богов с их греческими соответствиями, а характеризуя религию скифов, сообщил, что Папай — это Зевс, Табити — Гестия, Али — Гея и т. д.¹⁶ Все это — не изобретение Геродота, а записи устной эллинской традиции.

Греческие колонисты осмыслили на эллинский лад не только скифские, но и таврские божества; затем они приписали свое понимание таврам, и таким образом те оказались поклонниками богини Ифигении. Сходная картина наблюдается с божествами фракийцев: Геродот не приводит и, вероятно, даже не знает их истинных имен, а называет Ареем, Дионисом, Артемидой и Гермесом.¹⁷ Конечно, в VI—V вв. тавры не сопоставляли свое божество с образами чуждой им греческой мифологии: ведь они стояли на гораздо более низкой ступени социального развития и не стремились к мирным контактам с пришельцами из Эллады. Греческое осмысление таврского культа дает основание заключить, что божество, которому тавры поклонялись и приносили жертвы, было женским и, может быть, эта богиня была девственницей.

К рубежу VI—V вв. у греков развилась тенденция рационалистически толковать мифы, устраняя из них черты, казавшиеся невероятными. Гекатей Милетский начинал свой труд по генеалогии с утверждения, что многие рассказы эллинов ему кажутся смешными, и он хочет достоверно изложить давние события. Не сомневаясь в историческом существовании Геракла и в том, что он совершил двенадцать подвигов, Гекатей стремился описать их по-новому, без невероятных подробностей.

Рационалистическая тенденция проникла и в мифы об Ифигении. В трагедии «Ифигения в Тавриде» героиня с начала и до конца живое существо, и в финале жизни ее ждет общая участь **всех** смертных. В мифе осталось лишь одно чудесное деяние Артемиды во время жертвоприношения Ифигении. Эта версия все же окончательно не вытеснила более древнюю о превращении Ифигении в божество. Тот же Еврипид закончил трагедию «Ифигения в Авлиде» рассказом о включении невесты Ахилла в сонм богов, а Геродот записал, что подобный вариант мифа рассказывали греки Северного Причерноморья.

Кроме Таврики, мифы об Ифигении в Северном Причерноморье соотносились еще с двумя островами: Ахилловым Дромом и Левкой. Греческие колонисты считали, что Ахиллов Дром получил свое название из-за того, что Ахилл безуспешно гнался за Ифигенией по этому узкому длинному острову.¹⁸ В другом мифе говорилось, что Ахилл после гибели под Троей как бессмертный герой переселился на Левку и царствовал там со своей женой Ифигенией.¹⁹ Эти мифы были особенно популярны среди ольвиополитов, поскольку оба острова находились в сфере их влияния.

В мифах об Ифигении просматривается сюжет, широко распространенный в фольклоре многих народов: похищенная злой силой красавица живет в дальней стране, где ее находит и освобождает царевич, возвращает на родину и женится на ней.²⁰ В русском фольклоре на таком сюжете построены сказки о заточении девушки у Кашея Бессмертного или у Змея Горыныча, которых побеждает Иван-царевич. Тот же фольклорный мотив использовал Пушкин в поэме «Руслан и Людмила». Подобно Артемиде, Черномор похищает невесту Руслана и переносит ее в свои сказочные сады на краю земли. Жених после долгих поисков, преодолев всевозможные препятствия, находит и освобождает Людмилу, привозит обратно в Киев и женится на ней.

В известном нам мифе в роли избавителя Ифигении выступает более редкий персонаж — родственник похищенной девушки. Но, видимо, у греков существовал и классический вариант — освобождение невесты женихом. Ведь античные авторы упоминали о том, что Ахилл отправился на розыски невесты на край земли в Скифию, и в конце концов она стала его женой. Значит, в одной из версий мифа Ахилл освобождал свою невесту от служения в таврическом

храме, и рассказ заканчивался традиционной свадьбой. С этим сюжетом, вероятно, соотносились мифы об Ахилловом Дроме, где герой преследовал Ифигению. Исходя из фольклорных аналогий, можно предположить, что невеста убегала от своего жениха не по собственной воле, а по принуждению той злой силы, во власти которой она жила на краю земли.

В северопричерноморских мифах Ахилл выступал не только вместе с Ифигенией; он был излюбленным местным героем; ему строили храмы и святилища, приносили всевозможные дары, прославляли в стихах и рассказывали о нем множество преданий.

Култ героев у греков основывался на древнейших представлениях, характерных для многих народов: они думали, что души умерших предков могут влиять на жизнь живых, поэтому к ним обращались за помощью в самых разнообразных случаях; наиболее подходящим местом для таких просьб считались могилы героев или местности, где обитали их души.

Особенно почитали Ахилла в Ольвийском государстве. В Ольвии, и главным образом в ее окрестностях, найдено много разнообразных надписей с посвящением герою; одни из них вырезаны на камне,²¹ но большинство процарапано острием на сосудах или специально сделанных керамических кружках, которые приносили в дар Ахиллу.²²

Громкой славой не только у колонистов, но и во всей Греции пользовался храм Ахилла на острове Левка, куда приставали корабли со всех концов Эллады. Услышанные здесь разнообразные мифы и легенды мореходы разносили по всей ойкумене. Мореплаватели не забывали поклониться герою и на другом его священном острове — Ахилловом Дроме. Об этом свидетельствуют найденные в этих местах монеты разных греческих городов.²³

Колонисты из Борисфена и Ольвии во второй половине V в. построили на Левке первое небольшое святилище Ахилла. А в V в. на острове уже высился храм из привозного мраморовидного известняка. В его сооружении, вероятно, принимали участие эллины из многих городов, заинтересованных в торговле с черноморскими колониями. Высокий белокаменный храм играл роль не только святилища, но и маяка для судов, идущих к северным берегам Понта. И сейчас на острове Левка стоит маяк, построенный на месте храма в XIX в.; в него вмурованы античные каменные плиты, варварски использованные теми, кто не ценил памятников древности.²⁴

К сожалению, от местных мифов об Ахилле в литературе сохранилось немного, так что можно лишь пунктирно выявить историю их зарождения и развития в течение тысячелетней жизни античной цивилизации в Северном Причерноморье.

Во время первых плаваний на примитивных суденышках по бурному Понту грекам казалось, что они направляются к пределам

потустороннего мира. Ведь согласно представлениям того времени считалось, что Земля окружена Океаном: он отделяет реальный мир от потустороннего, где возможны самые невероятные события, где обитают фантастические существа, а люди попадают туда лишь после смерти. Недаром именно на Понте Одиссей нашел место, откуда он вызвал души Ахилла и других умерших и последовал за ними в Аид из страны киммерийцев.

Вот как Гомер описал эту страну:

*Скоро пришли мы к глубоко текущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...*²⁵

Не будем пытаться различить в поэтических строках достоверные черты ландшафта какой-нибудь причерноморской области; в устах Одиссея она скорее похожа на арктический край, чем на наше южное побережье. Перед нами эпическое представление о мрачном, безрадостном крае земли, переходящей в потусторонний мир. В нем все темно и печально в противоположность окружающей человека действительности, освещенной ярким солнцем, богатой разнообразными красками, наполненной деятельными людьми. Наоборот, в Аиде бесцветные тени умерших влачат жалкое существование, тоскуя о покинутом ими мире. Когда Одиссей жаловался тени Ахилла на свои бесконечные странствия и утешал его тем, что тот избавлен в Аиде от земных страданий, герой, «тяжко вздыхая», ответил:

*О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать*²⁶
мертвый.

Позже греки связали с загробной жизнью героя не мифический Аид, а вполне определенный остров Левку на Понте.

Устные предания не составляют единого непротиворечивого Целого. У всех народов в фольклоре имеется много вариантов различных сказаний, причем сюжет одних не согласуется, а иногда даже противоречит другим. Так, греки считали, что души всех Умерших попадают в безрадостный Аид, и в то же время выделяли Души героев, которые после смерти ведут безмятежную жизнь на Елисейских полях,²⁷ или, как писал Гесиод:

*Сердцем ни дум, ни заботы не зная, они безмятежно*²⁸
Близ океанских пучин острова населяют Блаженных.

В «Эфиопиде» Арктина Милетского говорилось, что Фетида унесла тело своего сына Ахилла именно на такой мифический Белый остров. Стихи милетского поэта звучали в памяти его соотечественников, отправлявшихся к неизведанным берегам Понта. Название Левка (Белый остров) Арктин знал из фольклорных преданий, где оно фигурировало как мифический остров — место обитания белых или бесцветных духов. Об этом древнем предании упоминает Дионисий Перизет, автор римского времени. В «Описании населенной земли» он пользовался древними ионийскими источниками и по традиции соединил с реальным островом в Понте Евксинском древний фольклорный рассказ о том, как Зевс награждает героев за их доблестную жизнь: «Здесь в пустынных долинах кружатся души Ахилла и других героев. Такой дар следует наилучшим от Зевса за доблесть».²⁹

Когда милетские мореходы через Боспор Фракийский вошли, как они думали, в безбрежный Океан и не встретили в нем привычных многочисленных островов, то наконец попавшийся им маленький пустынный островок близ устья Истра они приняли за мифическую Левку, или остров Блаженных. В античной литературе об этом сохранились лишь отрывочные свидетельства. Основываясь на каком-то древнем сочинении о старинных названиях, Плиний Старший в «Естественной истории»³⁰ отметил, что Левка называлась также островом Блаженных.

Вторая Олимпийская песнь Пиндара, написанная в 476 г. в честь победы Ферона на колеснице, пронизана образами героев, заслуживших беспечальную жизнь на острове Блаженных в Океане: «там горят золотые цветы, возникая из трав меж сияющими деревьями... туда вознесла Ахилла мать его, тронув мольбами Зевсово сердце».³¹ В четвертой Немейской песне поэт также вспоминает Левку среди областей, находящихся под властью и покровительством знаменитых греческих героев:

*Начни же ткань и не медли,
О сладкая лира моя,
В лидийском ладу
Милую песнь
Эноне
И Кипру,
Где царствует вдали Теламонов Тевкр,
Как Аянт — на отчем Саламине,
Как Ахилл на Евксинском блистательном острове,
Как Фетида — во Фтии,
А Неоптолем — в пронизывающем дали Эпире».³²*

Итак, стихи Пиндара показывают, что в начале V в. мифы о священном острове Ахилла на Понте проникли далеко за пределы

колоний в Скифии. Об общегреческой славе острова во второй половине V в. и о двух его названиях говорят стихи Еврипида в «Андромахе». Ведь трагедии обращались к самому широкому кругу слушателей, и им должны были быть понятны все упоминаемые мифические образы. Героиня трагедии морская богиня Фетида вспоминает, как ей пришлось хоронить своего «прославленного сына, звезду меж юношей Эллады», который теперь обитает на острове, названном в его честь Ахилловым: «На Белом берегу его чертог Евксинскими омыт волнами».³³

Содержание некоторых мифов об Ахилле на Левке передают авторы римского времени Арриан, Филострат и Максим Тирский.

В 131—137 гг. н. э. Флавий Арриан, управляя от имени римского императора провинцией Каппадокией, совершил поездку вдоль южных и восточных берегов Понта. Его отчет императору Адриану, построенный на собственных наблюдениях и собранных сведениях о северном и западном берегах, называется «Объезд Евксинского Понта». В главе об острове Левка Арриан сообщил не только о его географическом положении, как о многих других пунктах, но записал услышанные им легенды и перечислил, какие дары приносят герою: чаши, перстни, драгоценные камни, стихотворные надписи на греческом и латинском языках. Мореплаватели утверждали, что одним Ахилл являлся во сне, когда они стояли на причале у острова, другие видели его наяву.³⁴

О том же более красноречиво говорил в одной из своих речей Максим Тирский, живший на столетие позже Арриана. По его словам, на остров люди высаживаются только для жертвоприношений; некоторым случалось там видеть юного белокурого Ахилла в золотых доспехах, другие же слышали, как он поет. Если кто-то случайно засыпал на острове, то ему виделось, что Ахилл его будит, ведет в свой шатер и сажает для угощения вместе с Фетидой и другими божествами; его верный друг Патрокл разливает гостям вино, а сам Ахилл играет на кифаре.³⁵

Разнообразные легенды собрал Филострат, современник Максима Тирского.³⁶ В одной из них говорилось, что по просьбе Фетиды бог морей Посейдон специально поднял из пучины остров Левку для загробной жизни Ахилла. Здесь он царил со своей женой. В этой версии Ахилл женился не на бывшей невесте Ифигении, о чем упоминалось выше, а получил в жены самую красивую женщину — Елену.

По местным поверьям, людям можно лишь днем находиться на острове и совершать жертвоприношения, а ночью здесь не место смертным. Тогда Ахилл пирует со своей супругой, он поет гомеровские и собственные песни о Трое, голос его звучит божественно прекрасно и слышен далеко в море. Кроме этого пения, мореходам слышались также конский топот, звон оружия и крики, как во время сражений.

Представление о том, что духи приходят на землю только ночью, а с рассветом их власть исчезает, характерно для многих народов. Вспомним наших русалок, резвящихся при лунном свете, их объятия заманчивы, но губительны; родственны им французские виллисы, девушки, погибшие от несчастной любви, о которых хорошо известно по балету «Жизель».

В другом месте у Филострата рассказывается об амазонках, приплывших на остров, чтобы ограбить храм Ахилла; герой грозным взором навел такой ужас на их коней, что лошади растерзали своих всадниц, а сами бросились в море.

Народная фантазия преломила в этом мифе реальные события. В действительности Левка привлекала пиратов, они грабили сокровища храма и превращали остров в опорный пункт для разбойничьих нападений на торговые суда. О разгроме таких пиратов в IV в. упоминается в ольвийском декрете, найденном в прошлом веке на Змеином острове.³⁷ Декрет сохранился фрагментарно, утрачено имя чествуемого в нем ольвиополита. В уцелевших строках говорится, что он изгнал с Левки угнездившихся там пиратов. Вероятно, это была трудная операция, потому что ольвиополиты удостоили своего гражданина редкой и дорогой почести: поставили на острове его конную статую.

Нападения пиратов на Левку греки спроецировали на мифологическую историю, найдя в ней давних врагов эллинов — амазонок, якобы живших на берегах Понта. Их побеждали герои Тесей (рис. 31) и Геракл, а царицу амазонок Пентесилею Ахилл убил, когда она привела войско на помощь троянцам (рис. 24).

Дата ольвийского декрета и издавна связанные с Северным Причерноморьем мифологические образы позволяют думать, что изложенные выше мифы об Ахилле уходят корнями в архаический и классический периоды, хотя сохранившиеся записи этих мифов относятся к римскому времени. То же самое можно сказать и о верованиях, известных по произведениям I—III вв. н. э.: Ахилл помогал мореплавателям, поклонявшимся ему не только в храме, но и на находившейся на Левке могиле героя;³⁸ его считали спасителем и защитником всех, кто терпел бедствия у острова;³⁹ многие верили, что, высадившись на Левку, можно воспользоваться чудодейственной силой Ахилла, исцеляющего от болезней.⁴⁰

Другой священный остров Ахилла — Ахиллов Дром — славился тем, что Ольвийское государство устраивало там спортивные игры. По кратким упоминаниям Мелы и Плиния можно судить, что происхождение этих игр связывали с преданием о малоизвестном нам эпизоде из жизни Ахилла: после какой-то победы на Евксинском Понте герой устроил в честь нее состязания на острове, который в память об этом получил наименование Ахиллов Дром.⁴¹ Здесь по-иному, чем в мифе о преследовании Ахиллом Ифигении,

истолковывался смысл названия острова и одновременно объяснялось происхождение Ольвийских игр.

Вообще греки считали знаменитых героев учредителями многих состязаний. Например, существовали предания о Геракле — строителе Олимпийских игр, и о его сподвижнике герое Тесее, который в память о расправе с разбойником Скироном учредил на Коринфском перешейке Истмийские игры, вторые по значению после Олимпийских.⁴² В этот ряд хорошо вписывается миф о праздновании победы Ахилла, якобы положившей начало играм на Ахилловом Дроме.

По найденным древнегреческим надписям известно, что ольвиополиты проводили состязания во всех пяти видах античной атлетики: бег, прыжки, борьба, метание копья и диска.⁴³ Древнейшим и, наверное, особенно почетным видом соревнования был бег: ведь им славился учредитель игр Ахилл, чей постоянный эпитет у Гомера «быстроногий».

Как и другие греческие полисы, Ольвия приглашала на свои игры граждан из разных эллинских городов. Уже в V в. эти игры имели широкое признание, о чем говорит один стих из «Ифигении в Тавриде» Еврипида. Описывая путь корабля Ореста и Пилада по Понту Евксинскому в Таврику, хор трагедии сообщает, что судно миновало сначала остров Левку, а затем «Ахилловы Дромы с прекрасными стадиями»,⁴⁴ то есть Ахиллов Дром, где прекрасно размечены расстояния (стадии) для состязаний. По-видимому, многие зрители театра Диониса в Афинах достаточно хорошо знали этот центр атлетических соревнований в честь Ахилла.

В греческом фольклоре, а затем в эпической поэзии описывалось не только как герои Троянского цикла мифов посещали Скифию, но и как сами скифы принимали участие в Троянской войне. В реальной жизни скифы противостояли грекам, потому в мифах они также выступают противниками эллинов. В сохранившейся античной литературе лишь Страбон бегло и со справедливым недоверием пишет о тех, кто считал, что «союзное войско кочевников, живших за Борисфеном, пришло на помощь троянцам».⁴⁵ Такое мнение можно было бы отнести к измышлениям каких-то малокомпетентных авторов, если бы не многочисленные изображения скифов в сценах Троянской войны на вазах VI в. Их мы рассмотрим в главе об искусстве.

Пути Геракла по Скифии

Наряду со знаменитыми сказаниями о жизни героев времен Троянской войны в Греции существовало несколько других популярных циклов мифов о легендарных героях. Одним из самых любимых во всех уголках греческой ойкумены был Геракл. Пре-

дания повествовали о многотрудной жизни героя с момента рождения до мучительной смерти и преображении в бога. Тяжкое преступление, совершенное в молодости, Геракл должен был искупить, поступив, по велению Аполлона, на службу к царю Еврисфею.

Выполняя трудные задания царя, Геракл совершил двенадцать знаменитых подвигов: он убивал страшных животных и чудовищ, от которых страдали пастухи и земледельцы на Пелопоннесе; доставил Еврисфею обитавшую на горе Керинее лань Артемиды; добыл у амазонок замечательный пояс их царицы для дочери Еврисфея Адметы; в один день очистил громадный скотный двор царя Авгия; пригнал с края земли чудесных коров великана Гериона; спустился в Аид, чтобы привести пса Цербера, ужасного стража подземного царства, и, наконец, принес из потустороннего мира золотые яблоки Гесперид. Для этого последнего, самого трудного подвига Геракл прошел через всю землю к титану Атланту, державшему на плечах земной свод. В сказочном саду дочери Атланта Геспериды ухаживали за золотым деревом, на котором росли три золотых яблока. Атлант согласился пойти к дочерям и достать яблоки, пока Геракл заменил титана, взвалив на свои плечи земной свод.

Часть своих подвигов Геракл совершил в Греции. Например, в области Арголиде он убил льва около города Немей и гидру в болоте у города Лерны, а в Аркадии он перебил птиц, опустошавших окрестности Стимфала, и на горе Эриманфе уничтожил ужасного кабана, не дававшего покоя местным жителям. Однако задания Еврисфея заставляли Геракла отправляться не только за пределы Эллады (например, на остров Крит за неукротимым быком или во Фракию за конями царя Диомеда), но даже спускаться в преисподнюю или идти на край земли к границам реального и потустороннего мира. В описание этих долгих странствий Геракла греки включили Скифию, которая представлялась им, особенно в ее неизведанной северной части, краем мира, загадочной страной, граничащей со сказочным племенем счастливых гиперборейцев. Даже побережье Понта, хорошо освоенное греческими колонистами, нередко виделось из Эллады «страной чудес за сказочным пределом»; ведь именно так представилась Таврика Оресту и Пилладу в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», написанной во второй половине V в.⁴⁶

Пути Геракла по Скифии пролегали во время четырех его подвигов. Здесь он преследовал Керинейскую лань, шел за яблоками Гесперид, гнал коров Гериона и сражался с амазонками. В древнейших вариантах этих мифов Скифия, конечно, не упоминалась, ведь она стала известна грекам лишь с VII в., так что включение Скифии в цикл мифов о Геракле произошло, по-видимому, в VI в. Письменные же свидетельства имеются не старше начала V в.

Преследование Керинейской лани, опустошавшей поля Аркадии, сначала ограничивалось лишь Пелопоннесским полуостровом. Чудесная златорогая лань Артемиды неутомимо бежала от героя в течение целого года. Поэтому чем больше греки узнавали отдаленных стран, тем большее их число включалось в миф. У Пиндара Геракл в погоне за ланью достигает Истра и страны гиперборейцев.⁴⁷ Объясняя стихи Пиндара, античный комментатор писал, что герой бежал за ланью по Скифии. Ту же Скифию и страну гиперборейцев Геракл миновал на пути за яблоками Гесперид.⁴⁸

Более определенно в Скифии локализовалось место битвы Геракла с амазонками за пояс их царицы. В первоначальном варианте мифа⁴⁹ сражение происходило на родине амазонок у реки Термодонт. Но после того как стало популярным предание о происхождении савроматов от браков скифов с амазонками, действие мифа перенесли в земли савроматов на берега Меотиды. Такую версию изложил Еврипид в трагедии «Геракл»:⁵⁰

*Через бездну Евксина
К берегам Меотиды
В многоводные степи
На полки амазонок
Много воинов славных
За собой он увлек.
Там в безумной охоте
Он у варварской девы,
У Ареевой дочери
Златокованный пояс
В поединке отбил.
Средь сокровищ микенских
Он висит и поныне.*

Древний цикл мифов о Геракле непрестанно пополнялся новыми сюжетами. Они легко включались в серию подвигов героя. Ведь исполняя задания Еврисфея, Геракл сталкивался со множеством трудностей и помимо поручений царя совершал разнообразные подвиги. Среди них — столь знаменитые, как освобождение титана Прометея, прикованного на Кавказе, или победа в Ливии во время единоборства с Антеем, сыном богини земли Геи. Оба эти деяния Геракл совершил в поисках дороги в сказочный сад Гесперид.

В разных частях греческой ойкумены наряду с известными мифами существовали местные предания о Геракле. Желая связать сказания своей малой родины с общегреческой мифической историей, греки присоединяли эти мифы в качестве эпизода к какому-нибудь из двенадцати подвигов героя. Так, миф, созданный колонистами в Северном Причерноморье, соотносился с десятым заданием Еврисфея: пригнать в Микены коров из стада трехглавого

великана Гериона, который обитал далеко на Западе, на сказочном острове Эрифийи. После победы над Герионом Геракл долго шел со стадом на родину и отклонялся от прямого пути, потому что коровы либо сами разбегались, либо их похищали.

Миф о Геракле в Скифии подробно изложен в «Истории» Геродота, который записал его, по собственному признанию, со слов «понтийских эллинов», т. е. греческих колонистов из Северного Причерноморья.⁵¹

В зимнюю стужу Геракл на колеснице прибыл в Скифию, тогда еще никем не заселенную. Утомленный герой заснул, завернувшись в львиную шкуру, с которой не расставался после расправы с Немейским львом. Проснувшись, он увидел, что таинственным образом исчезли его кони. После долгих поисков Геракл пришел в Гилею и там в пещере нашел удивительную женщину, туловище которой оканчивалось змеиным хвостом. Кони оказались у нее, но змееногая дева соглашалась их отдать лишь после того, как у нее от Геракла родятся дети. Так появились на свет три брата — Агафирс, Гелон и Скиф. Возвращая коней и отпуская Геракла на родину, змееногая богиня спросила, что делать сыновьям, когда они станут взрослыми: идти ли к отцу, или оставаться на родине. Геракл велел устроить испытание, победителю стать властителем страны, а другим ее покинуть.

Для испытания следовало натянуть лук, оставленный Гераклом, и надеть его боевой пояс, на котором висела золотая чаша. Это сумел сделать лишь младший сын Скиф, от которого, как говорилось в мифе, ведут свою родословную скифские цари. Старшие братья ушли в соседние земли, и от них произошли племена агафирсов, живших к западу от скифов, и гелонов, обитавших к востоку от них.

Грекам было свойственно связывать происхождение соседних народов со своими мифическими героями и возводить родословную племен к предку, якобы давшему наименование народу. Ионийцы считали, что их соседи персы происходят от Перса, сына Персея и Андромеды, а родословную мидян они вели от Эгея и Медеи. Соседи милетян карийцы, лидяне и мисийцы, по рассказам греков, имели родоначальников с соответствующими именами Кар, Лид, Мис.⁵² В духе этой традиции милетские колонисты создали в Северном Причерноморье миф о Геракле — родоначальнике местного населения и о происхождении трех соседних племен от Скифа, Агафирса и Гелона.

Роль Геракла в мифе отвечает тенденции эллинов возводить к этому герою родословную варварских племен в разных частях ойкумены. Подобные рассказы о Геракле обосновывали право эллинов на владение землями в тех местах, куда они выводили колонии. Например, дельфийский оракул поддержал предложение основать колонию на Сицилии, так как, по преданию, Геракл

владел там Эрикинской областью, и поэтому греки, его потомки, по праву могли занять эту землю⁵³.

Еще в прошлом веке некоторые ученые утверждали, что записанное Геродотом предание представляет скифский миф, лишь слегка переработанный греками.⁵⁴ Эту мысль активно развивают и современные скифологи.⁵⁵ Они находят некоторые параллели в иранской мифологии и считают, что Геракл заместил в устах эллинов скифского прародителя Таргитая. О нем нам известно только по записи Геродота, но у «отца истории» нет и намека на какое-то соотношение этих героев, хотя он постоянно проводит параллели между эллинскими и чужеземными богами и героями.

Исследователю античной мифологии доводы скифологов кажутся в большинстве случаев мало убедительными. Ведь они основываются на тексте Геродота, специально подчеркнувшего, что это эллинский миф, а он, как мы показали, не только прекрасно вписывается в контекст древнегреческой мифологии, но даже построен по структуре мифов, рассказывавшихся в Ионии, на родине предков колонистов.

Конечно, северопричерноморские греки привнесли в этот миф местный колорит. Одно из главных действующих лиц предания — скифская богиня, у которой, как мы знаем по археологическим находкам, ноги изображались в виде змей.⁵⁶ Лук и боевой пояс с подвешенной на нем чашей составляли неотъемлемую принадлежность скифского воина. Скифские луки (рис. 25, 26, 27, 49, 53) греки детально рисовали на вазах, воспроизводили на ювелирных изделиях и на монетах, а боевые пояса нередко встречаются в скифских погребениях.

Роль скифской богини в мифе имела для греков символический смысл священного брака греческого героя и местного божества.⁵⁷ Однако облик этой богини — полуженщины, полужмеи — не чужд и греческой мифологии. Такой представляли себе греки Ехидну, мать разнообразных чудовищ.

Описание Ехидны в «Теогонии» Гесиода, который не знал скифской мифологии, действительно напоминает змееногую богиню: «Наполовину она дева, со светлыми глазами и прелестным лицом, наполовину же чудовищная змея, огромная и грозная... у нее есть божественная пещера внизу под выдолбленной скалой, далеко от смертных людей и бессмертных богов. Там боги велели ей находиться».⁵⁸ В свете этих слов понятно, почему Геродот назвал Ехидной змееногую богиню, а в надписи о деяниях Геракла прямо сказано об этом тождестве.⁵⁹

В причерноморском мифе есть черты, которые в равной мере свойственны и греческому и скифскому фольклору. Это распространенный у многих народов сюжет о состязании трех братьев и получение царства младшим братом. Скифологи видят в испытании сыновей Геракла черты типично скифского эпоса. Конечно, умение

обращаться с луком и использование боевого пояса характеризовало скифского воина. Однако умение натягивать лук и метко стрелять из него — также широко известный мотив греческого фольклора и литературы архаической эпохи. Например, царь Эхалии посулил Гераклу отдать в жены свою дочь Иолу, если он победит ее братьев в стрельбе из лука, но обманул его. С детских лет каждый грек знал «Одиссею», в которой вся двадцать первая песня посвящена описанию состязания женихов Пенелопы: она обещала выйти замуж за того, кто натянет лук Одиссея и прострелит 12 колец так, чтобы стрела ни одного не задела. Ни один жених не сумел даже натянуть тетиву на лук Одиссея. Ведь согнуть и привести в боевую готовность дальноточный лук было нелегким делом даже для физически сильного мужчины. Поэтому у многих народов испытание зрелости воина, наряду со стрельбой в цель, включало также сгибание лука и закрепление на нем тетивы.

Другая, характерная для разных народов черта в мифе о Геракле и змееной богине проявляется в наличии там очень древнего обычая: за определенную плату женщина приобрела себе мужа, а не наоборот. Можно лишь предполагать, что такой обычай описывался в скифском фольклоре, а в греческом этот мотив встречается в сказаниях об аргонавтах: Медея помогает Ясону добыть золотое руно в обмен на клятву взять ее в жены.⁶⁰

В греческой мифологии можно найти параллель к сюжету о воспитании героя одной матерью, исполняющей волю отца. Последний, покидая ребенка в младенчестве, оставляет какие-то предметы, которыми сын может овладеть, проявив незаурядную силу и тем самым доказав свое право на власть. С такой задачей справился, например, Тесей, как пишет Плутарх в жизнеописании этого героя.⁶¹ Питфей, властитель города Трезен, хотел, чтобы его дочь Этра родила сына от Эгея, и поэтому принудил ее к связи с героем. Уезжая, Эгей спрятал под огромный камень свой меч и сандалии и велел Этре, когда сын возмужает, рассказать ему об этом. Если юноша сможет отвалить камень, то, взяв лежащие там вещи, он должен явиться к отцу. Тесей справился с этим испытанием и после совершения многих подвигов стал властителем Афин.

Вариант мифа о Геракле и змееной богине записан Геродотом в Ольвии. Недаром действие происходит в Гилее, лесной области Нижнего Поднепровья. Ведь в фольклорных рассказах для придания им достоверности часто указываются конкретные географические пункты. Упоминание Гилеи имело определенный смысл только для ольвиополитов, чьи владения лежали на границе с этой областью. Ее лесная чаща вообще считалась у эллинов местом, где случаются необыкновенные и страшные происшествя. Недаром в Гилее происходит действие двух из трех подробно записанных Геродотом фольклорных рассказов северопричерноморских эллинов.

Упоминание интересующего нас мифа встречается и в других античных источниках. Они показывают, что миф существовал в разных вариантах. В одном из них говорилось только о двух сыновьях Геракла: Агафирсе и Скифе.⁶² Устный оригинал такой версии, наверное, сложился в колониях Северо-Западного Причерноморья, для которых в реальности существовали контакты с агафирсами и скифами, гелоны же были мало известны. В другой версии супругом местной богини выступал не Геракл, а Зевс,⁶³ так что родословная скифов возводилась не к популярному греческому герою, а к верховному божеству. Однако суть мифа оставалась прежней: происхождение скифов связывалось с древней историей эллинов.

Итак, анализ сказания о Геракле и змееной богине показывает, что она представляет собой не «скифский миф в греческих одеждах», а порождение причерноморского греческого фольклора с включением в него некоторых скифских образов.

Греки называли конкретные места в Скифии, которые посетил Геракл: Гилею, где он встретился с местной змееной девой, и скалу у реки Тирас с отпечатком огромного следа героя величиной в два локтя, т. е. около 1 м. Мифологический сюжет о герое у реки Тирас не сохранился ни в одном письменном источнике, кроме краткого упоминания Геродота.⁶⁴ Трудно решить, было ли связано с Тирасом особое сказание о пребывании там Геракла, или же след героя считали доказательством его долгого блуждания по Скифии в поисках похищенных коней.

Мифы о Геракле в Скифии не исчерпывались рассмотренными сюжетами. Сохранилось беглое упоминание о том, что герой учился стрелять из лука у скифа Тевтара, о котором нам ничего не известно.⁶⁵ Вероятно, этот миф имел широкое распространение, потому что вазописцы изображали Геракла со скифским луком, а Эсхил в трагедии «Хоэфоры», рассчитывая на понимание слушателей, даже не назвал имени героя в песне хора, вопрошавшего:

*Скифский сгибая лук,
Кто с тетивы тугой
Спустит стрелу пернатую?66*

О подвигах Геракла в Скифии напоминала и скифская одежда, в которой художники иногда изображали героя (рис. 30).

Сравнивая сюжеты преданий о Геракле, мы видим их несогласованность, нередко встречавшуюся в различных народных сказаниях. С одной стороны, Геракл выступает родоначальником скифов, с другой — скифы уже существуют в его молодости, когда он учится стрелять из лука или отправляется в их страну исполнять задания Еврисфея. Среди этих мифов ведущую роль для эллинов, поселившихся в Скифии, играл рассказ о Геракле и змееной богине.

Логографы определили время жизни Геракла в поколении, предшествовавшем героям Троянской войны. Поэтому, в представлении эллинов, получалось, что за несколько столетий до вывода колоний на земли Скифии первым из эллинов сюда прибыл Геракл, от него ведут свой род местные племена, а греки как потомки Геракла имеют законные права на обладание землями на северных берегах Понта.

Новая родина амазонок

Истоки мифов об амазонках теряются в глубокой древности. Не только греки, но и другие народы считали, что где-то живет воинственное племя женщин, которые либо держат⁶⁷ мужчин только в качестве рабов, либо вообще обходятся без них. Изредка встречаясь с мужчинами для продолжения рода, они рождали детей, но оставляли в живых исключительно девочек. Их с детства приучали к военному делу, а для того чтобы было удобно стрелять из лука, им в детстве прижигали грудь.

В основе этих мифов трудно различить исторические факты. Некоторые ученые полагают, что суровая действительность глубокой древности с безусловным верховенством мужчин и частыми войнами, ведущимися исключительно их силами, получила как бы перевернутое отображение в мифе об амазонках, где господствующий слой общества поменялся местами с подчиненным.⁶⁸

Другие исследователи стремятся выделить в рассказах об амазонках какие-то реальные черты. Еще недавно в этих мифах многие видели отображение так называемой стадии матриархата, когда женщины будто бы играли ведущую роль в жизни человеческого общества. Сейчас большинство ученых отказывается признавать существование древних обществ с доминирующей ролью женщин. Это не исключает справедливости свидетельств о том, что в доклассовом обществе женщина пользовалась большей свободой и играла большую роль в общественной и религиозной жизни, чем в более поздние эпохи. Стоит отметить также, что, осозная систему родства, люди сначала вели ее по материнской, а не по отцовской линии. Отголоски этого сохранились в греческих мифах, где Аполлона называли по его матери Лето Летоидом, кентавра Хирона, сына нимфы Филиры, — Филиридом, хотя в подавляющем большинстве случаев указывался род отца: сын титана Крона Зевс — Кронид, сын богини Фетиды и смертного Пелея Ахилл — Пелеид, сын царя Итаки Лаэрта Одиссей — Лаэртид и т. п.

В рассказах об амазонках, может быть, нашли какой-то отзвук воспоминания о некогда важной роли женщины вне семьи, что было совсем не свойственно патриархальному укладу жизни греков.

Однако ни в одном обществе мужчины никогда полностью не подчинялись женщинам, как это изображается в мифах.

Родиной амазонок в большинстве эллинских преданий считалась область Малой Азии на южном берегу Понта у реки Термодонта и города Темискиры.⁶⁹ Отсюда они совершали воинственные походы и здесь потерпели сокрушительное поражение от греков под предводительством Тесея и Геракла. Царицы амазонок вступали в единоборство с греческими героями: Пентесилея во главе войска, пришедшего на помощь троянцам, погибла от руки Ахилла; для дочери Еврисфея Геракл отбил у Ипполиты чудесный золотой пояс; Тесей захватил в плен Антиопу, привез в Аттику и женился на ней.

Все эти мифы сложились задолго до знакомства греков с Северным Причерноморьем. Многие писатели, начиная с Гомера и до конца античности, обращались к различным версиям мифов об амазонках. Знаменитые вазописцы Клитий и Евфроний, скульпторы Поликлет, Фидий, Скопас, Леохар и другие черпали вдохновение в сюжетах мифов об амазонках.

Когда греки в степях Северного Причерноморья увидели женщин, скачущих на конях и хорошо владеющих оружием, рассказы об амазонках, знакомые каждому с детства, как бы воплотились в реальную жизнь. Эти впечатления стали почвой для сложения нового мифа,⁷⁰ судьбе амазонок после их поражения на родине в Малой Азии.

Погрузив амазонок на три корабля, греки отправились в Элладу. Пленницам удалось перебить своих победителей; не умея управлять судами, они вынуждены были отдаться воле ветров и оказались на северном берегу Меотиды во владениях царских скифов у гавани Кремны. Здесь амазонки продолжали свой воинственный образ жизни: похитили табун лошадей, организовали вооруженный отряд и стали нападать на скифов. Те не сразу поняли, что сражаются с женщинами, но, обнаружив это, решили уклоняться от стычек и вступить с ними в связь, чтобы иметь воинственных детей. В результате военные лагеря скифов и амазонок объединились, и женщины научились говорить по-скифски. Но амазонки заявили, что не желают жить среди скифов, у которых женщины не приучаются скакать на коне, стрелять из лука, охотиться и воевать. Поэтому они предложили своим мужьям поселиться в новых землях за Танаисом к северу от Меотийского озера. Так, по мнению греков, появился народ савроматов, которые говорят на «испорченном» скифском языке, а их женщины вместе с мужчинами участвуют в охоте и военных походах.

В этом мифе, записанном Геродотом со слов эллинских колонистов в середине V в., различаются два этапа формирования. Сначала греки общались только со скифами, непосредственными соседями их колоний, и образ жизни варварских женщин напомнил эллинам легендарных амазонок. Поэтому в мифе амазонки сначала

попадают в страну скифов и объединяются с ними в один народ. Позже, познакомившись с бытом савроматов, греки увидели, что савроматские женщины в большей степени, чем скифские, отвечают представлениям об амазонках. Тогда миф получил дальнейшее развитие: народное предание представило савроматов потомками скифов и амазонок. Это помогло также объяснить родство скифского и савроматского языков.

В сохранившемся рассказе скифянки изображены совершенно в греческом стиле. Подобно греческим женщинам, проводившим почти всю жизнь в своем доме и занимавшимся чисто женским трудом, скифянки живут исключительно на повозках, заменяющих им дом, и заняты только женскими обязанностями. Здесь сказалось не только греческое восприятие роли любой, в том числе и варварской, женщины, но и стремление фольклорного рассказа к контрастным противопоставлениям, в данном случае обычной женщины и амазонки.

Трудно представить, чтобы у кочевников женщины, и особенно молодые, не умели ездить верхом и обращаться с оружием. В каждом третьем женском скифском погребении археологи находят стрелы, реже встречаются мечи, копья и боевые пояса. По мнению специалиста по военному делу скифов Е. В. Черненко, вооруженные женщины занимали заметное место в скифском войске.⁷¹ Археологические данные подтверждаются и некоторыми письменными свидетельствами о том, что скифами иногда управляли воинственные царицы, а скифские женщины в доблести не уступали мужчинам.⁷²

Кроме рассмотренного мифа, греки сложили много других преданий об амазонках из Северного Причерноморья. Сейчас мы знаем о них либо по изображениям на вазах эпизодов, не сохранившихся в литературных источниках, о чем пойдет речь в последней главе, либо по отдельным кратким упоминаниям античных авторов. Наиболее выразительное из них содержится в «Жизнеописаниях» Плутарха со ссылкой на Гелланика, современника Геродота.⁷³ Он писал о том, как амазонки, переправившись по льду через Боспор Киммерийский, пошли покорять Афины, когда там правил Тесей, и после неудачной четырехмесячной войны возвратились на родину. В сочинении Гелланика отразилось, с одной стороны, возникшее не ранее VI в. представление о месте обитания амазонок за Танаисом, с другой — хорошее знание афинянами Боспора Киммерийского, который кочевники зимой переходят по льду. Этот факт известен из «Истории» Геродота.⁷⁴

Аргосская царевна Ио

С мифом о странствиях Ио в древности связывали происхождение названий проливов, соединяющих Черное море с Азовским

и Средиземным морями.⁷⁵ Поэтому Ио считалась одной из греческих героинь, посетивших Скифию еще в незапамятные времена.

Миф об Ио входит в ряд преданий об изменах Зевса своей божественной супруге Гере и о рождении от возлюбленных бога героев, царей и родоначальников аристократических эллинских семей. Они гордились родословной, восходящей к различным богам. Так, Гекатей Милетский называл себя потомком какого-то бога в шестнадцатом колене, а спартанские цари, и среди них Леонид, знаменитый герой битвы при Фермопилах,⁷⁶ считали своим предком Геракла, сына Зевса и царицы Алкмены.

Гера, образец супружеской верности, тяжело переносила измены мужа. Сердясь на него, она распространяла свой гнев на его возлюбленных, безжалостно преследовала соперниц и их детей, родившихся от бога. Ио оказалась одной из жертв Геры и испытала всю тяжесть ее мщения.

Красавица Ио была дочерью речного бога Инаха, который, по преданию, стал первым царем Аргolidy, области на северо-востоке Пелопоннесского полуострова. Когда Гера узнала о новом увлечении супруга, он решил спрятать от нее возлюбленную, превратив ее в замечательную белоснежную корову. Но Геру не удалось обмануть; она добилась, чтобы Зевс подарил ей эту корову, и приставила к ней пастухом своего верного великана Аргуса. Его голова была усеяна множеством глаз, так что он смотрел одновременно во все стороны и никогда не спал, поскольку у него поочередно отдыхали лишь два глаза.

Зевс решил избавить Ио от неусыпного стража и поручил это сделать богу Гермесу. Тот пленил Аргуса игрой на свирели, все глаза великана закрылись, и он уснул под песню о любви лесного бога Пана к нимфе Сиринге. Тогда Гермес смог убить Аргуса. Опечаленная Гера, собрав глаза великана, поместила их на роскошный хвост своей священной птицы — павлина.

Однако страдания Ио не закончились, ибо Гера придумала новую муку: корову стал преследовать страшный жалящий ее овод. Убегая от него, Ио миновала многие страны, пока, наконец, не достигла Египта. Здесь Зевс смог вернуть Ио человеческий облик, и тогда у нее родился сын Эпаф, родоначальник царей Египта.

Миф об Ио сложился на Пелопоннесе, недаром героиня — дочь аргосского царя, а имя сторожившего ее великана, как думали в древности, дало название области Аргolidy. Странствия Ио по мере расширения географического горизонта греков охватывали все более северные области. Это хорошо видно по трагедиям Эсхила, где отразились две версии о пути Ио в Египет.

В «Просительницах» Ио бежит от овода по Греции, затем по областям Малой Азии вплоть до Египта.⁷⁷ В более поздней трагедии «Прометей прикованный» дорога возлюбленной Зевса включает европейские и азиатские берега Понта; она движется с запада на

восток, минуя страну скифов и амазонок, переплывает пролив у Меотийского озера:

*И память в людях славная останется
Об этой переправе. Будет имя ей —
«Коровий брод» — Боспор.⁷⁸*

Благодаря огромной популярности трагедий Эсхила во всей Греции хорошо знали сюжет о странствиях Ио по землям скифов и ее переправе через Боспор Киммерийский. Не случайно Еврипид в «Ифигении в Тавриде» напомнил слушателям об Ио, которая задолго до жизни героев трагедии прошла по тем местам, где стоял храм Артемиды. Увидев Ореста и Пилада, хор трагедии вопрошает:

*Вы, синие, синие волны,
Где с морем сливается море.
Где жало аргосской осы
Когда-то по лютной пучине
К берегам азиатским Ио
Промчало от пастбищ Европы!
Кого переправили к нам вы?⁷⁹*

О популярности этого мифа в Северном Причерноморье можно заключить лишь по косвенным данным. В Пантикапее и Феодосии найдено несколько акротериев с изображением Ио. На этих архитектурных деталях, венчавших кровлю зданий V—IV вв., Ио представлена в человеческом облике, однако на голове у нее небольшие рожки, напоминающие о ее превращении в корову.

Миф об Ио связывал мифическую историю Эллады и Скифии в гораздо более отдаленные времена, чем век Геракла, Ахилла и Ифигении. Ведь у Эсхила⁸⁰ сказано, что Геракл станет потомком Ио в тринадцатом колене.

Подводя итог главы о мифах, связанных с Северным Причерноморьем, можно сделать вывод, что Скифия, особенно на первых порах знакомства с ее землями, представлялась грекам пограничьем между реальным миром и потусторонним царством. Поэтому народная фантазия отнесла сюда мифический остров Блаженных, а также никем не виденные храм Артемиды Таврополы и вход в Аид; по той же причине по Скифии пролегал путь Геракла в сказочный сад Гесперид, происходили встречи героя с легендарными амазонками и змееногой богиней.

Рассказывая о деяниях героев на северных берегах Понта, греки включали эту область в свою мифическую историю, а она в древности не отделялась от реальной. Напомним, например, что Плутарх начал свои знаменитые жизнеописания с мифического героя Тесея, поставив его в один ряд с Периклом, Цезарем и другими выдаю-

щимися греками и римлянами. Деяния древних героев на берегах Понта освящали в глазах эллинистических колонистов их законное право на владение землями в Скифии и давали ощущение причастности античных государств Северного Причерноморья к древнейшей истории Эллады.

Глава третья

ОБРАЗЫ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ В ПОЭЗИИ

Упоминания о том или ином народе в античной поэзии бывали двоякого рода. С одной стороны, это описание бытовых или исторических фактов, с другой — некий собирательный образ того или иного народа, наделенного определенными качествами. Вторая тенденция, свойственная устной и литературной традиции, приобрела наиболее законченную форму в поэзии.

В греческой поэзии архаического и классического периода отразилась активная роль киммерийцев и скифов в жизни малоазийских, а затем северопричерноморских греческих городов. Позже с исчезновением этих народов из поля зрения эллинов память о них обрела форму одноплановых литературных образов. Среди прочих античных героев киммерийцы и скифы время от времени оживали в европейской и особенно отечественной поэзии. Ведь создатели последней чувствовали себя в какой-то мере наследниками этих народов.

Певцы Киммерии

Как уже говорилось выше, страна киммерийцев, «окутанная мглой и тучами», лежащая на краю мира, впервые появляется в «Одиссее» Гомера. Первый поэт Эллады сообщает о «народе и полисе киммерийцев» всего в нескольких стихах; в них, кроме наименования народа, нет ничего реального. Вымышлен мрачный пейзаж, соответствующий представлению греков о крае ойкумены, не могло быть у киммерийцев города или государства (полиса), так как они отсутствовали у кочевников. Однако поэмы Гомера все знали со школьных лет, и достаточно было лишь нескольких слов, чтобы они прочно вошли в память эллинов и оформились в образ, живущий столетия. Даже в повседневной жизни греки называли неясные события «окутанными киммерийской тьмой». Гомеровский образ навсегда закрепился в античности, хотя другие поэты имели о киммерийцах достаточно четкое представление.

Древнейший из известных элегических поэтов Каллин, родом из Эфеса, жил позже Гомера примерно на полстолетия и был современником киммерийского нашествия в Малую Азию. В тревожное время, когда киммерийцы разрушили Магнесию и угрожали другим греческим городам, Каллин обратился к своим согражданам с энергичным призывом защитить Эфес. Страбон цитирует один стих из его элегии, где говорится, что на город «движется войско нечестивых киммерийцев». Возможно в той же элегии Каллин описывал и разорение лидийской столицы Сарды в 652 г. В это время там находилось немало греков, ставших свидетелями вторжения киммерийцев под предводительством Лигдамида и гибели лидийского царя Гига.

Младший современник Каллина Аристей Проконнеский в поэме «Аримаспея» изображал родину киммерийцев более определенно, чем Гомер. По свидетельству Геродота, поэт считал киммерийцев автохтонным населением северного побережья Понта, откуда их изгнали скифы. К сожалению, сохранились лишь незначительные фрагменты поэмы, не относящиеся к этой теме, а Геродот только упомянул, что Аристей описывал миграцию исседонов, киммерийцев и скифов.

В III в. Каллимах, прекрасный знаток древней литературы, обрисовал нашествие киммерийцев в гимне в честь Артемиды. Знаменитый храм богини в Эфесе причисляли к одному из семи чудес света. Обращаясь к Артемиде, поэт вспоминает, что некогда под Эфесом на берегу реки Каистра предводитель войска «доителей кобылиц» Лигдамид раскинул свой лагерь во множестве повозок и намеревался захватить город. Но богиня, чей «лук всегда защищал этот город и храм», беспощадно распорядилась судьбой киммерийцев, и их войско не вернулось к себе на родину «в Скифию к проливу Инаховой телицы».

Гимн Артемиде написан в те времена, когда киммерийцы уже давно сошли с исторической арены, и свои сведения Каллимах черпал из древних, вероятно, тоже поэтических источников, может быть, у того же Каллина. Таким образом, стихи Каллимаха показывают, что уже в эпоху архаики греки знали о родине киммерийцев в Северном Причерноморье. Упомянутый пролив в Скифии, поэт рассчитывал на знание читателем мифа об Ио, дочери Инаха, в память о странствиях которой якобы получил свое название Боспор Киммерийский. В источниках Каллимаха отразились реальные черты быта киммерийцев: их жизнь в повозках и питание кобыльим молоком.

Киммерийцы и скифы запомнились грекам как выдающиеся лучники. Поэтому в одной из эпических поэм о Калидонской охоте в уничтожении страшного вепря участвовали два знатных кочевника — киммериец и скиф, но об этом, как мы расскажем в последней главе, известно только по изображению на одной вазе.

Реальные черты истории и быта киммерийцев лишь эпизодически встречались в поэзии. В сознании же большинства греков доминировал образ, созданный Гомером. Именно он стал ведущим в античной поэзии и из нее перешел к Максимилиану Волошину, чья поэзия пронизана картинами Восточного Крыма — Киммерии. Здесь поэт провел большую часть жизни: учился в гимназии в Феодосии, построил в Коктебеле дом, всегда гостеприимно открытый для многих писателей.

Начиная с Пушкина, Крым рисовался в русской поэзии теплым благословенным краем с неповторимыми красотами его южного берега. По сравнению с ним Восточный Крым более суров, и его своеобразная природа в творчестве Волошина ассоциировалась с античным образом мрачной Киммерии. В своей автобиографии поэт писал: «Истинной родиной духа для меня был Коктебель и Киммерия, земля, насыщенная эллинизмом и развалинами Генуэзских и Венецианских башен».

Явно под впечатлением Гомера цикл стихов назван «Киммерийские сумерки в Киммерии». Оно написано в Коктебеле в 1907 г. после смерти знакомой Волошина, писательницы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

*Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн все глуше голоса.
И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синееет полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.
Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных роц
Раин и ив, где папоротник, хвощ
И черный тис одели леса склоны...
Туда идем, к заказам темных дней,
Во сретенье тоскующих теней.*

Ощущая себя жителем Киммерии, страны, пограничной с царством мертвых, Волошин воскресил эпизод из «Одиссеи», в котором ее герой отправляется к теням усопших. Находясь в Коктебеле, частице Киммерии, Волошин размышляет о том, что путь Одиссея в царство мертвых суждено преодолеть всем, а пока по нему пошла та, памяти которой поэт посвятил стихи.

Гомеровские образы возникают в одном из самых известных стихотворений Волошина «Дом поэта» (1926 г.). Тревожное мироощущение тех лет перекликается с гомеровским образом Киммерии:

*И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла.
Провалами беспамятства чернея...*

Кровопролитие, вызванное гражданской войной, перекликается у Волошина с гомеровским образом бесплотных теней, получавших возможность общаться с живыми лишь после того, как они выпивали вино и кровь. Поэтому в стихотворении появляются «тени тех, кого здесь звал Улисс»,* которые

*Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.*

Нет возможности перечислить все стихи Волошина, вольно или невольно вдохновленные гомеровским взглядом на страну киммерийцев. Подчеркнем лишь, что без Гомера невозможно понять, почему солнечный Коктебель, переживающий перламутровыми красками на бесчисленных акварелях Волошина, оказывается в темной стране Киммерии.

*Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит,
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, —
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заклучена и преображена.*

В стихотворении «Дикое поле», написанном в 1920 г. во время гражданской войны, Волошин окидывает взглядом всю русскую историю, которая начинается для него с «припонтийского дикого поля, темной Киммерийской степи», куда с Востока нагрянули скифы. В окружающей страшной действительности поэт различает новое повторение глобальных бед, не раз постигавших эту землю. Здесь мы снова видим идущий от Гомера эпитет «темный» в применении к стране киммерийцев и воспоминание о том, что киммерийцы — первый известный по названию народ. Степь со временем из Киммерийской стала Скифской, а затем в летописи была названа Диким полем. Поэтому Волошин так заканчивает свое стихотворение:

* Улисс — форма имени Одиссея в некоторых греческих диалектах, получившая широкое распространение в римской литературе.

*Эх! Не выпить до дна нашей воли.
Не связать нас в единую цепь...
Широко наше Дикое поле,
Глубока наша скифская степь.*

«Киммерийские» стихи Волошина считаются наивысшим достижением его лирики. Это значительное явление «серебряного века» русской поэзии, одним из источников которой стали по-новому осознанные бессмертные творения древнегреческих авторов.

Формирование стереотипов в изображении скифов

Скифы сыграли в жизни эллинов значительно более заметную роль, чем киммерийцы. Соответственно и интерес к ним античных писателей был гораздо более глубоким и многообразным. Первые упоминания о скифах в античной поэзии относятся к VII в. Во фрагменте утраченной поэмы Гесиода они как самые северные из известных грекам племен противопоставлены живущим на юге эфиопам и названы «доителями кобылиц»,⁴ что указывает на осведомленность не только о местах их обитания, но и об образе жизни.

Уже на ранних этапах знакомства со скифами эллины узнали некоторые скифские предания. Для доказательства этого обратимся к поэзии Алкмана, жившего во второй половине VII в. Как написано в словаре Свида со ссылкой на Аристотеля и Кратета, поэт родился в столице Лидии Сардах, а затем переехал в Спарту. Там он прославился сочинением парфений — гимнов, исполнявшихся хором девушек на празднествах. В одном из них, лучше всего сохранившемся, соревнуются Агидо и Агесихора, и это соревнование уподобляется состязанию великолепных коней. Сравнение женщины с лошастью — не редкость в литературе VII—V вв., например, у Симонида Аморгского или в стихотворении Анакреонта, известном в вольном переводе А. С. Пушкина («Кобылица молодая...»).

Хор девушек восхваляет свою предводительницу Агидо, которая блистает как солнце, и выделяется среди прочих как изумительный, приносящий победу в соревнованиях конь, которого можно увидеть только во сне. Вторую по красоте златокудрую и серебристую Агесихору можно сравнить с энетским скакуном. Их состязание подобно состязанию колаксаева и ибенского коней.

*...Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконового,
Сходного с быстро летающим сном.*

*Не видишь? Вон перед нами конь
Энетский. Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
Золотом беспримесным.
Лицом же она серебристым...
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
После Агидо вторая красотою, —
Колаксаев конь за приз с ибенским спорит.*

«Парфений» Алкмана в целом труден для понимания, в нем немало спорных и неясных мест. Это касается и тех стихов, которые нас интересуют. Неясно, например, к которой из девушек относится колаксаев конь и поэтому кто из них побеждает. Ведь победителем должен быть конь, представляющий Агидо, так как она безусловно признается первой:

*Правда, пристяжной пришлось
Ее победить без нужды,
Но на корабле должны
Все кормчему подчиняться.
В пенье превзошла она Сирен, а они — богини!*

Нам не так уже важно знать, какой из коней оказался победителем. Важно понять контекст, в котором говорится о коне Колаксы. Ведь Колаксай — легендарный скифский царь, младший из трех сыновей первого царя Скифии Таргитая. Миф о получении царства Колаксам записан у Геродота и упомянут римским поэтом Валерием Флакком.

Можно определить породы названных Алкманом коней: энетский происходит из Пафлагонии, колаксаев — из Скифии, ибенский — из Лидии. Первый же конь столь прекрасен, что может присниться лишь во сне. Этот сказочный образ является ключом к разгадке понимания, что представляют собой остальные кони: все они в первую очередь не реальные породы, но удивительные кони из легенд.

Эту мысль хорошо подтверждает определение скифского коня как принадлежащего легендарному царю Колаксы. Современные исследователи установили, что в скифских верованиях существовала связь коня с солнцем; конь и царь в скифском ритуале выступали в равной мере как воплощение солнца — Колаксы. Поэтому уподобление любой из девушек (ведь первая сравнивается с солнцем, волосы второй — с золотом) солнечному коню оказывается глубоко значительным.

*Только пьяное вино
 Раствори водою трезвой.
 Мы не скифы, не люблю,
 Други, пьянствовать бесчинно;
 Нет, за чашей я пою
 Иль беседую невинно.*

Подобный образ скифа встречается не только в греческой поэзии, но и в прозе, например, в «Законах» Платона или позднеантичного автора Афиней со ссылкой на Иеронима Родосского.

Возникшее в греческой литературе представление о скифах стало широко известно в европейской поэзии XIX в., постоянно обращавшейся к античности. Не случайно Пушкин в прекрасном переводе оды Горация к Помпею заменил образом скифа совершенно неизвестных читателю нового времени эдонов, обитавших на фракийской горе Эдоне и почитавших Вакха.

*Кто из богов мне возвратил
 Того, с кем первые походы
 И браней ужас я делил,
 Когда за призраком свободы
 Нас Брут отчаянный водил?..
 Теперь нехстати воздержанье:
 Как дикий скиф хочу я пить.
 Я с другом праздную свиданье,
 Я рад рассудок утопить.*

Пушкин ввел скифский образ, достаточно известный в литературных кругах его времени, в стихотворение «Друзьям» (1822 г.), которое написано после прощальной пирушки в честь знакомого офицера:

*Вчера был день разлуки шумной,
 Вчера был Вакха буйный пир,
 При кликах юности безумной
 При громе чаш, при звуке лир...*

Друзья отличили поэта «почетной чашей», поднеся ему вино в самом большом из походных стаканов, вставленных один в другой. Описывая эту чашу, Пушкин отметил ее величину, способную утолить «скифскую жажду»:

*Так Музы нас благословили,
 Венками свыше осень.
 Когда вы, други, отличили
 Почетной чашею меня.*

*Честолюбивой позолотой
 Не ослепляя наших глаз.
 Она не суетной работой,
 Не резьбою пленяла нас;
 Но тем одним лишь отличалась,
 Что, жажду скифскую поя,
 Бутылка полная вливалась
 В ее широкие края.*

В этих и других стихах Пушкина, так же как у Феогнида и Анакреонта, упоминание о скифах появляется эпизодически; оно имеет одну и ту же смысловую окраску, так что античная традиция повторяется и в оценочном, и в композиционном плане стихотворения.

С ранних лет лицейской юности и до конца жизни любимыми античными поэтами Пушкина были Гораций и Овидий. Оказавшись на юге в ссылке, Пушкин сопоставил судьбу Овидия со своей: «не славой — участью я равен был тебе». В воображении поэта оживали картины жизни римского изгнанника, оторванного от родины, друзей, находящегося в постоянной опасности набегов варваров.

*Рожденные в снегах для ужасов войны,
 Там хладной Скифии свирепые сыны,
 За Петром утаясь, добычи ожидают
 И селам каждый миг набегом угрожают.*
 (К Овидию. 1821 г.)

Но для молодого Пушкина, «сурового славянина», «привыкшего к снегам угрюмой полуночи», природа «скифских берегов» не кажется столь суровой, как южанину Овидию.

*Здесь долго светится небесная лазурь;
 Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
 На скифских берегах переселенец новый,
 Сын юга, виноград блистает пурпуровый.*

В стихах Овидия, написанных в ссылке, наименования, связанные со Скифией и скифами, встречаются 30 раз.⁹ Они в основном относятся к обозначению места ссылки поэта, а не к племенам этого региона. В те времена скифы оставались лишь в Нижнем Поднепровье и степном Крыму, а Северо-Западное Причерноморье населяли геты и различные сарматские племена. О них Овидий неоднократно вспоминает в своих стихах.¹⁰ Один раз он назвал их собирательно «скифскими племенами». Но это такая же дань литературной традиции, как и наименование Скифией всего Северо-Западного и Северного Причерноморья, когда скифов там давно

уже не было. Не зная истории скифов, Пушкин интуитивно уловил этот нюанс и в своем «Послании к Овидию» упомянул сынов Скифии, т. е. людей, населяющих Скифию, а не просто скифов. Точно так же, в духе античной традиции, поэт назвал северное побережье Черного моря «скифскими берегами».

В первой главе уже говорилось, что Скифия как географическое понятие, охватывающее всю Восточную Европу, перешло из античности в средневековую и новую литературу. Это отразилось в русской поэзии «серебряного века», например у Федора Сологуба:

*Скифские суровые дали,
Холодная, темная родина моя,
Где я изнемог от печали,
Где змея душит моего соловья.*

Еще один стереотип скифа — храброго, дикого и беспощадного воина — в русской поэзии нашел наиболее полное воплощение в «Скифах» Блока. Поэма, написанная в январе 1918 г., построена на противопоставлении охваченной революцией Восточной Европы, наследницы свободолюбивых скифов, и Западной Европы, оплота старой, идущей от эллинов цивилизации.

*Мильоны — вас. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!..*

Скифы в глазах эллинов были варварами, как, впрочем, и все остальные негреческие народы. Поэтому Блок, считая себя потомком скифов, называет в заключительных стихах свою лиру варварской.

*В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

В поэме Блока отразилось широко распространенное в науке того времени представление о скифах как о прямых предках славян. Это глубокое заблуждение, так как скифы входили в группу ираноязычных народов, что доказало исследование их имен и некоторых слов, сохраненных в античной литературе и греческих надписях, найденных при раскопках Северного Причерноморья. Скифы не были монголоидами с раскосыми глазами, что прекрасно видно на их реалистических портретах, созданных эллинами (рис. 39—44).

Какие-то элементы культуры всех народов, некогда населявших Северное Причерноморье, влились в культуру пришедших сюда славян. Отдельные, очень слабые, следы наследия скифов и сарматов ученые пытаются различить в ряде сюжетов восточнославянских сказок, в иранских именах двух языческих древнерусских богов — Хорс и Симмаргл, в некоторых мотивах народных вышивок.

Исчезая с исторической арены, народы растворялись в массе тех, кто занимал их место, так что в какой-то очень незначительной мере скифов и эллинов можно считать нашими предками. Поэтому Брюсов имел определенные основания так написать в стихотворении «Скифы»:

*Если бы некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.*

В поэзии Брюсова античных образов больше, чем у других его современников. Скифам Брюсов посвятил два стихотворения, написанные в 1900 и 1916 гг. Они вдохновлены не столько древней поэзией, сколько знанием античной истории, в первую очередь Геродота, и достижениями археологии. И все же стихи о народе, «взлюбившем буйство и войну», о «пьяном пире», «о вьюге и морозе» — дань древней эллинской поэтической традиции.

Мы — скифы

*Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны, — скифы.
Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.
Мы ужасали дикой волей мир,
Горя злоеце, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.
Что были мы? — щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет — все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!
Лелеяли нас вьюга и мороз;
Нас холод влек в метельный вихрь событий;*

Ножом вино рубили мы, волос
 Замерзших звякали ледяные нити!
 Наш верный друг, учитель мудрый наш,
 Вино ячменное живило силы:
 Мы мчались в бой под звоны медных чаш
 На пояс, и с ними шли в могилы.
 Дни битв, охот и буйственных пиров,
 Сменяясь, облик создавали жизни...
 Как было весело колоть рабов.
 Пред тем, как зажигать костер на тризне!
 В курганах грузных, сидя на коне,
 Среди богатств, как завещали деды,
 Спят наши грозные цари; во сне
 Им грезятся пиры, бои, победы.
 Но, в стороне от очага присев,
 Порой, когда хмелели сладко гости,
 Наш юноша выделял для дев
 Коней и львов из серебра и кости.
 Иль, окружив сурового жреца,
 Держа в руке высоко факел дымный,
 Мы, в пляске яркой, пели без конца
 Неистово-восторженные гимны!

В заключение остановимся еще на одном стереотипе — идеализированном образе скифа. Истоки такого представления восходят к Гомеру, назвавшему¹² каких-то северных кочевников «справедливейшими смертными». Немалый вклад в прославление не испорченных цивилизацией скифов внесли греческие философы, которые идеализировали варварские народы, живущие якобы в согласии с природой. Наиболее ярко тенденция идеализации скифов проступает в серии сначала фольклорных, а затем литературных новелл об Анахарсисе, мудром скифе, посетившем Элладу в VI в., о чем пойдет речь в следующей главе.

В 1788 г. в Париже вышел роман аббата Жан Жака Бартелеме «Путешествие младшего Анахарсиса в Грецию». Он имел огромный успех и выдержал несколько изданий. Под влиянием этой книги один из деятелей французской революции Жан Батист Клодт изменил имя и стал называть себя Анахарсисом.

В романе рассказывалось, как в IV в. молодой скиф Анахарсис отправился в Грецию для получения образования. Бартелеме описывал памятники, науку и культуру древней Эллады, увиденные глазами пытливого варвара. Путешествие младшего Анахарсиса целиком придумано Бартелеме, но идею о поездке скифа в Грецию с целью обучения аббат почерпнул у античных авторов. Герой романа шел по стопам своего предка и тезки, жившего на два столетия раньше.

В библиотеке А. С. Пушкина был роман Бартелеме. Под его впечатлением поэт в стихотворении «К вельможе» сравнил с Анахарсисом князя Юсупова, путешествовавшего по Европе и встречавшегося там с многими выдающимися философами и писателями.

Ученье делалось на время твой кумир:
 Уединялся ты. За твой суровый пир
 То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
 Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
 Бросал парик, глаза в восторге закрывал
 И проповедовал. И скромно ты внимал
 За чашей медленной афею иль деисту,
 Как любопытный скиф афинскому софисту.

В этом стихотворении владелец роскошного подмосковного имения Архангельское, согласно античной традиции, оказывался выходцем из Скифии, а его приобщение к блестящему миру европейских столиц уподоблялось путешествию Анахарсиса в Афины и другие города Эллады.

Глава четвертая

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА

Предыдущие главы были посвящены темам, к которым ученые редко обращались. Изучая описание Скифии в «Истории» Геродота, исследователь погружается в огромное море научной литературы с разнообразными толкованиями текста, множеством мнений филологов, историков и археологов, порой взаимоисключающих друг друга. Мы попытаемся не только суммировать сведения историка и дать оценку их толкования современным исследователями, но также показать, что именно привлекало внимание образованного и любознательного эллина в крайней северной из известных тогда грекам стран, в какой мере ему удалось понять ее обычаи и историю, какие задачи он ставил, собирая материал для своего сочинения, и по какому плану он его писал.

Биография «отца истории» и труд его жизни

В древнегреческой литературе интерес к биографическим описаниям впервые возник в эпоху, которую в науке принято называть эллинизмом. Его началом считается время после смерти Александра Македонского в 323 г., когда образовались крупные государства на завоеванных им землях, а концом — 30 г. до н. э., когда Рим покорил последнее из этих государств — Птоломеевский Египет.

Античные филологи по древним источникам в эллинистический период составили краткие биографии Геродота (рис. 5), фрагментарно сохранившиеся до наших дней. Древних биографов не интересовали детство и юность их героев, становление их взглядов, связь с предшественниками. Внимание привлекало лишь время наивысшего расцвета личности, которое, по мнению эллинов, приходилось на сорокалетний возраст. Греки полагали, что именно тогда совершались самые значительные дела человека, и поэтому они указывали только год «акме» — расцвета, а даты рождения и смерти, как правило, не упоминали.

«Акме» Геродота относили к 444 г., когда совершалось главное, с точки зрения современников, дело его жизни — участие в осно-

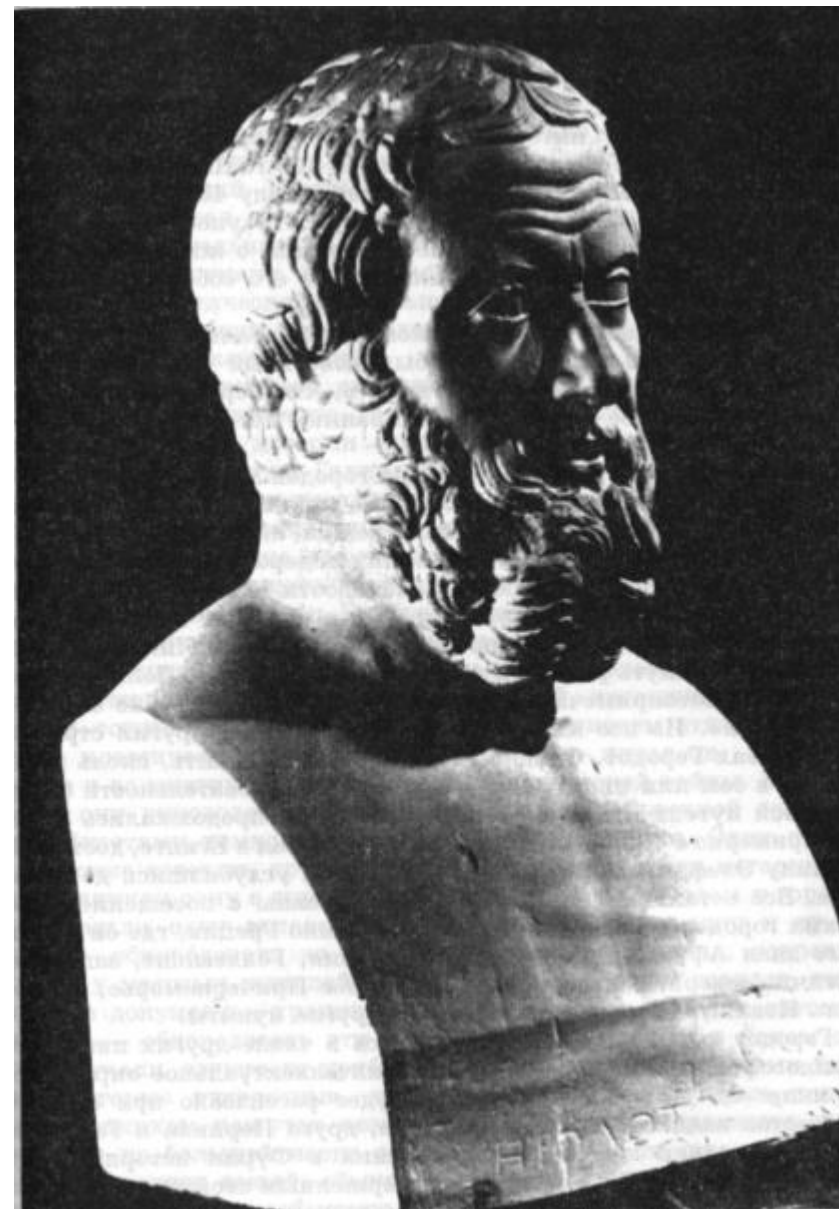

Рис. 5. Геродот. Римская копия с греческого оригинала. Ватиканский музей. Рим

вании колонии Фурии в Италии на месте разрушенного Сибариса. Исходя из этого критерия, условной датой рождения Геродота считается 484 год, а конец жизни определяется по косвенным данным из его «Истории». В ней говорится о выселении в 431 г. жителей Эгины с их острова, но не сказано об их истреблении в 424 г. При особом интересе историка к Персии он ничего не сообщил о Дарии II, начавшем править в 425 г. На этом основании ученые сделали вывод, что Геродот умер между 431 и 425 годами.

Разрозненные факты биографии Геродота упоминают разные античные авторы, но большая часть сведений о жизни, характере и мировоззрении историка извлекается из его собственного сочинения.

Геродот родился в малоазийском городе Галикарнассе. Среди его родственников-аристократов был известный автор эпических поэм Паниасид, поэтому можно думать, что Геродот получил хорошее литературное воспитание и с ранних лет в нем пробудился выдающийся талант писателя.

Как и во многих других греческих городах VI—начала V в., старая родовая аристократия Галикарнасса теряла власть под напором новых сил. Их обычно возглавляли вожди, концентрировавшие в своих руках единоличную власть; таких лидеров греки называли восточным словом тираны. Геродот в молодости включился в политическую борьбу на стороне аристократии и оказался в числе побежденных. Вместе с другими противниками тирана Лигдамида ему пришлось покинуть родину и переселиться на Самос. Политическая история и достопримечательности этого острова подробно описаны в «Истории». Из нее мы также узнаем о многих других странах, где побывал Геродот. Однако невозможно установить, сколь долго он жил в том или ином месте и в какой последовательности совершал свои путешествия. Вероятнее всего, они продолжались 8—10 лет, примерно с 455 по 447 год. Геродот побывал в Египте, достигнув по Нилу Элефантины, и в Передней Азии, углубившись до Вавилона. Все остальные его путешествия связаны с посещением греческих городов и их колоний: это собственно Греция, где он лучше всего знал Афины и Дельфы, Малая Азия, Геллеспонт, западное, частично северное и, возможно, восточное Причерноморье, часть Италии, Сицилия и некоторые другие пункты.

Геродот долго жил в Афинах. Здесь в числе других писателей и философов он вошел в ближайшее интеллектуальное окружение Перикла. Об этом более подробно будет рассказано при анализе творчества великого трагика Софокла, друга Перикла и Геродота. Через несколько лет после переселения в Фурии историк умер, вероятно, около 430 г., оставив незавершенным свой труд, который обрывается на эпизоде, не имеющем значения для общего плана всего сочинения. В 425 г. читатели познакомились с «Историей» в том виде, в каком она известна в настоящее время.

Произведение Геродота высоко оценили уже при его жизни. Тогда в Афинах при большом стечении народа авторы нередко читали сочинения на исторические темы. В 445 г. за чтение частей из «Истории» афинский Совет почтил Геродота специальным декретом и небывало высокой наградой в 10 талантов. Возможно, такую денежную премию выдали не только за «Историю», но и за какие-то услуги государству, которые Геродот оказал во время своих путешествий. К сожалению, не известно, на какие средства историк совершал свои дальние поездки и каковы были их цели, кроме познавательных. Вероятно, Геродот, подобно другим писателям своего времени, не целиком посвящал себя творчеству и не чуждался политической деятельности. Об этом свидетельствует его участие в основании новой колонии. Но память о себе на века он оставил только как историк.

На протяжении всей античности греки и римляне постоянно обращались к сочинению Геродота. Одни высоко оценивали его вклад в развитие истории (например, Цицерон и его младший современник Дионисий Галикарнасский), другие бранили (например, Плутарх), но даже хулители признавали в нем прекрасного писателя-стилиста, обладавшего простым, легким и живым языком. Высокая оценка все же преобладала и в основном остается такой же до настоящего времени.

Свой творческий путь Геродот начинал как логограф. Он писал отдельные сочинения о странах, где ему довелось побывать, и развивал традицию, которую обстоятельно охарактеризовал его соотечественник Дионисий Галикарнасский, читавший утраченные теперь сочинения логографов. Оценка Дионисием этих писателей стала классической. «Древних историков, — писал он, — имелось много и во многих местностях до Пелопоннесской войны. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немногим отличались друг от друга. Одни писали эллинские истории, другие варварские, причем и эти истории они не соединяли одну с другой, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель — обнародовать во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, письменные документы, хранившиеся как в храмах, так и в светских, местах, — обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получали, ничего не прибавляя и не убавляя. Среди этого были и некоторые интересные, необычные события, которые нашим современникам кажутся невероятными. Способ выражения употребляли по большей части одинаковый, — все те, кто писали на одном наречии, ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведениям их присуща какая-то пре-

лесть и красота, в одних в большей степени, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения остаются до сего времени». ⁶

Сравнивая характеристику логографов, данную Дионисием, с сочинением Геродота, можно понять, какой огромный скачок сделал историк в своем творчестве, отталкиваясь от опыта предшественников. Он совершил два важнейших открытия: написал первое крупное литературное произведение в прозе, во многом изменившее и обогатившее стиль изложения логографов, а главное впервые поставил и разрешил крупную, подлинно историческую задачу — описать греко-персидские войны и вскрыть их причины, уходящие вглубь веков.

Таким образом, Геродот отличается от логографов не просто большей талантливостью, как считают некоторые ученые, а принципиально новым подходом к своему труду. ⁸ Все это не исключает того, что зачатки исторического исследования содержались в сочинениях его предшественников, но открытие истории как науки принадлежит именно Геродоту. Великолепный знаток греческой литературы Цицерон подчеркнул огромную разницу ⁹ между логографами и Геродотом, назвав его «отцом истории», и это почетное звание сохранилось за ним до наших дней.

Геродот писал в тот период, когда прозаические произведения в греческой литературе только еще начинали утверждаться. На любую тему их было немного, и повторять изложенные в них сведения не имело никакого смысла. Работы компиляторов и книжных ученых появились гораздо позже, в эпоху эллинизма. А в середине V в., чтобы завоевать внимание слушателей и читателей, требовалось сообщить о том, чего не было у предшественников, то есть о том, что увидел сам или узнал от очевидцев, разыскал в надписях, в скупых городских и храмовых документах. Этот принцип сбора материала для своего труда изложен самим Геродотом в его подробном рассказе о Египте, ¹⁰ который до него уже посетил и описал Гекатей.

Его труд, как отмечали древние писатели, знакомые с утраченным теперь «Землеписанием», Геродот использовал в своей «Истории». Но в целом, хотя Геродот был одним из самых образованных людей своего времени, ¹¹ литературные произведения играли незначительную роль в его сочинении. По подсчетам современных исследователей, он обращался к устным источникам в пять раз чаще, чем к письменным, ¹² и более всего ценил то, что сам увидел и узнал.

Личное знакомство Геродота с различными областями известной грекам ойкумены не было явлением исключительным. Известно, что начиная с VI в. выдающиеся греческие исследователи предпринимали много дальних путешествий для всестороннего овладения изучаемой ими областью знаний. Так путешествовал Гекатей Милетский, чтобы составить свое знаменитое «Землеписание»,

поэтому его называли «многостранствующим» мужем. ¹³ Цицерон в трактате «О границах добра и зла» подчеркивал, что Пифагор, Платон и Демокрит «пустились в странствование по самым отдаленным странам из страсти к познанию». ¹⁴ Младший современник Геродота, гениальный философ Демокрит с гордостью писал: «Я объездил больше земли, чем кто-либо из современных мне людей, подробнейшим образом исследуя ее; я видел больше, чем все другие, мужей и земель и беседовал с наибольшим ¹⁵ числом ученых людей... я провел на чужбине около восьми лет».

По-видимому, Геродот не сразу поставил перед собой истинно исторические задачи, а начал писать в русле сложившейся традиции. ¹⁵ Первые четыре книги его «Истории» состоят как бы из отдельных очерков, посвященных Лидии, Египту, Скифии, Фракии, Ливии и другим, более мелким областям. В научной литературе их принято называть либо рассказами, либо греческим словом «логосы». Сначала, вероятно, они создавались как отдельные работы, сходные по задачам с сочинениями логографов. Новыми в них были не столько более свежий взгляд на предмет повествования, большее количество разнообразных фактов, сколько стиль и особенности изложения собранного материала. Вместо сухого перечня народов, географических объектов, различных событий и рационалистических изложений мифов, о чем нам известно по фрагментам Гекатея, Геродот ввел в повествование массу поистине замечательно написанных художественных рассказов, в первую очередь исторических новелл.

Вероятно, он сам был великолепным исполнителем фольклорных преданий, легко их запоминал и рассказывал в лучших традициях устного творчества того времени. Таких рассказчиков среди греков было немало: ведь Геродот пишет, что он узнавал свои новеллы и мифы у купцов, моряков, жрецов, переводчиков, политических деятелей и изгнанников. Уникальное дарование Геродота состояло в том, что он первым сумел изложить не просто схему сюжета, а записать красочно изложенное повествование, сохраняя диалоги героев, детальные описания местности, вещей снов, грозных предзнаменований. Это в полной мере отразилось в мифах и новеллах скифского рассказа, на которых мы остановимся ниже.

Во второй половине своей жизни Геродот обратился к мысли написать сочинение о греко-персидских войнах, которые закончились при его жизни. Историк стал устанавливать их причины, и они увели его вглубь веков отечественной и персидской истории, охватывающей почти весь тогда известный эллинам мир. Ему пригодились его прежние произведения о различных частях ойкумены, так как их население в той или иной мере участвовало в исторических событиях, предшествовавших войнам. В результате У Геродота родился грандиозный исторический замысел, который

он изложил в первой фразе своего сочинения: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров, не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».

Здесь нас покоряет мудрая позиция историка, заинтересованного в описании деяний не только своих соотечественников, но и других народов. В своей «Истории» он неизменно отдает должное всему значительному, что они совершили. Не переставая быть патриотом Эллады, Геродот способен видеть хорошее не только у нейтральных народов, но и у персов, противников греков, стремившихся лишить их свободы и отчасти преуспевших в этом в отношении ряда полисов на побережье Малой Азии и на островах. Девиз каждого историка, как говорил Тацит, — писать «без гнева и пристрастия». Геродот стремился воплотить в жизнь этот принцип уже на заре возникновения истории как науки.

Описание скифов и их соседей, непривычных для эллинов нравов и порой жестоких обычаев выдержано у Геродота в спокойном тоне заинтересованного исследователя. Это было нелегко в его времена, когда в поэзии создан устойчивый образ «дикого, буйного скифа»,¹⁷ когда среди эллинов были расхожими устные рассказы,¹⁸ отнюдь не благожелательно изображающие северных варваров, и в то же время наметилась идеализация скифов как далекого, справедливого, неиспорченного цивилизацией народа.

Излагая историю царствования Дария, Геродот подробно остановился на его походе на скифов и в связи с этим привел подробное описание географии и этнографии Скифии. Для этого Геродот, по всей вероятности, использовал свое небольшое ранее написанное сочинение, посвященное северному краю ойкумены. Включая его в «Историю», Геродот заново пересмотрел текст и сверил с картами ойкумены. Редакторская работа историка заметна, например, в 99-й главе, где он хочет наглядно представить очертание страны, населенной таврами, то есть южное побережье Крыма. Он уподобляет его мысу Суниону, хорошо известному афинянам, а затем прибавляет сравнение с Япигией, областью Италии близ колонии Фурии, где Геродот поселился в конце жизни. Этот добавочный текст явно рассчитан на новых соотечественников историка.

Ориентация Геродота на афинского читателя дает основание предположить, что свое отдельное сочинение о Скифии он читал в Афинах. Там живо интересовались этой страной, так как афинские корабли постоянно плавали к ее берегам в греческие колонии, часть из которых даже входила одно время в Афинский морской союз. Сам же факт выступлений историка перед афинской аудиторией записан в памфлете «О злокозненности Геродота», приписываемом Плутарху.

Вставляя Скифский рассказ в «Историю», Геродот добавил еще одно пояснение для жителей Фурий. Ведь до переезда в Италию он не был хорошо знаком с этой частью ойкумены и не рассчитывал, что упоминание о ней что-то прояснит его слушателям в Греции. Как показал Б. А. Рыбаков, протяженность упомянутого побережья Таврики и¹⁸ расстояние от Тарента до мыса Япигий действительно совпадают. В сравнении же с Сунионом расстояние значительно меньше, но это отметил и сам Геродот.

Современный читатель, впервые открывший «Историю», испытывает некоторую растерянность от необычности ее структуры. Здесь видно, как наука делает свои начальные шаги: она приступает к формированию целей и задач, к определению круга источников информации, а также ищет собственные формы письменного воплощения.

Хотя Геродот подчинил свой труд единой теме, она часто как бы теряется в больших отступлениях от основной линии рассказа, а внутри этих отступлений, в свою очередь, встречается немало вставных эпизодов. Автор не выделил названиями отдельные большие части «Истории», в частности рассказ, посвященный Скифии. Разделение сочинения на девять книг по числу муз, именами которых они называются, а внутри книг на главы сделано более поздними филологами, и не всегда удачно. Во времена Геродота еще не выработалась система ссылок, примечаний и приложений, они включаются непосредственно в повествование. Все это затрудняет чтение «Истории», так как мы привыкли к иному оформлению текста и научного аппарата. Геродот чувствовал определенное несовершенство композиции своего произведения, и поэтому сам отметил, что в его труде есть много придожений,²⁰ непосредственно не связанных с основным содержанием. Однако все эти крупные отступления, вводные эпизоды и краткие примечания в конце концов достигают цели: они создают грандиозную картину древнего мира, на фоне которой шли греко-персидские войны.

Геродот разделял точку зрения многих своих современников, думавших, что, отстояв свободу в борьбе с персами, греки одержали победу, равную завоеванной ими в легендарной Троянской войне. Поэтому детально описанные историком подвиг трехсот спартанцев во главе с царем Леонидом при обороне Фермопил в 480 г., блистательные победы эллинов при Марафоне в 490 г., Саламине в 480 г. и другие считались достойными деяний древних героев.

Скифо-персидская война

Поход персидского царя Дария на скифов произвел на греков неизгладимое впечатление и надолго закрепил за скифами репутацию непобедимого воинственного народа. Поражение в Скифии

оказалось первой крупной неудачей в серии завоевательных войн персов; поэтому эллины с живым интересом относились к воспоминаниям о поражении в Скифии их грозного противника Дария I (521—486 гг.).

К рубежу VI—V вв. власть персидской державы распространялась на огромные пространства от берегов Эгейского и Средиземного морей на западе до Каспийского моря и северных рубежей Индии на востоке. Продолжая политику своих предшественников, Дарий расширил свои владения путем завоевания новых территорий. Его главным стремлением было подчинение западных соседей, эллинских государств на Балканском полуострове. Но прежде чем осуществить эту задачу, Дарий совершил несколько других завоевательных походов.

Как пишет Геродот, через несколько лет после покорения Вавилона в 521 г. персидский царь пошел на Скифию. Ученые приложили немало усилий, чтобы по косвенным данным античной литературы и персидских надписей выявить более точное время похода: он был совершен между 515 и 512 гг.²¹

Еще большие трудности вызывает определение цели военных действий персов. Геродот и его современники считали, что Дарий решил наказать скифов за разорение Малой Азии. Однако с тех пор минуло целое столетие, так что это могло служить лишь официальным объяснением объявления войны. В античной литературе есть некоторые указания на то, что в VI в. скифов не покидало стремление повторить поход в Азию, где находилось Персидское царство. Поэтому, вероятнее всего, Дарий хотел подчинить скифов, чтобы обезопасить свои владения от набега грозных кочевников в преддверии завоевания Эллады. Несмотря на то что персам не удалось покорить Скифию, они все же достигли своей цели. Скифы больше не вторгались в Малую Азию, хотя и не сразу отказались от своих намерений. После поражения Дария они искали союза со Спартой, чтобы совместными усилиями с разных сторон напасть на Персию.²²

Рассказ Геродота о скифо-персидской войне во многом строится на устных преданиях ионийских греков. Их государства во второй половине VI в., в той или иной мере зависимые от персов, были вынуждены им помогать, как и другие многочисленные народы, подвластные огромной Персидской державе. Персидское владычество простиралось и на остров Самос, уроженец которого Мандрокл построил понтонный мост через Боспор Фракийский. По нему огромное персидское войско смогло перейти из Азии в Европу и двинуться к Скифии по западному побережью Понта.

В память об этом Мандрокл нарисовал картину, где представил сидящего на возвышении персидского царя, созерцающего, как его войска переходят мост. Во время пребывания на Самосе Геродот видел эту картину в храме Геры и списал сопровождавшую ее

надпись: «Наведя мост через Боспор, изобилующий рыбой, Мандрокл посвятил Гере эту картину как память о мосте; (осуществив замысел царя Дария), себе он стяжал венец, самосцам же славу». Здесь представляется редкий случай, когда можно проверить Геродота по другим античным текстам и оценить достоверность его изложения. Три первые строки надписи с незначительными различиями лишь в правописании имени строителя моста сохранились в так называемой Палатинской антологии, древней рукописи, хранящейся в Гейдельберге, где собраны многие античные надписи.

Кроме картины Мандрокла, Геродот видел две стелы из белого камня, поставленные Дарием в память о грандиозной переправе. На них были высечены надписи «ассирийскими и греческими письменами» с перечислением всех племен, собравшихся в персидском войске. К сожалению, Геродот не переписал эти теперь утраченные надписи.

На пути в Скифию Дарий покорил фракийцев и подошел к Истру. По приказу царя из подвластных персам ионийских городов сюда прибыли греки во главе со своими предводителями, которых Геродот называет тиранами.²⁴ Из кораблей они соорудили мост для перехода пешего войска через Истр. Этот мост находился в двух днях пути от моря немного выше того места, где начинается дельта Дуная и он разветвляется на рукава.

Вторгаясь в Скифию, Дарий не застал врасплох местное население. Вероятно, скифы неплохо организовали разведку и заранее узнали о надвигающейся угрозе. Они сознавали, что одни не смогут противостоять персидскому войску и потому собрали совет предводителей своих соседей тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов. Последние трое согласились участвовать в отпоре персам, а остальные уклонились, считая, что война их не затронет.

Затем был выработан стратегический план войны. Скифское войско состояло из трех армий под руководством царей Идантирса, Скопасиса и Таксакиса. К Скопасису присоединились савроматы, этой армии предписывалось ждать персов у Меотиды и заманивать их к Танаису. Большая же часть войска, куда вошли воины Идантирса, Таксакиса, гелонов и будинов, двинулась навстречу Дарию. Они не собирались вступать в открытый бой, но решили увлечь врага в глубь страны, истребляя на его пути всю растительность и засыпая колодцы и источники.

Высланных вперед передовых всадников персы обнаружили, когда войско продвинулось на три дня пути от Истра по Скифии. С этого момента война развивалась согласно замыслу скифов: персы их преследовали, углубляясь все дальше в степи, но кочевники уклонялись от решительного сражения. В результате Дарий в труднейших условиях пересек всю Скифию вплоть до Танаиса и повернул обратно. Тогда скифы стали направлять персов в земли

меланхленов, андрофагов и невров, чтобы наказать их за отказ участвовать в объединенном походе. Замысел скифов и здесь оправдался: эти племена в ужасе бежали на север, оставляя свои владения на разграбление движущимся войскам. Скифская конница постоянно атаковала отряды персов, искавших воду и продовольствие. Однако решающей битвы так и не произошло, несмотря на обращение Дария к Идантирсу. Измученное и поредевшее войско персидского царя было вынуждено покинуть Скифию. Скифы блестяще справились с разработанным ими планом действий против превосходящего в силе противника — они диктовали ему такие условия, при которых преимущество в численности нельзя реализовать в открытых крупных сражениях.

Греки участвовали в походе Дария лишь до рубежей Скифии на Истре, и поэтому о продвижении персидского войска до этого места у Геродота рассказано достаточно достоверно. Что же касается собственно скифо-персидской войны, то в ее описании много неясного. В основе лежат персидские устные рассказы участников похода. Увоенные ионийскими греками, они стали известны Геродоту через много десятилетий после завершения войны.

При наложении на современную карту поражает огромный путь, проделанный персидским войском в столь трудных условиях. Его протяженность составляла, по оценкам одних ученых, около 3750 км, по оценкам других — около 5750 км.²⁵ Описанный Геродотом маршрут справедливо вызывает недоверие большинства современных исследователей. Однако приходится примириться с тем, что многое в ходе скифо-персидской войны так и останется невыясненным. Надо полагать, что Геродот привлек для своего изложения все доступные ему источники, но они к его времени страдали отсутствием точности во многих деталях.

Сказанное не означает, что современные исследователи не пытаются найти объяснение затруднительным для понимания главам «Истории». Обширная научная литература посвящена толкованию всех глав Скифского рассказа Геродота.²⁶ Для примера мы предлагаем свою интерпретацию двух глав, относящихся к началу и концу скифо-персидской войны: одна содержит наказ Дария грекам, охранявшим мост через Истр, в другой рассказывается о письме скифов персидскому царю.

После переправы войск в Скифию Дарий хотел разрушить мост через Истр, но один из греческих военачальников Кой отговорил его от этого. Он посоветовал оставить мост под охраной его строителей с тем, чтобы сохранить возможность при необходимости легко возвратиться обратно. Совет Коя показался Дарию разумным, и он обратился к ионийским тиранам с наказом сторожить мост в течение 60 дней. Для этого царь вручил им ремень с завязанными на нем 60 узлами и велел с того дня, как он отправится в Скифию, ежедневно развязывать по узлу. Если войско не возвратится, когда

все узлы будут развязаны, тираны со своим флотом могут отплыть на родину.

По прошествии 60 дней милетский тиран Гистий, несмотря на требования скифов и истечение срока, назначенного Дарием, не разрушил мост. Этим он оказал огромную услугу появившемуся через некоторое время персидскому войску, бежавшему от скифов.

Итак, согласно рассказу Геродота поход Дария по Скифии длился несколько более двух месяцев, в течение которых персы дошли до Танаиса и возвратились к низовьям Истра. Еще в древности казалось невероятным, что войско способно преодолеть столь длинный путь за такое время. Поэтому Страбон считал, что в действительности Дарий достиг лишь Тираса,²⁸ а современные исследователи допускают продвижение войска до Днестра или Днепра. Однако за последние годы неоднократно высказывались доводы в защиту достоверности сведений Геродота относительно сроков похода и его конечного рубежа на Танаисе.²⁹

У читателя не может не вызвать удивления тот факт, что Дарий, отправляясь в плохо известную страну и не зная, каким образом развернутся военные действия, заранее определил число дней, необходимое для похода. В научной литературе отмечалась также слишком примитивная для персов и греков того времени форма счета дней по узлам на ремне.³⁰

По нашему мнению, все названные затруднения находят объяснение в том, что источником сведений историка послужило устное предание, бытовавшее ко времени Геродота уже более полувека. В нем исторические события осмыслены в фольклорных образах; переправа Дария через Истр, где он у моста оставил охрану, связана с распространенным фольклорным мотивом: наказ ждать определенный срок, после которого ожидающий должен произвести то или иное действие (в данном случае разрушить мост) и может считать себя свободным от всяких обязательств. Срок в таких случаях определяется традиционным фольклорным числом, а 60 — круглое традиционное число для народа, использующего шестидесятиричную систему. Она была в ходу у персов, частично употреблялась греками и до сих пор сохраняется в нашем быту при определении времени (час состоит из 60 минут, год из 12 месяцев и т. д.) и счете на дюжины.

Фольклористы пришли к заключению, что, оформляясь в предание, рассказ об историческом событии подводится под одну из традиционных схем. В народном сознании исторические факты превращаются из бессодержательной с мифопоэтической точки зрения цепи событий в набор осмысленных канонических сюжетов; историческим лицам приписываются такие свойства, которые позволяют им быть значимыми персонажами с фольклорно-мифологической точки зрения.³¹ Исходя из этого, надо полагать, что в названной историком продолжительности похода в 60 дней не

содержится никаких реальных указаний на длительность пребывания Дария в Скифии, и этим числом нельзя пользоваться для расчетов скорости продвижения войска.

В качестве параллели к фольклорному сюжету о приказе Дария приведем пример из греческой мифологии. В поисках Немейского льва Геракл зашел к поденщику Молорху. Геракл велел ждать его 30 дней, сказав, что если по истечении срока он не вернется из Немейской роши, то Молорх должен приготовить поминательную жертву по погибшему герою.³² В мифе заметно полное сходство сюжета с рассказом о действиях Дария у моста через Истр. Подобно Гераклу перед сражением с Немейским львом Дарий накануне вторжения в Скифию определил срок для совершения задуманного похода и сказал, что делать в случае, если он не возвратится.

В фольклорной традиции находит также объяснение архаичная форма счета узлами. Ею пользуются народы, не достигшие высокого уровня цивилизации: например, племена в Перу вели запись чисел при помощи веревок с узлами (квипу). В фольклоре же часто сохраняются упоминания об архаичных, давно вышедших из употребления обычаях, обрядах и т. п.³³

Историческое предание о походе Дария было обработано в устной традиции по образцу распространенного фольклорного сюжета о походе героя на врагов. В рассказ органично вошли привычные фольклорные черты этого сюжета. К ним относится определение срока ожидания в 60 дней и форма отсчета этих дней. В этот ряд встает и фигура мудрого советчика Коя, отговорившего Дария от опрометчивого решения немедленно после переправы в Скифию разрушить мост. В речи Коя ученые справедливо усматривают осмысление событий похода, появившееся уже после него.³⁴ Ведь Кой предсказал причины неудач Дария, заключавшиеся в особой тактике ведения войн скифами, у которых не было поселений и крепостей, требовавших защиты.

Отмеченные фольклорные мотивы накладываются на реальную основу рассказа, в котором запечатлелся ряд исторических фактов: наведение греками моста через Истр, переправа через него персидского войска, приказ Дария охранять мост до его возвращения, требование скифов разрушить мост, помощь милетского тирана Гистия при обратной переправе персов. По-видимому, Дарий после похода по Скифии допускал возможность возвращения на родину через Кавказ; в этом случае мост через Истр был не нужен, и его следовало разрушить, то есть увести корабли, из которых греки составили переправу.

Эти факты осмыслены фольклорным мышлением их передатчиков, и Геродот записал их близко к устному оригиналу; недаром почти все содержание рассматриваемых глав заключено в прямые экспрессивные речи действующих лиц: царя Дария, советчика Коя,

тирана Гистия и скифов. Подобные речи, как показал В. Али, являются верными при-

Второй эпизод относится к заключительному этапу войны. Вот как он изложен у Геродота: «Дарий наконец очутился в безвыходном положении, и цари скифов, узнав об этом, послали вестника, принесшего в дар Дарию птицу, мыш, лягушку и пять стрел. Персы спрашивали принесшего дары о значении подарков. Он сказал, что ему было приказано только, отдав дары, как можно скорее удалиться. Он предложил, чтобы персы, если они мудры, сами поняли, что означают эти дары. Услышав это, персы стали совещаться.

Дарий высказал мнение, что скифы отдают и самих себя, и землю, и воду. Он предположил это на том основании, что мыш живет в земле, питаясь теми же злаками, что и человек, лягушка — в воде, птица более всего походит на лошадь; стрелы же означают, что скифы отдают свою военную мощь. Вот какое мнение было высказано Дарием. Этому мнению противостояло мнение Гобрия... Он предположил, что эти дары означают: „Если только вы, персы, не улетите в небо, обратившись в птиц, не укроетесь в земле, став мышами, или не прыгнете в болото, обратившись в лягушек, вы не вернетесь назад, поражаемые вот этими стрелами"».*

Это устное предание излагалось в разных вариантах, как можно судить по записи старшего современника Геродота Ферекида, сохранившейся в сочинении раннехристианского писателя Климента Александрийского.³⁶ У Ферекида набор предметов, посланных Идантиром Дарию, несколько иной: стрел не пять, а лишь одна, но зато добавлен еще плуг. Разнятся и имена толкователей. В пользу персов послание объясняет не Дарий, а его придворный Оронтопаг, а правильный смысл раскрывает другой придворный Ксифодр: «Если только мы не взлетим, как птицы, не скроемся в земле, как мыши, и не погрузимся в воду, как лягушки, то не избегнем их стрел, так как не владеем землей».

Различаясь в некоторых деталях, оба толкования сходны даже в характере изложения: они приведены в прямой речи, что хорошо отражает варианты устного предания, которое почти дословно передано в этих записях.

Информаторы Геродота и он сам рассматривали послание скифов как своеобразные дары; недаром историк употребил это слово семь раз. Поэтому и современные исследователи исходили из такого Понимания. Например, В. Али отметил, что обмен дарами при переговорах был обычным в дипломатии древних, но эти конкретные скифские дары исследователь счел легендарными. Дж. Балсер высказал ничем не подкрепленное мнение, что предметы, доставленные Дарию, были сделаны из золота, так как обмен дарами предполагал вручение ценных вещей.³⁷

* Все цитаты из «Истории» Геродота даны в переводе И. А. Шишовой.

Этнограф и особенно историк, изучающий развитие письменности, сразу поймет, что предметы, посланные скифами, нельзя считать дарами. Это ясно даже по тексту Ферекида, писавшего, что Идантирс «послал символ вместо письма», то есть это была реакция скифов на вторжение в их земли. Таким образом, в сочинениях античных авторов сохранились сведения о письме, написанном теми средствами, которые были доступны скифам. В научной литературе по истории письменности уже отмечалось, что это свидетельство о предметном письме, где понятия сами по себе непосредственно не передаваемые заменяются внешне подобными символами.³⁸ Предметное письмо в состоянии выразить лишь общий, а не дословный смысл сообщения, которое получатель письма может понять, если он умеет мыслить теми же образами, как и его отправитель. Поэтому Дарий вначале истолковал послание в доступных персам понятиях, истинный же смысл заключался в образах, свойственных скифам.

Этнографические наблюдения дают сходные примеры предметного письма. Так, народность лу-цзы, жившая на тибето-китайской границе, следующим образом выражала мысль «немедленно готовиться к войне»: противнику посылали кусок куриной печенки, три куска куриного жира и стручок перца, завернутые в красную бумагу.³⁹

По археологическим источникам известно, что скифы на всем протяжении своей истории не имели письменности. Рассмотренный эпизод — единственное свидетельство того, каким образом они пытались передавать информацию не в устной форме. Такой символический язык был понятен лишь в скифской среде, греки же и персы, имевшие развитую письменность, расценили послание скифов как своеобразные дары.

На этом небольшом примере видно, каким глубоким непониманием разделялись культуры кочевых причерноморских племен и их соседей эллинов. Однако любознательный ум греков постоянно стремился проникнуть как в тайны природы, так и в сущность жизни и знаний других народов. Это прекрасно иллюстрируется исследованием быта и нравов скифов в «Истории» Геродота.

География и этнография Скифии

Выше уже отмечалось, что в повествование о походе Дария на скифов Геродот включил свое ранее написанное сочинение. Он сделал это для того, чтобы читатель мог представить быт и нравы местного населения и географическое положение областей, по которым двигалось персидское войско.

Задумав описать Скифию, Геродот, конечно, познакомился с картами и существовавшей к тому времени литературой об этой

стране. Эти сведения он часто использовал в своем труде, конспективно изложив их в 99—101 главах. Из них мы узнаем, что греческие географы представляли территорию Скифии в форме квадрата со стороной в четыре тысячи стадиев. Перевести эту цифру на современные измерения затруднительно, так как в разных греческих государствах длина стадия определялась по-разному. Возможно, историк пользовался ионийским стадием (210 м), поскольку Скифию главным образом исследовали ионийцы; кроме того, эта мера была привычной для уроженца малоазиатского Галикарнасса. В то же время в «Истории» отчетливо прослеживается ориентация автора на интересы афинских читателей, поэтому он мог дать измерения в аттических мерах длины, где стадий равнялся 177,6 м.

Квадратные очертания Скифии отражают склонность греческих географов к уподоблению отдельных географических объектов геометрическим фигурам или знакомым предметам. Мы уже отмечали, что Понт Евксинский изображали в форме скифского лука, а Ахиллов Дром как клинок узкого меча. Подобным образом площадь Ливии на карте чертили в виде треугольника, а контуры Иберии считали сходными со шкурой быка.⁴⁰ Остров Сардиния получил даже название Ихнуса, что значит «след ноги».

Ионийские географы нанесли на скифский четырехугольник местоположение своих колоний и основные реки Восточной Европы, которые изображались текущими прямо с севера на юг.⁴¹ Борисфен разделял пополам всю Скифию. Его истоки терялись в неизвестности, а устье, близ которого лежала Ольвия, находилось посередине южной границы Скифии. Эта граница изображалась прямой линией, несмотря на то, что греки знали о выступе Крымского полуострова. Но Таврика, населенная нескифскими племенами, отсекалась от Скифии, и, таким образом, ее южный рубеж тянулся прямо от Истра к Боспору Киммерийскому. На сухопутных границах Скифии географы с запада на восток располагали владения племен агафирсов, невров, андрофагов и меланхленов.

Геродот отправился в Скифию, чтобы самому собрать необходимый материал для нового сочинения. Он не знал никаких иностранных языков и все сведения получал от греков, широко расселившихся по берегам Средиземноморья и Причерноморья. В каждой стране историк выбирал в качестве опорного пункта какой-нибудь значительный город. Так он узнавал от греков и через их посредство от туземцев все, что его интересовало. Из этого города он совершал поездки по стране: в Малой Азии из Вавилона, в Египте — из Мемфиса, а в Скифии — из Ольвии.

Среди многих греческих колоний в Северном Причерноморье историк выбрал Ольвию не случайно, а потому, что она, как он сам отметил,⁴² «находится в самой середине побережья всей Скифии». Стремление Геродота попасть в такой пункт связано, по

нашему мнению, с системой ориентации, которой пользовались его современники и большинство более поздних античных писателей. Географические описания строились на последовательном перечислении городов, стран, народов и т. п., увиденных как бы из центральной точки, где подразумевалось нахождение автора.

Отправляясь в Ольвию, Геродот сначала расспросил о ней в ее метрополии Милете и заручился возможностью там пожить. Ведь без предварительной договоренности и всевозможных рекомендаций путешествия в древности были невозможны. Судя по тексту «Истории», Геродот хорошо знал Милет и его окрестности. Там он услышал и записал рассказы о политической деятельности своего знаменитого предшественника логографа Гекатея и трех милетских тиранов — Фрасибула, Гистия и Аристагора.

Впрочем, достаточную информацию об Ольвии и необходимые рекомендации для путешествия Геродот мог получить и в Афинах. О связи историка с этим городом уже говорилось в его биографии. Археологические исследования свидетельствуют об оживленной торговле между Атикой и Ольвией в V в., когда импорт из Ионии почти исчезает.

Две крупнейшие реки Северного Причерноморья Гипанис и Борисфен сливались неподалеку от Ольвии. Ее жителям они служили главными ориентирами при определении мест обитания племен Скифии, которые разделялись на две группы: живущие на Гипанисе и западнее его и живущие у Борисфена и восточнее его. Следуя этому принципу, Геродот развернул перед читателем картину населения Скифии. По Гипанису к западу от Борисфена первыми у границ Ольвийского полиса жили каллипиды, затем алазоны, скифы-пахари и, наконец, невры. Естественно, ольвиополиты лучше всего знали своих непосредственных соседей, поэтому только о каллипиде и алазонах у Геродота детально записано, какие культуры они сеяли и употребляли в пищу: хлеб, лук, чеснок, чечевицу и просо.

Не совсем понятна характеристика, данная историком, народу пахарей, которые сами не едят хлеба, а лишь выращивают его на продажу. Вероятно, это было подвластное скифам земледельческое население, выращивавшее на продажу пшеницу, а для собственного употребления другие злаки, скорее всего полбу — особый вид пшеницы-двузернянки. По сравнению с пшеницей она обладает большей выносливостью и устойчивостью урожая, однако не пригодна для дальних перевозок и выпечки хлеба. Из нее в основном варили кашу. Здесь следует напомнить, что каша играла значительную роль в питании многих древних народов. В Греции, где плохо росла пшеница, бедняки употребляли главным образом ячменную кашу, а в быту небогатых римлян каша из полбы составляла обычную пищу. Остатки полбы нередко встречаются при раскопках памятников скифского времени в лесостепной зоне, где жили скифы-пахари.⁴⁴

После перечисленных племен Геродот обращается к описанию населения к востоку от Борисфена и включает в него не только скифские, но и другие племена Восточной Европы вплоть до Урала. Историк рассказывает, сколько дней требуется, чтобы пересечь их владения, и около каких рек они обитают.

Большие полноводные реки Геродот считал главной достопримечательностью Скифии.⁴⁵ Восемь из них — Истр, Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис — греки выделяли по существенному для народа мореплавателей признаку: возможности войти на корабле в устье и использовать как водные пути вглубь материка. Геродот уделил особое внимание описанию течения каждой из этих рек.⁴⁶

Нижнее течение первых четырех он видел сам. В этом убеждает подробное перечисление притоков Истра, упоминание о населении берегов Тираса и о горьком вкусе воды Гипаниса в его низовьях. О среднем течении последних двух рек Геродот рассказал неизвестную греческим картографам подробность: они сближаются своими излучинами в земле алазонов. Это служит важным ориентиром при наложении сведений историка на современную карту. На ней видно, что Южный Буг и Днестр сближаются на севере Одесской и на юге Винницкой областей, а наименьшее расстояние между ними составляет не более 80 км.

Особое впечатление произвел на Геродота Борисфен. Он казался ему сопоставимым только с двумя самыми крупными известными грекам реками — Истром и Нилом. Уступая последнему, Борисфен, по впечатлению историка, превосходит полноводностью все остальные реки, а по длине уступает лишь Истру. Впрочем, Геродот признает, что это только его предположение, так как никто из греков не знает ничего определенного об истоках этих трех рек.

Геродот восхищается плодородием почв на берегах Борисфена, великолепной травой на прибрежных пастбищах и обилием рыбы в реке. Особенно его поразили огромные осетровые, которых «называют антакиями». Глагол «называют» без подлежащего выразительно показывает, что историк слышал название рыбы от местных жителей. Его собственные наблюдения отразились также в характеристике приятной на вкус воды Борисфена и в том, что он рассмотрел, как в реке одновременно текут мутные и прозрачные потоки.

Истр, Тирас, Гипанис, Борисфен и Танаис легко отождествляются с современными Дунаем, Днестром, Южным Бугом, Днепром и Доном. Правда, как убедительно показал Б. А. Рыбаков, с Танаисом надо соотносить только нижнее течение Дона, а истоком в древности считался Северский Донец.⁴⁷

Большие затруднения возникают при определении соответствий Пантикапа, Гипакариса и Герра. Это объясняется существенными изменениями гидрографии в Херсонской и Запорожской областях.

Ни одна из протекающих здесь рек полностью не отвечает описанию Геродота. Трудности и разногласия при идентификации возникают не столько из-за характера сведений историка, сколько из-за наших недостаточных знаний о том, по каким высохшим руслам и балкам можно восстановить направление течения рек в древности и места их впадения в море или другую реку.

К востоку от Борисфена жили различные скифские племена. Ближе всего к Ольвии обитали борисфениты, или георги (буквально земледельцы), затем кочевые и, наконец, царские скифы, господствовавшие над всеми остальными. Далее Геродот описывает целый ряд нескифских племен. Все эти сведения, по его собственным словам, он получил в Ольвии.

Отсюда начинался торговый путь, по которому купцы пересекали Восточную Европу вплоть до Урала, где обитали аргиппеи, самое дальнее из известных на этом пути племен. Здесь товары выменивались, по-видимому, на золото. Его месторождения и древние разработки обнаружены на Южном Урале. Существование названного торгового пути подтверждается археологическими находками, в первую очередь зеркалами.⁴⁸

В Ольвии во второй половине VI—начале V⁴⁹ в. изготавливали зеркала (рис. 6), украшенные в скифском стиле. Круглый прекрасно отполированный диск зеркала из специального сплава бронзы давал хорошее отражение. Зеркало имело довольно длинную ручку, чаще всего оканчивающуюся фигуркой пантеры или головкой барана, а под диском иногда помещали еще лежащего оленя. Ориентируясь на вкус скифов, греческий мастер делал фигурки животных в так называемом скифском зверином стиле. Зеркало представляло ценность не только как предмет искусной работы, но и как крупный слиток дорогой бронзы весом 700—800 г. Купцы брали зеркала из Ольвии как один из удобных и ходовых предметов при торговом обмене. Такие зеркала найдены во многих курганах Скифии, на правобережье Волги и около Орска, то есть вдоль пути на Урал. Здесь обнаружены также ольвийские монеты-борисфены V—IV вв. и свинцовые пломбы с греческими надписями, что указывает на непосредственные контакты ольвийских купцов с савроматами. Важным перевалочным пунктом в низовьях Дона с V в. было Елисаветовское городище, а позже основанный неподалеку город Танаис. Переправа через Волгу находилась, наверное, у села Дубовка.

В опасном далеком путешествии по непривычному для греков сухопутному пути они объединялись со скифами, хорошо ориентировавшимися в бескрайних степях и умевшими преодолевать все трудности переходов по малозаселенным или вовсе пустынным местам. Вероятно, ольвиополиты рассказывали о присоединявшихся к таким караванам греках из других северопричерноморских

Рис. 6. Бронзовое зеркало VI в. из Ольвии.
Эрмитаж. Санкт-Петербург

колоний, поэтому Геродот упомянул, что об аргиппеях можно узнать не только в Ольвии, но и в других понтийских гаванях.⁵⁰

В своих рассказах о населении Восточной Европы купцы сообщали Геродоту практические наблюдения, сколько дней они шли по землям того или иного народа, через какие реки переправлялись, а также отвечали на вопросы историка о нравах и обычаях встречавшихся им племен. Таким образом, Геродот записал, что борисфениты занимали пространство в три дня пути от Борисфена до Пантикапа. Далее между Пантикапом и Герром на расстоянии 14 дней пути жили скифы-кочевники, земли за Герром до Танаиса принадлежали скифам царским. Их владения на севере граничили с меланхленами, а на востоке с савроматами. Территория последних простиралась с юга на север на 15 дней пути до лесной страны будинов. Севернее будинов жили охотничьи племена тиссагетов и иирков, затем особая группа скифов и, наконец, аргиппеи, последние, о которых Геродот смог получить ясные сведения.

С направлением древнего пути связаны указания протяженности территории племен, сначала с запада на восток, затем с юга на север. Дневной переход историк определяет в 200 стадиев; однако, как уже говорилось, нам неизвестна точная длина этого стадия. Еще важнее учесть, что путь не был прямым из-за особенностей рельефа местности; он замедлялся в густых лесах и топких болотах, удлинялся, если переправа через реку лежала в стороне от прямой дороги. Поэтому протяженность в днях пути длиннее, чем измерение той же территории на современной карте, причем из-за разнообразия географических областей разность названных двух измерений оказывалась различной на разных отрезках дороги. Все это чрезвычайно затрудняет наложение сведений Геродота на современную карту и соотнесение археологических культур с описанными историком племенами. Из-за этого, а также из-за невозможности точно соотнести некоторые древние реки с современными, ученые по-разному локализуют племена Геродотовой Скифии. Сколь сильны такие разногласия видно по картам разных исследователей.

В устной практике греков давно существовал интерес к этнографическим наблюдениям. Особенно они были свойственны колонистам, жившим в окружении чуждых племен. Необходимые сведения о нравах и обычаях, а также занимаемых ими территориях вызывались практическими потребностями жизни на новых землях. Но наряду с необходимым пытливым ум греков наблюдал множество разных сопутствующих деталей.

У нас нет оснований предполагать, что в V в. в греческих городах Северного Причерноморья существовали какие-то письменные труды по этнографии, но устная этнография была чрезвычайно развита, о чем свидетельствуют записи Геродота. Конечно, в своем сочинении он систематизировал разрозненные сведения многих

информаторов, которых расспрашивал по определенному, заранее составленному плану. Например, описание аргиппеев отвечает почти на все этнографические вопросы, интересовавшие Геродота. Он обрисовал читателю внешний вид аргиппеев, особенности питания, жилища, одежды, указал на отличие их языка от скифского и на исключительное миролюбие:

«У подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины, — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками; они говорят на особом языке, но носят скифскую одежду. Питаются они плодами деревьев. Название дерева, плодами которого они живут, — понтик, по величине оно приблизительно равно фиговому дереву, плод приносит равный по размерам бобу, но с косточкой. Как только плоды созревают, их процеживают через куски ткани, из плодов вытекает сок густой и черный, название этого сока — асхи. Этот сок они, смешивая с молоком, пьют, а из густого осадка этого сока приготавливают лепешки и питаются ими. Ведь скота у них немного, так как сколько-нибудь приличных пастбищ там нет. Каждый живет под деревом: зимой — покрыв дерево плотным белым войлоком, а летом без войлока. Их не обижает никто из людей, так как говорят, что они священны. У них нет никакого оружия для войны. Именно они разбирают споры соседей, а тот, кто прибегает к ним искать убежища, не терпит ни от кого обид. Название этого народа — аргиппеи.

Вот до этих плешивых о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также у эллинов,⁵¹ как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней».

Современные исследователи установили, что аргиппеи обитали в степной части современной Башкирии и на Южном Урале. Такой локализации отвечает место жительства аргиппеев у подножия высоких гор, характеристика их жилища («деревья, покрытые войлоком», то есть чумы или юрты) и особенно выразительное описание их национального напитка из «понтика», степной вишни, растущей на Южном Урале и в Зауралье. Записанное Геродотом местное название этого напитка «асхи» и сходный способ его приготовления существовали еще в XIX в. в быту калмыков, казахов и башкир.

Сообщение Геродота о том, кто доходит до аргиппеев, допускает Двойственное толкование с точки зрения грамматики древнегреческого языка: можно понять, что аргиппеев видели и скифы и эллины, а можно понять — только скифы. Многие комментаторы склонялись к последнему толкованию и считали, что лишь скифские купцы целиком проходили долгий торговый путь через всю Восточную Европу.⁵²

Однако анализ текста приводит нас к иному выводу. Только гreek мог сравнить размер местного дерева с фиговым, а плод с

бобом. Ведь при сравнении возникают ассоциации с чем-то знакомым, привычным для рассказчика и слушателя. Для скифов же бобы и особенно фиги были чуждыми культурами: бобов они не сеяли, а фиги в Северном Причерноморье росли только в садах у греков.

Детальное знание способа приготовления напитка аргиппеев и его местное название «асхи» объясняется, по всей вероятности, тем, что грекам приходилось довольно долго оставаться в конечном пункте своего путешествия и, за неимением другого, употреблять пищу местных племен.

Эти наблюдения со всей определенностью показывают, что некоторые греческие купцы ходили за золотом по описанному Геродотом пути от Ольвии к Уралу и встречались со всеми перечисленными в «Истории» племенами.

На примере аргиппеев мы видели, как Геродот сообщил сведения о быте отдаленного, мало кому известного племени. Однако в полной мере блестящее мастерство историка проявилось в характеристике скифов, которая раскрывает его талант этнографа, одного из первых в мире. Современные ученые особо выделяют умение Геродота значительно расширить по сравнению с логографами круг вопросов, характеризующих этнос. Выработанная им схема этнографического описания в целом удовлетворяет даже современным требованиям.

Раскрывая исследовательскую лабораторию древнего историка, можно восстановить перечень тех вопросов, на которые он искал ответы при описании той или иной области ойкумены.⁵³ Для географической характеристики Геродот считал нужным сообщить, каковы: 1) особенности рельефа, границы страны, реки, озера и горы; 2) города и гавани; 3) климат; 4) флора и фауна; 5) полезные ископаемые.

Этнографическая характеристика строилась на следующих данных: 1) численность населения, место расселения, самоназвание народа, особенности физического строения, внешность, язык; 2) хозяйство, пища, структура поселения, одежда и украшения, вооружение, изделия ремесла, ткачества и т. п.; 3) социальная организация (политические подразделения, родственники, брачные институты, свадебные обряды, сексуальная жизнь); 4) варварские обычаи (гигиенические порядки, татуировка, медицина, экзотические обряды и т. п.); 5) торговля; 6) ведение войны, военные обычаи; 7) верования и религия (пантеон, основные религиозные представления, особые формы верований, устройство и вид святилищ, алтарей, храмов, празднества, жертвоприношения, оракулы, гадания); 8) способы погребения (формы погребальных сооружений и погребальные обряды, мумификация и т. п.); 9) особо экзотические сведения разного характера; 10) история; 11) общая характеристика.

Конечно, далеко не о всякой стране Геродот смог собрать сведения по всем перечисленным пунктам. Скифия описана с наибольшей возможной для историка полнотой. Часть записей основана на собственных наблюдениях. Мы отмечали это выше, говоря о Борисфене. Вероятно, он видел, как скифы готовят мясо в котлах лесбосскими кратерами, хорошо ему известными. Геродота поразили скифские изделия из человеческой кожи, которая «сверкает белизной, пожалуй, больше всех кож»; здесь особенно выразительно слово «пожалуй», отражающее собственный взгляд Геродота.

Во многом скифский логос базируется на расспросах ольвиополитов. Ведь не владея скифским языком, историк не мог обращаться непосредственно к скифам. В большинстве случаев невозможно точно определить, что записано по собственному впечатлению, а что по расспросам.

Если следовать изложенной выше схеме описания, то географическое описание Скифии отвечает всем перечисленным пяти пунктам. Она находится в Европе, на западе начинается от Истра и простирается на восток до Танаиса. Ее форма подобна квадрату со стороной в 4000 стадиев. Климат очень суров, восемь месяцев там стоят холода, зимой выпадает снег, и замерзает Боспор Киммерийский, так что скифы синдам. Земля Скифии равнинная, изобилует травой и очень плодородна. По ней протекает много рек, из которых Геродот подробно описывает восемь наиболее значительных. Благодаря кочевому образу жизни у скифов отсутствуют города. Из полезных ископаемых Геродот упомянул об огромных запасах соли в устье Борисфена.

Описание скифских обычаев Геродот начинает с религии и жертвоприношений. Историк перечисляет основных богов, называя их скифские имена и указывая, каким греческим божествам соответствуют их функции. Наибольшим почитанием у скифов пользовались Табити, богиня подземного царства, Папай, верховный бог, соответствующий Зевсу, и его жена богиня земли Апи. В боге Гойтосире грекам виделся аналог их Аполлона, в Аргимпасе — аналог Афродите Небесной, а в Тагимасаде — аналог Посейдону.

Скифы не строили ни храмов, ни алтарей и не делали изображений богов. Лишь в честь бога войны воздвигали большой холм из связок хвороста, а на вершине устанавливали скифский меч акинак — символ этого бога. Ему приносили жертвы, в том числе и человеческие, последние выбирались из пленников. Другим же богам скифы жертвовали только домашних животных. Они хорошо Нам известны по найденным при раскопках костям. Больше всего У скифов было лошадей, за ними по количеству находок следуют кости мелкого рогатого скота, а затем коров, быков и волов.

Охарактеризовав обряды, посвященные богу войны, Геродот переходит к военным обычаям скифов. Их войско состоит из

конницы, а главное оружие — лук и стрелы. Убив первого врага, скиф должен выпить его кровь, а затем приносить царю головы всех убитых в бою. Раз в год в каждом скифском округе его начальник устраивал праздник с угощением вином из большого общего сосуда. Из него могли пить лишь те, кто убил в этом году противников, а те, кому этого не удалось сделать, сидели в стороне, вызывая общее презрение.

Из кожи убитых скифы сшивали плащи или отделывали ею колчаны, а из черепов изготавливали чаши. Снаружи их обтягивали бычьей кожей, а изнутри иногда украшали золотом. Этот жестокий обычай известен у многих народов в разных частях света. Из отечественной истории напомним летописный рассказ о том, как печенежский князь Куря сделал чашу из черепа убитого им древнерусского князя Святослава.³⁴

Важную роль в жизни скифов играли прорицатели. К ним часто обращались, окружали почетом, но если предсказание не сбывалось, их казнили, посадив в повозку с горящим хворостом, запряженную обезумевшими от огня быками. Если с прорицателем расправлялся сам царь, то он уничтожал всех его детей мужского пола, очевидно, считая, что сыновья станут такими же лжепророками.

Особенно подробно Геродот остановился на обряде погребения скифских царей. Умершего царя бальзамировали и в течение 40 дней возили по всей Скифии. Прощаясь с ним, скифы бурно выражали скорбь: остригали волосы, расцарапывали лицо, прокалывали стрелами левую руку. Хоронили скифских царей в области Герры, местоположение которой до сих пор точно не установлено. Вместе с царем закапывали убитых у его могилы наложницу, нескольких слуг и лучших коней. Над могильной ямой, перекрытой бревнами, насыпали большой курган. Через год около него вновь совершали жертвоприношение людей и коней: пятьдесят мертвых всадников расставляли вокруг кургана, привязав каждого к деревянному колу.

Археологические раскопки подтверждают описание Геродота. Действительно, скифские царские погребения находятся под высокими курганами, и наряду со скелетом знатного покойника в них лежат останки его слуг, наложниц и коней. Открытия последних лет приносят новые доказательства точности этнографических записей отца истории. Например, в 1990 г. экспедиция Института археологии Академии наук Украины обнаружила в погребении около скелета скифского жреца золотую чашу редкой красоты с рельефными головами шести коней. На ней впервые сохранилась петелька для подвешивания. Не зная слов Геродота о поясе «с золотой чашей у верхнего края застежки»,³⁵ было бы трудно понять, что скифы прикрепляли чаши к поясу. Ведь найденная чаша сделана греческим мастером по скифскому заказу. Греки же вешали парадную посуду только на стену.

Однако некоторые подробности, сообщенные историком, не подтверждаются. Так, по словам Геродота, в могилы клали лишь золотые чаши, а серебряных и медных не было, потому что скифы не пользуются этими металлами. Вероятно, это относилось только к какой-то группе жрецов, поскольку в скифских погребениях обнаружены изделия из всех трех металлов, о чем пойдет речь в последней главе.

Интересуясь численностью скифов, Геродот услышал два различных мнения: одни говорили, что собственно скифов немного, другие — что это многочисленный народ. Вероятно, последние имели в виду все население Скифии, включавшее зависимые племена, а первые выделяли лишь господствующих царских скифов.

Историк сообщает о своеобразной переписи населения, предпринятой царем Ариантом, о времени жизни которого ничего неизвестно. Ариант велел под страхом смерти всем скифам принести ему по одному наконечнику стрелы. Из них был отлит медный котел и установлен в священной местности Эксампей на Гипанисе. Котел вмещал шестьсот амфор жидкости, а толщина его стенок составляла шесть пальцев. По словам Геродота, скифский котел в шесть раз превосходил известный своей величиной медный сосуд, посвященный Павсанием в храм Зевса, находившийся в устье Боспора Фракийского.

Так как скифские стрелы постоянно находят при раскопках и средний вес их хорошо известен, может показаться, что, вычислив вес котла и разделив его на вес одной стрелы, мы определим количество мужского взрослого населения Скифии. Минимальный вес котла Арианта, по расчетам современных ученых, составил бы 21,654 тонны, емкость 11 760 литров, а количество наконечников стрел, из которых его отлили, — 6 155 000 штук.³⁶ В древности не было возможности отлить котел такого веса и объема. Кроме того, восточноевропейские степи не смогли бы прокормить столько миллионов кочевников (к 6 155 000 надо прибавить еще по крайней мере столько же женщин и детей). Таким образом, в предании о котле Арианта мы видим типичное фольклорное преувеличение.

О хозяйстве и пище кочевых скифов Геродот сообщил следующее: они разводят скот и питаются главным образом кобыльим молоком и мясом. Мясо варят на костре в котлах или в желудках животных, а из молока готовят особого вида сыр — гиппаку. Употребляют они также вино. Конечно, оно не было местного производства, а покупалось у греков. В скифских погребениях постоянно находят греческие амфоры и всевозможные импортные сосуды для питья вина.

Скифы познакомились с вином еще в VII в. во время 28-летнего господства в Азии. Геродот слышал предание о роковой роли вина в судьбе скифских завоевателей. Их предводители на пиру у царя Киаксара сильно напились и были перебиты. После этого скифы

³⁴ Зак. 3622

потеряли свою власть в Азии, и им пришлось возвратиться на родину.

Другое устное предание о пристрастии скифов к вину связано с именем спартанского царя Клеомена, правившего в конце VI в. Он умер, сойдя с ума, и причина этого, по мнению спартанцев, заключалась в том, что он слишком тесно общался со скифскими послами и научился у них пить неразбавленное вино, тогда как греки всегда разбавляли вино водой. Геродот пишет также о том, что когда спартанцы хотели выпить вина покрепче, они говорили: «Налей по-скифски».⁵⁷

Не зная скифского языка, Геродот понимал, что скифы говорят на особом, лишь им присущем наречии. Он верно использовал его в качестве показателя принадлежности того или иного племени к скифскому этносу. Например, историк подчеркивает, что андрофаги говорят на языке, отличном от скифского, а определение языка савроматов как испорченного скифского дает нам возможность узнать о родственном происхождении обоих племен. Геродот сообщил, что скифы сами себя называют сколотами, и записал ряд скифских собственных имен и несколько слов в греческой транскрипции. Это помогло ученым установить принадлежность скифов к ираноязычным народам.

К крупнейшим достижениям Геродота относится не только более углубленная и детальная разработка этнографического описания, но и стремление установить связь между культурой народа и его историей.⁵⁸ В Скифском рассказе это ярко выразилось в главе, где характеристика быта скифов соединена с объяснением причины их успеха в войне с Дарием: «Никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они не пожелают, чтобы их обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома за собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения?».⁵⁹

На основании этнографических записей Геродота в сочетании с археологическими находками складывается отвечающая современным требованиям науки подробная и всесторонняя характеристика скифов. Пока еще не написан обобщающий труд по этнографии Скифии, но есть детальные разработки о религии скифов, об их жилище, вооружении, пище, ткачестве, погребальном обряде.

История Скифии в народных преданиях

Знакомясь с разными народами, греки всегда проявляли интерес к их происхождению и времени появления в стране, которую они населяют. Ответ на эти вопросы можно было отыскать лишь в

народных преданиях. Выясняя, как скифы оказались в Северном Причерноморье, историк услышал три различных объяснения. И хотя они противоречили друг другу, он записал все три, следуя своему принципу: «На протяжении всего повествования мне приходится ограничиваться лишь передачей того, что я слышал».⁶¹ Это примечание Геродот сделал к вызвавшему у него недоверие рассказу египтян о том, что царь Рампсинит живым спустился в подземное царство, играл там в кости с богиней Деметрой и, получив от нее в подарок золотое полотенце, вернулся на землю.

Благодаря этому принципу Геродота, нам предоставляется возможность познакомиться с версией эллинов, поселившихся в Скифии, с версией скифов и с историческим преданием, справедливость которого признавали и те и другие. В контексте мифов о Геракле мы уже подробно рассмотрели греческую версию мифа о происхождении скифов от местной змееной богини и эллинского героя.

Содержание скифского мифа таково. За тысячу лет до скифского похода Дария дочь реки Борисфен, произвела на свет от Зевса первого человека Таргитая. Он стал жить на скифской земле, до тех пор незаселенной. Таргитай имел троих сыновей — Липоксая, Арпоксая и Колаксай. Однажды с неба упали золотые плуг с ярмом, секира и чаша. Липоксай и Арпоксай не могли к ним притронуться, так как при приближении они пылали огнем: младший же брат смог их спокойно взять. Увидев в этом знамение свыше, старшие братья по взаимному соглашению передали Колаксай царскую власть. Он стал родоначальником царских скифов, именуемых паралатами, от Липоксая произошли авхаты, а от Арпоксая — катиары и траспии. Колаксай разделил царство на три части между своими сыновьями, и в большей из этих частей хранились упавшие с неба предметы, считавшиеся священными.⁸²

По сравнению с греческим скифский миф стилистически записан гораздо менее красочно. В нем чувствуется сжатый пересказ по-гречески скифского оригинала. Его содержание показалось историку неправдоподобным, и он привел его с оговоркой: «На мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят». Особая ценность этих слов заключается в редкой прямой ссылке на скифских информаторов.

Варварский источник сказания ярко проявляется в местных именах всех героев, тщательно записанных Геродотом. Это особенно бросается в глаза при сопоставлении с приведенным выше эллинским мифом, где в устной традиции отсутствовало чуждое грекам имя единственного чисто скифского персонажа — змееной богини, а имена сыновей Геракла образованы от трех наиболее известных эллинам этнонимов. В пересказе скифского мифа греческое переосмысление коснулось лишь одного скифского божества: Таргитай назван сыном Зевса, то есть верховный бог скифов Папай заменен верховным богом греков. Сопоставление Папая и Зевса

стало столь традиционным, что, пересказывая содержание скифского мифа, ольвийский собеседник Геродота, возможно, для облегчения понимания историком местного предания ввел имя греческого бога в ткань скифского рассказа, где действуют исключительно варварские персонажи.

Вероятно, в античной литературе Геродот первый привлек скифский фольклор как исторический источник о происхождении скифов. Хотя в настоящее время никто не выводит скифов от их легендарного предка Таргитая, все же из мифа извлекается историческая информация о ⁸³ делении скифского общества на три сословно-кастовые группы.

Записи скифского фольклора в труде Геродота — уникальное явление по своей полноте и точности. Подобно редкому кладу, ценности которого долго не могли понять, эти записи сохранились более двух тысячелетий. И только после появления в XIX в. скифологии как отдельной отрасли истории и, особенно, археологии скифский миф в передаче Геродота стал постоянно привлекать внимание ученых, которые открывают ⁸⁴ в нем все новые и новые пласты скрытого до сих пор смысла. В истории же греческого фольклора и литературы ни этот, ни какие другие скифские мифы не сыграли заметной роли.

Наряду с рассмотренными мифами в среде эллинов и скифов сохранилось воспоминание о передвижении кочевых скифов из Азии в Северное Причерноморье. Рассказ об этом Геродот ⁸⁵ считает более достоверным, чем эллинский и скифский мифы. Современные исследователи видят здесь фиксацию исторического факта миграции скифских племен с востока на запад. Геродот описал это следующим образом: массагеты потеснили кочевых скифов из Азии, которые, перейдя реку Араке (по-видимому, Волгу), пришли на северные берега Понта, населенные киммерийцами. А те, уstraшенные военной мощью скифов, покинули свою родину и переселились в Малую Азию. Только киммерийские цари не пожелали расставаться с отечеством; они разделились на две группы и решили сражаться друг с другом и так окончить жизнь. Киммерийцы похоронили их у Тираса, и их могилу показывали еще во времена Геродота.

Утверждение о полной смене населения в Северном Причерноморье вызывает недоверие у современных исследователей. Скорее всего это фольклорное преувеличение. Большие трудности представляет толкование сообщения о сражении и гибели киммерийских вождей у р. Тирас. Наиболее вероятным представляется предположение о том, что это — часть киммерийского или скифского эпоса, в котором отразился раскол в среде киммерийской ⁸⁶ военной аристократии, частично не признавшей гегемонию скифов.

Для иллюстрации неприятия скифами чужих верований Геродот включил в свое сочинение две исторические новеллы, услышанные им в Ольвии.

Жанр новеллы, родившийся в Ионии в VIII—VII вв., широко распространился по всей Элладе и стал у греков излюбленной формой фольклора. Все удивительные события в новеллах происходили в обстановке повседневной жизни, без вмешательства сверхъестественных сил, но при этом допускалось наличие привидений, оборотней, знамений и т. п. В элегии, написанной на рубеже VI и V вв., ионийский поэт и философ Ксенофан отразил отношение к новеллам многих своих современников:

*Тот лишь достоин хвалы, кто за бокалом вина
То, что запомнил, расскажет, стремясь к благородному
в сердце,
Вместо нелепой брехни, выдумок прежних людей, —
Будто боролсь с богами Титаны, Гиганты, Кентавры.*

Устные рассказы о современных событиях рождались ежедневно; они постоянно обновлялись, и большинство их, теряя актуальность, быстро забывалось и не получало какой-либо законченной формы. Если же устный рассказ об исторических событиях не умирал вместе с поколением его создателей, он превращался в легенду или историческую новеллу с закрепленным сюжетом. Так, веками в устной передаче сохранялась память народа об отдельных исторических личностях и событиях, правда, нередко художественный вымысел преобладал над реальными фактами.

Стиль новеллы отличается внешними чертами, присущими и другим жанрам фольклора. Рассказчик концентрирует внимание на главном герое, действующие лица характеризуются только поступками, кульминация приближена к концу рассказа. Исполнитель оживляет повествование прямой речью, стремится к наглядности, избегает всего абстрактного и, в отличие от автора литературного произведения, никогда не выступает на первый план. В новеллах часто фигурируют вещие сны, предзнаменования, употребляются излюбленные фольклорные числа 3, 7, 40 и т. д.

Эти фольклорные особенности лучше всех сумел передать Геродот, излагая мифы и новеллы. Последние были для него одним из главных источников исторической информации. Благодаря исключительному интересу историка к устным преданиям, только в **его** сочинении сохранились две исторические новеллы, созданные колонистами в Северном Причерноморье в VI—V вв. Они посвящены выдающимся скифам царского рода Анахарсису и Скилу. Из множества других местных новелл Геродот записал именно эти, потому что стремился узнать как можно больше только о скифах, а история греческих полисов в Скифии его не интересовала.

Имя Анахарсиса стало широко известно в Греции **до** путешествия Геродота в Скифию, и потому, первый раз упоминая о нем, **историк** ничего не разъяснил, **считая** скифа лицом, хорошо зна-

комым своим читателям. По кратким заметкам других авторов можно заключить, что греки помнили, как Анахарсис, посланный для обучения в Элладу скифским царем, посетил Афины, Спарту и Малую Азию. Собеседник афинского законодателя Солон и лидийского царя Креза, он прославился своими мудрыми ответами и изречениями. Подобные рассказы Геродот слышал от жителей Пелопоннеса.⁶⁷ Поэтому неудивительно, что на родине Анахарсиса историк захотел узнать, из какого рода происходил удивительный скиф и как он окончил свои дни. К изумлению Геродота, скифы могли перечислить родственников Анахарсиса в нескольких коленах, но ничего другого о нем не знали. Ольвиополиты же рассказали новеллу, передававшуюся из уст в уста около ста лет.

Анахарсис, объехав многие страны и восприняв там много мудрого, возвращался на родину в Скифию. Корабль, на котором он плыл, остановился в Кизике. В это время там пышно справлялся праздник в честь Матери богов. Перед сулившим большие опасности плаванием по Понту Анахарсис поклялся, что в случае благополучного возвращения он станет устраивать ночные празднества и совершать жертвоприношения богине так же, как делают жители Кизика. По возвращении в Скифию Анахарсис решил исполнить свой обет. Он отправился в Гилею и там совершал обряды, повесив на себя изображение Матери богов и ударяя в бубен. Кто-то из скифов увидел это и донес царю Савлию. Тот прибыл в Гилею и, убедившись в истинности доноса, убил приверженца чуждой скифам религии выстрелом из лука. Так, по мнению рассказчика,⁶⁸ скифы расправляются с теми, кто воспринимает чужие обычаи.

В новелле, как и в любом фольклорном произведении, нет указаний на время ее действия. Но его можно определить по косвенным данным. Через ольвиополита Тимна, доверенного скифского царя Ариапифа, историк узнал, что Савлий был братом Анахарсиса и отцом победителя персов Идантирса. Таким образом, Анахарсис погиб, вероятно, в середине VI в., так как в последней четверти VI в. Савлия уже не было, а племянник Анахарсиса Идантирс стал царем и воевал с Дарием.

Геродот записал сюжет новеллы, сохранив лишь некоторые черты ее устного повествования. Все действие концентрируется исключительно вокруг главного героя Анахарсиса: характерные для фольклора, конкретность и наглядность изображаемого проявляются в том, что драматические события разворачиваются в хорошо известной ольвиополитам лесной области Гилее, находившейся в низовьях Борисфена, а сам Анахарсис предстает в процессе совершения празднества, увешанный изображениями богини, с бубном в руках. Подчеркнуты также конкретные обстоятельства гибели героя: его убил царь Савлий выстрелом из лука — типичного скифского оружия. Второстепенное же действующее лицо, доносчик, никак не охарактеризован, о нем просто сказано — «какой-то скиф».

По мнению Геродота, скифы сознательно вычеркнули Анахарсиса из своей памяти за святотатство. На наш взгляд, причина неосведомленности скифов о жизни их соотечественника заключается в том, что на уровне их социального развития у них еще не мог существовать жанр исторической новеллы: у всех народов она появляется при сложении государственности. Таким образом, любые, даже самые яркие эпизоды жизни и смерти отдельных людей забывались с уходом каждого поколения. Поэтому скифы ничего не могли рассказать о гибели Анахарсиса.

Развитием скифского общества объясняется возможность установить родословную давно умершего человека. Многочисленные этнографические исследования бесписьменных народов показывают, что каждому предписывалось знать свою родословную на много колен. Поэтому при воспитании детей обязательно заботились о том, чтобы они запоминали родословное древо. Потребность в этом обуславливалась стремлением к жесткому соблюдению экзогамии (запрету браков между членами одного рода). Поэтому представители скифского царского рода, по просьбе Тимна, легко восстановили родословную Анахарсиса: он был сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа; Савлий приходился ему братом, а Идантирс племянником.

Как и любая другая, историческая новелла об Анахарсисе сложилась вскоре после описываемых событий, то есть во второй половине VI в. Она сформировалась в среде греческих колонистов, живших в Нижнем Побужье. На это указывает место действия новеллы в Гилее. Невдалеке от нее на правом берегу Гипаниса находились архаические греческие поселения, куда, вероятно, раньше всего дошли известия о драматической гибели Анахарсиса.

Наблюдения фольклористов показывают, что в устных рассказах для убеждения аудитории в их достоверности нередко называются конкретные географические пункты, хорошо известные слушателям. В Северном Причерноморье Гилея была лучше всего знакома ольвиополитам, и именно для них ее упоминание имело живой смысл.

Таким образом, хотя Геродот не упомянул, с чьих слов он записал новеллу, понятно, что она родилась и бытовала в среде ольвиополитов. Недавно археологи обнаружили косвенное доказательство реальности одного факта, изложенного в новелле. В Ольвии найдено письмо, написанное во второй половине VI в., на стенке амфоры. На ней младший современник Анахарсиса процарапал острым предметом слова своего послания, где упоминаются алтари Матери богов в Гилее.⁶⁸ Значит, Анахарсис не случайно выбрал Гилею для исполнения своего обета.

Для поездки в Элладу скифу пришлось прибегнуть к помощи греков, так как его соотечественники не обладали флотом. Направляясь в Понт, корабли обычно делали остановку в Кизике. В этой

милетской колонии действительно процветал малоазиатский культ Матери богов, что еще раз подтверждает достоверность многих деталей новеллы, записанной в «Истории» Геродота.

Вместе с падением роли скифов в истории эллинских городов Средиземноморья из греческого фольклора и литературы исчезали устные рассказы об этом народе. Только новеллы об Анахарсисе не забывались, а обрастали все новыми и новыми, заново вымышленными подробностями. Имя Анахарсиса встречается в античной литературе до конца ее существования. О нем упоминают около 70 античных авторов. Образ мудрого скифа стал хрестоматийным: на папирусном фрагменте середины II в. сохранилось начало школьного упражнения с изложением в стихах истории об Анахарсисе.

Центральное место для греков в жизнеописании скифа занимало его путешествие в Грецию для обучения и приобщения к эллинской культуре. С этой целью он будто бы посетил в Афинах Солон, изучал греческие законы и научился говорить на аттическом диалекте.⁷⁰ За ум и остроумие скифа называли одним из семи самых мудрых людей. Вместе с ними он якобы присутствовал на пиру у сказочно богатого царя Креза и блистал там своими краткими речами.

Шведский ученый Я. Киндstrand извлек из произведений античных авторов 50 сентенций Анахарсиса.⁷¹ Приведем несколько примеров, записанных в сочинении Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

Анахарсис у дома Солон велел его рабу передать, что он пришел к хозяину, чтобы увидеть его и стать его другом. Солон через раба ответил, что друзей обычно заводят у себя на родине, но Анахарсис нашелся и сказал, что как раз Солон у себя на родине, так почему бы ему не завести друга. Пораженный его находчивостью Солон впустил скифа и подружился с ним.

На вопрос, что в человеке одновременно хорошо и дурно, Анахарсис ответил: «Язык». Когда его спросили, какие корабли безопаснее, он ответил: «Вытащенные на берег». Он говорил, что лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

Высказывания Анахарсиса и других его современников, которых причисляли к семи мудрецам, созданы в разные времена и на разных культурных ступенях сознания. Одни и те же сентенции разные авторы приписывали разным персонажам. Это не случайно, потому что такие изречения представляют собой кратко выраженную народную мудрость. В таком виде она закрепляется в фольклоре большинства народов.

Моральное учение, приписывавшееся Анахарсису, в основном построено на отрицании существующих норм жизни. Его варварское происхождение давало возможность критиковать греческие обычаи с кажущейся объективностью, хотя большинство его взглядов имеет

прямые параллели с высказываниями греческих философов. В формировании литературного образа Анахарсиса решающую роль сыграли софисты и киники IV—III вв.⁷² Последние идеализировали варварские народы, живущие якобы в согласии с природой. Приписав Анахарсису свои взгляды, киники первые включили скифа в число семи мудрецов. Более ранние авторы, такие, как Геродот и Платон, отдававшие дань устной традиции о мудрости Анахарсиса, не знали преданий об его участии в пире мудрецов.

Первые записи об Анахарсисе принадлежат не современникам, а более поздним авторам, слышавшим устные рассказы, существовавшие уже не одно десятилетие. В них факты биографии скифа прошли через фильтр фольклорного сознания и, как обычно бывает при оформлении предания, мотивировка действий героя подведена под одну из традиционных схем. Фольклористы отмечают, что такие схемы чаще всего не отвечали действительности.

На протяжении многовековых тесных связей скифов с греками в Северном Причерноморье не известны случаи их целенаправленного обучения греческой философии и культуре. Это естественно для кочевого общества с принципиально иным мировоззрением и укладом жизни. Геродот, специально исследовавший быт и нравы скифов, отмечал в целом отрицательное их отношение к эллинскому образу жизни, религии и обычаям. Так было во времена Геродота, когда хорошо налажился торгово-экономический обмен между скифскими племенами и греческими колониями. А столетием раньше при жизни Анахарсиса даже предметы греческого импорта редко попадали в скифские погребения.

На фоне наших знаний о скифах объяснение эллинами цели путешествия Анахарсиса выглядит мало убедительно. Однако в рамках греческого мировоззрения оно казалось естественным. В VI—V вв. многие выдающиеся греческие мыслители предпринимали длительные путешествия в разные страны для совершенствования своих знаний. Десять лет провел в странствиях афинский законодатель и поэт Солон. Много земель объехали философы Пифагор, Платон и Демокрит, почти во всех областях известной тогда грекам ойкумены побывал Геродот и, наверное, Гекатей Милетский. Неудивительно, что эллины приписали скифу характерное для греческих ученых и философов стремление как можно больше узнать, воспользовавшись знаниями не только своих соотечественников.

Этому способствовало то, что Анахарсис, по-видимому, хорошо и свободно говорил по-гречески в отличие от большинства оказавшихся в Греции скифов, обладал острым умом, поражал собеседников неординарностью своих взглядов, в которых отражалась незнакомая грекам народная мудрость племен с совершенно иным укладом жизни и иными критериями оценки материальных и духовных ценностей. Некоторые высказывания Анахарсиса получили широкую известность среди греков и положили начало фор-

мированию образа мудрого скифа, которому прописали множество других всевозможных изречений.

Попробуем по сохранившимся источникам установить истинную цель путешествия Анахарсиса. Если исходить из многочисленных исторических аналогий, можно думать, что член царского рода скрывался в Греции из-за династических распрей и искал там какую-то поддержку. Напомним, что Анахарсиса убил его брат. Причастность к греческим культам, возможно, оказалась лишь предлогом, а причиной убийства могли послужить истинные или только предполагаемые притязания Анахарсиса на власть.

На наш взгляд, возможно также иное предположение: Анахарсис отправился в Грецию для выяснения позиции эллинов и лидийцев в отношении Персии. Ведь мысль о новом завоевательном походе в Азию не покидала скифов в течение всего VI в. Война Дария со Скифией, столь далекой от границ Персии, скорее всего объясняется желанием нейтрализовать скифов, воспоминание о нашествии которых и, возможно, сведения об их новых планах заставляли предпринимать решительные меры.

Может быть, память о дипломатической миссии Анахарсиса проявилась в новеллистических описаниях его встреч с государственными деятелями. Но ими не могли быть одновременно Солон и Крез. Царствование Креза (560—545 гг.) началось на четверть века позже путешествия афинского законодателя в Египет и Малую Азию. Исходя из того, что Анахарсис погиб в середине VI в., вскоре после возвращения из Греции, надо считать его современником Креза. Рассказы же о встрече скифа с Солоном основывались на возникших значительно позже новеллах о пире семи мудрецов у лидийского царя. В их число неизменно включали афинского законодателя, не задумываясь о том, мог ли он дожить до времен царствования Креза.

Появление скифов в эллинских городах в VI в. не было большой редкостью, так что национальность Анахарсиса не представляла чего-то исключительного. Мы уже отмечали, что малоазийские греки знали некоторые сюжеты скифского фольклора, а афинские художники с последней четверти VI в. рисовали на вазах скифов в их национальных костюмах. Древние авторы писали о скифах главным образом как о народе в целом, изредка называя имена их вождей. Анахарсис оказался первым и, пожалуй, единственным скифом, о биографии которого имеются разнообразные сведения, включенные в общеэллинский фольклор и литературу.

В новелле о скифском царе Скиле также можно найти некоторые черты биографии ее героя, но эту новеллу не рассказывали за пределами Ольвии. По счастливой случайности ею заинтересовался Геродот и изложил ее гораздо подробнее и ближе к устному оригиналу, чем новеллу об Анахарсисе. Собеседники историка, ольвиополиты старшего возраста, были свидетелями гибели скифского

царя в 50—60-е годы V в. В их число входил и упомянутый выше Тимн, поверенный в делах отца Скила. Вероятно, со слов Тимна Геродот записал имена многих родственников Скила, которые вошли в новеллу как второстепенные персонажи или даже не играли в ней никакой роли. К последним относятся родители Скила — царь Ариапиф и гречанка из Истрии, а также жена Скила — Опойя, которая была вдовой Ариапифа и матерью сводного брата Скила Орика.

Генеалогические изыскания Геродота содержат неоценимую информацию, о которой даже не думал историк, записывая родословную героев новелл. Это один из ярких примеров того, сколь много смыслов можно извлечь из «Истории». Сведения Геродота позволяют восстановить нигде больше не зафиксированную генеалогию скифских царей и некоторые их обычаи.

Сейчас трудно сказать, были ли царями Гнур, Лик и Спаргапиф — прадед, дед и отец братьев Савлия и Анахарсиса, но они определенно входили в правящий род скифской династии с конца VII в. до середины VI в., когда царствовал Савлий. Ему наследовал сын Идантирс. В начале V в. к власти пришел Ариапиф, затем его сыновья от разных жен — Скил и Октамасад. Таким образом, царская власть передавалась либо от отца к сыну, либо от брата к брату. Сведения о родственниках Скила проливают свет на уклад жизни скифов. У них существовало многоженство (полигамия) и свойственный многим древним народам институт левирата, то есть право вдовы вторично вступать в брак только с кем-нибудь из членов рода умершего мужа. Наследуя власть отца, Скил взял в жены свою мачеху. Полигамия засвидетельствована на примере Ариапифа: кроме матери Скила он имел еще двух жен — Опойю и не названную по имени мать Октамасада.

Так как новелла о Скиле представляет уникальную запись фольклора северопричерноморских эллинов, приведем ее полностью:

«Очень много лет спустя (после смерти Анахарсиса. — М. С.) Скил, сын Ариапифа, претерпел подобное этому. Ведь у Ариапифа, царя скифов, был в числе других сыновей Скил. Он родился от женщины из Истрии и отнюдь не от туземки, и мать научила его греческому языку и письму. Некоторое время спустя Ариапиф был предательски убит Спаргапифом, царем агафирсов, а Скил наследовал царскую власть и жену отца, имя которой было Опойя. Эта Опойя была местной уроженкой, и у нее от Ариапифа был сын Орик. Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов (борисфениты эти говорят, что они милетяне) и приходил к ним, он оставлял войско в предместье, сам же проходил

внутри за городскую стену и запирает ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. Когда он шел в этом платье на рыночную площадь, за ним не следовали ни телохранители, и никто другой (а ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене, и женился там на местной женщине.

Когда же суждено было случиться с ним несчастью, оно случилось по такой причине. Пожелал он быть посвященным в таинства Диониса Вакхического. В то время, как он собирался принимать посвящение, ему было величайшее знамение. Был у него в городе борисфенитов дом обширных размеров и богато устроенный, о котором я незадолго перед этим упоминал. Вокруг него стояли сфинксы и грифы из белого камня. В этот дом бог метнул молнию. И дом полностью сгорел. Скил же, несмотря на это, совершил обряд посвящения.

А скифы презирают эллинов за вакхическое иступление. Они говорят, что не подобает выдумывать бога, который приводит людей в безумие. Когда же Скил был посвящен Вакху, какой-то борисфенит стал издеваться над скифами, говоря: „Над нами вы смеетесь, скифы, что мы приходим в вакхическое иступление и что в нас вселяется бог. Теперь это божество вселилось и в вашего царя, и он в вакхическом иступлении и безумствует под влиянием божества. Если же вы мне не верите — следуйте за мной, и я вам покажу“. Старейшины скифов следовали за ним, и борисфенит, проведя их тайно, поместил на башне. Когда прошел со священной процессией Скил и скифы увидели его в вакхическом иступлении, они сочли это очень большим несчастьем. Выйдя из города, они сообщили всему войску то, что видели.

Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали, поставив во главе его брата Октамасада, рожденного от дочери Тера. Скил же, узнав о том, что совершается против него, и о причине, по которой это происходило, убегает во Фракию. А Октамасад, услышав об этом, пошел на Фракию войной. Когда же он был у Истра, фракийцы, вышли ему навстречу. Прежде чем они схватились, Ситалк послал к Октамасаду сказать следующее: „Зачем мы должны испытывать силу друг друга? Ты — сын моей сестры и у тебя мой брат. Отдай же мне его, и я передам тебе своего Скила а с тем, чтобы ни тебе, ни мне не рисковать войском“. Это возвещал ему, послав посла, Ситалк. Ведь у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад соглашается с этим и, выдав своего дядю с материнской стороны Ситалку, получил брата Скила. И Ситалк, взяв брата, увел его с собой. Скилу же Октамасад там же на месте отрубил голову. Вот таким

образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают».

Это новелла — единственный рассказ о Скиле в античной литературе. Никто, кроме Геродота, о нем даже не упомянул. Поэтому некоторые исследователи сомневались в реальности его существования и сочли новеллу вариантом предания об Анахарсисе.⁴ Однако имеется материальное доказательство бегства скифского царя во Фракию. В 30-х гг. текущего столетия недалеко от Истрии при вспашке поля найдено золотое кольцо-печатка с именем Скила. На его щитке изображена богиня с зеркалом и глубоко врезана греческая надпись: особенности начертания⁵ букв соответствует греческим надписям времени жизни Скила. При находке кольца не было никаких иных предметов, следовательно, оно не сопровождало погребение. Скорее всего Скил потерял свой перстень в тревожные дни, когда искал убежище, за Дунаем. Перстень Скила — не единственная находка драгоценной вещи, утерянной каким-то правителем. Золотая гривна-змеевик, служившая оберегом Владимиру Мономаху, сорвалась с его груди, вероятно, во время охоты и была случайно найдена в черниговских лесах в начале прошлого века. Тогда же близ Юрьева Польского на месте Липецкой битвы тоже случайно обнаружены золотые и серебряные накладки редкого по красоте шлема Ярослава Всеволодовича.

В народном рассказе отразились реальные факты биографии скифского царя. Истолкование же его действий несет печать восприятия событий коллективным сознанием ольвиополитов. Между мировоззрением греков и скифов всегда существовало огромное различие, и это следует помнить, когда мы узнаем о скифской истории через посредство древнегреческих источников.

Драматические события многих новелл объяснялись непредотвратимым роком. Близкая и понятная самому Геродоту эта мысль не раз звучит в его «Истории».⁶ Скил возымел желание стать посвященным в таинства Диониса тогда, «когда ему суждено было испытать беду», и ничто, даже грозное предзнаменование, не отклонило его от пагубного поступка. Точно такими же словами выражена подобная мысль в новелле о низвержении египетского царя Априя. Неразумные действия лидийского царя Кандавла, приведшие его к гибели, предваряются сходным объяснением: «Кандавлу суждено было претерпеть беду». Геродот описывает, как воля рока толкнула персидского царя Ксеркса дать легкомысленное обещание Артаинте выполнить любое ее желание, а правители Коринфа Бакхиады, зная от оракула о своей судьбе, напрасно пытались избежать ее и убить ребенка, которому суждено их свергнуть.

Поступки Скила и Кандавла, Априя и Ксеркса приводят их к смерти, но они совершаются после того, как рассказчик заявил, **Что** герою суждено погибнуть. Несчастья, таким образом, пред-

ставляются не следствием этих действий, но оказываются проявлением воли неотвратимого рока.

Названный мотив в рассказе о Скиле — одно из доказательств того, что в тексте Геродота передано не скифское предание, как думают некоторые, а именно греческая новелла о скифском царе. Как и гибель перса Ксеркса, египтянина Априя, лидийца Кандавла и коринфского рода Бакхиадов, его смерть мотивирована, исходя из эллинского мировоззрения.

Остановимся на других моментах повествования Геродота, где отразились черты устного рассказа ольвиополитов. Как и в новелле об Анахарсисе, все действие, весь интерес рассказчиков концентрируется на главном действующем лице. Описание предзнаменований, весьма характерное для фольклорных рассказов, присутствует также в новелле о Скиле. Бедам скифского царя предшествует грозное знамение: молния сжигает его дом в Ольвии. Но Скил, которому суждено погибнуть, не внимает предупреждению божества и принимает посвящение в таинства Диониса.

В новелле ярко проявляется конкретность, свойственная народному повествованию. Сообщается, как тщательно запирались ворота города и ставилась стража, чтобы скифы, оставленные царем в предместье, не могли наблюдать его эллинский образ жизни. Сюда же следует отнести описание ольвийского дома Скила: он был большой и роскошный, украшенный белокаменными грифонами и сфинксами. Геродот не мог его видеть, но тщательно передал описание здания, наверное, одного из наиболее богатых и красивых в Ольвии и потому так запомнившегося ольвиополитам.

В изложении новеллы Геродот дважды сохранил характерную для устного повествования прямую речь персонажей. Она оживляет рассказ и переносит слушателей как бы непосредственно на место событий. Сначала звучит речь грека, обращенная к скифам, затем призыв Ситалка обменяться заложниками. С той же целью для оживления повествования в фольклоре часто употребляется настоящее время в рассказе о прошлом. Оно встречается и в новелле о Скиле. Узнав о возмущении скифов, он убегает во Фракию, а Октамасад, выслушав вестника Ситалка, соглашается на его предложение.

Новелла о Скиле показывает, как ширилась и укреплялась с течением времени эллинизация правящей верхушки скифского общества. Несмотря на утверждение Геродота, что причина гибели Скила заключается в неприятии скифами чужой религии, приобщение скифского царя к культу Диониса скорее всего оказалось лишь поводом для расправы с царем его противниками.

Почему же Скил не нашел спасения за стенами Ольвии, а бежал в далекую Фракию? Геродот пишет, что Скил узнал о возмущении своих соотечественников не в Ольвии, а возвратившись в Скифию. Во Фракии, он, возможно, искал там не просто убежище,

а хотел собрать силы для возвращения себе царской власти. В это время уже назрел военный конфликт между фракийцами и скифами: в случае поражения Октамасада Скил мог рассчитывать на возвращение на родину. Но события развернулись неожиданно для Скила, когда предводители войск нашли путь к примирению. Они обменялись знатными заложниками, каждый из которых имел притязания на власть; расправившись с ними, как скифский, так и фракийский цари избавлялись от опасных конкурентов.

За последнее время наиболее подробно с исторической точки зрения новеллу о Скиле проанализировал В. Г. Виноградов, сопоставив ее сведения с данными археологии. По его мнению, экономика Ольвии и других греческих городов Северо-Западного Причерноморья находилась в V в. под контролем скифов. Ариапиф и Скил, не вторгаясь в сферу внутренней и внешней политики, имели возможность существенно влиять на экономику греческих государств, и те вынуждены были переориентировать ее с земледелия и скотоводства на ремесло и транзитную торговлю скифскими поставками.

Таков один из возможных исторических выводов из новеллы. Однако она дает историку большой простор для разнообразных догадок. Построение новеллы по законам фольклора допускало отход от реалий повседневной жизни. Поэтому имеющиеся там, с точки зрения нашей логики, ошибки не надо приписывать Геродоту. Например, даже если за Скилом запирались ворота города, то в течение месяца, пока там жил Скил, в Ольвию существовал доступ жителям ее округа и лежавшего у ее стен предместья. Так что скифы от них могли узнать о том, как проводит время их царь в городе. Но фольклорный рассказ, строящийся по принципу контрастных противопоставлений, предпочитает полностью изолировать Скила от его подданных и затем описать потрясшую их сцену приобщения царя к чужой религии.

Факты биографии двух знатных скифов, переосмысленные греческим фольклорным сознанием, вылились в форму исторической новеллы, основная функция которой была познавательная. Этим объясняется одна из ее специфических черт: если содержание предания интересно аудитории, исполнителя станут слушать, даже если он не наделен особым даром рассказчика. Поэтому рассказчиков новелл было гораздо больше, чем исполнителей других жанров повествовательного фольклора, которые требуют высокого мастерства. Сказки, например, передавались ограниченным кругом лиц, овладевших исполнительской традицией. Неумело рассказанный анекдот теряет комический эффект, и поэтому не каждый может его передать.

Неустойчивость художественной формы новеллы не исключала, однако, возможности ее изложения отдельными лицами в высокохудожественной форме. Это отразилось в записях Геродота. Ста-

ринную новеллу об Анахарсисе сообщили Геродоту в виде довольно сжатого рассказа. Новелла же о Скиле — развернутое яркое повествование, в котором сохранились многие живые черты фольклорного рассказа.

Записи Геродота принципиально отличаются от записей современных исследователей народного творчества. Последние стремятся максимально точно отразить на бумаге услышанное, включая, например, особенности произношения рассказчика. Оценка же произведения и отношение к нему записавшего исследователя даются в специальных работах.

Геродот не записывал народные предания в современном понимании. Он усваивал их, слушая разных рассказчиков, искал сведений о людях, когда ему оказывалось что-либо неясно, и на этой основе создавал, как всякий рассказчик, свой собственный вариант новеллы или мифа. Историк сам был прекрасным рассказчиком, владевшим всеми приемами фольклорного повествования. Поэтому он сумел передать новеллы и мифы во всей их красоте. Таковы, на наш взгляд, новелла о Скиле и миф о Геракле и змееной деве, которые во времена Геродота были на устах у многих ольвиополитов. Историк, однако, далеко не всегда шел по пути записи подробного варианта рассказа. В его сочинении историческая новелла представлена в самых разнообразных стилистических аспектах. На одном полюсе — развернутая во многих подробностях новелла, отражающая все богатство фольклорного источника; на другом — ⁷⁹переработка народных рассказов в стиле ионийской научной прозы.

Сообщения об Анахарсисе и Скиле — великолепный пример различных вариантов записей новелл у Геродота. С одной стороны, краткое упоминание пелопоннесской новеллы об Анахарсисе, с другой — обширная новелла о Скиле, новелла же о смерти Анахарсиса — промежуточный вариант.

Греческие города в Скифии

В понятие Скифии, как уже говорилось, входило не только пространство, населенное скифами и подчиненными им племенами, но также эллинские полисы, находившиеся в этих пределах. Во времена Геродота их было уже немало, но в «Истории» упомянуты лишь два города и одна гавань. На первый взгляд кажется странным незначительное число и выбор городов: с одной стороны — Ольвия, один из крупнейших полисов Северного Причерноморья, с другой — небольшая Керкинитида и, наконец, никому, кроме Геродота и Птолемея, не известная гавань Кремны на Меотиде. В то же время ни слова не сказано о множестве городов и поселений по берегам Боспора Киммерийского, о существовании которого Геродот прекрасно

осведомлен. Это показалось современным исследователям столь удивительным, что вызвало предположение о намеренном умолчании, объясняющемся проафинской ориентацией историка и недружественными отношениями Боспора с Афинами в середине V в.⁸⁰

Однако в контексте всего сочинения Геродота выбор одних городов и отсутствие других вполне оправданы и не нуждаются ни в каких дополнительных гипотезах. Следует все время помнить, что в задачи автора Скифского логоса входило описание похода Дария в Скифию и в связи с этим изображение географического положения и варварского населения этой страны — скифов.

Ни Геродот, ни какой иной древний автор ничего не написали хоть о какой-нибудь роли греческих колоний Северного Причерноморья в скифо-персидской войне. Никаких материальных свидетельств о такой роли не обнаружено и при археологических раскопках. Судя по всему, путь Дария лежал вдали от моря, близ которого находились Тира и Ольвия, а к Крыму он вообще не приближался. Поэтому ясно, почему Геродот не уделил внимания характеристике северопонтийских колоний, как, впрочем, и остальных городов на Понте.

Мореплавание у греков было в основном каботажным и, направляясь в Ольвию, корабль от Боспора Фракийского шел вдоль западного побережья Понта. Он делал остановки в греческих колониях для заправки водой и провиантом. Поэтому весьма вероятно, что судно, на котором плыл Геродот, останавливалось в упомянутых им Аполлонии, Месамбрии и Истрии. Но ни о каких собственных впечатлениях историка об их посещении нет речи, и краткие сведения о них вполне могли основываться на картах и сочинениях предшественников.

Первые два города встречаются в тексте «Истории» дважды. Один раз оба указаны для ориентировки читателя относительно мест обитания фракийцев, которые без боя сдались Дарию. Другой раз об Аполлонии говорится для определения расстояния (2 дня пути) до истоков фракийской реки Теар, а о Месамбрии — что она входит в число греческих ⁸¹городов, которые миновал Ксеркс во время похода на Элладу. Истрия названа лишь один раз при описании впадения Дуная: он, по словам историка, протекает через всю Европу и впадает в Понт Евксинский там, «где милетские поселенцы основали город Истрию». Косвенно упоминание Истрии есть в новелле о Скиле, где сказано о его матери — истрианке.⁸² При описании же западных границ Скифии, начинающейся от Истра, город Истрия вовсе не упомянут. В этом не следует видеть никакого специального умысла так же, как и при описании Боспора Киммерийского на востоке Скифии, где ничего не сказано о греческих колониях на этом проливе.

Несколько раз называя Боспор Киммерийский, Геродот нигде детально не характеризует его географическое положение, вероятно,

считая его общеизвестным. Ведь по проливу проводили границу Европы и Азии, и широкая аудитория знала об этом не из научных сочинений, а из представлений в театре (например, из трагедии Эсхила «Прометей прикованный») и рассказов мореходов, постоянно посещавших расположенные там греческие колонии. Историка занимало происхождение названия пролива и удивительный для грека факт его замерзания зимой, что давало возможность скифам перегонять свои стада на противоположный берег.⁸³ Все эти наблюдения касаются варварского (киммерийцы, скифы), но не греческого населения, поэтому, естественно, что здесь нет речи о греческих колониях.

Итак, западнопонтийские города упоминаются без каких-либо подробностей об их жизни и внешнем облике, а только для географической ориентации читателя или для характеристики мест, встречавшихся на пути персидских завоевателей. Восточнопонтийских городов Геродот вообще не называл, а три упоминания Синопы на южном берегу Понта также относятся к географическому контексту.⁸⁴ Лишь наименование небольшой Темискиры, легендарной родины амазонок, вставлено в текст мифа о женщинах-воительницах, но опять-таки сам этот город никак не охарактеризован.

Геродот подробно рассказал о помощи, оказанной Дарию Милетом и другими греческими ионийскими городами, но ничего не написал о том, какую позицию заняли жившие в Скифии выходцы из Милета. Поэтому в тексте «Истории» следует ожидать упоминания о северопонтийских городах только в качестве географических ориентиров.

Классический пример такого рода Керкинитиды, или Каркинитиды. Геродот пишет название города в последней огласовке. Так он назывался на диалекте его основателей-ионийцев. Когда же на рубеже III и IV вв. город вошел в состав Херсонесского государства, жители которого говорили на дорийском диалекте, его стали называть Керкинитидой.⁸⁵

Наименование этого города постоянно встречается в античной литературе при описании Скифии. Он упоминался в «Землеописании» Гекатея и в сочинениях других ионийских географов, чьи данные использовали несколько столетий спустя Мела и Плиний,⁸⁶ а также у более поздних авторов Птолемея и Арриана.⁸⁶ Столь частые упоминания объясняются не какими-то выдающимися особенностями самой Керкинитиды, а тем, что она лежала близ границы земель скифов и тавров и, таким образом, оказалась важным географическим ориентиром.

Сходную с Керкинитидой роль играла гавань Кремны. Около нее греки проводили восточную границу владений царских скифов на северном берегу Меотиды. Геродот пишет также о Кремнах,⁸⁷ излагая миф о появлении амазонок в Северном Причерноморье. Конкретное географическое название призвано подчеркнуть досто-

верность рассказа о высадке амазонок на берегах Меотиды и об их встрече со скифами. Насколько известно по письменным источникам, в V в. эта гавань была единственной на северных берегах Меотиды, которую посещали греки. Они дали ей наименование, означающее в переводе с греческого Кручи. Неудивительно поэтому, что в миф, локализованный у Меотиды, включено название Кремны.

Обращаясь к анализу сведений Геродота об Ольвии, надо сказать, что и она также служит географическим ориентиром, потому что лежит посередине южной стороны скифского квадрата. Однако роль Ольвии в «Истории» уникальна среди прочих городов Причерноморья, так как отсюда идет основная информация о Скифии. Это бросается в глаза любому внимательному читателю. Недаром многие ученые уже в течение двух столетий уверенно пишут о посещении историком Ольвии, хотя прямо об этом он ничего не сказал, как, впрочем, и о большинстве других городов, где ему удалось побывать. Например, уже говорилось, сколь богаты и разнообразны в «Истории» сведения о Милете и его округе, но Геродот нигде не упомянул, что он туда ездил. Зато он ссылается на рассказы, слышанные от милетян, так же как и на сообщения ольвиополитов.⁸⁸

Подобно прочим городам на Понте, Ольвия ничем не поразила воображение историка, и он ничего специально о ней не написал. Но благодаря тому, что здесь Геродот активно собирал материалы о Скифии, кое-какие сведения о городе проникли в его труд, и об Ольвии можно узнать больше, чем о любом другом греческом полисе на берегах Понта. Собранные воедино разрозненные записи Геродота освещают историю и культуру одного из древнейших государств в Восточной Европе.

Название города и его жителей встречается в тексте «Истории» 10 раз. За исключением одного случая историк⁸⁹ всюду говорит о Борисфене и жителей называет борисфенитами.⁸⁹ Только в главе о живущих у Днепра скифах-земледельцах Геродот заметил, что греческие колонисты, поселившиеся у Гипаниса,⁹⁰ называют их борисфенитами, а сами себя — ольвиополитами.⁹⁰ Отсюда ясно, что Геродоту известно официальное название города. Но ориентируясь на читателей Греции, он определил Ольвию более привычным для них наименованием Борисфен и соответственно жителей его борисфенитами.

Геродот называет Борисфен то городом, то полисом (то есть Центром государства), то гаванью. Нет сомнения, что первые два определения, встречающиеся в новелле о Скиле, относятся к Ольвии. Хотя Ольвия была крупной гаванью, возможно, под гаванью борисфенитов историк подразумевал древний Борисфен на острове Березань, который к V в. вошел в состав Ольвийского государства. Подплывая к Ольвии, корабль не мог пройти мимо этого древнейшего поселения на северном побережье Понта.

Черты внешнего облика Борисфена относятся исключительно к Ольвии. Она окружена стенами с воротами и башнями. Подобные укрепления вообще характерны для греческих городов этого периода, и Ольвия не составляла исключения. Оставляя войско в предместье города, Скил скрывался за его стенами и вел там жизнь, присущую состоятельному греку: имел большой дом, жену гречанку, ходил на агору, говорил по-гречески, прекрасно зная этот язык с детства от матери истрианки, одевался в греческое платье. Последнее обстоятельство показывает, что в V в. ольвиополиты носили ту же одежду, что и греки метрополии. Когда же через несколько столетий Дион Хрисостом посетил Ольвию, костюм горожан изменился: отважный юноша Калистрат, «имевший в наружности много ионического», предстал перед оратором в «шароварах и прочем скифском убранстве».

Жизнь греческого города всегда была тесно связана с его центральной рыночной площадью, агорой. Там шла торговля и созывалось народное собрание, а вокруг стояли главные общественные сооружения и храмы. В Ольвии по раскопкам известны агора и окружавшие ее торговые ряды, здание суда, храмы Зевса и Аполлона.

Для своих постоянных наездов в Ольвию Скил построил большой роскошный дом, вокруг которого стояли сфинксы и грифоны из белого камня. Таким образом, можно представить, как в V в. было принято в Ольвии украшать дома богатых горожан. Роковое желание Скила стать посвященным в таинства Диониса Вакхического дало возможность узнать о существовании подобного культа в Ольвии и о том, что процессия посвященных шествовала по улицам города в вакхическом исступлении.

В «Истории» засвидетельствовано общение ольвиополитов не только вообще со скифами, но и с конкретными скифскими царями Ариапифом и Скилом и отмечена не совсем ясная функция посредника Ариапифа, которую исполнял ольвиополит Тимн.

Единственное, что привлекло специальное внимание историка собственно в Ольвии, вставлено в текст исторической новеллы в качестве примечания: жители города говорят о себе, что они милетяне. Это подтверждается найденной при раскопках Милета надписью IV в. об исополитии (уравнивании в правах гражданства) милетян и ольвиополитов. Наверное, это положение было закреплено договором еще в архаический период и существовало во времена Геродота; договор IV в. лишь заново подтверждал древние обязательства.

Известно, что исополития существовала у Милета и с другими его колониями, например с Кизиком. На этом основании жители колонии могли называть себя милетянами, как видно по надписи, где сказано: «согласно отеческим установлениям, кизикенцу быть в Милете милетянином, милетянину в Кизике — кизикенцем».⁹¹

Археологические исследования на городище Ольвия ведутся с XIX в. И, естественно, археологам хочется найти остатки тех сооружений, о которых говорится у Геродота. Известный исследователь Ольвии Б. В. Фармаковский специально поручил своему ученику К. Э. Гриневичу заняться темой Геродот и Ольвия. В статье 1915 г. К. Э. Гриневич не мог связать с описанием Геродота никаких археологических остатков, кроме найденного в XIX в. фрагмента скульптуры сфинкса или грифона. Фрагмент подтверждал рассказ о том, что в V в. дома в Ольвии действительно украшали подобные скульптуры. Позднее К. Э. Гриневич утверждал, что при раскопках Ольвии им были открыты оборонительные стены первой половины V в., т. е. те, которые окружали город во времена Скила.⁹² Однако сейчас датировка Гриневича пересмотрена, и наиболее ранние из найденных остатков оборонительных стен Ольвии относят к первой половине IV в.⁹³ Они были построены из сырцового кирпича, и, вероятно, в V в. стены и башни Ольвии сооружали из того же не слишком долговечного материала, а не из камня, как, на первый взгляд, представляется современному читателю.

Предмесье Ольвии является, по нашему мнению, другим объектом, неверно отождествляемым с описанием Геродота. Как и в русском языке, греческое слово «предмесье» могло обозначать либо пригородный поселок, либо вообще земли, прилегающие к городу. Вблизи границы города открыто греческое поселение (около 30 полуземлянок). Автор раскопок Ю. И. Козуб датирует его V—началом IV в. и считает его тем предмесьем, где скифский царь, входя в Ольвию, оставлял свое войско.⁹⁴ Мы же уверены, что в новелле имелось в виду незаселенное пространство перед городом, где кочевники разбивали свой лагерь. Трудно представить, чтобы скифы, столь отличные в образе жизни от греков, размещались среди тесных полуземлянок бедного населения, жившего за стенами города. Ведь вся новелла о Скиле, по свидетельству Геродота, иллюстрировала неприятие скифами греческих обычаев. Не подвергая сомнению важность открытия поселения у стен Ольвии, следует все же считать, что оно не имеет никакого отношения к упоминанию предмесья у Геродота.

Богатый дом Скила, существовавший в Ольвии в середине V в., заметно выделялся из общей скромной застройки города. Поэтому вполне возможно найти остатки его фундамента. Фрагменты разительного архитектурного декора и выборка стен от какого-то массивного сооружения V в. обнаружены на Северо-Западном раскопе, недалеко от центра Верхнего города. По мнению многолетнего руководителя Ольвийской экспедиции С. Д. Крыжицкого, местоположение этих выборок и характер архитектурных деталей не противоречат возможной идентификации с домом Скила, хотя для окончательного утверждения имеющихся данных не достаточно.⁹⁵

Таким образом, из всего описанного в новелле о Скиле археологами открыта только агора Ольвии, возникшая еще в VI в. По выборке стен в северо-западном углу города можно судить, если не о самом доме Скила, то во всяком случае о характере богатого ольвийского здания, в стиле которого мог быть выстроен дом скифского царя. То же самое можно сказать и о фрагменте мраморного грифона или сфинкса V в.

Итак, археологические данные почти не иллюстрируют сведения Геродота об Ольвии. Это их, однако, не обесценивает: наоборот, историк освещает то, что оказывается невозможным уловить по тем или иным причинам в материальных остатках, обнаруженных при раскопках.

В «Истории» сохранились бесценные записи фольклора ольвиополитов и сделанные ими специально для Геродота переводы рассказов скифов. Поэтому мы можем представить, какие жанры фольклора продолжали развиваться в колонии, каковы были сюжеты, популярные среди ольвиополитов, а в ряде случаев мы даже слышим их голос, так как Геродот сохранил прямую речь героев мифов и новелл.

Руководствуясь целями своего труда, Геродот интересовался лишь тем, что было связано с историей Скифии. Этим объясняется его отбор сюжетов ольвийских рассказов: две исторические новеллы об Анахарсисе и Скиле, два мифа о происхождении скифов, а также историческое предание о приходе скифов из Азии в Северное Причерноморье.

Подробно изложенный греческий миф о происхождении савроматов от браков скифов с амазонками вполне вероятно записан также в Ольвии. Наверное, миф сложился в среде греков, обосновавшихся на Керченском проливе, так как там находились ближайшие к земле савроматов греческие колонии. Однако по сочинению Геродота видно, что он не бывал в этих колониях и вряд ли знал их фольклор. Ольвиополиты же могли проявить интерес к мифу о савроматах, потому что они ходили через земли савроматов на Южный Урал.

Записи фольклора у Геродота можно использовать для реконструкции представлений ольвиополитов о начале истории земель их полиса и его округи, а также узнать конкретные факты о контактах греков и скифов в середине VI—начале V в.

Греческие колонисты хорошо знали точную дату оснований поселений Борисфена и Ольвии в VII—VI вв., но первые связи этих земель с Элладой они относили на несколько столетий раньше ко временам мифической истории: однако для греков она была столь же реальна, как и события недавнего прошлого.

Согласно ольвийским мифам, Геракл оказался первым греком, посетившим незаселенные земли Скифии близ Гилеи, и стал родоначальником местных племен скифов, агафирсов и гелонов. Та-

ким образом, ольвиополиты, соотечественники и потомки Геракла, оказывались как бы старшими братьями своих соседей, чем и обосновывали право на владение землями в Скифии. Атлетические состязания на Ахилловом Дроме, будто бы учрежденные Ахиллом, протягивали еще одну связующую нить между общегреческой и ольвийской историей, которая уводила ее корни ко временам Троянской войны.

Из ольвийских новелл мы узнаем о достаточно близком общении греческих поселенцев со скифами. Оно возникло уже в VI в., и мы бы ничего не знали об этом без записи Геродота, так как имеющееся в нашем распоряжении незначительное количество скифских археологических материалов еще не дает основания для подобного заключения. Имена Анахарсиса и царя Савлия закрепились в сюжете новеллы потому, что были хорошо известны греческим рассказчикам и их аудитории.

Обстоятельства смерти Анахарсиса греки узнали от скифов. Это показывает, что в VI в. по крайней мере некоторые колонисты знали язык своих соседей, а какие-то скифы говорили по-гречески, и общение обеих сторон касалось не только сугубо утилитарных тем обмена товарами. Анахарсис должен был научиться говорить по-гречески еще у себя на родине, чтобы свободно общаться с эллинами во время своего путешествия.

«История» является уникальным источником наших знаний об этнографическом и географическом кругозоре ольвиополитов. Остановимся на некоторых чертах народной этнографии, отразившейся в наименованиях народов, с которыми встретились милетские колонисты в VII—VI вв.

Часть этниконов местного происхождения передают в греческой огласовке самоназвания, например *невры* и *алазоны*. Среди скифов выделялись различные племена, которым греки дали определения на собственном языке: пахари, кочевники, царские, земледельцы. Здесь, как и в прочих словообразованиях народной этнографии, отсутствует единый принцип, по которому дано наименование. Этнокон *аротеры* (пахари) произошел от главного интересовавшего греков занятия этого племени; этнокон *номады* (кочевники) свидетельствует об образе жизни, а *басилеи* (царские) — о главенствующей роли среди прочих скифских племен. Таков же был принцип наименования и соседей скифов: *андрофаги* (людоеды) — по одному из поразивших воображение греков обычаев, *меланхлены* (одетые в черные плащи) — по цвету одежды.

Своих ближайших соседей ольвиополиты определили по месту их обитания: в лесной области Гилее жили *гилеи*, а по берегам рек Аксиака и Борисфена соответственно *аксиаки* и *борисфениты*.⁹⁶ На последнем стоит остановиться более подробно, так как Геродот записал, что «эллыны, живущие на Гипанисе», то есть ольвиополиты, называют *борисфенитами* скифов *георгов* (земледельцев).⁹⁷

Этникон *георги* возник у греческих колонистов Борисфена на ранней стадии знакомства со скифами Поднепровья. Тогда эллины еще не особенно хорошо представляли чуждый им скотоводческий уклад хозяйства и в иранском самоназвании племени *gauvarga* (почитатели скота) различили сходно звучащее по-гречески слово земледелец.⁹⁸ Затем, ближе узнав быт этого племени, ольвиополиты изменили его наименование. Однако старый этникон уже был записан в географических сочинениях ионийцев, вероятнее всего в «Землеописании» Гекатея, и оттуда стал переходить в более поздние произведения.

В анализируемом месте «Истории» Геродота, нам кажется, можно уловить, как он сравнивает и проверяет свои сведения с имевшимися уже сочинениями о Скифии. Сначала историк назвал ранее известный по литературе этникон «скифы-земледельцы», но, зная, что в живой практике ольвиополитов он не употребляется, сделал примечание: эллины, живущие у Гипаниса, называют их борисфенитами. После Геродота этникон *борисфениты* вошел в античную литературу, но также продолжало употребляться и прежнее название «скифы-земледельцы». В IV в. Эфор писал о скифах-земледельцах, а столетием позже Менандр в неизвестной комедии упомянул понтийский народ борисфенитов; племя борисфенитов у Днепра называет также Плиний, опираясь на утраченные ионийские источники.⁹⁹

Этникон *георги* еще недавно заставлял многих археологов искать в Нижнем Поднепровье земледельческое население, но теперь доказано, что в степной полосе Северного Причерноморья во времена Геродота обитали только кочевники.¹⁰⁰ Таким образом, ближайшие соседи Ольвии, жившие у Днепра, действительно были «почитателями скота», а не земледельцами.

По этим кратким заметкам видно, сколь несистематизированными были разнообразные сведения народной этнографии о Скифии. Ионийские географы и, вероятно, в первую очередь Гекатея, привели их в определенный порядок. Геродот перенял и усовершенствовал методику исследования своих предшественников; он расширил и углубил круг знаний о Скифии во многом благодаря тщательным и умелым расспросам ольвиополитов. Ему удалось найти тех из них, которые ходили по древнему торговому пути к Уралу, и узнать от них о северных и восточных соседях скифов, а также о том, до каких пределов они знакомы с населением Европы. Из записей Геродота становится ясно, что ольвиополиты подобно другим своим соотечественникам находили сходство функций местных и эллинских божеств и на том основании отождествляли имена скифских и собственных богов.

Из текста Геродота извлекаются сведения о некоторых источниках полезных ископаемых, которыми пользовались ольвиополиты. Они разрабатывали богатые соляные отложения в устье Днепра,

а по торговому пути с Южного Урала получали золото. Соль в качестве консервирующего продукта использовалась в больших количествах при заготовках рыбы, одного из основных продуктов питания греков. Эксплуатация названных соляных запасов продолжалась, вероятно, на протяжении всего периода существования Ольвии. Это подтверждает Дион Хрисостом, отметивший соль из устья Борисфена как важный предмет экспорта из Ольвии к варварам и на Таврический полуостров.¹⁰¹

Итак, источниковедческий анализ IV книги «Истории» показал, какую большую роль сыграли ольвийские информаторы в рассказе Геродота о Скифии. По образному выражению М. М. Бахтина, автор великого произведения литературы снимает зрелые плоды длительного и сложного созревания, подготовленные многими поколениями. С этой точки зрения надо оценить важный вклад в труд Геродота многих знаний, накопленных ольвиополитами.

Степень достоверности Скифского рассказа

Все изложенное выше характеризует Геродота как добросовестного, тщательного и объективного исследователя, талантливого писателя, живого, доброжелательного и наблюдательного человека. Значит ли это, что все его сведения отвечают истине? Конечно нет, но надо помнить, что расхождения с истиной происходят не из-за недобросовестности или намеренного желания тенденциозно осветить события, но из-за уровня знаний того времени. Стремление к объективности у Геродота было столь велико, что он, по собственному признанию, записывал даже то, чему сам не верил. Такого не допустит современный исследователь, который либо вообще не станет принимать в расчет заведомо ложное мнение, либо будет обстоятельно его оспаривать. Однако это качество Геродота определяет не только слабость, но и силу его сочинения. Ведь иначе не сохранились бы, например, ни скифский миф о Таргитае, ни эллинский о Геракле и змееной богине, и мы были бы лишены ценнейших памятников фольклора скифов и эллинов Северного Причерноморья.

Геродот стоит у истоков выработки определенных канонических историографии и во многом еще зависит от устных приемов построения изложения. В различных народных преданиях действие одного не согласовывалось с действиями другого, один и тот же герой мог совершать взаимоисключающие поступки. Это полностью не изжито и у Геродота, включившего в свой труд мало совместимые эпизоды, вероятно, извлеченные из разных источников. Историк либо сам не смог их свести воедино, либо не заметил противоречий, что вообще характерно для авторов крупных произведений.

В Скифском рассказе есть немало таких моментов, на которые ученые неоднократно обращали внимание. В одном месте историк пишет, что скифы вообще не употребляли меди, а в другом рассказывает о медных стрелах и гигантском котле Арианта, отлитом из них.¹⁰² Передавая скифскую легенду, Геродот сообщает о почитании священных золотых предметов плуга, секиры и чаши, а характеризую скифскую религию, вообще не упоминает о священном золоте.¹⁰³ Несовместимы сообщения о реке Араке в рассказах о продвижении скифов в киммерийские земли и о походе Кира на массагетов.¹⁰⁴ Наверное, речь шла о двух разных реках с одним названием. Такие случаи известны в античности: например, Гипанисом называли Южный Буг и Кубань. Однако Геродот не упомянул, а вернее, и сам не понял, что Араке в первом случае — река в Средней Азии, а во втором, по всей вероятности, — Волга. Есть какая-то серьезная путаница в рассказе о переселении невров в страну будинов, так как выше Геродот писал, что первые жили у истоков Тираса и Гипаниса, а вторые — за Танаисом,¹⁰⁵ то есть не были пограничными племенами, а разделялись владениями андрофагов и меланхленов. Поэтому ученые, пытаясь отождествить археологические культуры с геродотовыми племенами, весьма различно локализуют будинов.¹⁰⁶

Немало нареканий вызывает несоответствие реальности многих цифр в «Истории». Это обстоятельство заставило даже усомниться в добросовестности Геродота и отрицать факт его путешествия в Скифию.¹⁰⁷ Между тем числа несут у Геродота весьма неоднозначную информацию, и ее можно оценить лишь изучив контекст, в котором они встречаются.

В устной традиции разных народов широко известны излюбленные числа 3, 7, 9, 10, 12, 40, 1000 и др. В контексте фольклорного рассказа они не говорят о точном количестве, а рисуют привычный обобщенный образ перечисляемых объектов. Например, 40 или 1000 лет — в фольклоре это не определенный отрезок, а стандартный большой промежуток времени: 40 — в пределах человеческой жизни, 1000 — в истории этноса. В целом же надо помнить, что счет в фольклоре так же условен, как условны пространство и время.¹⁰⁸

В Скифском рассказе Геродот употребил 23 различные цифры, причем некоторые по несколько раз. Из первого десятка встречаются все цифры, кроме 9, далее следуют 11, 14, 15, 20, 40, 50, 60, 100, 150, 200, 600, 1000, 4000, 700 000. Чаше всего историк характеризует цифрами различные географические величины: длину рек, площадь Скифии, территорию, занимаемую разными племенами. Заметную группу составляют измерения всевозможных достопримечательностей (скифского святилища, котла Арианта, следа Геракла). В особую группу выделяются числа, включенные в ткань подробно изложенных мифических сказаний. Наконец,

есть упоминания о количестве самых разнообразных предметов (крепостей, повозок хвороста, пленников).

В мифических сказаниях, записанных Геродотом в Северном Причерноморье, встречаются традиционные числа 3 и 1000. Герои фольклорных сказаний обычно имеют трех сыновей и царская власть достается младшему. Таковы три сына Таргитая: Липоксай, Арпоксай и Колаксай, а также сыновья Геракла и змееногой богини — Агафирс, Гелон и Скиф. Чисто фольклорным следует считать сообщения и о 3 кораблях, на которых амазонки прибыли на берега Меотиды. Таково же утверждение скифов, что от первого их царя Таргитая до похода Дария прошло 1000 лет.

Наряду с 1000 из рассказов скифов происходят цифры 50, 100 и 150. 150 повозок хвороста требуется для сооружения святилища в честь скифского бога войны, где приносят в жертву одного из каждых 100 пленников. На могиле скифского царя через год после его смерти удавливают 50 слуг и 50 лошадей. Таким образом, получается ряд 50, 100, 150, 1000. Он позволяет заключить, что скифы пользовались десятиричной системой счисления. Это наиболее распространенная в мире, но не единственная, система счисления, происхождение которой, как отметил еще Аристотель, связано с количеством пальцев на наших руках. Известны также двоичная система у древних египтян, двадцатиричная у галлов, шестидесятиричная на Древнем Востоке.

Для создания наглядного образа у читателей Геродот часто приводил размеры описываемых им достопримечательностей. В Скифии таким способом охарактеризованы три объекта: котел Арианта, святилище скифского бога войны и отпечаток ступни Геракла.

Размер скифского святилища, соорудившегося из хвороста, историк (или его греческий информатор) определил на глаз в греческой системе мер длины: «приблизительно три стадия в длину и ширину». Хотя неизвестно, какой стадий, аттический (177,6 м) или ионийский (210 м), имел в виду Геродот, его сообщение дает возможность получить примерное представление о размерах сооружения.

Оценивая сообщение о размере ступни Геракла, следует вспомнить, что греки представляли богов и героев в облике людей, совершенных по красоте и более рослых, чем обычный человек. Поэтому очень крупными были и отпечатки их ног, которые показывали в различных местах. Обычно такими отпечатками считались сходные по форме со ступней углубления в камнях и скалах. Такой камень мог находиться и у Тираса. Однако величина ступни Геракла в два локтя, совпадающая с размером сандалии героя Персея в Египте,¹⁰⁹ отражает скорее всего не истинную величину углубления в камне, а свидетельствует о выработанной в греческом фольклоре традиционной цифре размера ноги бога или героя.

Невероятные цифры величины котла Арианта, как мы показали выше, происходят из устной традиции, связанной с восточной шестидесятиричной системой счисления. Греки многое заимствовали из этой системы, особенно в определении мер и весов: например, крупная денежно-весовая единица талант (26,2 кг) делилась на 60 мин, а монета драхма разменивалась на шесть оболов.

Числа, кратные шести, нередко встречаются у Геродота. Таковы расстояния «около 60 стадиев» между крепостями Дария на реке Оар или 600 кораблей во флоте царя. Такое же количество судов, по словам Геродота, персы собрали для осады Милета и покорения Афин.¹¹⁰ Цифра эта не соответствует действительности хотя бы потому, что экипаж кораблей достиг бы ста тысяч человек.

Столь же нереальна названная Геродотом численность войска Дария 700 тысяч; ведь в таком случае армия растянулась бы по Скифии почти на 500 км, если бы следовала одной колонной. Даже при продвижении несколькими параллельными колоннами длина их несообразна с реальностью, не говоря уже о том, что невозможно прокормить такое количество людей в условиях военных действий.¹¹¹

Происхождение столь нереальных цифр войска и флота Дария следует искать в традиционных числах фольклора. Из него они перешли в литературу греков. Например, 70 и кратные ему числа не означали точного количества, а указывали на предельно крупную величину: 70 — возраст человека, 700 000 — размер войска.¹¹² Геродот добросовестно записал цифры, сообщенные ему информаторами. Их «достоверность» подтверждалась, наверное, в глазах историка еще и тем, что разные люди называли одни и те же привычные цифры. Но ни рассказчики, ни слушатели не задавались целью проверить их реальность.

600 при шестидесятиричном счете представляло крупное круглое число, и поэтому получалось так, что в трех различных случаях, по словам Геродота, персы собирали флот из стольких кораблей. Поход персов против греков был более грандиозным, чем против скифов, поэтому войско, собранное для греко-персидской войны, в шесть раз превосходило то, которое отправилось в Скифию.

Перечисленные цифровые примеры играли в устной традиции специфическую роль, обозначая не определенное числительное, а скорее качественное прилагательное со значением какого-то множества. С этой точки зрения их следует оценивать в тексте «отца истории», а не использовать для строгих вычислений или обвинений Геродота в некомпетентности.

Другая группа цифр в Скифском рассказе происходит из сообщений эллинов о различных расстояниях. С их помощью Геродот стремится показать читателю величину описываемой страны, протяженность ее рек, пространства, занятые теми или иными племенами, или вовсе не заселенные.

Вся Скифия изображена в виде правильного четырехугольника со стороной в 4000 стадиев. Так ионийские географы представляли форму и площадь одной из крупнейших и мало известных областей ойкумены. За этими теоретическими выкладками не надо видеть реальную площадь Скифии. Более достоверные цифры появляются там, где Геродот получил от ольвиополитов их практические сведения о пути через земли разных народов и о судоходных отрезках Гипаниса и Борисфена. В среднем, по Геродоту, день пути равен 200 стадиям, а о расстоянии дня плавания историк ничего не сообщил и нигде не учел, что вниз по реке корабль идет скорее, чем вверх. Согласно расчетам современных исследователей, день плавания вверх по реке — около 30 км, а вниз — около 80 км; день пути колеблется от 35 до 42 км, так как неизвестна величина стадия, которым пользовался Геродот.

Считая, что немногие реки могут сравниться по величине с Гипанисом, Геродот указал, однако, сравнительно небольшую протяженность этой реки: пять дней плавания от истоков по узкой части, затем четыре — по более широкой вплоть до устья. Хотя расстояние в днях плавания можно определить лишь приблизительно, все же длина Южного Буга намного больше отмеченной Геродотом. Вероятно, здесь шла речь лишь о верхней и нижней судоходных частях реки без учета ее среднего порожистого течения.¹¹³

Геродот дважды сообщил протяженность территории скифов-земледельцев по Борисфену, причем один раз назвал 11, а другой — 10 дней плавания.¹¹⁴ В «Истории» это не единственный случай расхождения цифровых данных. По наблюдению В. Али, историк неоднократно не давал себе труда следить за согласованием приводимых им исчислений.¹¹⁵ В данном случае Геродот, вероятно, взял сведения из разных источников. Цифра 11 получена из сообщений тех, кто плывал по реке, а ниже приведено округленное число 10 в соседстве с явно нереальными 40 днями плавания по Борисфену до местности Герры.

Последнюю цифру некоторые исследователи считали ошибкой переписчика и предлагали исправить 40 на 14, так как вся Скифия, по словам Геродота, простирается на север лишь на 20 дней пути. Представляется верной догадка А. Хансена, высказанная еще в прошлом веке и не нашедшая широкого признания: исследователь связывал происхождение этого числа с похоронным обрядом скифов, так как в Геррах, до которых идет измерение длины Борисфена, находилось кладбище скифских царей.¹¹⁶ Геродот пишет, что У скифов принято до погребения в течение 40 дней возить умершего к его друзьям.¹¹⁷ Надо полагать, что и умершего царя до его погребения в Геррах тоже возили 40 дней. Ритуальная поездка продолжалась именно столько дней, независимо от того, с какого места она начиналась и какое расстояние следовало преодолеть.

Греки же, жившие в устье Борисфена, узнав, что умершего не-вдалеке от их города царя везут в Герры 40 дней, решили, что таково расстояние в днях пути туда по Борисфену.

Из рассказов купцов, ходивших по торговому пути к Уралу, Геродот узнал цифры протяженности территории различных племен в днях пути: 3 дня приходилось на земли скифов-земледельцев, 14 — на земли скифов-кочевников, 15 — на земли савроматов.

Итак, в Скифском рассказе цифры разделяются на две большие группы: традиционные фольклорные числа, часть которых употреблялась в повседневной речи, и числа, полученные путем реальных подсчетов, например, дней пути по территории обитания того или иного племени. Выделение фольклорных чисел дает возможность объяснить происхождение некоторых не совместимых с реальностью цифр, кратных 6 и 7. В устной практике современников Геродота их достоверность не подвергалась сомнению, хотя они говорили не о точном количестве, а о некоем привычном определении для обозначения промежутка времени, расстояния и объема.

Цифры отражают одну из граней мышления историка и его современников и указывают характер их употребления в устных рассказах — главным источнике Геродота. Эти цифры вполне удовлетворяли требованиям его современников к труду по географии и истории: их главной задачей были не сугубо точные измерения, как, например, в периплах, где давалось практическое руководство мореплавателю, а создание общего представления с помощью традиционных чисел.

Напомним, что ошибочные цифры измерений есть у Геродота в рассказах о Вавилоне и Египте, относительно посещения которых трудно сомневаться. Например, историк допустил крупные ошибки при определении высоты пирамид и сильно преувеличил длину стен Вавилона и количество его ворот. В то же время он верно измерил шагами подножия пирамид и правильно, как показывают археологические находки, описал особый характер кладки вавилонских оборонительных стен, так что нет оснований думать, что он их не видел.

Таким образом, ошибки Геродота не достаточно просто указать, а надо постараться найти их причину, которая сама по себе может оказаться небезынтересной. Например, преувеличенная численность войска Дария, продолжительность его похода на скифов или размеры котла Арианта свидетельствуют о разговорной практике употребления традиционных чисел, в чем-то сходной и с современной. О том, что сбудется нескоро, говорят «обещанного три года ждут» или «этого ждать тысячу лет» и при этом не вкладывают конкретного значения ни в тот, ни в другой срок. Традиционные числа Геродота проливают свет на некоторые особенности древнего разговорного языка, который, в отличие от литературного и документального, почти нам неизвестен.

Скифский рассказ в контексте литературы V—IV вв.

После Геродота другие авторы также использовали для описания Скифии сведения греков Северного Причерноморья, но ни один писатель не производил опрос столь же скрупулезно и методично. Лишь отдельные черты быта, природы и фауны страны освещались более детально, нежели у «отца истории».

Можно вкратце перечислить то, что известная нам литература V—IV вв. внесла нового по сравнению с Геродотовым описанием. Наиболее содержателен в этом плане трактат «О воздухах, водах и местностях», ошибочно приписанный Гиппократу. В сочинениях знаменитого врача к Скифии относится лишь описание способа приготовления гиппаки — особого вида сыра из кобыльего молока.¹¹⁸

В трактате псевдо-Гиппократа, написанном на рубеже V—IV вв., большое внимание уделено образу жизни и физиологии скифов. Автор подбирал из греческой литературы эмпирические доказательства к своему теоретическому положению о влиянии климата на физическое состояние человеческого организма и его функции. Он взял для примеров население Скифии, а также Египта и Ливии, как представителей двух климатических противоположностей. Экскурс о скифах занимает центральное место во второй части трактата, включая целых 6 глав.¹¹⁹

Климат Скифии описан в традициях античной литературы чересчур суровым: большую часть года там стоит зима, а лето короткое и не очень жаркое. Так как, по утверждению псевдо-Гиппократа, в Скифии времена года мало отличаются одно от другого, то и местные жители похожи друг на друга. Они зимой и летом носят одинаковую одежду, постоянно занимаются физическими упражнениями. Все это сказывается на плодovitости скифов, женщины которых часто бездетны, а мужчины болеют «женской болезнью», развитие которой связано с постоянной ездой на коне.

Образ жизни скифов описан в трактате по произведению, автор которого действительно наблюдал быт кочевников в Северном Причерноморье. Подробнее, чем в других источниках, здесь охарактеризовано жилище скифов: войлочные кибитки, поставленные в зависимости от размера на четырех- или шестиколесные повозки, в которые запрягают по две или три пары безрогих волов. Кибитки имеют два или три отделения, в них живут женщины и дети, а мужчины во время переходов едут верхом на лошадях. Едва научившись ходить, скифские дети садятся на коней. Скифы живут на одном месте, пока там хватает корма их скоту, а затем переходят на другое. Их пищу составляют вареное мясо, кобылье молоко и гиппака.

Влияние климата на физиологические особенности разных народов занимало не только автора рассмотренного трактата. Этой теме касался также Аристотель. Он считал, что из-за холодов скифы и вообще северные народы имеют прямые мягкие волосы, а зной в стране эфиопов способствует тому, что «волосы у них закручиваются». ¹²⁰

Труды Аристотеля и Феофраста по естественным наукам полны разнообразных сведений, собранных греками во всей ойкумене, в том числе в Северном Причерноморье. Записи обоих философов содержат ценные сообщения как о дикой природе Скифии, так и о деятельности греческих колонистов, разводящих на своей новой родине привычные им растения и домашних животных.

«История растений» Феофраста оказалась в настоящее время главным письменным источником о садоводстве в Северном Причерноморье. Только из этого сочинения известно, что греки в районе Пантикапея успешно выращивали смоковницы и много сортов яблок и груш. Им также удалось развести гранаты, прикрывая их на зиму от холода. ¹²¹ Страбон записал, что таким же способом на Боспоре защищали виноградные лозы; присыпанные землей, они не вымерзали зимой. ¹²² Однако не все необходимые растения удалось акклиматизировать. Феофраст упомянул о неоднократных неудачных попытках вырастить лавр и мирт, хотя бы в небольших количествах, необходимых для священнодействий. Особняком стоит сообщение Феофраста о каком-то сладком сорте луковиц, которые выращивали жители Херсонеса Таврического для еды в сыром виде. ¹²³

Среди дикорастущих растений Скифии греки особо выделяли «скифский корень». ¹²⁴ Он до сих пор используется в медицине и известен сейчас под названием лакрицы, или солодки (*glycyrrhiza*). Греки делали из него лекарства, применявшиеся при астме и кашле, а в сочетании с медом корень солодки служил средством для заживления ран. Скифы использовали солодку для утоления жажды во время длительных переходов по степям.

Что касается домашних животных, то Аристотель и Феофраст уделили внимание лишь ослам и овцам. О том, что ослы, вывезенные из Средиземноморья, не выживали в холодном климате Северного Причерноморья, писал сначала Геродот, затем в «Истории животных» Аристотель. ¹²⁵ Археологические находки показывают, что позже в эллинистический период грекам удалось вывести породу ослов, переносивших суровый климат на северных берегах Понта: кости ослов обнаружены на всех крупных поселениях. Сообщения древних писателей об овцах сводятся к удивительному с точки зрения греков факту: в отличие от средиземноморских местные породы овец ели полынь.

О фауне Скифии сохранились столь же отрывочные сведения, как и о флоре. Вероятно, греческие купцы, чьи корабли ходили

и в Черное море, и в южное Средиземноморье, заметили, что журавли, «спасаясь от скифских холодов», улетают на зиму в Египет. Эти ¹²⁶ наблюдения записаны впервые у Геродота, затем у Аристотеля. Большое удивление у греков вызвал вид животного таранда (лося), подробно изображенного в книге «О чудесных слухах», приписываемой Аристотелю, а также в трактате Феофраста «О водах». ¹²⁷

У Геродота находится древнейшее описание бобров. ¹²⁸ В дальнейшем они постоянно привлекали внимание античных авторов. Выделение их мускусных желез применялось в медицине греков и римлян; бобровый мех местное население и греческие колонисты использовали для одежды, а обувь и шкуры понтийских бобров в античном мире считались облегчающими боли при подагре. ¹²⁹

В «Истории животных» ¹³⁰ Аристотель неоднократно обращался к животному миру Скифии. Таковы упомянутые выше журавли, волки у Меотийского озера, насекомое однодневка и кони скифов. Особое внимание он уделил рыбам, что неудивительно, так как рыба играла важную роль в питании греков. Поселившись в Северном Причерноморье, они сразу же занялись рыболовством и хорошо изучили фауну Черного и Азовского морей. Из крупных морских животных там водились только тюлени и дельфины, причем последние уступали по величине средиземноморским. Изобилие рыбы в Черном море греки объясняли сравнительной пресностью его воды, наличием большого количества пищи и отсутствием крупных хищников.

Суровый климат Скифии — постоянная тема античных писателей, обращавшихся к характеристике этой страны. ¹³¹ Геродот писал, что там в течение восьми месяцев стоят нестерпимые холода, замерзают Боспор Киммерийский и море. Удивительным по сравнению с Грецией казалось отсутствие землетрясений. Аристотель тоже сообщал о величайших холодах, но отмечал и сильную жару летом, а Феофраст обратил внимание на вымерзание растений в районе Пантикапея.

Северное Причерноморье с многочисленными греческими колониями включалось в периплы — практические руководства по мореплаванию. Древнейший из сохранившихся «Перипл ойкумены» приписывался в античности Скилаку Кариандскому, известному мореходу VI в. Возможно, в основе этого перипла лежал труд Скилака, но он подвергся существенной переработке в IV в. Ведь в «Перипле» названы многие греческие колонии, возникшие после смерти Скилака. Например, Фурии и Гераклея в Италии основаны в середине V в., Амфиполь — в 437 г., а Тавромений — около 394 г.

В перипле побережье Скифии включено в описание Европы, которая отделяется от Азии рекой Танаисом, Меотидой и проливом Боспор Киммерийский. Пространство от Истра до Танаиса заселено

скифами, за исключением южной оконечности Таврики, где живут тавры. На западной границе Скифии обитают фракийцы, а на восточной — сарматы. Все это полностью согласуется с описанием населения восточноевропейских степей у Геродота и показывает, что общие представления об этнографии Северного Причерноморья в IV в. оставались теми же, какими были столетием раньше.

Реки Скифии представлены гораздо беднее, чем у Геродота. Их всего три: Истр на восточной, Танаис на западной границе Скифии и Тирас. Особенно удивляет отсутствие широко известных грекам Борисфена и Гипаниса, а также лежавшей у их слияния Ольвии. Но в целом города Северного Причерноморья перечислены в перипле гораздо полнее, чем у «отца истории», что объясняется целями этого сочинения — дать сведения о возможных стоянках корабля.

В земле тавров названа одна греческая колония — Херсонес. Это древнейшее упоминание о нем в сохранившейся античной литературе, равно как о Никонии, Офиусе и ряде городов Боспора. За исключением Херсонеса, все города Северного Причерноморья локализируются автором перипла в скифской земле, что полностью согласуется с прочими сообщениями античных писателей, начиная с Алкея. Крупные греческие поселения перечислены достаточно подробно с запада на восток: Никоний, Офиуса, Херсонес, Феодосия, Китей, Нимфей, Пантикапей и Мирмекий.

Следование корабля вдоль северных берегов Понта, как описано в перипле, было не полностью каботажным. От устья Истра суда брали прямой курс к южной оконечности Крымского полуострова, так что на этом отрезке путь вдвое сокращался.

Серьезное внимание Скифии уделялось в утраченных теперь исторических трудах Эфора и Феопомпа, однако они были написаны по литературным источникам, а не по собственным наблюдениям. Есть основание думать, что в объективности они уступали «отцу истории». Во «Всеобщей истории», известной сейчас только по ссылкам на нее других авторов, Эфор проводил широко распространенное в демократических кругах мнение, что в частной собственности заложена причина всех зол. Сторонники этой теории видели «золотой век» в древнейшем периоде жизни Эллады, а среди своих современников они считали скифов «счастливейшими из людей», так как те будто бы равны между собой и всем владеют сообща. Эфор приписывал скифам гармоничный образ жизни и ряд важнейших изобретений, таких, как гончарный круг и якорь; это было столь же далеко от действительности, как равенство всех скифов.

Таким образом, сочинения перечисленных авторов лишь немногим дополняют картину Скифии, нарисованную Геродотом.

Глава пятая

На афинской сцене

Театры в Греции и Северном Причерноморье

Театр как самостоятельный вид искусства впервые появился в Элладе. Его рождение относится к концу VI в., а на протяжении следующего столетия он прошел поражающе быстрый путь развития и в области ведущего в те времена драматургического жанра трагедии достиг наивысшего расцвета.

Театральные представления в Греции давались во время праздников в честь Диониса, бога плодоносящих сил земли, виноградарства и виноделия. Участники обрядовых плясок и хоров, прославлявших Диониса, которого также называли Вакхом, издавна разыгрывали сцены из мифов о боге и его традиционных спутниках — поклонниках бога вакханках и фантастических божествах плодородия сатирах и силенах. Последних изображали в получеловеческом, полуживотном облике: косматая голова увенчана небольшими рогами, а обросшее шерстью туловище с лошадиным хвостом оканчивалось козлиными ногами. Хор сатиров стал непременным участником так называемых сатирических драм, которые разыгрывались в театре наряду с трагедиями и комедиями.

О том, как происходили дионисийские празднества и как в честь бога устраивались театральные представления, лучше всего известно из источников, относящихся к Афинам. В месяце элафеболионе, соответствующем нашему марту и началу весны в Греции, афиняне справляли многодневный праздник Великие Дионисии. Будничная жизнь города замирала, прекращались торговля и работы в ремесленных мастерских, закрывались суды, и даже узников выпускали из тюрем на поруки, чтобы все граждане могли принять участие в торжествах.

Рано утром афиняне в праздничных одеждах собирались у храма Диониса. Отсюда выносили статую бога, и торжественное шествие отправлялось в долгий путь, завершавшийся в театре. Там устанавливали статую на весь период празднования, и она олицетворяла присутствие божества во время драматических представлений.

У жертвенника Диониса в первый день состязались за первенство десять хоров мальчиков, по одному от каждого афинского округа. В следующие два дня выбирали лучший из десяти хоров взрослых афинских граждан, а заключительные три дня шли театральные представления.

Театр строился так, что мог вместить всех граждан. Об этом, в частности, свидетельствует один любопытный рассказ, связанный с Северным Причерноморьем. В середине IV в. греческий полководец Мемнон, собираясь воевать с боспорским царем Левконом, прибегнул к остроумной уловке, чтобы узнать численность населения Боспора. Для этого он послал туда знаменитого музыканта Аристонику, решив, что на его концерты захотят прийти все жители боспорских городов. Такие концерты устраивались в театрах, ибо только в очень крупных городах строили специальные здания для исполнения музыкальных произведений. По заданию Мемнона, его посол Архивиад должен был посчитать зрителей в театрах Боспора.

Из этого рассказа становится известно, что на Боспоре театры существовали в нескольких городах, а не только в столице Пантикапее. К сожалению, остатков боспорских театров археологи не обнаружили. В Пантикапее найдены лишь маска трагического актера и театральное мраморное кресло.² Такие кресла устанавливались в первых рядах. Они предназначались для некоторых жрецов, а также для лиц, занимавших высокие государственные должности. В них сажали почетных гостей и граждан, оказавших особые услуги полису. В первом ряду афинского театра стояло 76 кресел из дорогого мрамора с рельефными изображениями. Особенно роскошной была отделка кресла с высокой спинкой для жреца Диониса. Остальные зрители располагались на каменных скамьях и для удобства приносили с собой подушки. Ведь празднество в театре длилось с утра до вечера.

Театральным представлениям предшествовало вручение наград за выдающиеся заслуги перед государством. Их получали не только афиняне, но и жители других полисов. В предисловии к одной из речей знаменитого оратора и политического деятеля Демосфена сохранился проект постановления о его награждении: «Ввиду того, что Демосфен, сын Демосфена, в течение всей своей жизни всегда высказывал преданность государству, а теперь в должности строителя стен, видя недостаток денег, взял их из собственных средств и отдал в дар, — ввиду этого Совет и народ (Афин. — М. С.) решили увенчать его золотым венком в театре при постановке новых трагедий».³

Сходный обычай существовал в Ольвии, о чем известно по трем фрагментарно сохранившимся мраморным стелам с текстами декретов народного собрания. В наиболее древнем из них, относящемся к IV в., ольвиополиты перечислили заслуги своего соотечественника Каллиника: он организовал работы для граждан, содействовал изданию закона об отмене долгов, регулировал чеканку городских

медных монет. За это народ постановил «восхвалить Каллиника, сына Евксена, за его доблесть и благодеяния для народа и наградить тысячей золотых⁴ и статуй, а о награждении возвестить на Дионисии в театре».

Два других оглашенных в театре декрета⁵ изданы в III в.: один прославляет ольвиополита Антестерия,⁶ другой — граждан иного полиса. Ольвиополиты даровали почетную награду Антестерии за то, что он дал деньги на подарки вождям соседних племен для привлечения их в союзники, а также за то, что на собственные средства отремонтировал государственные обветшалые суда и построил новый военный корабль. Три брата — Аполлодор, Аполлоний и Евфрон, уроженцы Херсонеса, удостоились золотого венка за предоставление Ольвии в долг на выгодных условиях крупных денежных ссуд.

Эти мраморные декреты надежно свидетельствуют о существовании театра в Ольвии, но археологам до сих пор не удалось обнаружить его местонахождение. Однако по аналогии с другими можно представить, каков был ольвийский театр. Вероятнее всего, он находился на склоне между верхним и нижним городом, так как греки стремились использовать естественный рельеф местности, строя ряды для зрителей, располагавшиеся амфитеатром под открытым небом вокруг сценической площадки.

Театральные представления в Ольвии давались, вероятно, уже в V в. Ведь из новеллы о Скиле нам известно о вакхических шествиях, а они предвещали празднества в театре. Пока города Причерноморья не стали богатыми и процветающими, представления, наверное, разыгрывались во временных деревянных постройках. Такой деревянный театр упоминает Плутарх в биографии Солона, рассказывая, как в 500 г. деревянные помосты на центральной площади Афин рухнули во время представления, и пострадало немало зрителей. После этого Народное собрание постановило построить постоянный театр на южном склоне Акрополя.

В настоящее время в Северном Причерноморье обнаружены остатки лишь одного древнегреческого театра в Херсонесе. Построенный в IV в., он претерпел немало перестроек, и в римское время был приспособлен для гладиаторских игр. В средние века на месте театра поставили христианский храм, так что от античных каменных кладок и рельефных украшений театра осталось немного. Все же по аналогии с подобными постройками ученые определили приблизительную вместимость театра — восемь тысяч зрителей. В более крупных городах строились гораздо большие театры. В Афинах театр Диониса заполняли 17 тысяч (по другим расчетам — 20 тысяч) человек, а театр города Мегалополиса на Пелопоннесе мог принять 44 тысячи зрителей.

К настоящему времени археологи нашли немало театров в материковой Греции, в ионийских городах Милете, Приене, Маг-

несии и Эфесе, в греческих колониях на Сицилии и в Причерноморье. Некоторые так хорошо сохранились, что и сейчас в них даются представления, например, в Афинах или в Эпидавре, расположенном в древней Арголиде, где некогда сложился миф об Ио. Эпидаврский театр считался в древности одним из самых замечательных по пропорциям и красоте. Он имеет 55 рядов и рассчитан на 14 тысяч посетителей. Места для зрителей высечены из белого известняка, а почетные кресла из розового камня. В театре до сих пор сохранилась поразительная акустика: звук брошенной на сцене монеты или тихая речь прекрасно слышны в последних рядах.

Таким образом, мы знаем архитектуру множества древних театров, но о том, какие представления шли в них в V—IV вв., более или менее хорошо известно лишь в отношении Афин.

В течение трех последних дней Великих Дионисий афиняне смотрели в театре серию пьес трех авторов и определяли победителя. Каждый автор представлял три трагедии и одну сатировскую драму. С середины V в. к состязанию трагиков присоединились комедиографы. Античные авторы упоминают десятки имен аттических драматургов и нередко цитируют стихи из их пьес, но сочинений, сохранившихся полностью, совсем немного. Они принадлежат великим трагикам Эсхилу, Софоклу и Еврипиду и комедиографу Аристофану. Однако и от их творчества уцелела небольшая часть. По названиям известно около 80 трагедий и сатировских драм Эсхила, а полностью дошли до нас только 7 трагедий; столько же трагедий и одна сатировская драма остались от Софокла; больше всего, 17 трагедий, сохранилось от творчества Еврипида. Несмотря на то, что известно столь немного, важно отметить, что каждый из великих драматургов так или иначе изображал скифов и Скифию.

В отличие от исторических, географических, философских и других научных сочинений, с которыми знакомился сравнительно узкий круг читателей и слушателей, драматургические произведения знали почти все, поскольку на Великие Дионисии собиралась вся гражданская община полиса. Исследования современных ученых показывают, что для греков трагедии были не только высокохудожественными литературными произведениями, но и энциклопедией знаний о самых разных сторонах жизни. В частности, представление о далеких и малоизвестных рядовому зрителю странах складывалось на основании запомнившихся стихов из популярных пьес. С этой точки зрения сочинения афинских драматургов оказываются ценнейшим источником относительно представлений греков о Северном Причерноморье.

Напомним, что память у греков была хорошо тренированной со школьных лет, когда они выучивали наизусть массу стихов разных поэтов, начиная с Гомера. Все подготовленные заранее речи в народном собрании и на суде не читали, а говорили наизусть.

Длинные речи запоминали не только известные ораторы и политические деятели, но и рядовые граждане. Многим из них приходилось обращаться в суд, они могли заказать речь опытному юристу, но произнести ее должны были сами.

Хотя каждую пьесу ставили лишь один раз, крупные отрывки зрители сразу же запоминали наизусть. Об этом свидетельствуют два эпизода из сочинений Плутарха. Они также показывают, что произведения аттических драматургов пользовались популярностью далеко за пределами их родины.

В биографии полководца Никия Плутарх сообщает о сокрушительном поражении афинян на острове Сицилии в 413 г. Массу попавших в плен афинян продали в рабство; некоторым удалось избежать тяжелых работ благодаря знанию наизусть отрывков из пьес Еврипида. Из какого-то древнего сочинения Плутарх узнал, что «многие из благополучно возвратившихся домой горячо приветствовали Еврипида и рассказывали ему, что они получали свободу, обучив хозяина тому, что осталось в памяти из его стихов». А некоторые, блуждая по острову, зарабатывали себе пищу и питье пением песен из трагедий. Здесь же Плутарх записал любопытную историю о небольшом малоазийском городке Кавне. Его жители сначала отказали какому-то судну в возможности укрыться от пиратов, но затем впустили корабль в гавань, узнав, что моряки помнят наизусть стихи Еврипида. Еще более яркая картина нарисована у Лукиана: в конце IV в. при царе Лисимахе весь город Абдеры во Фракии распевал стихи Еврипида из «Андромеды».

Плутарх и Лукиан не случайно говорят о пении отрывков из трагедий; в V в. все драматические произведения обязательно писались стихами и сопровождались пением и танцами хора. Песенные части сменялись речитативами, а предводитель хора переходил на декламацию и по ходу действия вступал в диалоги с актерами.

К сожалению, у нас нет никаких сведений о том, насколько жители Северного Причерноморья были знакомы с творчеством афинских драматургов. Можно лишь предположить, что их пьесы, особенно касавшиеся Скифии, ставили на сцене так же, как, например, в Сиракузах, где вскоре после представления в Афинах шла трагедия Эсхила «Персы».

Упоминания о Скифии в трагедиях и комедиях представляют нам редкую возможность узнать, какой она рисовалась большинству афинян и других греков, любивших театр и черпавших из него многие свои познания.

Великие трагики Эсхил, Софокл и Еврипид

Эсхил (524—427 гг.) — старший из великих греческих трагиков, получивших мировое признание (рис. 7). О его жизни известно

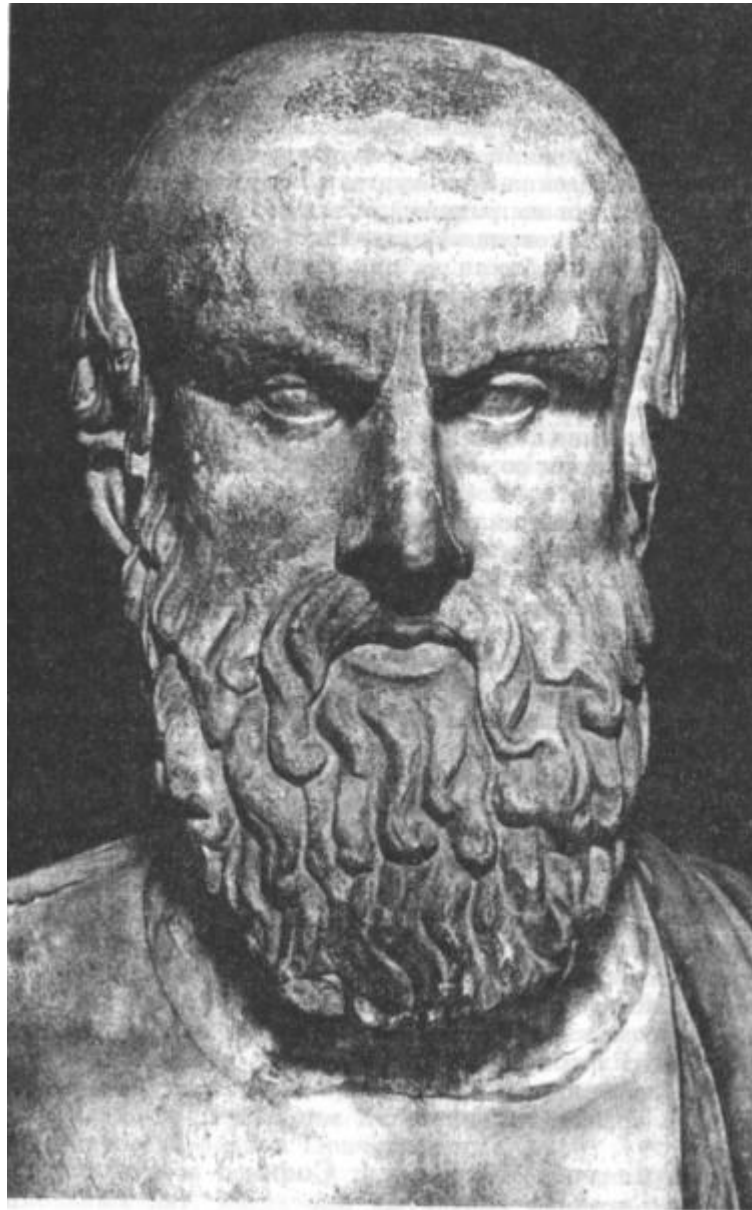

Рис. 7. Эсхил. Римская копия с греческого оригинала. Ватиканский музей. Рим

очень небольшое, и ничто не говорит о каких-либо связях с Северным Причерноморьем.

Почти все, что касается Скифии в сохранившихся произведениях Эсхила, содержится в самой прославленной трагедии «Прометей прикованный». Ее действие разворачивается, как сказано в первых же строках, в скифской стране на краю земли, где стоит гора Кавказ. Здесь Скифия предстает неведомой фантастической страной, подобной той, какой она рисовалась во многих мифах.

По приказу Зевса, Прометея приковывают к скале, обрекая на вечные муки за неповиновение. Двоюродный брат Зевса, сын титана Иапета, Прометей разгневал верховного бога несогласием с тем, что все блага должны принадлежать богам. Из мастерской Гефеста и Афины титан похитил огонь и отдал его людям, чтобы они овладели разными ремеслами. Сострада смертным, Прометей наделил их разумом, научил носить одежду, строить дома и корабли, писать и читать, приносить жертвы богам и гадать.

Эсхил изображает Прометея уверенным в своей правоте, несмотря на переносимые им страшные муки. Хор, сочувствуя страданиям героя, поет о том, как титана оплакивают смертные, живущие недалеко от горы, где он прикован. Ему соболезнуют амазонки в Колхиде и множество скифов, «которые обитают вокруг Меотиды на краю земли».¹² По сравнению с Геродотом и другими более поздними авторами география расселения скифов в трагедии смещена к востоку. Это ценное свидетельство о местонахождении скифов до их расселения в Северном Причерноморье. Многочисленные скифские памятники VII—начала V в. в Северном Предкавказье¹³ согласуются с локализацией этого народа в трагедии «Прометей прикованный».

Эсхил осуждает деспотизм Зевса и, чтобы подчеркнуть неприглядные поступки верховного владыки богов, выводит на сцену еще одну его жертву — Ио. Обращенная в корову возлюбленная Зевса мчится по многим странам и достигает Скифии, где томится Прометей. Он жалеет несчастную Ио и, описывая ее дальнейший путь в Египет, упоминает ряд географических пунктов северо-восточного Причерноморья и населявшие его реальные и мифические племена.

*И ты, дитя Инаха, глубоко в груди
Спрячь речь мою, чтоб знать своих дорог конец.
Отсюда ты к восходу солнца путаный
Направишь шаг по целине непаханной
И к скифам кочевым придешь. Живут они
Под вольным солнцем на телегах, в коробах
Плетеных. За плечами — луки грозные.
Не подходи к ним близко! Дальше путь держи
Крутым кремнистым взморьем, глухо стонущим.*

*От этих мест живут по руку левую
 Железа ковахи халибы. Бойся их!
 Они свирепы и к гостям неласковы.
 К реке придешь ты Громотухе. Имя ей
 Дано по праву. Брода не ищи в реке!
 Нет брода! До истоков подымись! Кавказ
 Увидишь, гору страшную. С ее розов
 Поток могучий хлещет. Перейди хребты,
 Соседящие звездам, и к полудню шаг
 Направь! Там амазонок войско встретится
 Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
 Они у Фермодонта будут. Отмель там
 Опаснейшая — Челюсть Салмидесская,
 Страх кораблей, пловцов дрожащих мачеха.
 Затем ты выйдешь к Истму Киммерийскому
 К воротам тесным моря. Там, отважившись,
 Должна ты Меотиды переплыть пролив.
 И память в людях славная останется
 Об этой переправе. Будет имя ей —
 «Коровий брод» — Боспор. Поля Европы ты₄
 Покинешь, на Азийский материк придешь.*

Эсхил дал краткую, но очень точную этнографическую характеристику скифов. Вооруженные дальнобойными луками, они кочуют, если буквально перевести слова трагика, «в неспаханых степях и живут в плетеном жилище, высоко подняв его на повозки с быстро катящимися колесами». Описание жилища и вооружения скифов подтверждается археологическими находками и другими античными авторами (Геродот, псевдо-Гиппократ), специально интересовавшимся бытом этого народа.

Наряду с реалиями, отвечающими исторической действительности, Эсхил не избежал в изображении скифов уже сложившихся литературных штампов. В одной из пьес, известной лишь по краткому упоминанию Страбона¹⁵, трагик назвал скифов, «живущими по прекрасным законам», то есть представил их идеальными варварами.

Верные этнографические наблюдения в описании скифов взяты Эсхилом, возможно, не из книг, а из собственных наблюдений. Ведь в последней трети VI—начале V в. скифы служили наемниками в афинском войске.¹⁶ Таким образом, Эсхил в молодости мог видеть скифов у себя на родине, где, как показывает вазовая живопись, они продолжали носить свою национальную одежду, а также вооружение и, вероятно, жили в повозках.

Достоверное описание скифов в «Прометее прикованном» отличается от очень общих или фантастических характеристик других народов на пути Ио. Например, халибы традиционно названы

обрабатывающими железо и охарактеризованы очень обще: они суровы и неприступны для чужестранцев. Наоборот, амазонки охотно укажут путь Ио, но о них ничего не говорится, кроме того, где Ио их увидит и куда затем они переселятся.

Эсхил отступает от обычной локализации родины амазонок. Трагик помещает их по соседству со скифами, откуда они в будущем, по словам Прометея, переселятся к Термодонту. Обычно же считалось наоборот, как говорилось выше, при анализе сложения мифа о браках амазонок и скифов. По изображениям на аттических вазах второй половины VI—V вв. мы знаем о широкой популярности мифа о сражении Геракла с амазонками на их родине у Териодонта. Прометей же в диалоге с Ио говорит, что Геракл, ее потомок в тринадцатом колене, избавит титана от мук. Поэтому Эсхилу пришлось согласовать два независимых мифа: о встрече Ио с амазонками по соседству со скифами и о сражении Геракла с ними у Термодонта несколько столетий спустя. Из-за этого исконной родиной амазонок оказалась не Малая Азия, а область на границе со Скифией.

Судя по монологу Прометея, у Эсхила не было ясного представления о географии Северного Причерноморья, хотя в его время уже существовали карты и описания побережья Понта, а сам трагик, по мнению исследователей, нередко обращался к картам при описании различных областей ойкумены.¹⁷ В «Прометее прикованном» Ио проходит с запада на восток из Европы в Азию, но географическую последовательность ее пути трудно уловить. Салмидесская бухта, расположенная на западном берегу Понта, оказывается по соседству с Термодонтом, впадающим в Понт с юга: Кавказ и Колхида встречаются Ио в пределах Европы. В то же время Прометей называет Боспор Киммерийский границей Европы и Азии. Из чего следует, что Кавказ и Колхида не входят в Европу. В сохранившемся фрагменте из трагедии «Освобожденный Прометей» Эсхил назвал Фасис рубежом материков. В таком случае отнесение Кавказа и Колхиды к Европе оказывается справедливым.

Разногласия в трагедиях Эсхила отражают существование в VI—V вв. двух различных взглядов о разделении материков, о чем ясно сказано у Геродота.¹⁸ Сначала греки считали реку Фасис рубежом Европы и Азии, а позже стали проводить границу по Танаису и Боспору Киммерийскому. Последняя точка зрения в V в. вытеснила более старое представление. Эсхилу не было особой нужды разбираться в этих разногласиях. Трагик довольствовался тем, что названия относились к области Понта и создавали атмосферу действия в дальней стране. К тому же эффекту Эсхил стремился и в других пьесах, насыщая их экзотическими географическими названиями.

Вероятно,¹⁹ свои познания в этой области он черпал из трудов логографов. Похоже, что у них Эсхил заимствовал объяснение

Рис. 8. Софокл. Римская копия со статуи Леохара. Латеранский музей. Рим

наименования Боспора Киммерийского, го в память о переправе Ио. Такое толкование напоминает манеру логографов и, в частности, сохранившиеся фрагменты «Землеописания» Гекатея, где подобным образом объясняется происхождение ряда географических названий.

Пьесы Эсхила высоко ценили уже его современники. Драматург выходил победителем на Дионисиях по одним источникам ¹³, по другим — 28 раз. Но к концу жизни у него появился сильный соперник. В 468 году Софокл одержал победу над Эсхилом.

Софокл (496—406 гг.) сочинил более 120 трагедий и сатировских драм, 24 раза завоевывал первенство и ни разу не занял место ниже второго (рис. 8). Свой выдающийся поэтический дар он сохранил до глубокой старости. Существовала легенда о том, как его сыновья, желая вступить в полные права владения имуществом, хотели объявить старого отца выжившим из ума и установить над ним опеку. На суде Софокл не стал ничего доказывать, а прочел восхитивший всех отрывок из только что написанной трагедии «Эдип в Колоне», и дело немедленно решили в его пользу.

Отвечая идеалам гражданина своего времени, Софокл уделял много времени участию в общественно-политической жизни Афин. По словам

поэта Иона, здесь он был менее талантлив, чем в драматургии, и исполнял свои обязанности «как любой честный афинянин». И все же граждане не раз избирали его на высокие государственные должности. Он неоднократно был одним из десяти афинских стратегов, которые командовали флотом и войсками, а также ведали внешнеполитическими и финансовыми делами. Вместе с первым стратегом Периклом Софокл в 441 г. участвовал в длительной осаде Самоса, граждане которого желали выйти из Афинского морского союза. Во время самосской экспедиции Софокл вел успешные переговоры с греческими полисами на островах Лесбосе и Хиосе.

Плутарх в биографии Перикла сообщил, что при нем афиняне держали весь Понт в своей власти, и афинская эскадра заходила во многие города Причерноморья.²⁰ Некоторые из них на какое-то время вступили в Афинский морской союз с обязательством платить определенный взнос; в их числе были Ольвия и Нимфей.²¹

Животрепещущие вопросы политики в отношении греческих государств в Скифии безусловно обсуждались в окружении Перикла. В звании первого стратега он почти бессменно в течение 16 лет возглавлял Афинское государство. Этот период (444—429 гг.) принято называть «золотым веком Перикла». К нему относятся расцвет афинской демократии, небывалый взлет литературы, искусства и архитектуры. Перикл возглавлял не только политическую, но и художественную жизнь Афин. В круг ближайших его друзей входили философы, ваятели, писатели. По поручению Перикла скульптор Фидий возглавлял мастеров, строивших и украшавших храмы на Акрополе, которые до сих пор остаются главной достопримечательностью Афин. С именами друзей Перикла — Софокла и Геродота — связаны величайшие достижения в области драматургии и художественной прозы.

Софокл высоко ценил творчество Геродота. Он написал стихотворение в его честь, включал в свои трагедии некоторые сюжеты и отдельные конкретные сведения из «Истории». Например, в «Антигоне» героиня, превознося братскую любовь, повторяет рассуждения персианки у Геродота, а сон жены Агамемнона Клитемнестры в «Электре» сходен со сном царя мидян Астиага. Афиняне впервые узнали о неведомом им раньше животном — кошке из египетского логоса Геродота. Софокл же позже упомянул ее в «Следопытах».²²

Остановимся на подобном заимствовании Софокла из Скифского логоса Геродота. В одном стихе из утраченной трагедии «Эномай»²³ говорится: «По-скифски волосы содрал у них на утиральники». Смысл стиха раскрывается при сопоставлении с рассказом в «Истории» о том, как скифы снимают скальпы с головы врагов, привешивают к уздечке своих лошадей и используют в качестве полотенца для вытирания рук.²⁴ Следует отметить, что Геродот

дважды называет подобные скальпы тем же словом, которое употреблено в рассмотренном фрагменте трагедии.

Софокл оживил рассказ о жестоком Эномае описанием реального скифского обычая, который будто бы использовал царь при расправе с женихами. Сюжет этой пьесы заимствован из широко известного в Греции мифа, в котором нашел отражение уходящий в глубокую древность обычай единоборства вождя племени с претендентами на его место. Сходные сюжеты есть в сказаниях разных народов.

Царь Эномай получил предсказание, что погибнет по вине своего зятя. Поэтому царь предлагал женихам его дочери Гипподамии непосильное испытание. Обладая чудесными конями, которых никто не мог догнать, он обещал выдать замуж свою дочь за того, кто победит его в беге на колеснице. В случае поражения жених лишался жизни. Таким образом Эномай умертвил тринадцать женихов, и голову каждого прикреплял к фасаду своего дворца; лишь четырнадцатому с помощью хитрости удалось победить царя.²⁵

Участие Софокла в государственных делах и его дружба с Периклом дают достаточную уверенность считать, что поэт был хорошо осведомлен о греческих колониях в Северном Причерноморье.

Конечно, не все жизненные впечатления находят отражение в творчестве писателя, и в полностью сохранившихся трагедиях ничего не говорится о Скифии. Однако изучение названий и фрагментов из утраченных сочинений Софокла дает основание полагать, что тема Северного Причерноморья занимала заметное место в его сочинениях. В первую очередь это относится к трагедии «Скифы» и пьесам, связанным с мифом об Ифигении.

Трагедии получали название либо по имени главного героя (например, «Прометей» Эсхила, «Антигона» Софокла, «Геракл» Еврипида), либо по хору (например, «Персы» Эсхила, «Трахинянки» Софокла, «Троянка» Еврипида). Поэтому название «Скифы» свидетельствует о том, что скифы составляли хор трагедии и действие происходило в Скифии. Содержание трагедии частично воспроизведено в поэме «Аргонавтика» Аполлония Родосского. Автор самого крупного из сохранившихся сочинений эпохи эллинизма описывает, как на корабле «Арго» плывет на родину Ясон вместе с царевной Медеей, которая помогла ему овладеть в Колхиде шкурой сказочного золотого барана. У северного побережья Понта их нагоняет колхидский царь Эт со своими спутниками, и аргонавты ищут убежища у скифского царя; Эт же требует выдачи своей дочери Медеи и золотого руна. Сюжет о пребывании аргонавтов у скифов, по-видимому, изобретение Софокла. «Можно представить себе, — пишет Ф. Ф. Зелинский, — как охотно поэт, друг Геродота, пользовался этнографическим материалом IV книги, чтобы познакомить своих сограждан со столь интересным для них северным народом».²⁶

Однако свои сведения Софокл, вероятно, почерпнул не только из сочинений Геродота. Можно предположить, что трагедия «Скифы» была поэтическим откликом на понтийскую политику Перикла. Ведь давно замечено, что античные трагедии, многие из которых написаны на сюжеты древних героических сказаний, были тем не менее тесно связаны с современностью. Например, в трагедии Софокла «Финей первый» на материале мифа о соперничестве жен Финей Клеопатры, афинянки по матери, и Идеи из Малой Азии оправдывались притязания Афин на Фракию. Здесь же в неизвестном контексте говорилось о «боспорской воде у скифов», то есть о Боспоре Киммерийском. Фрагмент сохранен в словаре Стефана Византийского (под словом «Боспор»), которого интересовало в данном случае лишь написание дифтонга в греческом прилагательном «боспорский».

«Скифы» Софокла вошли в число греческих пьес, которые перелагали на латинский язык ранние римские трагики. Во II в. до н. э. Акций на сюжет «Скифов» написал трагедию «Медея, или Аргонавты». К сожалению, от нее осталось несколько незначительных фрагментов. Для нашей темы интересен лишь один, сохранившийся у Цицерона.²⁷ Оратор привел речь изумленного скифского пастуха, впервые увидевшего движущийся по морю корабль. Здесь Софокл сделал верное историческое умозаключение: греки действительно были первыми мореходами, с которыми пришлось познакомиться скифам.

Еще меньше, чем в «Скифах», нам известно, как сведения о Северном Причерноморье трактовались в трагедиях «Хрис» и «Алет». В обоих затрагивался миф об Ифигении в Тавриде.

В «Алете» рассказывалось, как Электра, сестра Ореста и Ифигении, получила ложное известие о гибели Ореста и его друга Пилада в Таврике. Электра отправилась в Дельфы узнать у оракула, справедлива ли весть о смерти брата, и встретила там Ореста и Ифигению. В их рассказе о злоключениях в таврической земле, вероятно, описывались жестокие обычаи тавров, приносящих в жертву всех чужеземцев. Действие другой трагедии происходило на острове Хриса, где на пути из Таврики были вынуждены высадиться Орест, Пилад и Ифигения. Здесь их настиг царь тавров Тоант и требовал наказания за похищение священной статуи Артемиды из таврического храма.

Источником этнографических сведений о таврах, по-видимому, служил труд Геродота. Софокл, возможно, использовал не только то, что историк записал в своем сочинении, но и то, что он рассказывал своим друзьям. Ведь Геродот сам утверждал, что он не всегда включал в свое произведение все, что знал.

В трагедиях Софокла встречаются широко известные географические наименования, связанные со Скифией. Истр в «Царе Эдипе» олицетворял огромную полноводную реку. Танаис в «Скифах»

обозначал границу двух материков — Европы и Азии, а Боспор Киммерийский в «Финее первом» упомянут как пролив в земле скифов.

Итак, по косвенным данным биографии Софокла и фрагментам его утраченных пьес можно заключить, что он чаще, чем другие трагики, обращался к сюжетам о скифах и таврах. Однако единственная сохранившаяся трагедия, действие которой происходит в Северном Причерноморье, принадлежит младшему современнику Софокла Еврипиду. В ней он оригинально разработал сюжет, уже не раз появлявшийся в афинской драматургии, но еще не становившийся центральным в какой-либо трагедии.

Еврипид (485—406 гг.), которого древние называли «философом на сцене» (рис. 9), при жизни пользовался меньшей славой, чем его предшественники Эсхил и Софокл. Но позднее в течение всей античности популярность его трагедий возрастала, и поэтому в древних рукописях трагедий Еврипида сохранилось больше, чем пьес Эсхила и Софокла вместе взятых.

«Ифигения в Тавриде», одно из последних творений Еврипида, появилась на сцене в 414/13 г. Сюжет лежавшего в ее основе мифа был хорошо известен афинянам. Ведь в храме Артемиды, находившемся в Аттике недалеко от Афин в местечке Алы Арафенидские, стояло древнее изображение богини, по преданию, привезенное Орестом, Пиладом и Ифигенией из Таврики, а близ храма показывали могилу Ифигении. Искусство драматурга состояло в разработке деталей сюжета. Зритель находился в неведении, как именно Орест и Пилад спасутся от гибели, каким образом Ифигения узнает брата и как всем троим удастся обмануть тавров и убежать от царя Тоанта.

Еврипида мало интересовала собственно история Таврики, но нам, обращающимся к его трагедии как источнику знаний греков о Северном Причерноморье, интересно рассмотреть ее с точки зрения выявления реальных и мифических черт в изображении этой страны.

По замыслу драматурга действие трагедии происходит в Таврике перед храмом Артемиды, где служит жрицей Ифигения. Об отдельных чертах внешнего облика храма говорят Орест, Пилад и корифей хора. Многим читателям и исследователям Еврипида хочется видеть в трагедии описание реальной постройки, стоявшей некогда недалеко от Херсонеса.²⁸ В 1820 г. после посещения Георгиевского монастыря на мысе Феолент, где в каких-то древних развалинах путешественники стремились угадать остатки бывшего храма, Пушкин написал в «Послании к Чаадаеву»:

*К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам*

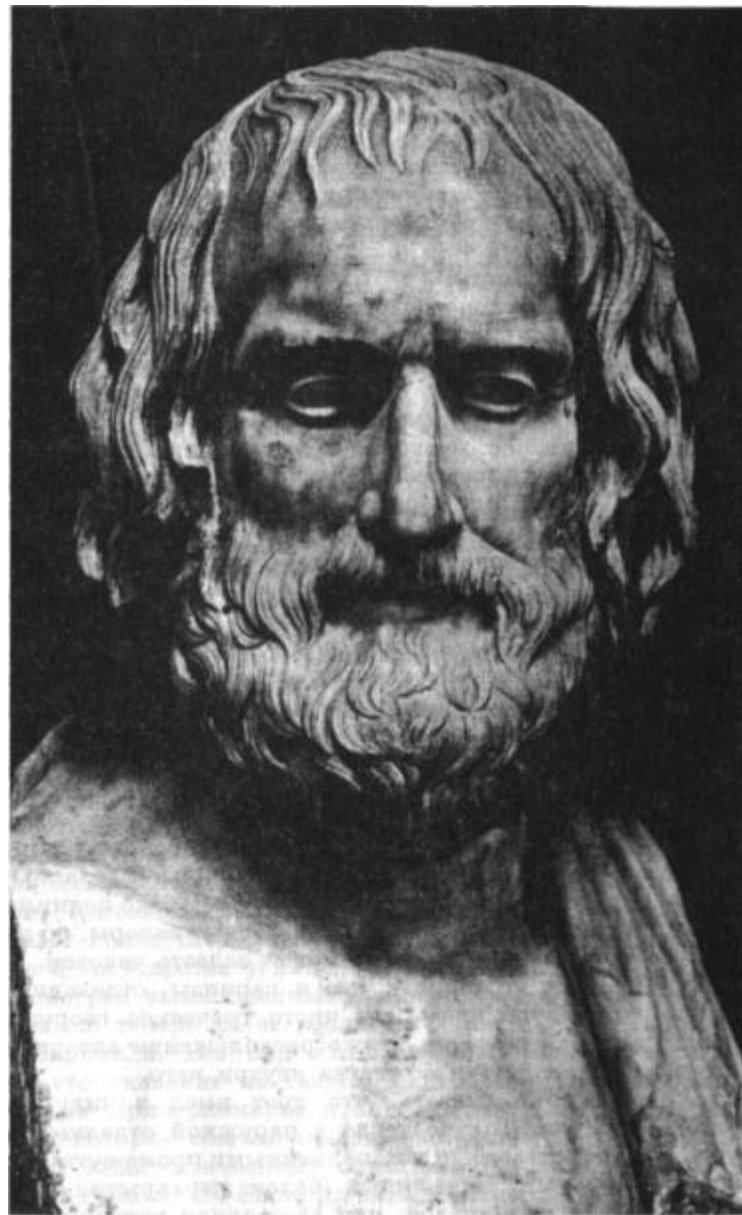

Рис. 9. Еврипид. Бюст III в. Ватиканский музей. Рим

*Дымились жертвоприношенья;
Здесь упокоена была
Вражда свирепой эмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла.*

Однако «холодные сомнения» в реальном существовании такого храма появились еще в прошлом веке. Как утверждают археологи, ни один из древних обломков на территории Георгиевского монастыря нельзя отнести ко времени жизни Еврипида. Мы же видим основания для недоверия в самом тексте трагедии.

Прежде всего напомним, что в греческих трагедиях действие нередко происходило перед тем или иным храмом, и его условно изображали на декорациях. Немало таких трагедий и у Еврипида: на фоне храма Деметры шло действие в «Просительницах», в «Ионе» события разворачиваются перед храмом Аполлона в Дельфах, а в «Гераклидах» — перед храмом Зевса. Глядя на храм, герои и хор трагедии часто говорят о его внешнем виде. Особенно подробно скульптурный декор храма описан в начальной песне хора трагедии «Ион». Прислужницы царицы Креусы, прибывшие из Афин в Дельфы, восхищаются фризом с рельефами, изображающими бой Геракла с лернейской гидрой и поединок Беллерофонта с Химерой; они также разглядывают фронтон храма со сценой сражения богов и гигантов. Фрагменты этих скульптур были найдены при раскопках в Дельфах.

Несомненно, что перед мысленным взором Еврипида храм Артемиды в Таврике имел вполне определенный облик. В диалоге Ореста и Пилада, подошедших к этому храму, можно различить отдельные черты его внешнего вида. Назовем их в том порядке, в каком они появляются в стихах трагедии. Перед храмом находится алтарь, обгагранный кровью приносимых в жертву эллинов, под карнизом алтаря лежат снятые с жертв доспехи, а внутри храма стоит упавший с небес кумир Артемиды, сделанный из дерева. Храм окружен высокими стенами, к нему надо подниматься по ступеням лестницы, двери закрыты на медные запоры, но между триглифами есть пространство, куда может залезть человек. В песне хора упоминаются колонны храма и карнизы, отделанные золотом.²⁹ Все это рисует храм как чисто греческое сооружение. К греческим чертам относится также расположение алтаря перед храмом и помещение статуи божества внутри него.

Можно определенно сказать, что поэт имел в виду здание архаического периода. Только тогда в наружной отделке храмов применяли золото и оставляли незаполненными промежутки между триглифами — торцами деревянных балок перекрытия крыши. Расположенные над колоннадой, они составляли ритмичный ряд, и для красоты на каждом торце делали три продольные насечки,

от которых произошло название триглифов. Когда в конце VI в. на смену деревянным храмам пришли каменные, триглифы стали декоративным украшением. Между ними в классический период и позже вставлялись плиты (метопы), обычно украшенные рельефами.

Описанное Еврипидом строение не могли возвести в Крыму ни тавры, которые не обладали эллинскими строительными навыками, ни греки. Ведь последние основали Херсонес близ границ расселения тавров в середине—второй половине V в., когда храмы подобного вида уже давно не строили.

Итак, облик храма в «Ифигении в Тавриде» создан фантазией поэта. Еврипид представил его в виде тех старинных храмов VII—VI вв., которые он сам видел. Время постройки многих из них забылось; возведенные на местах древних святилищ они могли считаться более древними, чем были на самом деле. Может быть, определенное влияние на изображение таврического храма оказали впечатления Еврипида от храма Аполлона в Дельфах, столь детально описанного в «Ионе».³⁰

Подобно храму, статуя таврской богини является вымыслом поэта, основанным на его знании о греческих архаических кумирах, которые с благоговением хранились в некоторых святилищах. Прimitивно вырезанные из дерева, они назывались ксоанами, то есть тесаными деревянными изваяниями, и, как правило, считались упавшими с неба. Черты такого описания статуи проступают в кумире Артемиды, за которым Орест прибыл в Таврику: трагик дважды упоминает, что изваяние упало в таврический храм с небес и отмечает, что оно сделано из дерева.³¹ В V в., когда написана трагедия, греки высекали статуи богов из камня или отливали из бронзы.

Греческий облик статуи божества и храма на земле тавров надо сопоставить и с другими греческими чертами, которыми драматург наделил варваров. Еврипид не задумывался над тем, каков был уровень социального развития тавров, а механически приложил к их быту греческий полисный уклад жизни. Поэт неоднократно упоминает полис тавров и его граждан,³² хотя, конечно, никаких городов и государства у них не было.

Рассмотрев вымышленные элементы в изображении Таврики, остановимся теперь на ее реальных чертах, отразившихся в трагедии Еврипида. Все они книжного происхождения. В первую очередь это указание на тавров, племя действительно обитавшее в Северном Причерноморье и хорошо известное греческим мореходам. Некоторые обычаи тавров, изображенные в трагедии, соответствуют этнографическому описанию Геродота. Последнее дает основание думать, что Еврипид внимательно прочел труд историка.

Достаточно реально представлена расправа тавров с чужеземцами: принесение их в жертву местному божеству. В обряде, ко-

торый благословляла Ифигения, жрица грозной местной богини, присутствует такая таврская черта, как сталкивание жертвы в «широкую расщелину скалы». Казнь, предлагаемая царем тавров для Ореста и Пилада, также совпадает с описанием Геродота. Тоант говорит: «Схватив их, сбросим с твердой скалы, либо насадим их тела на кол». ³³ Историк пишет, что тавры убивали свои жертвы ударом дубины по голове, затем отрубали голову, тело сбрасывали в море, а голову на длинном шесте выставляли над дымоходом своих жилищ. ³⁴

В одной из песен хора описывается путь Ореста и Пилада от пролива Боспор Фракийский до Таврики. Курс греческого судна намечен достаточно точно, насколько это возможно в образной песне хора. Названы несколько важных пунктов на пути каботажного курса корабля вдоль западных и северных берегов Понта. ³⁵ Сначала «сходящиеся скалы», то есть Кианеи, стоящие близ устья пролива, затем побережье у фракийского города Салмидесса, царем которого был упомянутый хором Финей. В этом весьма опасном месте античные корабли часто терпели крушение. ³⁶ Далее остров Змеиный недалеко от устья Дуная — древняя Левка, названная в трагедии «белым побережьем с массой птиц». Другие античные авторы, описывая Левку, также отмечали множество птиц на острове. Некоторые даже объясняли название Белого острова от стай белых птиц на нем, другие полагали, что на этом безлюдном острове, где не полагалось оставаться ³⁷ на ночь ни одному человеку, птицы ухаживают за храмом Ахилла.

«Белое побережье на Евксинском Понте» встречается еще в одной трагедии Еврипида — «Андромахе». ³⁸ Фетида обещает Пелею, что они вместе будут навещать там своего сына Ахилла. Здесь трагик явно рассчитывал на то, что зрители знают содержание мифа о загробной жизни героя на Левке и о его храме на этом острове.

Перед прибытием в Таврику корабль Ореста и Пилада миновал «прекрасное для состязаний ристалище Ахилла», то есть остров Ахиллов Дром. Таким образом, Еврипид указал в Северном Причерноморье лишь пункты, связанные с мифами, причем их герой считался женихом Ифигении. В то же время остров Левка, благодаря знаменитому храму Ахилла, и Ахиллов Дром, благодаря состязаниям, были достаточно хорошо известны зрителям афинского театра.

В заключение остановимся на некоторых хронологических несоответствиях в трагедии «Ифигения в Тавриде». Выше уже говорилось, что греки датировали Троянскую войну XIII или XII в. Поэтому к тому же периоду они относили и события мифа об Ифигении и Оресте, детях Агамемнона, предводителя греческого войска. Реальное же знакомство греков с северным побережьем Понта, судя по данным археологии, произошло незадолго до появления колоний.

Первые приношения греков в жертву таврской богине совершались в VII в., в крайнем случае в конце VIII в., но никак не в XIII в. Из трагедии же Еврипида можно понять, что Орест и Пилад оказались даже не первыми греками, попавшими в страну тавров. Ведь Орест, увидев алтарь перед храмом, спрашивает, не здесь ли происходит убийство эллинов, а Пилад отвечает, что это тот самый алтарь и его верх покраснел от крови жертв. Персонажи трагедии смотрят на Таврику глазами своих современников, которым хорошо известны обычаи тавров, а не глазами героев мифа, которые впервые открыли для себя далекую неизведанную страну.

Итак, поэт старался придерживаться стиля тех отдаленных времен, которые он изображал. Однако реальные признаки древности в трагедии не старше VII—VI вв., а временами носят и современные автору черты. Наряду с некоторыми достоверными обычаями тавры у Еврипида наделены чисто греческим образом жизни. Драматург невольно приписал им полисную организацию общества и наличие городов, а святилище тавров приняло в трагедии облик чисто греческого храма.

В остальных сочинениях Еврипида есть лишь два места, относящиеся к Северному Причерноморью. При разборе мифов о Геракле привлекались стихи из трагедии «Геракл» о битве героя с амазонками на берегах Меотиды, а при упоминании острова Левки в «Ифигении в Тавриде» мы привели ссылку на стихи из «Андромахи».

В заключение следует остановиться на двух случаях употребления поэтом причастий от редкого глагола «оскифиться». Глагол вошел в язык афинян в V в. и означал «рвать волосы на голове» (выражение глубокого горя). Такое значение развилось из представления от обычаев скифов снимать скальпы с волосами.

В «Троянках» Гекуба говорит красиво причесанной и наряженной Елене, что она должна стоять перед Менелаем не в таком виде, а в разорванной одежде и «оскифленная», то есть с полностью вырванными волосами. В «Электре» причастие от этого глагола характеризует героиню, в горе рвущую на себе волосы. ³⁹

Из множества фрагментов утраченных произведений других греческих трагиков к нашей теме почти ничего не относится. В трагедии неизвестного автора, несколько стихов которой сохранилось на папирусе II в., упоминалась скифская земля, по-видимому, в связи с мифом об аргонавтах, ⁴⁰ а в одной из трагедий Агафона, жившего на рубеже V—IV вв., ⁴¹ форма греческой буквы Σ (сигма) сравнивалась со скифским луком. После слов Гекатея о сходстве Понта со скифским луком сравнение Агафона еще раз показывает, как хорошо греки представляли себе этот вид оружия: ведь сравнивается всегда с чем-то хорошо известным. Современники трагика постоянно видели такие луки в снаряжении афинской городской стражи, состо-

явшей в основном из скифов, которые неоднократно появляются в комедиях Аристофана.

Смех Аристофана

Скифы вошли в комедии Аристофана (446—387 гг.) не из народных преданий и храмовых легенд, как это было в трагедиях, а из повседневной жизни Афин с их развитой системой частного и общественного рабовладения. В V—IV вв. афиняне покупали скифских лучников для использования их в роли государственных рабов, поддерживавших общественный порядок. Об этом упоминают в своих речах ораторы Андокид и Эсхин, указывая одну и ту же цифру лучников — 300.⁴² Эсхин считает, что первая такая покупка была сделана после Саламинской битвы (480 г.). В античных комментариях к «Ахарнтям» Аристофана и в словаре Суда говорится о 1000 скифских стрелков, содержащихся для охраны Афинского государства и живших в своих национальных жилищах (кибитках) сначала у агоры, а затем на холме Арея. Количество 1000 человек для полицейского корпуса Афин современные ученые считают преувеличенным, так что, по всей вероятности, ораторы назвали правильное число.⁴³ Как мы покажем ниже, оно косвенно подтверждается Аристофаном, а число 1000 пришло из устной практики, где оно означает просто большое количество.

По надписям можно заключить, что полицейские функции иногда исполняли фракийцы и другие варвары.⁴⁴ Но так как скифы составляли основную массу городской стражи, то в обиходной речи их имя стало нарицательным для полицейского. Эта профессия считалась недостойной свободного человека, поэтому государство содержало корпус специально обученных рабов. Они, по свидетельству надписей, подчинялись притану — гражданину, назначенному на должность начальника стражи.⁴⁵ Кроме скифов, ни одна группа общественных рабов не вызвала специального интереса для шуток комедий, которые донесли до нас выхваченное прямо из жизни ценное свидетельство о покупке рабов в Северном Причерноморье и об отношении к ним афинян.

Скифы выходят на сцену в двух из сохранившихся комедий Аристофана, написанных в 411 г. В «Лисистрате» они — персонажи без слов, исполняющие приказы героя комедии и смешающие публику своими неуклюжими действиями. В «Женщинах на празднике Фесмофорий» в уста скифа вложено немало стихов, в которых имитируется ломаная речь варвара, производившая из-за смешных ошибок дополнительный комический эффект.

В одной из сцен «Лисистраты» пробул — член временной законодательной комиссии,⁴⁶ пытается расправиться с восставшими женщинами. Обращаясь к полицейским, он велит схватить и

связать непокорную Лисистрату и ее подруг, но они дают служителям порядка такой отпор, что те вынуждены отступить. Победа женщин над скифами-полицейскими рисует последних в традиционном комическом обличье рабов-дураков.

В том же плане представлен скиф-полицейский в комедии «Женщины на празднике Фесмофорий». Притан ставит скифа сторожить арестованного героя комедии Мнесилоха. Коверкающий греческий язык стражник показан глупым и простодушным человеком, которого легко обмануть, так что Мнесилох убегает, а скиф остается в дураках.

Любопытно проследить словоупотребление комедиографа при упоминании блюстителей порядка. Он называет их то скифами, то стрелками, причем видно, что оба слова являются синонимами. В «Лисистрате» пробул, призывая на помощь полицейского, восклицает: «Где стрелок?». Затем он привлекает второго полицейского и снова называет обоих стрелками.⁴⁷ Однако тут же отдавая приказание, он дважды обращается к ним как к скифам,⁴⁸ демонстрируя таким образом разговорную форму обращения к афинским стражам порядка.

Такое же словоупотребление по отношению к полицейским наблюдается в комедии «Женщины на празднике Фесмофорий».⁴⁹ Одного и того же стражника герой называет и скифом и стрелком. Чтобы спасти своего тестя Мнесилоха, он отвлекает скифа от его обязанностей сторожить арестованного и соблазняет его танцами и ласками молодой девушки. Для этого он уговаривает ее не бояться скифа и сесть к скифу на колени. Мнесилох же жалуется, что к нему⁵⁰ приставлен скиф-стражник, и думает, как ему скрыться от скифа.⁵⁰ Таким образом, в этой комедии слово «скиф» встречается гораздо чаще, чем «стрелок»; это объясняется тем, что скиф здесь — активное действующее лицо, и его «скифский» акцент усиливает впечатление от действий этого комического персонажа.

Некоторое представление о том, как выглядели скифы на театральных подмостках, дает терракотовая модель театральной маски раба, найденной в Ольвии (рис. 10). Сделавший ее мастер был современником Аристофана.

В царстве Лисистраты, откуда изгнаны все мужчины, сохраняются заведенные прежде государственные институты, в том числе городская стража, но ее функции исполняют женщины; поэтому Лисистрата отдает свои приказания скифянке. Так Аристофан пародирует порядки «мужского» государства и заставляет зрителей смеяться, видя женщину в совершенно несвойственной ей роли.

Только представляя обязанности скифских лучников и отношение к ним комедиографа и его современников, можно понять одно место из «Аякса» Софокла и смысл насмешек Аристофана в «Ахарнтях». У Софокла, когда Менелай назвал лучшего греческого лучника Тевкра просто стрелком, тот ответил, что его искус-

Рис. 10. Терракотовая маска раба IV в. из Ольвии.
Фонды Института археологии АН Украины

ство в стрельбе не низкого происхождения,⁵¹ то есть здесь подразумевается, что он свободный человек, а не какой-то скиф-полицейский, чье умение стрелять из лука подчинено приказам свыше.

Самая ранняя из сохранившихся комедий Аристофана «Ахарняне» была поставлена в 425 г. Хор, по-видимому, выражая чувства автора, сочувствует Фукидиду, политическому противнику Перикла. Он жалеет старого согбенного Фукидида, побежденного оратором Кефисодом, болтуном и «скифской пустыней». Хор плачет, видя, как этот «стрелок» тащит старика, который, когда был молод, поразил бы 3000 таких стражников и пронзил бы стрелами родичей отца Кефисодема.⁵²

Комедии Аристофана, как ни одного другого из сохранившихся авторов, полны намеков на современные им события и лица, о которых мы сейчас мало знаем. Уже в древности по мере изменения окружающей действительности эти намеки становились неясными. Неудивительно поэтому, что, высоко ценя Аристофана и стремясь раскрыть всю глубину смысла его произведений, филологи издавна составляли схолии (комментарии) к его комедиям. Рукописи Аристофана занимают второе место после Гомера по количеству антич-

ных и византийских схолий. Среди них есть ценные пояснения к интересующим нас стихам.

Объясняя эпизод с Кефисодом, схолиаст вспомнил о покупке скифских лучников и разъяснил, что выражение «скифская пустыня» вошло в поговорку. Среди предшественников Аристофана это словосочетание встречается в «Истории» Геродота.⁵³ Там речь идет не о пустыне в географическом смысле слова, а об огромных, почти не заселенных, пространствах восточноевропейских степей, то есть они пустые, лишенные людей. В переносном смысле выражение стало означать дикое необитаемое пространство. Однако комментатор не объяснил, почему так назван Кефисод. К сожалению, это остается неясным и многим современным читателям, так как ни русские переводы, ни отечественные комментарии не отразили смысла намеков Аристофана и тем самым упростили и обеднили содержание этих стихов комедии.

Ключом к пониманию образного языка Аристофана здесь служат его слова о родстве отца Кефисодема со стрелками, то есть со скифами-полицейскими. Поэтому можно думать, что отец порицаемого оратора имел жену родом из какой-то греческой колонии в Скифии. Это дало повод комедиографу назвать Кефисодема скифской пустыней и уподобить его презренному стрелку, скифу-полицейскому, схватившему свою жертву. По нашему мнению, неслучайно названа цифра 3000 стрелков, с которыми в молодости легко расправился бы Фукидид. Это преувеличенное в 10 раз количество скифов, закупленных афинским государством для полицейской службы. Значит, Фукидид мог отразить вдесятеро больше ораторов, чем было полицейских у афинян, а теперь на склоне лет ему трудно справиться с одним, которого комедиограф презрительно сравнил со скифским стрелком. Выпад Аристофана против Кефисодема напоминает соперничество двух других ораторов — Демосфена и Эсхина. Последний не раз упрекал Демосфена в родстве со скифами и прямо называл его скифом, о чем пойдет речь в следующей главе.

В творчестве Аристофана заметное место занимают высказывания о литературе и пародии на известных поэтов. Одну пародию из комедии «Птицы» интересно рассмотреть в связи с нашей темой о Скифии. Стихи Аристофана в буквальном переводе звучат так: «Среди кочевников скифов блуждает Стратон, который не имеет тканой⁵⁴ одежды, и ему неприлично ходить в меховом плаще без хитона».

В схолиях разъясняется, что здесь комедиограф видоизменил стих Пиндара, оригинал которого цитирует схолиаст. Утраченная ода Пиндара была посвящена восхвалению Гиерона Сиракузского, чья колесница вышла победительницей на Пифийских играх.

В одной из сцен «Птиц» лохматый и грязный поэт прославляет основанный героем комедии город Тучекукуевск. Напыщенная де-

кламация поэта комически контрастирует с его прозаической целью выпросить целую одежду взамен своей изношенной. Сначала он получает за свои стихи только кожаный плащ, но желает иметь также и хитон. Тогда он вспоминает Пиндара, намекая на эпизод с Гиероном. Тиран Сиракуз подарил мулов своему вознице Стратону, а тот попросил еще и колесницу, так как без нее он похож на скифа, не имеющего собственной повозки. Аристофан пародирует эту просьбу, вкладывая в уста поэта несколько измененные стихи Пиндара, который писал: «Среди кочевников-скифов блуждает Стратон, который не имеет дома, перевозимого на телеге». Уподобление возницы нищему кочевнику показывает, что уже во времена Пиндара в Греции знали о быте скифов, которые считали бедняком того, кто обладал лишь лошадью, но не имел своей кибитки. Таким образом, Стратон, получивший мулов без колесницы, сравнивался с бедным скифом, обладавшим конем без повозки.

Античные филологи насчитывали 44 комедии Аристофана. Из них сохранилось 11 и несколько фрагментов из утраченных пьес. В числе последних единственный имеет отношение к Северному Причерноморью. В₅₅ неизвестном контексте комедиограф упоминал страну Киммерию, о которой мы знаем лишь по «Истории» Геродота.

Фрагменты из произведений других комедиографов показывают, что скифов на сцену выводил не только Аристофан. У Антифана, известного драматурга первой половины IV в., была комедия «Скифы и тавры». Кроме названия, в словаре Поллукса приводятся лишь слова комедиографа о том, что все скифы «одеты в шаровары и хитоны». По фрагменту из комедии «Злоненавистник» можно заключить, что скифы выступали у Антифана не только как комические персонажи. Он противопоставлял афинскому воспитанию детей простые и естественные, на его взгляд, действия скифов: «Разве не мудры скифы? Они новорожденным детям дают пить коровье и кобылье молоко и не приставляют к ним, клянусь Зевсом, зловредных кормилиц и дядек!»³⁷ Однако это не рабы-скифы, а ставший уже литературным штампом образ идеализированных варваров из далекой страны.

Обобщая сказанное, отметим, что аттическая комедия, сатирически отражая бытовую реальность своего времени, живо рисует насмешливое и презрительное отношение афинян к рабам из Скифии. Конечно, не всех их брали на полицейскую службу. Но именно в этой функции они сохраняли национальный облик: жили в своих непривычных для афинян жилищах, имели национальное оружие — лук и стрелы. О последнем говорят их наименование «стрелки», а также одна сцена из «Женщин на празднике Фесмофорий». Обманутый скиф, узнав о бегстве Мнесилоха, ругает свой брошенный колчан.³⁸ Вероятно, скифы-полицейские носили

также и свою национальную одежду. Об этом свидетельствует фрагмент из утраченной речи Лисия с упоминанием скифской обуви, так и называвшейся — скифики. В речах оратора, написанных для защиты граждан в суде, отражалась повседневная жизнь афинян. Их знакомство со скифской обувью и, возможно, использование ее в каких-то случаях, шло из бытовой практики. Поэтому надо полагать, что скифам-полицейским предоставлялась возможность не только жить в своих своеобразных жилищах, но также изготавливать себе национальную одежду и обувь, так что афинские полицейские выделялись сразу в общей толпе не только своим вооружением, но и одеянием, а возможно, и цветом волос. Судя по отрывочным сведениям античных авторов, скифы красили волосы специальной краской в рыжий цвет.³⁹ Этим объясняется, почему во фрагменте какой-то комедии Кратина один рыжеволосый персонаж назван скифом.⁶

Образованный афинянин добавлял к своим впечатлениям из повседневной жизни подробное этнографическое описание скифов в «Истории» Геродота. Рядовые же жители Аттики представляли скифов примерно такими, какими они выведены в комедиях Аристофана.

Глава шестая

ТЕМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В РЕЧАХ АФИНСКИХ ОРАТОРОВ

В предыдущих главах мы видели, что греков интересовало описание варварского населения в Северном Причерноморье, а жизнь соотечественников в колониях на скифской земле оставалась вне поля зрения поэтов, историков и драматургов. Совершенно иная картина раскрывается в речах ораторов. Они редко обращаются к мифам и легендам, не описывают дальние страны и народы, а говорят о различных аспектах жизни своего государства.

Главный интерес в Северном Причерноморье для афинских ораторов сосредоточивался на торговле хлебом. Ведь в V—IV вв. с северных берегов Понта в Афины поставлялась большая часть необходимого зерна, а половину потребностей афинян удовлетворял импорт хлеба из Боспорского царства, лежавшего по обеим сторонам Керченского пролива.

Боспорское царство в V—IV вв.¹

В VI в. на побережье Восточного Крыма и Таманского полуострова ионийские греки основали множество самостоятельных поселений. Наиболее значительные из них на азиатской стороне Боспора Киммерийского — Фанагория и Гермонасса, а на европейской стороне — Пантикапей, Нимфей и лежавшая южнее пролива Феодосия.

Самое удачное географическое положение занял основанный милетянами Пантикапей. К нему примыкала плодороднейшая часть равнины, дававшая возможность обеспечить колонистов необходимой сельскохозяйственной продукцией. Город стоял у великопной бухты; здесь эллины построили хороший порт, куда приходили корабли со всех концов Греции. Благодаря подводной каменной гряде на дне пролива ни одно судно, следовавшее в Азовское море, не могло миновать пантикапейский порт, следовательно, платило городу портовый налог.

Мы уже упоминали, что скифы жили в крымских степях и постоянно переправлялись через Боспор Киммерийский на его азиатские берега. По мнению одних ученых, это были сезонные перекочевки в места с более теплой погодой зимой, по мнению других, скифы совершали военные набеги на Таманский полуостров. Во всяком случае, соседство греческих городов с воинственными кочевниками заставило греков объединиться в военный союз. Он был федерацией автономных полисов, охватившей все или почти все греческие поселения у Керченского пролива. Возможно, Феодосия не входила в этот союз, так как лежала в стороне от магистрального движения скифов и ее окружали с одной стороны горы, а с другой — бесплодная равнина, где кочевникам было нечего делать.

В 480 г. федерация превратилась в единую державу со столицей в Пантикапее. Государством стали править представители старинного милетского аристократического рода Археонактидов. Имена правителей этой династии не сохранились. Их политика была направлена на то, чтобы под эгидой твердой центральной власти объединить греческие города для отражения внешней опасности и защитить от возможного разорения или подчинения скифам. При Археонактидах был сооружен большой оборонительный вал и ров. Они пересекли весь Керченский полуостров от города Тиритаки до Меотиды и защитили от нападения города Пантикапей, Мирмекий, Тиритаку, Парфений, Порфмий и прилегающие к ним сельскохозяйственные угодья. Остатки этого оборонительного сооружения найдены археологами.

После сорокадвухлетнего господства Археонактидов в 438 г. их сменили другая династия — Спартокидов, названная по имени ее основателя. Его имя в написании Спарток встречается в боспорских надписях, а в литературных источниках его называют Спартаком. Судя по имени, он был фракийцем, так же, как и Спартак, знаменитый руководитель восстания рабов в Риме. Сохранившиеся краткие сведения античных авторов ничего не говорят об обстоятельствах смены династии, и ученые до сих пор не нашли убедительного объяснения, почему фракиец стал во главе Боспорского государства.

Сыновья, сменившие Спартока на посту правителей Боспора, носили греческие имена Селевк и Сатир. Однако у последнего в наемном двухтысячном войске одну половину составляли фракийцы, а другую — эллины.⁴ И в дальнейшем фракийские корни династии не забывались, ибо еще четыре правителя Боспора получили имя основателя династии, а еще пять имели фракийское имя Перисад.

Фракийцы на Боспоре были не единственной иноплеменной группой. По археологическим памятникам установлено, что в боспорские города уже в середине V в. вливалось негреческое насе-

ление: скифы и тавры из Крыма, синды и меоты с азиатской стороны пролива. В IV в. сын Сатира Левкон, значительно расширивший пределы своего государства, называл себя царем синдов, меотов, торетов, дандариев, псессов, населявших Таманский полуостров и восточные берега Меотиды.

Под воздействием эллинской культуры не только на Боспоре, но и во многих других греческих государствах иноплеменное население быстро эллинизировалось. Недаром современник Сатира и Левкона оратор Исократ в одной из своих самых знаменитых речей «Панегирике» говорил: «Эллинами скорее называли тех, кто причастен к греческой образованности, нежели тех, кто общего с ними происхождения».

Процесс эллинизации пришлого населения хорошо прослеживается на боспорских памятниках. Например, в некрополе Пантикапея найдено надгробие V в. с надписью, где сообщается, что здесь похоронен Тихон, «родом тавр». Видимо, Тихон принадлежал не к первому поколению семьи тавров, обосновавшихся в Пантикапее. Ведь он носил уже чисто греческое имя, а родственники поставили на его могиле стелу с двустрочной греческой надписью, составленной в стихотворном размере элегического дистиха.

Античные авторы называют правителей Боспора то тиранами, то царями, то династами, подчеркивая этим их единоличную верховную власть и право ее наследования. Так как в боспорских надписях они сами употребляли из этих трех терминов лишь один — царь, в дальнейшем мы будем называть их царями.

При Археонактидах некоторым членам бывшей военной федерации боспорских городов, например, Нимфею, удалось сохранить независимость. Однако боспорские цари желали собрать под своей властью всех греков Восточного Крыма и Таманского полуострова, и с этой задачей справились первые Спартокиды. Некоторые подробности неудачного сопротивления Нимфея и Феодосии мы узнаем из речей афинских ораторов и древних комментариев к ним. Но прежде чем перейти к анализу сведений ораторов о Северном Причерноморье, напомним вкратце, по каким поводам писались речи.

Виды красноречия

Ораторское искусство играло заметную роль в жизни греческих государств. Без владения им невозможно было сделать политическую карьеру. Подобно тому как всякий гражданин, посещая театр и участвуя в присуждении премий за драматические произведения, становился в той или иной мере знатоком драматургии, таким же образом полисная жизнь делала его ценителем красноречия. Ведь без специально подготовленных речей не мыслилось ни народное

собрание, ни заседание суда, где приходилось бывать каждому греку. Торжественные, тщательно составленные речи на важные политические темы произносили во время празднеств. Например, Исократ приурочил к празднику в честь богини Афины свою «Панафинейскую речь», в которой прославлял Афины за их заслуги перед всеми эллинами и унижал их извечного врага Спарту. Изысканная форма выдающихся речей доставляла слушателям такое же удовольствие, как хорошие стихи.

Речи долго оставались достоянием исключительно устного творчества. Можно предполагать, что ораторы составляли для себя либо планы выступлений, либо даже записывали какие-то их части. Однако литературные записи речей и возможность знакомиться с ними не только в момент их произнесения появились позже, чем прозаические сочинения по философии, истории, географии.

Многие античные авторы пишут о выдающемся ораторском мастерстве Фемистокла и Перикла, лидеров афинской демократии. Однако они умерли, не оставив ни строчки, кроме проведенных ими законопроектов. Отдельные удачные выражения из речей Перикла передавались из уст в уста и вошли в сочинения некоторых древних авторов.

Современники Перикла Горгий и Антифонт первыми стали записывать свои речи. Их имена возглавили канон из десяти ораторов, признанных в древности лучшими представителями искусства красноречия. В их число входили Лисий (440—ок. 380 гг.), Исократ (436—338 гг.), Демосфен (384—322 гг.) и Эсхин (390—314 гг.), творчество которых наиболее полно представлено в сохранившихся рукописях. У каждого из них есть упоминания о Северном Причерноморье.

Речи древнегреческих ораторов делились на три вида: политические, судебные и эпидейктические, т. е. торжественные, произносившиеся на крупных публичных собраниях. В последних Скифия упоминалась крайне редко. Неоднократно возникала лишь одна связанная с ней тема — воспоминание о победе афинян над амазонками, вместе со скифами напавшими на Аттику во время царствования Тесея. Речь шла о далеком мифическом прошлом, которое в древности воспринималось как начало истории и считалось необходимым компонентом эпидейктической речи.

Исократ считал обращение к славному прошлому одним из надежных способов завоевания благоволения слушателей. Его «Панегирик», признанный шедевром красноречия, посвящен идее объединения всех эллинов для похода против персов под руководством Афин. По мнению большинства исследователей, оратор написал эту речь для произнесения перед греками, собравшимися на Олимпийские игры со всех концов Эллады. Превознося Афины выше всех греческих государств, оратор припомнил неудачные попытки Других народов, в том числе и скифов, покорить Аттику:

«Наиболее властолюбивые из племен и самые могущественные — скифы, фракийцы и персы. Все они злоумышляли против нас, и наш город постоянно подвергался опасности в борьбе против всех них.

Самой знаменитой из войн была война с персами. Однако для тех, кто оспаривает права отцов, конечно, еще большее значение имеет свидетельство о древних подвигах! В то время, когда Эллада была еще слаба, пришли в нашу страну фракийцы с Евломпом, сыном Посейдона, и скифы с амазонками, дочерьми Арея; они явились не в одно и то же время, но когда каждый из них пытался распространить свою власть над Европой. И хотя они ненавидели весь род эллинов, но обратились с притязаниями именно против нас, полагая, что, одержав победу над одним городом, они овладеют сразу всеми.

Тем не менее они не достигли успеха: сразившись с одними только нашими предками, они потерпели поражение, как если бы они воевали с целым миром. Насколько велики были постигшие их беды, ясно из следующего: если бы эти события не были из ряда вон выходящими, предание не сохранило бы их в течение столь длительного времени».¹⁰

Более краткие упоминания о победе афинян над скифами и амазонками или только над амазонками встречаются еще в двух речах Исократа,¹¹ а также в «Надгробной речи по павшим при Херонее», которая сохранилась в рукописи речей Демосфена, но не принадлежит его перу.¹²

В главе о мифологии мы упоминали, как после греко-персидских войн легенда о победе афинян над амазонками обрела новую жизнь в устных рассказах, литературе и искусстве. Таким образом, обращение ораторов к воспоминанию о победе афинян над амазонками и скифами является примером использования широко известного их аудитории сюжета, который наталкивал на определенную цепь исторических ассоциаций. Собственно для истории Северного Причерноморья эти упоминания ничего не дают, так как не имеют реальной опоры в его прошлом. Они освещают одну из граней отношения афинян к этому северному краю ойкумены и свидетельствуют о мироощущении жителей Аттики V—IV вв., мнивших себя победителями одного из самых крупных и воинственных среди известных им народов.

Судебные речи представляют богатейшее собрание бытовых картин из повседневной жизни Афин. Их тесные связи с греческими колониями на северных берегах Понта нашли отражение в делах, слушавшихся в афинском суде. Одни упоминания об этих колониях вызывались необходимостью осветить отдельные эпизоды биографии тех, кто принимал участие в судебном разбирательстве и так или иначе был связан с Понтом. Другие касались торговых отношений, сопровождавшихся сложными финансовыми операциями:

они нередко приводили к спорам, требовавшим вмешательства суда.

У греков отсутствовал институт адвокатов, и подсудимые защищали себя сами. Обычно они прибегали к помощи логографа, профессионального составителя речей для тяжущихся в суде. Тот за определенную плату писал речь, а истец или ответчик выучивал ее и произносил от своего имени. Труд опытного логографа приносил хороший доход.

Лисий (440—380 гг.), старший из перечисленных ораторов, всю жизнь занимался ремеслом логографа, хотя иногда выступал и с эпидейктическими речами. Только в одной из его сохранившихся речей есть упоминание о Северном Причерноморье. Афинянин Мантифей в ходе судебного разбирательства доказывал, что он на определенный период уезжал из Афин. Поэтому он рассказал, что отец отправил его вместе с братом жить к Сатиру, правившему на Понте, и он возвратился в Афины в 403 г. после двухлетнего пребывания на Боспоре.

Эти несколько фраз в речи Лисия открывают цепь свидетельств греческих ораторов об оживленных связях Афин с Боспором, о большом объеме торговли между этими государствами, о боспорских правителях из рода Спартокидов, которых связывали с Афинами дружественные отношения, политические и торговые договоры.

В речи Лисия заключено древнейшее в античной литературе свидетельство о боспорском царе Сатире, правившем с 433/2 по 389/8 г. и о его дружественных отношениях с рядом афинских граждан. Контекст упоминания о Сатире без особых разъяснений кто он такой, показывает, сколь хорошо его знала афинская аудитория. Это неудивительно, так как во время произнесения речи (между 394 и 389 гг.)¹⁴ Сатир управлял государством, откуда в Афины доставлялась основная масса хлеба.

Вообще почти все сведения о Сатире сохранились в речах афинских ораторов. Ведь в уцелевших боспорских надписях Сатир упоминается только как отец царя Левкона. Из речи Эсхина мы узнаем, как при Сатире Нимфей потерял независимость и вошел в состав Боспорского царства. В схолиях к речи Демосфена «Против Лептина» сообщается, что Сатир умер при осаде Феодосии. Ее борьба за независимость окончилась поражением уже при Левконе. Важную роль играет Сатир в речи Исократа, называемой «Банкирской», или «Трапезитиком». Это единственная сейчас известная речь, написанная по заказу грека из Северного Причерноморья.

Исократ — защитник боспорянина

Исократ (436—338 гг.) родился в Афинах в семье состоятельного владельца мастерской, изготавливавшей флейты (рис. 11). Будущий

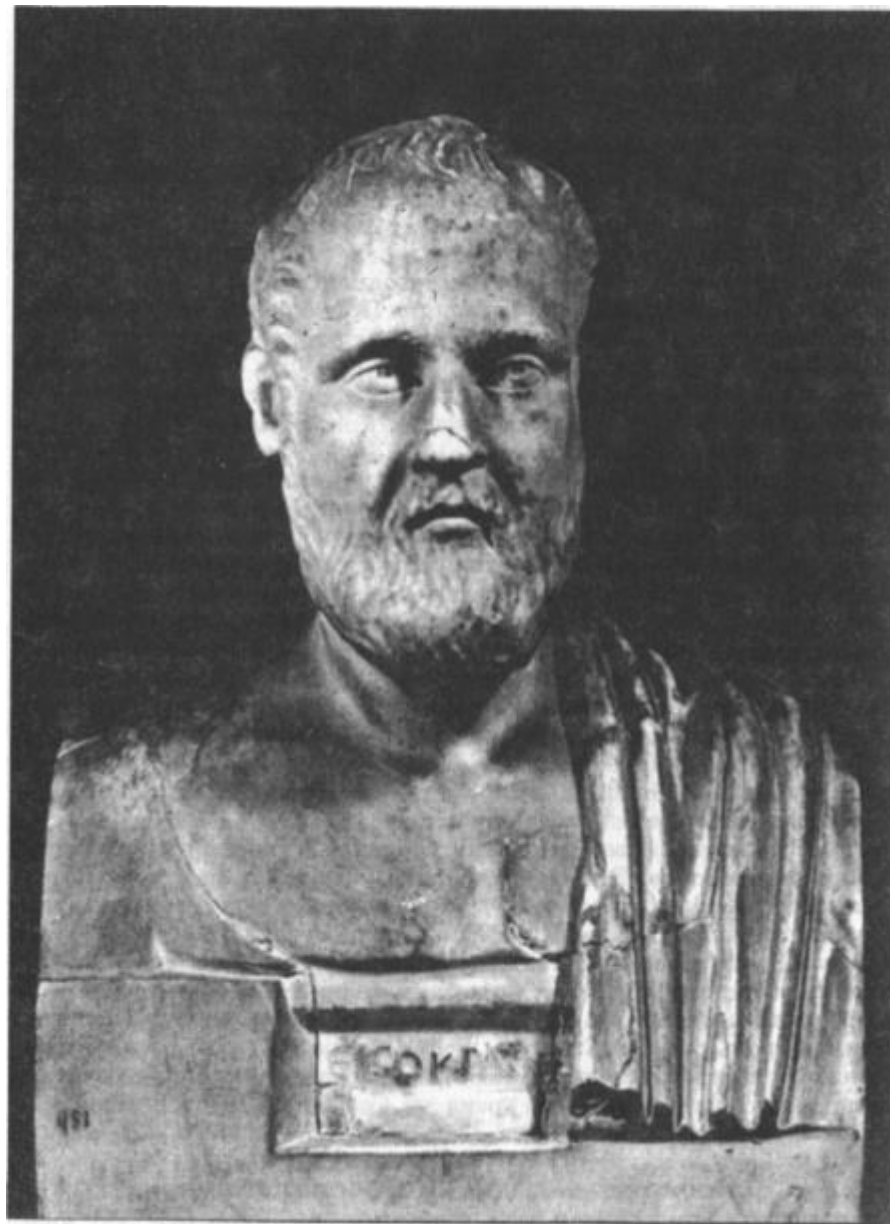

Рис. 11. Исократ. Римская копия с греческого оригинала. Национальный археологический музей. Неаполь

оратор получил хорошее образование. Он учился у философа Продика, слушал беседы Сократа, специально ездил в Фессалию, чтобы познакомиться с мастерством выдающегося оратора Горгия. Когда отец Исократ разорился, молодой оратор стал добывать средства для жизни составлением по заказу защитительных речей. За двенадцать лет между 400 и 387 гг. он заработал репутацию прекрасного логографа и приобрел хорошее имущественное положение. Заказать речь у Исократ стремились не только афиняне, но и граждане из других полисов. Одна из его сохранившихся речей по делу о наследстве Фрасилоха была произнесена в суде на острове Эгине.

Несмотря на выдающиеся успехи, такое занятие не удовлетворяло Исократ. Ведь искусство логографа заключалось в том, чтобы автор речи скрылся за личностью клиента, наилучшим образом выражая его интересы. Оратору же хотелось излагать собственные мысли.

Идеалом Исократ было красноречие на политической трибуне, но он сознавал, что для этого ему не хватает природных данных: голос недостаточно звучен, а характер застенчив. Исократ понимал также, что не обладает качествами активного политического деятеля, поскольку он любил в политике думать преимущественно об общих идеях, а не заниматься деталями событий. Тщеславный и чрезмерно обидчивый, он постоянно стремился к самоусовершенствованию и оберегал свой покой. Все эти свойства заставили Исократ выбрать торжественное красноречие и преподавание риторики. Этим он занимался около полувека, вплоть до смерти в глубокой старости в 338 г.

Красноречие, по мнению Исократ, — один из важнейших компонентов воспитания, поэтому около 390 г. он открыл риторскую школу. Она стала первым учебным заведением в Элладе, где давалось систематическое высшее образование, а не просто обучение навыкам элоквенции, как было у предшественников Исократ. Цицерон неоднократно с восторгом отзывался о школе Исократ, откуда, по его словам, вышло столько мастеров слова, сколько героев из троянского коня.¹⁵

Исократ мог гордиться такими учениками, как выдающиеся ораторы Исей, Ликург, Гиперид, известные историки Андрион, Эфор, Феопомп, крупные политические деятели Тимофей и Леодамант, правитель Гераклеи Клеарх и другие. В их число входил также боспорянин,¹⁶ для которого Исократ написал защитительную речь «Трапезитик». Имя заказчика неизвестно, ведь, произнося речь в суде, он, естественно, пользовался только личным местоимением. Так как он упоминает своего отца Сопея, его называют по отчеству Сопейдом.

До сих пор «Трапезитик» привлекал ученых в основном как источник по истории взаимоотношений Афин и Боспора на рубеже

V—IV вв.¹⁷ Мы же постараемся извлечь из этой речи главным образом представление о быте и нравах того времени, охарактеризованных устами современника. История складывается из деятельности отдельных лиц, и как раз биографии конкретных людей, живших в городах Северного Причерноморья, сейчас почти неизвестны. То немногое, что сохранилось в сочинениях античных авторов, касается в первую очередь правителей и полководцев и мало затрагивает их частную жизнь.

Поэтому речь Исократов представляет исключительный интерес, хотя в ней обрисована достаточно заурядная картина деятельности боспорского купца, вступившего в конфликт с владельцем банка, где он держал свои деньги. Сведения Исократов уникальны, так как в античной литературе не сохранилось сходных известий ни о каком другом боспорянине или жителе иной колонии Северного Причерноморья.

Сопейд был сыном одного из приближенных Сатира. Его отец выделялся богатством и снискал доверие боспорского царя, который отдал ему в управление целую область своего царства. Как и Сатир, Сопей занимался не только политической деятельностью, но вел крупную хлеботорговлю. Спрос на боспорское зерно поступал от многих греческих городов, и не всегда имелась возможность удовлетворить всех. Исократ подчеркивает, что Сатир и Сопей отправляли хлеб в первую очередь в Афины, так что корабли постоянно курсировали между двумя государствами даже в годы неурожая. Многие афиняне лично знали боспорян и устанавливали с ними узы гостеприимства (проксению). Поэтому, приезжая на Боспор, они имели там друзей, которые брались помочь им во всех затруднениях, возникающих в чужом государстве, а те в свою очередь помогали им в Афинах. Из речи Исократов мы узнаем афинских проксенов Сопея и его сына.

Без «Трапезитика» Исократов только по аналогиям с другими городами Греции мы могли думать, что молодые люди из античных городов Северного Причерноморья стремились увидеть Грецию и в первую очередь Афины. Этот город с середины V в. признавали «школой Эллады» и «пританеем мудрости». В комедии Лисиппа утверждалось:

*Коль не видал Афин, ты просто пень;
Коль не пленился, увидав, — осел;
А коль бежишь, довольный, ты — скотина.*¹⁹

Говоря о своем желании попасть в Элладу и в Афины, Сопейд подчеркнул, что его интерес подогревался рассказами тех, кто видел другие греческие города своими глазами. Такие люди обычно были связаны с торговлей, которую Боспор вел в очень крупных объемах. Имена некоторых мы узнаем из речи Исократов: Пирон

с острова Феры, «обычно плавающий в Понт», афинский купец Стратокл, влиятельный афинский гражданин Ксенотим, сын Каркина, доставивший в Афины письма Сатира в защиту Сопеида. По-видимому, это тот Ксенотим, которого вместе с его отцом и двумя братьями высмеивал Аристофан в «Осах» и в «Мире».

Отправляя сына в Афины, Сопей желал, чтобы он не только «людей посмотрел», но и усовершенствовался в умении вести торговые сделки. Поэтому отец снабдил сына большой суммой денег и снарядил два корабля с хлебом для продажи в Афинах.

По «Трапезитику» можно представить жизнь купца из Северного Причерноморья в чужом богатом городе, торговля с которым приносила значительную выгоду. Недаром внешне Сопейд вел себя как человек, необыкновенно расположенный к Афинам. В своем выступлении в суде он подчеркнул, что когда на таких, как он, Афины наложили чрезвычайный налог, он внес денег больше остальных, и в дальнейшем сам облагал себя самым большим налогом. Он просил обратить внимание, что не только он, но и его родственники чрезвычайно благожелательны к афинянам. Однако все его дела показывают, что не абстрактная доброжелательность, не восхищение Афинами, а реальные экономические выгоды руководили поступками таких, как Сопейд. Он впервые приехал в Афины в первом десятилетии IV в. и затем бывал там не раз. Свою деятельность Сопейд начал, пользуясь поддержкой друзей и знакомых отца. Двое из них Филипп и Пифодор упоминаются в речи Исократов. Затем Сопейд приобрел собственных друзей — Филомела, Менексена и Гипполаида, которые в его отсутствие занимались его денежными делами в Афинах. Гипполайд, наверное, имел деловые контакты с Боспором, так как стал проксеном Сопеида.

Для помощи в совершении всевозможных денежных операций друг Сопея Пифодор представил молодого купца трапезиту Пасиону. С конца V в. деятельность трапезитов (их наименование происходит от слова *τράπεζα* — стол, где обменивают монеты) стала неотъемлемой частью деловой жизни каждого более или менее крупного греческого полиса. Трапезиты обменивали деньги разных государств на монеты своего полиса и проверяли их качество; они исполняли также роль заимодавцев, хранителей вкладов и посредников во время заключения сделок при различного рода платежах. В зарубежной научной литературе трапезитов обычно называют банками, а их предприятия банками. Соответственно «Трапезитик» Исократов переводится как «Банкирская речь». Большинство отечественных исследователей справедливо не признает таких модернизованных оценок и терминов, придерживаясь древнегреческих обозначений.

Пасион, самый богатый из известных нам 26 афинских трапезитов IV в., прошел путь от раба в трапезе Архистрата и Антисфена до владельца огромного состояния.²¹ Он, по свидетельству Демос-

фена, удостоился редчайшей для бывшего раба чести: за важные услуги Афинскому государству получил гражданство для себя и своих потомков.²² Отец Демосфена держал в трапезе Пасиона большой вклад, 2400 драхм.²³ Все это показывает, что Сопейд производил крупные денежные операции, если ему понадобилось содействие столь богатого трапезита.

Первым шагом Сопейда стало, по-видимому, внесение в трапезу денег, привезенных с Боспора. Ведь приезжие жили у друзей или в наемном доме, так что большие деньги надежнее всего сохранялись в трапезе. Затем при содействии трапезита Сопейд стал совершать различные торговые операции. Сначала эти сделки складывались удачно для обеих сторон, полностью доверявших друг другу. Пасион выручил боспорянина в деле с грузовым кораблем; после того как Филипп отказался рисковать частью состояния ради сына проксена Сопея, Пасион убедил своего бывшего хозяина трапезита Архестрата поручиться за Сопейда крупной суммой в 7 талантов.

Кроме денежных операций с трапезой Пасиона, Сопейд упомянул еще об одной. Когда ему понадобилось получить деньги с родины, он прибег к частому в те времена способу: «Чтобы не подвергать опасности свои средства во время плавания» (а крушения кораблей происходили достаточно часто), он попросил отплывавшего на Боспор Стратокла оставить ему нужную сумму из собственных средств, а на Боспоре получить от отца одолженные деньги.

После первых успешных самостоятельных шагов Сопейда в Греции у него произошло несчастье. Сатир получил донос, в котором утверждалось, что Сопей покусается на его власть, а Сопейд поддерживает в Элладе дружеские связи с боспорскими изгнанниками. В результате Сопея заключили под стражу и конфисковали его имущество, а сыну Сатир велел возвратиться на Боспор, предварительно передав все имеющиеся у него средства доверенным лицам боспорского царя в Афинах. В случае неповиновения Сатир собирался требовать у афинян насильственной выдачи Сопейда.

Итак, перед Сопейдом стояла дилемма: остаться законопослушным боспорским гражданином и потерять свое состояние или спасти его, не повиновавшись приказу Сатира. Боспорянин выбрал последнее. Посоветовавшись с Пасионом, он решил отдать доверенным царя наличные деньги, а вложенные в трапезу Пасиона не только утаить, но для убедительности еще и объявить себя должником трапезита и других лиц.

Чтобы избежать насильственного возвращения из Афин на Боспор, Сопейд уехал в город Византий, который не имел договора с Боспором о взаимной выдаче граждан по требованию каждого государства. Когда Сопейд пожелал через друзей взять свои деньги у Пасиона, тот отказался их выдать, зная затруднительное положение клиента и невозможность с его стороны обратиться за защитой к властям.

Через некоторое время Сатир удостоверился в ложности доноса на Сопея. Царь освободил его из-под стражи, стал оказывать ему еще больше доверия, чем прежде, и даже женил своего сына на дочери Сопея. После этого Сопейд возвратился в Афины и пошел к Пасиону за своими деньгами. Но тот прибег к всевозможным уловкам, чтобы их не возвращать. Трапезиту удалось убедить Сопейда в своем бедственном финансовом положении, согласиться отправиться с ним на Боспор и там получить деньги, которые он выручит от местных должников. В случае нарушения уговора Пасион готов был предстать перед судом Сатира. Однако вместо самого Пасиона на Боспор прибыл его доверенный раб Китт. Он выдавал себя за свободного милетянина, которому Пасион велел дать разъяснение относительно требуемых с него денег. Сопейд и Китт предстали перед Сатиром; выслушав их обоих, царь заключил, что это дело должен решить афинский суд. Вопрос оказался, по-видимому, не столь ясным, как доказывал истец, да к тому же отсутствовал сам обвиняемый трапезит. Сатир попросил владельцев афинских кораблей, прибывших на Боспор, помочь Сопейду, а также передал с афинянином Ксенотимом свое письмо для прочтения на суде.

Возбуждая дело против самого богатого и авторитетного во всей Элладе трапезита, Сопейд позаботился о том, чтобы его речь в суде составил наиболее опытный логограф. Поэтому он обратился к Исократу и, по-видимому, заплатил ему за речь немалую сумму. Судебный процесс состоялся между 394 и 391 г.

Неизвестно, в чью пользу окончилось дело. По «Трапезитику» нельзя сделать окончательного вывода о мере справедливости притязаний каждой стороны. Ведь тайно заключенная сделка с самого начала преследовала цель кого-то обмануть. Но даже если Пасиону пришлось выплатить Сопейду крупную сумму, он не разорился, так как в других речах ораторы сообщают, что его трапеза в дальнейшем продолжала процветать **24**.

Речь Исократа характеризует моральные устои греческого общества того времени. Тайные денежные сделки и сопутствующие им всевозможные распри происходили достаточно часто. Нередко подобные дела слушались в суде: например, в речи того же Исократа «Против Евтиной» разбирался сходный инцидент. Евтиной отказывался вернуть Никию часть денег, данных ему без свидетелей на хранение во время опасной для Никии политической обстановки в Афинах.

«Трапезитик» Исократа написан в последние годы деятельности оратора в качестве логографа. Вскоре он открыл риторскую школу, куда Сопей решил поступить одним из первых его учеников. Это подтверждается дружбой Сопейда с Филомелом, которого он просил взять деньги у Пасиона. На склоне лет Исократ назвал Филомела среди своих старших учеников — афинян, награжденных государ-

ством за заслуги золотыми венками; в той же речи оратор обрисовал атмосферу дружбы между ним и учениками, стекавшимися к нему из разных мест, среди которых первыми он назвал Сицилию и Понт.²⁵ Таким образом, вероятно, обучение Сопеида в школе Исократы было редким, но не единственным случаем образования юноши из Северного Причерноморья.

Полный курс обучения у Исократы составлял 3—4 года, и плата была высокой.²⁶ Но для богатого боспорянина деньги не были препятствием. Он понимал, что получит в этой школе не только блестящее образование, но и возможность общения с самыми способными молодыми людьми всей Греции. Ведь Исократ считал возможным успешное обучение лишь при наличии «хорошей одаренности от природы».²⁷ Недаром многие его ученики прославились на разных поприщах.

Итак, биография Сопеида представляет типичный пример начала деятельности юноши из состоятельной греческой семьи. Он стремится к политической карьере и для этого становится слушателем риторической школы. Будучи богатым человеком, он получает доступ к лучшему образованию. В то же время Сопеид в Афинах совершенствует свои знания и умение в коммерческих сделках. И на этом поприще он благодаря богатству входит в круг самых влиятельных и опытных купцов и банкиров. Достаточно напомнить о прочных финансовых связях Пасиона во всей Греции: его сын Аполлодор, пользуясь²⁸ авторитетом отца, мог получить деньги в любой части Эллады.

Сочетание государственной и коммерческой деятельности было обычным для состоятельных греков. Например, такой выдающийся оратор и политический деятель, как Демосфен, совершал крупные торгово-ростовщические операции. Гиперид в речи «Против Демосфена» упомянул о том, что оратор давал ссуды под залог кораблей или грузов.

Таким образом, благодаря речи Исократы нам известно, что среди граждан Боспора были блестяще образованные люди, знакомые с элитой интеллектуального и коммерческого мира Эллады.

Связи Демосфена с Боспором

Имя Демосфена (384—322 гг.) известно каждому культурному человеку. Он превосходит всех прочих греческих ораторов своей политической и литературной одаренностью и по праву считается одним из величайших политических ораторов всех времен.

Демосфен (рис. 12) родился в Афинах в семье состоятельного владельца оружейной мастерской. В семь лет он потерял отца, оставившего детям значительное наследство, но его расхитили бесчестные опекуны. Достигнув совершеннолетия, Демосфен решил

добиться правосудия. Для этого он изучал красноречие и судебную практику у видного оратора Исея, но не смог пойти в школу Исократы из-за высокой платы за обучение.²⁹

Судебный процесс против опекунов Демосфен вел сам без помощи логографа и выиграл дело, но денег отца к тому времени почти не осталось. Победа в суде принесла Демосфену уверенность в возможности сделать карьеру оратора, для которой природа не одарила его достаточными качествами. Он не обладал хорошо поставленным голосом и ясной дикцией. С юности мечтая об ораторской трибуне, Демосфен решил во что бы то ни стало исправить эти недостатки и проявил незаурядную волю и трудолюбие. В старости он рассказывал, какими упражнениями он устранял свои природные изъяны. Плутарх включил рассказ об этом в жизнеописание оратора: «Неясный и шепелявый выговор он одолевал, вкладывая в рот камешки и так читая на память отрывки из поэтов, голос укреплял бегом, разговором на крутых подъемах и тем, что, не переводя дыхания, произносил несколько стихов или какие-нибудь длинные фразы. Дома у него было большое зеркало. И перед ним он выполнял задания,³⁰ которые сам себе ставил».

Для успеха перед публичной греческой оратор должен был говорить нараспев, меняя

Рис. 12. Демосфен. Римская копия со статуи Полиэвкта. Ватиканский музей. Рим

тональность в соответствии с содержанием своих высказываний. Во всех античных руководствах по риторике указывается, что оратору следует сопровождать речь ритмическими телодвижениями. Кроме выразительности голоса и ритмического построения фраз, Демосфен славился также великолепной жестикуляцией. Подобно Лисию и Исократу, он говорил на чистом аттическом языке своего времени; оратор избегал архаизмов и поэтических выражений и оживлял свою речь смелыми метафорами и гиперболами.

В молодости для заработка Демосфен занимался ремеслом логографа, но вскоре стал также выступать на политической трибуне. Со временем он возглавил одну из двух противоборствующих афинских политических партий. Противники Демосфена видели выход из тяжелого положения Афин в начале IV в. в сплочении греческих полисов вокруг македонского царя Филиппа и в организации новой общегреческой войны с персами. Среди лидеров промакедонской группировки афинян выделялся оратор Эсхин (рис. 13).

Демосфен рано разгадал опасность, грозившую независимости греков со стороны Македонии. С 351 г. он начал борьбу против экспансии македонского царя Филиппа. Выступая сначала как политический оратор, а затем как видный государственный деятель, он призывал афинян создать коалицию греческих полисов против македонской опасности. Ораторский талант Демосфена прозвучал во всей своей мощи в знаменитых речах «Против Филиппа», произнесенных между 351 и 340 гг. Их название «филиппики» до сих пор остается нарицательным для страстной обвинительной речи.

Политике Демосфена не суждено было победить. После продолжительной борьбы с переменным успехом афинская армия, выступившая против Антипатра, одного из полководцев Александра Македонского, потерпела поражение в 322 г. Когда Антипатр распорядился казнить оратора, тот попытался скрыться на острове Калаврии, у берегов Аргολиды, но и там его настигли македоняне. Окруженный ими в храме Посейдона, где оратор искал убежища, Демосфен принял яд.

Сохранились речи Эсхина и Демосфена, произнесенные в 330 г. на процессе, собравшем массу народа. Это было не только состязание двух партий, но и единоборство двух прославленных ораторов.

В речи «Против Ктесифонта» Эсхин оспаривал предложение Ктесифонта наградить Демосфена золотым венком за особые заслуги перед государством. В ответной речи «О венке» Демосфену удалось опровергнуть основные доводы своего оппонента. Эсхин не собрал среди судей и пятой части голосов. После этого ему пришлось уехать из Афин и окончить жизнь на чужбине.

Речь Эсхина интересна для темы нашей книги потому, что отрицая права Демосфена не только на награду, но даже на звание

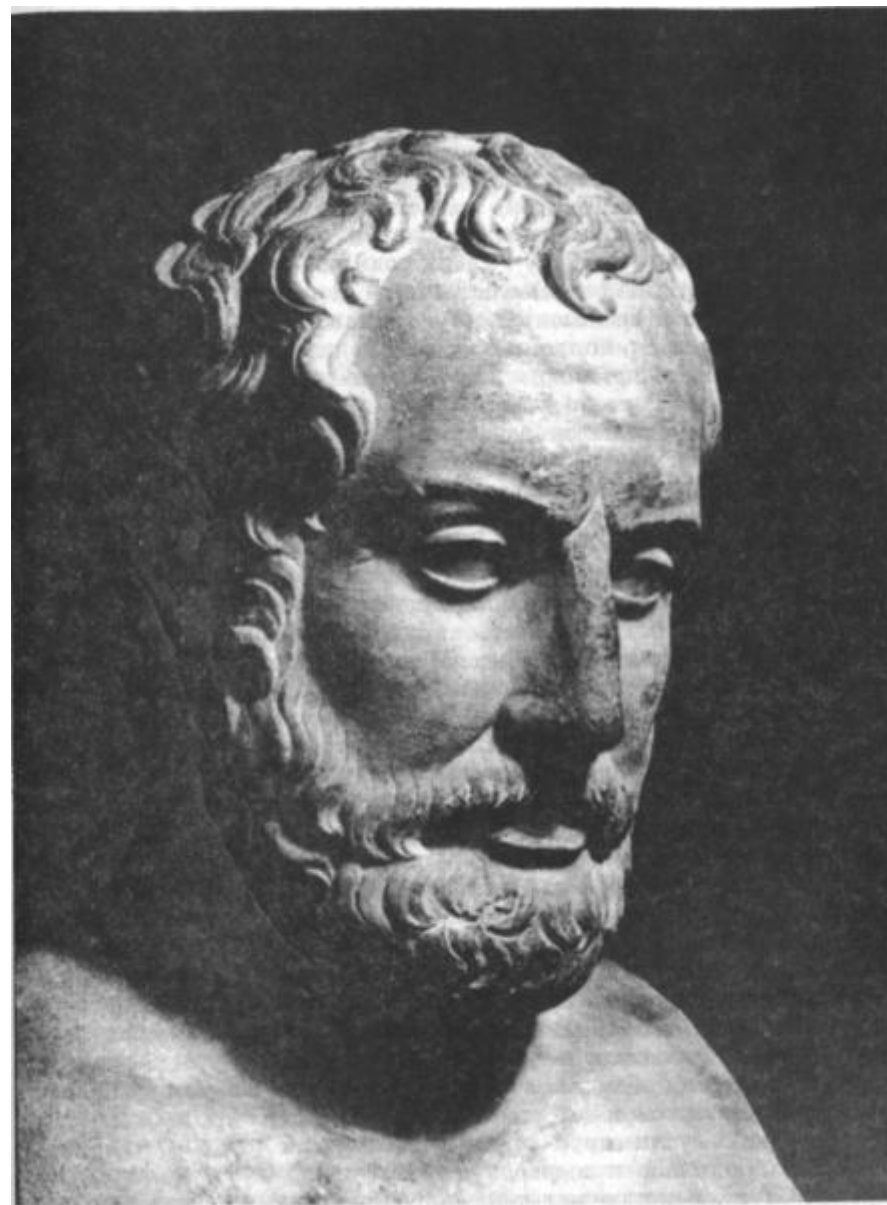

Рис. 13. Эсхин. Римская копия с греческого оригинала. Британский музей. Лондон

афинского гражданина, оратор обратился к родословной своего противника с целью доказать его не чисто греческое происхождение и порочность его деда афинянина Гилона:

«Гилон предал врагам Нимфей, город на Понте, который находился тогда во владении нашего государства, и после доноса бежал из города, будучи приговорен к смерти. Не подчинившись приговору, он прибыл на Боспор, получил там в дар от тиранов городок, именуемый Кепами, и женился на женщине, правда, богатой, клянусь Зевсом, и принесшей в приданое много золота, но родом скифянке. От нее у Гилона родились две дочери, которых он прислал сюда (в Афины) с большими деньгами. Одну он выдал за лицо, которое я не назову, чтобы не навлечь ненависти многих, а на другой женился, вопреки государственному закону, Демосфен Пеониец; от нее-то происходит пронира и клеветник Демосфен».³¹

Деятельность Гилона относится к началу правления Сатира. Вероятно, первые годы он разделял власть с братом Селевком, и поэтому Эсхин сказал во множественном числе о «тиранах Боспора», предоставивших убежище Гилону. Эсхин стремился убедить афинскую аудиторию, что Демосфен со стороны деда «враг народа, так как вы присудили его к смертной казни, а со стороны матери — скиф, варвар, говорящий по-гречески». Показательно, что в ответной речи Демосфен никак не опроверг этот пункт обвинений своего противника; это подтверждает, с одной стороны, его родство с богатой негреческой семьей на Боспоре, а с другой — какие-то неблагоприятные по отношению к Афинам поступки Гилона, о которых, конечно, с пристрастием, сгущая краски, рассказал Эсхин.

Наличие на Боспоре богатых и влиятельных представителей местного населения подтверждается явно негреческим именем Сопея, приближенного царя Сатира. Сейчас трудно сказать, была ли жена Гилона действительно скифянкой или принадлежала к синдомеотской знати, земли которой вошли в азиатскую часть Боспорского царства. Эти частности не имели значения для ораторов, так как рядовой афинянин считал скифами все негреческое население Северного Причерноморья.

По закону 451 г., вновь подтвержденному в 403 г., афинским гражданином мог стать лишь тот, у кого не только отец, но и мать были афинянами, так что сына иноземки, на чем настаивал Эсхин, нельзя включать в число граждан. И все же Демосфен, по всей вероятности, обладал правами законного гражданства, чему не мешало происхождение его матери. В городе, где практически все граждане знали друг друга, невозможно утаить, что мать Демосфена родилась и выросла не в Афинах. Значит, Эсхин намеренно опустил какую-то деталь, игравшую важную роль в правах Демосфена на афинское гражданство.

Возможно, ко времени приезда дочерей Гилона в Афины уже имелся договор с Боспором об эпигамии.³² Она обеспечивала жен-

шине, выходившей замуж за гражданина другого государства, положение в последнем законной супруги, а детям предоставляло все гражданские и фамильные права. Можно предположить также, что отец жены Гилона получил афинское гражданство за поставки хлеба. Ведь он, по свидетельству Эсхина, дал дочери хорошее приданое, а торговля хлебом приносила один из основных источников богатства, как мы видели на примере Сопея. Дарование афинского гражданства за поставки на льготных условиях большого количества хлеба документально засвидетельствовано в отношении царя Левкона.³³

Итог состязания двух ораторов в пользу Демосфена доказывает, в частности, что он был законным афинским гражданином и в то же время имел близких родственников на Боспоре. Не располагая возможностью возразить против последнего факта, Демосфен отомстил Эсхину, утверждая в речи «О венке», что его нельзя считать достойным гражданином, так как в детстве он исполнял обязанности домашнего раба у своего отца — учителя, который некогда был рабом, носившим колодки и деревянный ошейник.³⁴ Это тоже несправедливый навет, так как известно, что Эсхин происходил из свободной небогатой семьи. Правда, работа учителя начальной школы считалась у греков мало престижной профессией, и ею занимались бедняки, а иногда и образованные рабы.

В словах ораторов о незаконности гражданства того или иного лица отразилась распространенная в то время практика дискредитации противника. Например, тот же Эсхин несправедливо заявил, что Клефонт тайно противозаконно включен в число афинских граждан.³⁵

Наряду с Эсхином другие современники Демосфена использовали как предлог для унижения наличие у него родственников на Боспоре. Оратор Динарх презрительно назвал его скифом,³⁶ а хорошо знакомый с утраченными теперь источниками Плутарх в биографии Демосфена кратко упомянул и о каком-то проступке его деда и о бабке-скифянке.³⁷ Таким образом противники оратора не только стремились опорочить его происхождение, но и рассчитывали на дополнительный эффект, так как в разговорном языке афинян V—IV вв. слово «скиф» в первую очередь ассоциировалось с государственным рабом-полицейским. При отсутствии иных письменных памятников злые выпады ораторов со всей присущей им пристрастностью волею судеб стали единственными свидетельствами о важнейших событиях в истории Боспора при первых Спартокидах. Поэтому интерпретации слов Эсхина о деятельности Гилона посвящено немало научных исследований.³⁸

Известные нам из речей ораторов дружественные отношения Афин и Боспора в IV в. носили иной характер в середине V в., когда еще независимый от Боспора полис Нимфей стал союзником Афин и их опорой на Крымском полуострове. Возможно, в Нимфее

находился афинский военный гарнизон, защищавший этот небольшой полис от боспорских царей, в то время как они захватывали под свою власть одну за другой независимые колонии на Керченском проливе. Измена Гилона произошла в конце долгой Пелопоннесской войны (431—404 гг.), когда Афины шли к поражению. Объединение ряда государств во главе со Спартой победило Афинский морской союз. В него после греко-персидских войн вошли многие полисы и в том числе Нимфей. Об этом известно по афинскому декрету с перечислением взносов разных городов. Нимфею полагалось вносить ежегодно один талант.

В создавшихся условиях Гилон, вероятно, считал целесообразным передать без сопротивления Нимфей во власть боспорского государства, за что, по словам Эсхина, он получил «в подарок Кепы», то есть стал управлять небольшим городом на азиатской стороне Боспора.

Спустя несколько лет отношения Афин с Боспором наладились, и приближенный Сатира Гилон перестал считаться врагом своего отечества. Вероятно, афиняне использовали своего соотечественника для укрепления интересовавших их связей. Например, он мог сыграть положительную роль в развитии хлебной торговли между обоими государствами. Восстановленный в правах гражданства, Гилон отправил на родину своих дочерей и выдал замуж за афинских граждан. При регулярных рейсах кораблей из Афин на Боспор и обратно, надо полагать, дочери Гилона поддерживали постоянную связь с родственниками на Боспоре, и Демосфен знал о них с детских лет.

Как оратор Демосфен неоднократно выступал горячим поборником интересов боспорских царей: сына Сатира Левкона и его детей Спартока и Перисада. Возможно, это диктовалось в первую очередь политическими соображениями и финансовыми расчетами, но и родственные связи имели при этом какое-то значение. Какие бы причины ни лежали в основе поведения Демосфена, остается примечательным фактом то, что именно он внес предложение поставить статуи боспорского царя Перисада, его сына и тестя на афинской агоре.³⁹ В 355 г. именно Демосфен выступил против предложения Лептина лишить свободы от пошлин (ателии) всех, кроме потомков Гармодия и Аристоклитона, которых афиняне особо почитали за освобождение от тирании в конце VI в. Лептин не думал специально задевать интересы Боспора, но хотел с помощью отмены ателии помочь своему государству выйти из затруднительного финансового положения. В результате этой акции Боспору пришлось бы нести большие, чем прежде, расходы в торговых операциях с Афинами.

Демосфен считал меры, предложенные Лептином, недалекими и призывал сограждан сохранить ателию в отношении боспорского царя Левкона и его детей. Текст речи показывает, сколь

детально оратор был осведомлен о размерах и условиях хлебной торговли Боспора и его родины. Эти сведения — серьезный и надежный исторический источник, который ученые неизменно используют в работах по истории Боспора IV в.

Только из речи «Против Лептина» нам известно, что боспорское зерно поступало в Афины гораздо в большем количестве, чем в другие государства, и удовлетворяло половину потребностей Афин в хлебе. Ко времени Демосфена вся боспорская торговля хлебом велась под контролем Левкона. Поэтому оратор подчеркнул, что хлеб ввозится в Афины не только потому, что Боспор им очень богат, но и потому, что Левкон, являясь хозяином, так направляет торговлю.⁴⁰

При Сатире положение было иным. Тогда не один царь, но и некоторые богатые и влиятельные боспоряне, такие, как Сопей, поставляли хлеб и могли считаться благодетелями Афин. Это особенно выделяет Исократ, желая склонить судей решить дело в пользу Сопеида. Сын же Сатира Левкон стал единовластным «господином хлеба». Только благодаря ему, по утверждению Демосфена, Афины получили 400 000 медимнов (16 380 т) зерна, причем продажа велась на весьма льготных условиях. Весь хлеб, вывозимый с Боспора, облагался пошлиной, составлявшей одну тридцатую от объема груза; но зерно, направлявшееся в Афины, освобождалось от пошлины. Поэтому получалось, что Левкон дарил Афинам «10 000 медимнов с 300 000, а с 100 000 около 3000».⁴¹

Кроме ателии, афинские корабли получили право первоочередной погрузки в боспорских портах. Наряду с Пантикапеем они загружались в Феодосии, вошедшей в состав Боспорского царства в начале правления Левкона. Демосфен упоминает, что там построили новый порт, и моряки считали его не уступающим столичному.⁴² Устройство нового порта свидетельствует о неуклонном росте боспорской торговли в IV в. Сообщение оратора подтверждает Страбон, опирающийся на другой авторитетный источник, где говорилось, что Левкон послал из Феодосии в Афины 21 000 медимнов, т. е. 86 000 т хлеба.⁴³

Постоянная поставка хлеба в Афины были оформлена определенными соглашениями, о чем в общей форме упомянул Демосфен.⁴⁴ Из его речи видно, что в договор входили пункты о взаимной ателии и о праве первоочередной погрузки кораблей. Боспорские цари неукоснительно соблюдали свои обязательства и даже в неурожайные годы обеспечивали афинян хлебом, отказывая другим торговым партнерам. Договоры, заключенные при Сатире, о чем говорилось в «Трапезитике» Исократа,⁴⁵ продолжали действовать и при Левконе. Демосфен напомнил о положении, сложившемся в 357 г., когда в Элладе повсюду ощущался недостаток хлеба; тогда Левкон прислал его в Афины в таком количестве, что часть его была перепродана, и государство получило доход в 15 талантов.

Из речи Демосфена мы узнаем, каким образом осуществлялись денежные расчеты за столь крупные поставки: закупка боспорского хлеба производилась в кредит, а в афинском банке хранились⁴⁶ в качестве депозита деньги, причитающиеся за проданный хлеб.

Цифры, приведенные Демосфеном и Страбоном, — уникальное сообщение о конкретном объеме хлебной торговли одного из государств Северного Причерноморья. К сожалению, об экспорте хлеба из таких крупных полисов, как Тира, Ольвия и Херсонес, не осталось никаких письменных свидетельств, хотя он безусловно существовал.

Из речи Демосфена становится известно, чем отплачивало афинское государство за дружественную политику боспорских царей: Левкон получил право афинского гражданства и возможность без пошлины вывозить товары из Аттики. Высеченный на камне афинский декрет о предоставлении ателии Боспору установили в трех местах: в афинской гавани Пирее⁴⁷, на Боспоре, а также в местечке Гиерон на Боспоре Фракийском. Там в самом узком месте пролива на его азиатской стороне у храма Зевса Урия приставали все суда, плывшие в Понт. Поэтому в Гиероне выставались копии декретов, которые важно было знать всем, направлявшимся к берегам Черного моря. На этом месте археологи находят остатки подобных надписей. Таков, например, относящийся тоже к IV в. декрет ольвиополитов о регулировании вывоза и ввоза денег в их государство.⁴⁸

Декрет, названный Демосфеном, не обнаружен⁴⁹, но сохранился сходный декрет 346 г. в честь сыновей Левкона. В этой надписи афинский народ восхваляет Спартока и Перисада за обещание «заботиться о высылке хлеба, как заботился их отец» и за решение давать афинянам «те же привилегии, какие давали Сатир и Левкон»; со своей стороны афиняне предоставляют Спартоку и Перисаду такие же привилегии, которые «народ дал Сатиру и Левкону», и постановляют в Великие Панафинеи венчать боспорских правителей золотыми венками. Таким образом, этот важнейший эпиграфический памятник подтверждает достоверность фактов, изложенных в речи Демосфена «Против Лептина».

Тяжбы купцов, торговавших с Боспором

В древний рукописный корпус речей Демосфена включено несколько произведений неизвестных ораторов IV в. Среди них две речи «Против Лакрита» и «Против Формиона» посвящены делам купцов, торговавших с Боспором. Для нас они представляют весьма содержательный источник о том, как велась торговля, как она финансировалась и какие нравы царили в этой среде. Здесь также

упоминаются отдельные важные моменты политической истории Боспора.

Лакрит, родом из малоазийского города Фаселиды, жил в Афинах в середине IV в.; подобно Сопеиду, он учился у Исократы и занимался коммерцией. Его брат Артемон вместе с другим своим соотечественником решил заработать деньги на торговле с городами Северного Причерноморья. При этом он нарушил условия договора со своим заимодавцем, и тот обратился в суд. Так как Артемон умер к моменту суда, происходившего между 351 и 340 г., а Лакрит стал наследником всего его имущества, истец возбудил дело против Лакрита, не желавшего платить долг брата.

Состоятельные эллины зачастую стремились приумножить свое состояние вложением денег в морскую торговлю, несмотря на значительный риск, так как корабли часто тонули и подвергались опасности пиратского нападения. Поэтому в случае кораблекрушения или захвата корабля пиратами заимодавец терял все вложенные деньги. Но зато при благоприятном исходе дела он получил от 20 до 30% от вложенной суммы. Купцы, взявшие деньги в долг, впадали в соблазн их не возвращать, подстраивали выгодные им кораблекрушения и шли на другие махинации, которые постоянно разбирались в суде.

Два купца из Фаселиды решили получить доход от продажи вина в Северном Причерноморье. Однако они не располагали необходимой суммой денег ни для найма корабля, ни для покупки товара. Через своих знакомых они нашли в Афинах двух заимодавцев и заключили следующий договор, впоследствии представленный истцом в суд. «Андрокл из Сфетта и Навсикрат из Кариста * дали займы Артемону и Аполлодору из Фаселиды 3000 серебряных драхм для торговой поездки из Афин в Менду или Скиону, а оттуда на Боспор и — если пожелают — вдоль левого берега до Борисфена и обратно в Афины, из 22,5%;** а если они отплывут из Понта в Гиерон *** после восхода Арктура,**** то из 30% — под залог 3000 амфор мендского вина, которое будет погружено в Менде или Скионе на двадцативесельном корабле, владелец которого Гиблесий. Они дают это обеспечение, не будучи под него должны никому никакой суммы, и не будут под него брать суду. А те товары, которые были погружены вместо вина, они целиком

* Название аттических демов (территориально-политических областей).

** Это означает, что при возврате долга следовало прибавить еще 22,5% от одолженной суммы.

*** См. раздел о Демосфене.

**** В сентябре, когда начинались бури на море, увеличивался риск кораблекрушения и потому повышался процент, под который давался долг.

доставят из Понта обратно в Афины на том же корабле; когда товары будут благополучно доставлены в Афины, должники отдадут кредиторам причитающуюся по договору сумму в течение 20 дней со дня прибытия в Афины — все целиком, кроме того, что будет выброшено с общего согласия мореплавателей, и если что придется уплатить неприятелю, а все остальное целиком. Груз они предоставляют как неприкосновенный залог кредиторам впредь до уплаты суммы, причитающейся по договору... А если с кораблем, на котором перевозятся товары, произойдет авария, то обеспечение должно быть сохранено (за должником), а остальное имущество, которое удастся спасти, должно сообща принадлежать участникам займа».

Этот договор в присутствии свидетелей передали на хранение афинянину Археомониду. В присутствии пяти свидетелей Аполлодор и Артемон получили названные в договоре 3000 драхм и на корабле Гиблесия отплыли в Менду.

Истец заявил, что договор стал нарушаться с самого начала. Ему стало известно, что в Менде вместо 3000 амфор вина погрузили всего 450, а затем в Понте взамен вина не закупили товаров. При встрече с кредиторами Артемон и Аполлодор заявили, что весь товар погиб при переходе из Пантикапея в Феодосию.

По показаниям свидетелей, в Пантикапее погрузили всего 80 кувшинов дешевого косского вина и соленую рыбу, но не для доставки в Афины. Это было продовольствие для сельских рабочих, которое некий боспорянин закупил в Пантикапее и договорился переправить на этом корабле в Феодосию. На пути туда судно действительно потерпело крушение, но, как уверял один из участников плавания, кроме груза местного землевладельца там находилось еще один-два тюка шерсти и две-три связки козьих шкур. Так что затонул вовсе не тот груз, который ожидали в Афинах. На вопрос, куда делись деньги, полученные за продажу вина из Менды, ответчик заявил, что они отданы на Боспоре в долг купцу, теперь находящемуся на Хиосе. Вероятно, Артемон и Аполлодору представился выгодный случай заработать, отдав имевшиеся у них средства под проценты и при этом не заниматься покупкой и продажей боспорских товаров. Так оказался нарушен еще один пункт договора, где не предусматривалось такое обращение с выреченными деньгами.

Ответы Лакрита нам неизвестны. Но независимо от того, насколько прав истец в данном конкретном случае, картина, нарисованная им, весьма типична для сделок в греческой торговле.

Речь «Против Лакрита» особенно ценна тем, что в ней говорится не только о Боспоре, как в речах прочих ораторов, но назван еще Борисфен, т. е. Ольвия; здесь рассказывается не о многократно упоминавшейся торговле хлебом, а о других товарах. Мы узнаем, какие купцы и на каких условиях ездили в Понт и как попутно

их корабли использовались для внутренних нужд жителей Боспорского царства.

Вино и оливковое масло по объему занимало первое место среди товаров, вывозившихся из Греции в города Северного Причерноморья. Обломками амфор, в которых их доставляли, наполнены все слои античных городищ. Среди них выделяются и амфоры Менды с рюмкообразными ножками. 3000 таких амфор по договору следовало доставить на Боспор и, в случае если их там не удастся продать, — в Ольвию. Слова оратора о том, что в Понт наряду с вином из Менды ввозятся вина с островов Пепарета и Коса,³⁰ дают возможность узнать, какие сорта импортных вин пользовались спросом у жителей Боспора и Ольвии в IV в.

Способ доставки вин, упомянутый в речи «Против Лакрита», показывает, как осторожно следует относиться к интерпретации археологических материалов. Не будь подобного письменного свидетельства, то по находкам амфор можно было бы предполагать, что Боспор и Ольвия непосредственно торговали с Мендой. На деле же торговля осуществлялась через посредничество разных купцов.

В рассматриваемой речи имеется редкое свидетельство о пути корабля на Боспор. Он шел по «правой стороне Понта» — вдоль южного и восточного берега. При переходе же к Борисфену, обогнув Таврический полуостров, корабль попадал в «левую часть» моря. В тексте речи сохранилось древнейшее письменное упоминание об этих античных географических терминах, хотя определение правой и левой частей Понта появилось еще в архаический период, когда греки осваивали берега и основывали свои колонии на Понте. Зарождение этого географического понятия связано с тем, что для корабля, плывшего из Греции в Понт через Боспор Фракийский, западные берега оказывались слева, а южные и восточные — справа. На протяжении всей античности Понт делили на правую и левую части. Однако, говоря о таком делении, античные авторы обычно писали лишь о западном и южном побережье. Такова, например, одна из самых обстоятельных характеристик правой и левой стороны Понта в «Географии» Страбона,³¹ таковы частые упоминания Овидия о месте его ссылки на «Левом Понте». Впервые из речи «Против Лакрита» становится ясно, что Ольвия и северное побережье относились в древности к «левой части» Понта. Такое представление продолжало существовать и в римское время, как можно заключить из³² «Героинь» Овидия и «Перипла Понта Евксинского» Арриана.

Сообщение о перевозке товаров для какого-то местного жителя рисует нам еще одну картину из повседневной жизни Боспора. Состоятельные земледельцы ездили в столицу закупать продовольствие и сырье для изготовления одежды и обуви. Чтобы доставить крупную партию груза, в пантикапейском порту договаривались с любым свободными кораблем, причем таковыми, как видно по

данному случаю, оказывались не только местные суда, но и прибывшие в Понт из Греции. Они охотно брались за такие услуги, так как их обратный путь все равно лежал вдоль побережья Таврического полуострова.

В речи «Против Формиона», произнесенной в 327/6 г., также разбирается дело о деньгах, взятых в долг для торговых операций на Боспоре. Формион получил заемы у трех разных лиц: у афинянина Хрисиппа — 2000, у Феодора Финикийца — 4500, у судовладельца Лампида — 1000 драхм.⁵³ Запись о займе у Хрисиппа была сделана и хранилась в трапезе Китта. В договоре указывалось, что Хрисипп дает в долг 2000 драхм, а по возвращении Формиона с Боспора получает 2600 драхм. Упомянутый трапезит Китт, вероятно, был потомком того доверенного раба Пасиона Китта, который вел дело Сопеида на Боспоре.

Известно, что иногда способные рабы, работавшие в трапезе, получали свободу и либо открывали собственное дело (так сложилась судьба Пасиона), либо вступали во владение трапезой бывшего хозяина: Пасион передал трапезу своему освобожденному рабу, а не сыну, оказавшемуся неспособным к занятиям трапезита.

По косвенным данным⁵⁴ можно заключить, что Формион был боспорским гражданином. В речи говорится, что он взял деньги на Боспоре под земельные проценты; значит, он владел землей, а этим правом обладали только граждане.

Формион купил товары и нанял корабль Лампида, с которым сотрудничал и прежде.⁵⁵ По-видимому, Формион вез на Боспор парфюмерию, так как в речи его товар называется «мелочью», а когда в Афинах потребовалось найти Формиона, то его разыскивали у парфюмерных лавок.⁵⁶ Он не смог удачно продать свои товары из-за вспыхнувшей войны Боспора со скифами, о которой известно лишь по этому случайному упоминанию. С трудом расплатившись с теми кредиторами, которые сопровождали его на Боспор, Формион решил там остаться. Корабль Лампида отплыл в Афины, но так как владелец судна его сильно перегрузил, он затонул при выходе из гавани. Лампиду удалось спастись и возвратиться в Афины, но весь груз, корабль и 30 членов команды погибли.

Позже Формион также вернулся в Афины, но не собирался отдавать долг Хрисиппу, и тот обратился в суд. В свое оправдание Формион заявил, что для погашения долга Хрисиппу он передал с Лампидом 120 кизикских статеров, которые ходили там по 28 аттических драхм (рис. 53), но эти деньги погибли при кораблекрушении. Это сообщение оказалось очень важным для современных исследователей при выяснении стоимости монетных металлов на Боспоре IV в.⁵⁷

Обвиняя Формиона, а заодно и его пособника Лампида, истец привел любопытный факт злоупотребления правом беспошлинного вывоза хлеба с Боспора в Афины. Это право, которое давали цари

Боспора, начиная с Сатира, как ясно из речи против Формиона, было подтверждено Перисадам в 20-е гг. IV в. Лампид, нагрузив беспошлинно большой корабль хлебом, продал его не в Афинах, а в Аканфе, получив таким образом незаконную прибыль. Надо полагать, что на такой обман шел не один Лампид, и боспорские власти принимали какие-то меры, чтобы пресечь подобные злоупотребления. Возможно, в каждом отдельном случае для беспошлинного вывоза хлеба с Боспора в Афины требовалось специальное письменное разрешение; и при этом афинские представители на Боспоре удостоверяли, что хлеб действительно закупается для Афин.

Речь «Против Формиона» — важнейший источник сведений об афинских торговых агентах на Боспоре. Кредитор Формиона Хрисипп упомянул о своей постоянной торговле с этим государством и о том, как он продал в Афинах боспорский хлеб по обычной цене в голодный год, когда цены резко подскочили. Для торговых операций Хрисипп круглый год, даже зимой, когда прекращалось судоходство, держал на Боспоре своего доверенного раба. Тот вел дела хозяина и, в частности, наблюдал за его должниками. Кроме этого раба, на Боспоре находился также компаньон Хрисиппа. К этим двум лицам Хрисипп адресовал письма, врученные Формиону, и просил их следить за продажей товаров, под которые он выдал заем.

Речь «Против Формиона» свидетельствует также о вывозе с Боспора и других товаров, кроме хлеба. Здесь рассказывается, как Лампид сверх прочих товаров, погрузил на свой корабль еще 1000 кож, и судно погибло от перегрузки. Этот эпизод характеризует еще одну черту нравов купечества того времени: стремление к наживе даже с риском потерять имущество.

В речи «Против Формиона», как и в упомянутой выше речи Эскина «Против Ктесифонта», попутно затронута политическая история Боспора — война Перисада со скифами. К сожалению, подобно сообщению об измене Гилона, других свидетельств об этом не сохранилось, и по этому случайному упоминанию можно узнать лишь то, что такая война была в 20-х гг. IV в.

Масса аттической керамики, обнаруженной при раскопках, свидетельствует о торговле Афин не только с Боспором, но и с другими городами Северного Причерноморья. Об этом, к сожалению, ораторы ничего не говорят, кроме нескольких слов о возможности везти вино из Менды в Ольвию. Вероятно, это объясняется тем, что сохранились сочинения наиболее знаменитых ораторов, которым за составление речей немало платили. Ольвиополиты же и жители других северопричерноморских колоний, безусловно, уступая боспорянам в богатстве и авторитете среди афинян, обращались, по всей вероятности, в спорных делах к более скромным логографам, чьи речи впоследствии не публиковались.

Если о политической и экономической истории Боспора есть свидетельства также в других письменных, эпиграфических и археологических источниках, то картина нравов эпохи, механизм заключения торговых сделок и сопровождающие их злоупотребления освещены лишь у афинских ораторов. Их речи показывают также, что греки представляли Северное Причерноморье не только областью, населенной экзотическими племенами (например, «справедливейшими скифами», о которых писал ученик Исократ Эфор), не только ареной действия известных мифов (родиной амазонок или местом служения Ифигении Артемиде), но и достаточно хорошо известным побережьем с цепью греческих колоний, снабжавших Элладу хлебом и различным сырьем.

Глава седьмая

НАСЕЛЕНИЕ СКИФИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЛЛИНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Греческие художники, обращаясь к сюжетам о Скифии, уделяли внимание и соотечественникам в городах Северного Причерноморья, и их соседям — варварам. Среди последних в искусстве, как и в литературе, особый интерес вызывали скифы.

Помимо высокой эстетической ценности произведения греческой живописи, скульптуры и ювелирного искусства несут огромный объем информации, отсутствующей в литературе. Изобразительное искусство дает нам возможность увидеть различные этнические типы населения Восточной Европы в античную эпоху, узнать об их идеале красоты, costume, прическах и некоторых обычаях. Если греческая литература — древнейшее хранилище отечественной письменной истории, то эллинское искусство впервые реалистически запечатлело образы тех, кто творил эту историю. Благодаря мастерству античных художников, мы гораздо яснее представляем себе внешний вид людей, живших в восточноевропейских степях и в Крыму более двух тысяч лет назад, чем облик множества обитавших здесь племен на закате и после крушения античности, так как в их искусстве отсутствовало реалистическое изображение людей. Поэтому внешность греков и скифов известна нам лучше, чем вид наших непосредственных предков — древних славян и их современников.

Северопричерноморские греки

На основании знаний о Великой греческой колонизации и о непрерывных связях колоний с метрополией можно думать, что эллины, поселившиеся в Скифии, внешне мало чем отличались от остальных греков. Именно такими мы видим их в изображении античных мастеров.

Предметы художественного ремесла и искусства, производившиеся в городах Северного Причерноморья, не достигали уровня высших образцов того времени. Однако в Скифии жило немало

ценителей искусства как среди греков, так и среди варваров, желавших иметь предметы самого высокого качества.

Скифов особенно привлекали произведения прикладного искусства, поэтому в их богатых погребениях сохранились первоклассные керамические вазы и металлические сосуды с рельефами, тончайшие украшения из драгоценных металлов и парадное оружие с превосходной чеканкой. Все это использовалось также в быту состоятельных греков Северного Причерноморья. Для примеров напомним широко известные по многочисленным публикациям аттический краснофигурный лебет (сосуд для украшений) IV в., подаренный на свадьбу в Пантикапее, золотые серьги IV в. — чудо искусства микротехники — найденные в Феодосии, халцедоновую печать какого-то боспорянина, которую сделал один из лучших резчиков V в. — Дексамен, уроженец острова Хиоса (рис. 19).

Греки стремились украсить города своей новой родины статуями и рельефами, выполненными на уровне лучших образцов того времени. Об этом можно судить по многочисленным фрагментам, найденным при раскопках. Некоторые из них искусствоведы считают творениями мастеров школы прославленных скульпторов V в. Фидия и Праксителя (голова бога из Ольвии, статуя Диониса из Пантикапея) и даже оригиналами великого Скопаса (голова Геракла из Пантикапея, голова бородатого бога из Ольвии). По надписям на базах несохранившихся статуй известно, что Ольвию украшали произведения знаменитых афинских скульпторов Праксителя и Стратонида, а в Херсонесе стоял алтарь, исполненный афинянином Поликратом. Состоятельные горожане заказывали надгробные памятники скульпторам из метрополии. Некоторые из них выполняли выдающиеся афинские мастера. Изображения на рельефах надгробий лучше всего показывают, как представляли себе греки жителей городов Северного Причерноморья.

Прежде чем рассмотреть эти рельефы, скажем несколько слов о греческих надгробиях с изображениями умерших. В V—IV вв. на могилах ставили каменные стелы, имеющие контур фасада храма; бока рельефа обрамляли пилястрами строгого рисунка, а верх увенчивали фронтоном, на карнизе которого вырезали надпись с именем погребенного и сведениями о времени его жизни. На рельефе изображали либо одного умершего, либо вместе с кем-то из близких. Это не портреты, а образы идеально прекрасных людей, проникнутых сдержанной грустью.

Классический пример такой стелы — памятник афинянки Гегесо (рис. 14), выполненный мастером школы Фидия в конце V в. Молодая женщина в длинном тонком хитоне и накинутом на плечи небольшом плаще сидит на стуле. Стоящая перед ней юная рабыня (а может быть, дочь?) протягивает шкатулку с украшениями, и Гегесо вынимает из нее ожерелье (оно теперь стерлось, так как было нарисовано красками).

Рис. 14. Стела Гегесо. Мастер школы Фидия, конец V в.
Национальный музей. Афины

Несколько таких памятников найдено при раскопках Ольвии и Боспора. Греческие мастера изваяли на них своих соотечественников, живших в Скифии. Конечно, скульпторы не знали их при жизни, так что о портретном сходстве на этих стелах не может быть и речи. При заказе сообщали имя и даты жизни и выражали пожелание сделать по какому-то известному образцу.

Существовало несколько традиционных композиций надгробного памятника. Однако из-под резца художника всегда выходило оригинальное, не похожее на другие, произведение. Родственники, приходя на могилу, видели своих близких, изображенных прекрасными, гармоничными людьми; на их лицах отражались спокойствие и светлая грусть. Все это было для греков важнее реального сходства с погребенным; недостатки, физические и моральные, уходили со смертью, и оставалось светлое воспоминание.

Большинство стел, стоявших на некрополях Северного Причерноморья, найдены в обломках. Их прежний вид реконструируется по аналогиям с мало пострадавшими памятниками из Греции. Таковы, например, фрагменты двух мраморных женских надгробий из Ольвии. Несмотря на то что у них отсутствуют головы и руки и недостает многих других деталей, ученые различили работу выдающихся аттических скульпторов.

Композиция ольвийского рельефа V в. такая же, как на стеле Гегесо, и автор этого памятника также принадлежал к кругу Фидия. На другой стеле IV в. стоящая женщина помещена за креслом сидящей. Здесь сохранились тщательно исполненные второстепенные детали: крылатый грифон, поддерживающий подлокотник кресла, на котором сидит та, в чью память поставлено надгробие. Длинный тонкий хитон с плавным подбором складок на груди облегает фигуру женщины в расцвете красоты, а край небольшого плаща, свисающего с руки, образует живописную драпировку.

Древнейшая более или менее хорошо сохранившаяся в Северном Причерноморье аттическая стела сделана в середине V в. в память о молодом человеке из Пантикапея. На уцелевшем фрагменте высечен печально склонивший голову юноша с короткими кудрявыми волосами.

В античности, как, впрочем, и теперь, надгробные памятники давно умерших людей уносили с некрополя для использования в других целях. На гладкой стороне упомянутой ольвийской стелы IV в. в римское время высекали посвятельную надпись Аполлону. Одно боспорское надгробие классического периода, положенное рельефом вниз, стало ступенью или камнем вымостки двора на усадьбе римского времени, находившейся на Таманском полуострове. Находка памятника в 1985 г. произвела подлинную сенсацию, так как в Северном Причерноморье еще не находили столь хорошо сохранившего произведения аттического скульптора.³ Этот рельеф

стал одним из лучших образцов античной скульптуры в Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Надгробие представляет крупный мраморный блок высотой около двух метров и весом более шестисот килограммов. Стела потеряла лишь заключавшую его раму из пилястр и фронтона, поэтому утрачена надпись с именем погребенного.

На рельефе представлены два воина в коринфских шлемах (рис. 15). Безбородый юноша внимает старшему, изображенному в полном вооружении гоплита (тяжеловооруженного воина): в руках у него копье и щит, на голове шлем, голени защищены поножами. У младшего — только шлем и копье. Оба одеты в подпоясанные на талии короткие хитоны, достигающие до колен, через плечи перекинута плащ. Скульптор явно работал с натуры и передал редко встречающиеся детали. Из-под шлема старшего воина виден край войлочного колпака, предохранявшего голову от трения металла. А младший воин, чтобы не заботиться о соскальзывающем с плеч плаще, подпоясал его поясом от хитона. Обычно же плащ изображали накинутыми на плечи, как на старшем воине, а войлочный колпак не выглядывал из-под шлема, как на младшем воине. Эти мелкие бытовые детали придают особую живость рельефу, изображающему спокойную беседу двух людей.

В 347—346 гг. афиняне распорядились высечь на мраморе декрет в честь Спартока, Перисада и Аполлония — сыновей царя Левкона, и увенчали стелу скульптурным портретом знатных боспорян. К сожалению, лица их утрачены, но фигуры сохранились хорошо. Двое старших братьев-соправителей сидят, а младший стоит рядом. Все они в греческих гиматиях, надетых на голое тело. Жаль, что время не пощадило их лица; ведь художник видел сыновей Левкона, когда «за благорасположение к афинскому народу», как сказано в декрете, их наградили золотыми венками во время празднования Великих Панафиней.

Декрет найден в афинской гавани Пирее, где все граждане могли прочесть, что боспорские правители обязуются «заботиться о высылке хлеба, как заботился их отец». Глядя на рельеф, афиняне видели, что правители государства на северном краю ойкумены внешне такие же греки, как и они. В настоящее время этот рельеф хранится в Национальном музее в Афинах.

Итак, для афинского художника облик грека представлялся одинаковым, жил ли он в Аттике или в Скифии. Насколько это отвечало действительности, можно заключить при сравнении упомянутых рельефов с произведениями местных мастеров. Для этого мы привлечем наиболее яркий, на наш взгляд, памятник эпохи эллинизма в Северном Причерноморье. Ольвийская коллегия ситонов посвятила небольшой мраморный рельеф божеству, которое названо Благосклонно внемлющим Героем. Ситонов избирали во время острой нехватки хлеба для обеспечения граждан зерном.

Рис. 15. Надгробная стела IV в. с Таманского полуострова. Музей Изобразительных искусств им. Пушкина. Москва

Успешно справившись с этим поручением на рубеже III—II вв., пять ольвиополитов заказали для посвящения божеству мраморный рельеф с надписью о своей деятельности: «Исполнив обязанность ситонов, Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афиней, сын Конона, Навтим, сын Героксена, вместе с секретарем Афинодором, сыном Демагора, посвятили рельеф Благосклонно внемлющему Герою».

Ситоны занимают левую часть рельефа (рис. 16). Справа на ложе возлежит бог, которому посвящен рельеф, а на краю лежа сидит богиня, его супруга. На круглом столике перед богами разложены яства, рядом стоит мальчик, слуга-виночерпий, а на передней стенке алтаря, около которого расположились ситоны, изображен человек, приносящий в жертву барана.

Все ситоны по греческому обычаю с усами и небольшой подстриженной бородой, на всех надет длинный плащ — гиматий, в котором надлежало появляться в общественных местах. Гиматии по-разному драпированы, но длина у всех одинаковая: плащ закрывает ноги до ступней, причем нога, у которой свисает край плаща, открыта несколько больше, чем другая. Такой же длины гиматий представлен на фрагменте ольвийской надгробной стелы III в. Тлесикла и Кониска и на найденном близ Ольвии рельефе того же времени со сценой жертвоприношения. Мода в древности менялась медленно, и длина гиматия оставалась неизменной до римского периода. По высказываниям древнегреческих авторов можно заключить, что плащ именно такой длины считался приличным для гражданина, начиная с V в. Плутарх описывает, как осмеивали Алкивиада за то, что его плащ волочился по полу, напоминая женскую одежду.⁸ За это же Демосфен порицал своего противника Эсхина.⁹ Слишком короткий плащ афиняне считали приметой деревенского человека.¹⁰ Наверное, и в практике ольвиополитов не все носили гиматий одинаковой длины, но на парадных изображениях, каковыми являются посвятельные и надгробные стелы, длина гиматиев соответствует требованиям общепризнанной греческой нормы.

В классический период плащ в парадной одежде полностью окутывал левую согнутую в локте руку, оставляя свободной правую (рис. 8); лишь в IV в. из этого правила стали делать исключения. Эсхин писал, что он первый публично выступил перед народом, держа левую руку не под плащом.¹¹ Однако ревнители строгих правил, каким слыл его современник Фокион,¹² не позволяли себе в городе «выпроставать руки из-под плаща».

В Северном Причерноморье мода носить гиматий, оставляя свободными обе руки, не вытеснила предыдущую не только в эллинистический, но и в римский период, о чем свидетельствуют многочисленные изображения на херсонесских и боспорских надгробных стелах.

Если судить по стеле ситонов, парадный костюм ольвиополитов в эллинистический период допускал два вида ношения гиматиев. У троих ситонов плащ драпирован по классическому образцу, закрывая все туловище и оставляя свободной лишь одну руку, а у двоих накинут так, что не закрывает рук. Здесь отразились два главных принципа драпировки гиматия. Первый заключался в следующем: плащ, представлявший собой прямоугольный кусок шерстяной ткани, сначала перебрасывался через левое плечо, затем остальную часть оборачивали от левой стороны к правой вокруг спины, правой руки и груди, а конец перебрасывали назад через левое плечо. Это называлось «одеваться направо». Именно так задрапирован гиматий на классических греческих статуях, например на Софокле (рис. 8). В исследованиях об одежде древних греков упоминают правостороннюю драпировку плащей.¹³ Однако в Северном Причерноморье гиматий драпировали и в противоположную сторону (стела ситонов,¹⁴ боспорская статуя так называемого поэта, херсонесское надгробие). На изображениях видно, что гиматии, вероятно, в зависимости от температуры воздуха, надевали поверх хитона или на голое тело (рис. 12, 16).

Кроме длинных гиматиев, мужчины носили более короткие плащи в сочетании с хитонами до колен. Их надевали во время войны, охоты и в путешествиях. Такие плащи и хитоны мы видим на упомянутой выше надгробной стеле, найденной на Тамани, и на вазе, расписанной ольвийским художником в III в. Ее некогда яркие чистые краски потускнели и стерлись от времени, и теперь лишь на прорисовке современного художника можно разобрать сюжет изображения (рис. 17). На одной стороне этой погребальной амфоры нарисована мать, прощающаяся с дочерью, и стоящая в стороне служанка, на другой — Гермес, ведущий девочку в сопровождении служанки в потустороннее царство. Перевозчик Харон подплывает на остроносой ладье, чтобы перевести девочку через реку Стикс, отделяющую мир живых от обители мертвых. Гермес в типичном дорожном костюме: на голове у него широкополая шляпа петаса, он одет в короткий, подпоясанный на талии хитон, на ногах высокие сапоги. На Хароне — иная разновидность подобного костюма: небольшая шапка и короткий плащ, скрепленный на плече.

Во время работы греки использовали разновидность короткого хитона — эксомиду, скрепленную на левом плече и оставляющую свободной всю правую половину туловища. Эксомиды делали из грубой шерстяной материи или кожи. В этой одежде представлен человек на алтаре стелы ситонов (рис. 16). Но легкая эксмида не могла стать универсальной рабочей одеждой в холодном по сравнению с Грецией климате Северного Причерноморья.

Для того чтобы составить представление о рабочей одежде, привлечем еще один вид скульптуры — терракоты — небольшие фигурки и рельефы, выполненные из обожженной глины. Они

Рис. 17. Проводы умершей девочки к лодке Харона.
Ольвийская расписная амфора III в.
Одесский археологический музей

изображали богов и людей, зверей и птиц. Ярко раскрашенные терракоты стояли и в частных домах, и в храмах. В основном это были изделия массового производства, доступные почти всем.

Ольвийский мастер вылепил сельского жителя с грубым бородатым лицом; одетый в длинные штаны и рубашку, доходящую до половины бедра, он ведет огромного быка. Здесь видно, как греки, приспособляясь к холодному климату Северного Причерноморья, заимствовали у местных племен шаровары для своего рабочего костюма.

Женская одежда, как и мужская, состояла из комбинации хитона и плаща. Но в отличие от мужского женский хитон всегда был длинным и завязывался поясом чаще всего под грудью. В редких случаях на хитонах отсутствовал пояс, например, у служанки на упомянутой ольвийской вазе. В зависимости от погоды гречанки выбирали хитоны, оставлявшие руки открытыми или с длинными рукавами. Дома мужчины, женщины и дети ходили только в хитоне, а на улицу надевали плащ. Иногда женщины поверх длинного хитона надевали другой, более короткий, до начала бедра. В такой хитон одета женщина, стоящая за креслом на надгробном аттическом рельефе из ольвийского некрополя. Хитоны чаще всего изображались безрукавными, на плечах они скреплялись большими пуговицами или брошами, которые хорошо видны на терракотовой полуфигуре Кору-Персефоны, сделанной ольвийским мастером в III в. (рис. 18). Хитон богини с глубоким треугольным вырезом застегнут на плечах круглыми брошами. Здесь вырез выкроен, но в других случаях он образовался свободной драпировкой и напуском складок верхней части материи хитона. Этот фасон встречается и на привозных, и на местных изображениях женщин. Верхний край материи хитона располагали на груди не только треугольником, но и ровной или слегка изогнутой линией; в хитон такого фасона одета служанка на упомянутой ольвийской вазе и женщина на аттической стеле, найденной в Ольвии.

Вообще в античности драпировка с помощью застежек и поясов играла значительно большую роль, чем крой и шитье одежды. Верхняя ее часть — плащ — и вовсе представлял кусок ткани определенной длины и ширины. Женщины носили плащи, либо спадавшие до земли, но чаще более короткие, как гиматий богини на стеле ситонов. Кроме того гречанки набрасывали на хитоны покрывала, спускавшиеся ниже талии. Женские плащи драпировались по тому же принципу, что и мужские, то есть или полностью закрывали все тело вместе с руками или оставляли открытыми одну руку и плечо. Отличие от мужского гиматия состояло в более разнообразном расположении складок плаща, в возможности варьировать его длину, вероятно, в качестве ткани, а также в том, что женщины накидывали плащ не только на тело, но и на голову. Это хорошо видно на стеле ситонов.

Рис. 18. Терракотовая полуфигура Кору-Персефоны из Ольвии.
Первая половина III в.
Музей археологии АН Украины. Киев

Остатки краски на терракотовых статуэтках дают некоторое представление о цвете женской одежды. Излюбленным сочетанием были голубой и розовый цвета или их более яркие варианты — красный и синий. К голубому хитону надевали розовый или красный гиматий, или наоборот. Приведем несколько примеров раскраски ольвийских терракот. На полуфигуре Кору-Персефоны хитон окрашен в голубой цвет, на одной статуэтке Кибелы — в красный, на другой — в розовый, а плащ Деметры — в синий. Иногда красный и голубой цвета сочетались в одном виде одежды. Гиматий Афродиты на одной терракоте расписан красными и голубыми полосами. Сочетание названных красок одежды характерно не только для местных терракот, но и для подобных изделий из разных греческих полисов.

Женская одежда не всегда бывала однотонной. Гречанки особенно любили выделять края одежды иным цветом. Например, по краю гиматия терракоты Кибелы идут черная и красная полосы, голубая и пурпурная кайма изображены на женском плаще на эллинистической терракоте местной работы.

Росписи аттических и италийских ваз свидетельствуют о широком распространении такого рода украшений костюма. На рисунках со сценами из мифа об Ифигении жрица Артемиды предстает в нарядном хитоне с продольной полосой в центре и затейливым узором на подоле, край ее плаща украшен широкой полосой контрастного цвета (рис. 22).

К сожалению, изобразительное искусство не дает полного представления обо всех видах одежды, не говоря уже о ее деталях.

Кое-какие дополнительные сведения получены при археологических раскопках. По остаткам золотых нитей можно заключить, что их вплетали в дорогие ткани парадного костюма. Россыпи бисера, золотых и бронзовых бляшек, которые встречаются у рук и ног погребенных, показывают, какими орнаментами расшивали края одежды. Греки любили всевозможные украшения. Серьги, бусы и браслеты носили только женщины, а венки, ленты, повязки, кольца и перстни надевали также и мужчины. Наряду с декоративной функцией вторая категория украшений играла также утилитарную роль. Повязки и ленты удерживали волосы мужчин во время резких движений при работе и гимнастических упражнениях, а женщины часто делали прически, закручивая волосы за ленту. Вырезанные на перстнях изображения служили печатями их владельцам: ими запечатывали сундуки, кладовые, сосуды с вином и разным продовольствием, двери комнат, куда не хотели кого-либо допускать без разрешения. Оттиск печати удостоверял волю владельца при передаче писем и товаров, а также ставился на личных вещах — сосудах, стригилях, грузилах.

Ленты и повязки можно представить лишь по их изображениям, так как они изготовлялись из тканей и кожи, которые истлевают

в земле. На вазах, расписанных ольвийскими мастерами, часто нарисованы узкие ленты, завязанные бантами с длинными концами. Именно так завязана красная лента в волосах Кору-Персефоны на упомянутой выше терракоте. Лента, за которую женщины закручивали волосы, хорошо видна на ольвийских монетах IV в. с профилем Деметры.

Греки широко использовали венки из живых цветов, листьев и ветвей растений. Без венков не мыслились празднования свадьбы, рождения и просто дружеские застоля. Провожая человека в последний путь, греки венчали его голову венком. В эллинистический период погребальные венки стали делать не только из живых цветов и листьев растений, но также из бронзы, дерева и драгоценных металлов. Их остатки нередко встречаются в погребениях Северного Причерноморья. Они имитируют листья разнообразных растений, а стеклянные или глиняные ягодки — плоды лавра и оливы. О венках в северопричерноморских полисах известно также по изображениям на монетах и упоминаниям о них в почетных декретах.

Аналоги с другими греческими полисами в погребальном обряде, а также в поводах и обстановке награждения венками позволяют считать, что греческие колонисты надевали венки в тех же случаях, когда это было принято в Греции. Однако набор растений для венков из-за более сурового климата пришлось изменить. Здесь не росли такие излюбленные греками растения, как лавр и мирт. До сих пор сохранилась в спорте традиция венчать победителя именно лавровым венком и живет поговорка «почтить на лаврах». Феофраст писал, что на Боспоре греки тщетно пытались акклиматизировать эти растения;¹⁸ и сейчас в Крыму они растут только на южном берегу, где не было греческих колоний. Все же большинство других любимых в Греции цветов и кустарников росли в условиях Северного Причерноморья, например, постоянно упоминаемые в античной поэзии розы и фиалки.

Остальные виды украшений хорошо известны по находкам. Некоторые из них представляют шедевры античного искусства. Таковы уже упомянутые феодосийские серьги и печать Дексамена (рис. 19). Многие недорогие украшения делали на месте: медные кольца, серьги и браслеты, разноцветные стеклянные и костяные бусы.

Итак, жители греческих городов в Скифии внешне были такими же, как прочие эллины. Следует, однако, отметить, что произведения античного искусства отражают парадную и официальную сторону жизни, а не домашнюю и рабочую повседневность. В тщательно задрапированном гиматий мужчины и женщины почти ничего не могли делать руками и должны были держаться так, чтобы складки не теряли формы, поэтому гиматий не надевали во время работы. Характер изображений позволяет определить, в

Рис. 19. Халцедонская печать работы мастера Дексамена.
V в. из Пантикапея.
Эрмитаж. Санкт-Петербург

каких случаях использовался парадный костюм. Стела ситонов показывает, что в гиматии облачались при исполнении государственных обязанностей, а стелы со сценами жертвоприношений свидетельствуют, что парадную одежду надевали во время отправления торжественных религиозных церемоний. По аналогии с другими греческими городами добавим, что в хитоне и гиматии граждане посещали агору и театр, ораторы выступали перед народом.

На надгробных рельефах и статуях мастер создавал идеализированный образ умершего в парадном одеянии. Набор украшений в погребениях также соответствует парадному костюму. Немногочисленные терракотовые статуэтки женщин, которые изображали не богинь, а реальных людей, также представляют празднично одетых гречанок. Нам удалось выделить единственное отличие от

принятого в Греции ношения костюма: мужчины часто драпировали гиматии налево, что на греческих изображениях встречается крайне редко и считается аномалией. Это подтверждается репликой из комедии Аристофана «Птицы». Бог Посейдон упрекает варварского бога Трибалла: «Ты что ж на левое плечо накинул плащ? На правое направо его по правилам! Беда с тобой! Урод в послы богами избирается!»

Однако в городах Северного Причерноморья в эллинистический и римский периоды драпировка плаща в определенную сторону не считалась обязательной. Известно, что довольно значительное число людей рождается левшами. Поэтому можно предположить, что драпировку налево или направо выбирали в зависимости от того, какую руку важнее было оставить свободной. Но в целом, судя по изображениям, здесь, как и в Греции, свободный гражданин отличался умением красиво носить плащ. Недаром Платон в диалоге «Теэт» утверждал, что свободный человек знает, как подобает перебросить плащ через плечо.

Таким образом, парадная одежда выполняла роль показателя принадлежности ее обладателя к эллинской общности. В то же время у греков, в отличие от римлян, не было установленного различия в одежде различных социальных слоев общества. Эллином считался не только грек по национальности, но и всякий свободный человек, хорошо говорящий по-гречески и усвоивший греческую культуру. Для граждан греческих городов Северного Причерноморья, живших в окружении местных племен, одежда служила одним из важнейших зримых символов принадлежности к эллинскому миру. Этим объясняется, почему в официальной и праздничной обстановке они носили исключительно греческую одежду, хотя по крови не все были чистокровными греками. Об этом свидетельствуют некоторые имена местного происхождения, а надгробные портретные полуфигуры, исполненные боспорскими мастерами, не оставляют сомнений, что греки вступали в родственные узы с местным населением, и его отдельные представители вливались в число граждан.

Вероятно, в домашней обстановке и во время работы в холодное время года греки с самого начала своей жизни на берегах Понта использовали частично костюм соседних племен, одежда которых была более приспособлена к местным условиям. Такое отношение к рабочей одежде не противоречило обычаям метрополии. Ведь в Греции одежда бедных ремесленников не отличалась от той, которую носили рабы, выходцы из разных стран, так что повседневную одежду не считали обязательной для определенного народа или социального положения.

Изобразительное искусство дает достаточно полные сведения лишь о праздничном и официальном облике эллинов Северного Причерноморья, но даже о нем известно далеко не все. Например,

всегда различается цветовая гамма мужской и женской одежды, но остатки краски сохранились в большинстве случаев лишь на женских изображениях. Окраска одежды играет не только эстетическую роль, она имеет знаковые цвета, соответствующие радостным и печальным событиям жизни, но об этом у нас нет надежных сведений. Очень мало можно сказать и о тканях. Как у прочих греков, они были главным образом шерстяными. Множество костей овец и коз во всех слоях античных городищ Северного Причерноморья свидетельствует об изобилии сырья для выделки тканей. Вероятно, изготовление их достигло здесь высокого уровня; ведь Милет славился экспортом высококачественной шерсти и тканей, и поэтому есть основания полагать, что милетские колонисты привезли на новую родину искусство ткачества из своей метрополии.

Киммерийцы и тавры

Изображения киммерийцев и тавров сохранились в греческом искусстве VI—IV вв. только на вазах, где они представлены как персонажи известных мифов. Сцены из мифов были наиболее распространенными сюжетами вазовой росписи. В VI в. около фигур часто писали имена изображенных персонажей. Ученые давно заметили, что на рисунках встречаются иллюстрации неизвестных нам версий мифов. Жизнь и подвиги Ахилла описаны многими античными писателями. И все же среди сохранившихся текстов нет эпизода его игры в кости с Аяксом, который запечатлен на одной из лучших чернофигурных vaz мастера VI в. Эксекия. В цикле об аргонавтах отсутствует описание момента, нарисованного не менее известным вазописцем Дурисом: дракон, сторожащий золотое руно, проглатывает Ясона.

К числу подобных иллюстраций относятся сцены из мифа о Калидонской охоте. Это был один из наиболее распространенных в Греции мифов, к которому обращались многие поэты и прозаики, начиная с Гомера. В Этолии, одной из областей материковой Греции, царь города Калидона Ойней принес жертвы богам за богатый урожай, но забыл при этом Артемиду. Оскорбленная богиня послала во владения Ойнея огромного вепря, опустошавшего поля и убивавшего жителей. Для борьбы с ним царь призвал знаменитых героев Эллады: Пелея, Ясона, Тесея и других. Среди них выделялась единственная женщина Аталанта, прекрасная охотница из Аркадии. Она первая нанесла удар вепрю, который погубил нескольких героев. Честь окончательной расправы с чудовищным зверем принадлежала Мелеагру, сыну Ойнея.

В основе мифа лежали события далекого прошлого Этолии — войны между городами этой области, упомянутые Гомером. При-

чиной войн считалось соперничество героев за трофей (шкуру кабана) в Калидонской охоте.

Сначала в предании упоминались герои из ближайших окрестностей Этолии, но по мере роста популярности мифа во всей Греции круг участников охоты расширялся, охватывая не только материковую, но и островную Грецию, а также Малую Азию. Овидий, прекрасно знавший греческую мифологию, перечислил тридцать участников Калидонской охоты, а его современник Гигин — более пятидесяти.

Сейчас насчитывается около двух десятков ваз с изображением разных эпизодов охоты, частично не известных по сохранившимся записям мифа. Среди них знаменитая ваза Франсуа, названная в честь нашедшего ее в 1845 г. археолога; она упоминается во всех сколько-нибудь подробных историях греческого искусства. По форме это крупный кратер, сосуд для смешивания вина с водой. На нем с гордостью написали свои имена художник и гончар, обращаясь к зрителю от имени вазы: «Клитий меня расписал, а Эрготим сделал». По характеру рисунка и форме сосуда ученые считают, что он исполнен в Афинах около 570 г. От горла до ножки кратер покрыт росписью, образующей шесть поясов. Всего на вазе представлено 270 фигур людей и животных и около многих написаны имена богов, героев и даже их собак.

Вазописец избрал несколько сюжетов из жизни Пелея и его сына Ахилла. Центральный, самый широкий пояс посвящен шествию богов на свадьбу Пелея и Фетиды. На верхнем поясе представлена Калидонская охота (рис. 20). В центре композиции помещен вепрь; с обеих сторон на него наступают девятнадцать охотников с собаками, двадцатый уже повержен зверем. Шестнадцать вооруженных копьями фигур симметрично расположены парами по сторонам вепря. Три героя, целящихся из лука, нарисованы по одиночке. Ближе всего к морде зверя главные действующие лица мифа: Мелеагр в паре с Пелеем и Аталанта со своим будущим мужем Меланионом. За ними целящийся с колена лучник Евтиммах. Два других лучника в остроконечных восточных шапках Киммерии и Токсамис находятся среди героев, наступающих с противоположной стороны.

Судя по именам, которые не упоминаются ни в одной из многочисленных известных нам версий мифа, художник изобразил киммерийца и скифа. Имя первого говорит об его этнической принадлежности, имя второго звучит сходно с другими скифскими именами: царь Таксакис возглавил часть скифского войска в войне с Дарием.²⁰ Токсарисом звали скифского персонажа в диалогах Лукиана «Скиф» и «Токсарис». Клитий перевел на язык изобразительного искусства литературное произведение о Калидонской охоте. Обилие имен героев (целых двадцать) и даже их собак дает твердую основу для предположения о существовании поэтического

Рис. 20. Калидонская охота.
Чернофигурный аттический кратер с росписью Клития.
Около 570 г.
Археологический музей. Флоренция

источника: ведь только в стихотворной форме закрепляется в памяти столько имен. Прозаическое же предание всегда обходится небольшим количеством имен основных действующих лиц.

По нашему мнению, литературный оригинал создан в Ионии в конце VII в. Такое заключение связано не только с тем, что Иония в те времена была центром эпического творчества греков, но и потому, что тогда скиф и киммериец могли стать героями мифа вероятнее всего в воображении ионийского поэта, хорошо знавшего о вторжении киммерийцев и скифов в Малую Азию. Его сочинение либо полностью посвящалось Калидонской охоте, либо это был достаточно подробно описанный эпизод в более крупном произведении, как в «Илиаде». Автор одной из киклических поэм, подражавший Гомеру, мог включить этот миф в свое произведение, но изложил иной вариант, который отразился на греческих вазах VI в.

Вся жизнь малоазийских греческих полисов проходила в тесной связи с иноплеменными соседями, которые часто грозили им войной. Греки долго и упорно сопротивлялись лидийцам, персам, киммерийцам. Наряду с этим надо помнить и о том, сколь восприимчивы были греки к разнообразным культурным достижениям восточных народов. У них они заимствовали и широко внедряли в свою жизнь алфавит, денежное обращение, некоторые музыкальные инструменты и многое другое. В греческую литературу проникали некоторые сюжеты преданий восточных народов, в том числе киммерийцев и скифов. Поэт Алкман, как уже говорилось, знал легенду о скифском царе Колаксае. Имя скифского лучника — Токсамис — на вазе Франсуа показывает, что в эпической поэзии встречались имена героев скифского фольклора, которые обладали выдающимися способностями на войне и охоте. Таким образом, во все расширявшийся круг героев, призванных на борьбу со страшным вепрем, стали включать не только славных греков, но и иноземцев, однако честь победы, конечно, оставалась за эллинами.

Попытаемся определить этническую принадлежность третьего лучника, одетого в такую же восточную шапку, как Киммерии и Токсамис. Он наделен чисто греческим именем Евтимах (сражающийся в открытом бою). Возможно, это греческий перевод какого-то варварского имени. На рубеже VII—VI вв. ионийские города находились в постоянном контакте с Лидией. По словам Геродота, во времена Креза в Азии не было более мужественного и сильного народа, чем лидийцы.²¹ В их столице Сардах жило немало греков, знакомых с языком и фольклором лидян. Поэтому вполне возможно, что имени варварского героя была найдена параллель в греческом языке. Впрочем, с определенной долей вероятности можно предположить, что Евтимах принадлежал к героям фольклора мидян или персов, других восточных соседей греков.

Афинянин Клитий в первой трети VI в. не мог видеть живых киммерийцев, так же как и скифов. Поэтому три негреческих героя

у него не отличаются друг от друга. Все они стреляют из луков в отличие от греков, вышедших на охоту с копьями и дротиками. Эллы наступают на вепря с открытыми головами, и на варварах надеты остроконечные шапки. Однако представить негреческую одежду даже в обобщенном виде афинский мастер не сумел и изобразил варваров в греческих хитонах с таким же орнаментом, как на других персонажах своей росписи. Таким образом, афинянам в первой половине VI в. киммерийцы представлялись людьми восточного облика без каких-либо заметных этнографических особенностей. О самом же Клитии, как и о других вазописцах, нам ничего не известно, кроме имени и некоторых произведений.

Современные исследователи часто приводят рисунок на клазоменском саркофаге в качестве изображения киммерийцев. В последней трети VI—первой трети V в. в малоазийском городе Клазомены изготовлялись саркофаги с силуэтной росписью. В Британском музее хранится наиболее известный из сохранившихся саркофагов. Его крышка украшена сценами боя гоплитов с конными воинами в варварской одежде. В руках у всадников длинные мечи, на поясе гориты, головы защищены шапками.

Со времени первого издания и интерпретации живописи саркофага в этих всадниках видят киммерийцев. Кажется странным, что изображение киммерийцев, сколько-нибудь отвечающее действительности, появилось почти через два столетия после их набегов на Ионию. Сравнение вооружения на рисунке с находками оружия кочевников в Северном Причерноморье склоняет наших ученых к справедливой мысли, что художник изобразил скифов.²² В зарубежной историографии теперь тоже отказываются от старой интерпретации и отождествляют этих всадников с персами, а также справедливо пересматривают датировку росписи, относя ее не к первой половине—середина VI в., как прежде, а к началу V в.²³ Это время, когда в аттической вазовой живописи скифы изображались со многими реальными этнографическими деталями. Что касается киммерийцев, то греческое искусство, к сожалению, не оставило никаких реальных черт их внешнего облика.

Тавры и Таврика привлекали античных художников исключительно в связи с широко известными преданиями и литературными произведениями об Ифигении. Сцены из них встречаются на греческих расписных вазах и геммах, на этрусских урнах и зеркалах, на мраморных римских рельефах и саркофагах, наконец, на фресках в домах Помпей и Геркуланума.²⁴

В музеях России есть три вазы с названными сюжетами. Они принадлежат кисти художников IV в., живших в Кампании и Апулии, южных областях Италии, куда греки переселились во время колонизации. Среди лучших ваз античной коллекции Эрмитажа, как правило, называют кампанскую амфору с рисунком художника Иксиона (рис. 21). На ней сохранился редкий образец

Рис. 21. Бегство Ифигении, Ореста и Пилада.
Полихромная кампанская амфора IV в. с росписью Иксикона.
Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 22. Ифигения в храме Артемиды.
Апулийский краснофигурный кратер IV в.
Эрмитаж. Санкт-Петербург

росписи, воспроизводящей почти полностью утраченную эллинистическую стенную живопись, некогда украшавшую богатые частные и общественные здания греческих городов. Иксион передал розовой краской цвет тела своих героев, голубой и сиреневой окрасил их одежды, а детали храма выделил белыми, желтыми и пурпурными тонами.

Композиция состоит из трех фигур: Ифигения, Орест и Пилад выбегают из распахнутых дверей храма. Он имеет чисто греческий облик: ионийские колонны поддерживают фронтон с белыми триглифами и черными метопами. На последних пурпурной краской нанесены очертания рельефов, обычно украшавших метопы в V—IV вв. Напомним, что Еврипид описал более архаичный храм с пустыми пространствами между триглифами.

Другая эрмитажная ваза — апулийский кратер — покрыта росписью с множеством фигур (рис. 22). На шейке сосуда представлена битва греков с амазонками, а основное пространство заполнено персонажами мифа об Ифигении в Тавриде. В центре — храм с ионийскими колоннами; там стоит Ифигения в плаще и нарядном длинном хитоне, украшенном вертикальной цветной полосой и узорами на подоле. Как главная хранительница храма она держит в руке ключ, о котором упоминает Еврипид.²⁵ Внутри храма на постаменте — статуя Артемиды с копьем в одной руке и факелом в другой. Богиня представлена в движении: ее голова повернута влево, нога отставлена в сторону и опирается лишь на носок. Живописец явно срисовал богиню с какой-то современной ему мраморной или бронзовой статуи, не заботясь о том, чтобы придать ей вид архаического деревянного изваяния, каким оно, по словам Еврипида, представлялось в мифе.²⁸ Такие статуи были небольшими и имели вид застывших фигур с опущенными вдоль туловища руками.

Слева к Ифигении приближается Пилад в плаще, с дорожным посохом и привязанной за плечами шляпой, которую обычно надевали путешественники. За ним, облокотившись на чашу, стоит Орест. Верхний ряд композиции по бокам храма отдан фигурам богов: слева Ирида и Афина, справа Артемиды и Гермес. Ниже расположились гречанки, беседующие с персонажами в условных восточных костюмах. Наверное, это тавры, так как действие происходит в их стране. Однако их облик не отличается от амазонок, которые изображены на шейке кратера, так что для художников они были не более реальны, чем другие мифические герои.

Из гречанок, помощниц Ифигении, состоял хор трагедии Еврипида, который пел о себе:

*Раздолье родимых лугов,
Где кони пасутся, и башен
Красу, и садов*

*Европы тенистую негу
И отчий чертог покинули мы.*²⁷

Гречанки изображены художником как элегантные дамы его времени. Одна держит зонтик, принадлежность только богатой женщины, и протягивает вооруженному варвару шкатулку, вероятно, с украшениями. Другая подает собеседнику венок, а третий персонаж в варварском костюме собирается надеть венок на шею лани — священного животного Артемиды. Эта лань напоминает о том, как богиня заменила ею Ифигению на жертвенном костре в Авлиде.

Живопись кратера не иллюстрирует отдельный эпизод мифа, как на кампанской амфоре, а дает серию изображений различных персонажей мифа. Нам неизвестно о какой-либо роли в этом мифе Гермеса и Ириды, поэтому можно предположить, что художник имел в виду утраченную теперь версию сказания. Скорее всего это было какое-то литературное произведение, так как устному преданию не свойственно вводить в ткань рассказа многочисленные второстепенные действующие лица.

Третья ваза — кампанский кратер из Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (рис. 23). Фигур здесь значительно меньше, а храм почти идентичен изображенному на эрмитажном кратере. Внутри храма стоит Ифигения в украшенном орнаментом хитоне и плаще и с ожерельем на шее. В руках у нее ключ, а рядом небольшая архаическая статуя богини, соответствующая описанию Еврипида. Слева к храму приближается Орест, а справа сидит сама богиня Артемиды, беседующая со своим братом Аполлоном. Боги присутствуют здесь как покровители героев мифа: Артемиды — Ифигении, Аполлон — Ореста.

Декорации на сцене афинского театра были столь же далеки от действительности, как и рисунки Таврики на вазах. Об этом позволяет судить роспись одного аттического кратера из собрания Лувра с изображением декорации к трагедии «Ифигения в Тавриде». Декорация представляла два небольших храма с фронтонами, соединенными одной крышей. В одном из них нарисован царь тавров Тоант в скифском одеянии с луком и копьем в руках; в другом — Ифигения в хитоне и гиматии, накинутом на голову; ее наряд дополняют серьги, ожерелье и браслет.²⁸

Подобно Еврипиду греческие художники изображали храм и статую таврской богини в чисто эллинском облике, а тавров в условно варварском костюме с длинными шароварами. В отличие от писателей вазописцы не смогли поведать зрителю чего-либо определенного о киммерийцах и таврах. Это показывает, насколько греки, жившие вдали от Северного Причерноморья, мало знали об этих народах. Совершенно иная картина разворачивается перед нами в эллинском искусстве, когда художники обращаются к изображению скифов.

Скифы в аттической вазовой живописи

*Рис. 23. Ифигения в храме Артемиды.
Кампанский краснофигурный кратер IV в.
Музей Изобразительных искусств им. Пушкина. Москва*

Прежде чем рассмотреть интересующие нас сюжеты на аттических вазах, напомним, что в VI—V вв. Афины производили для экспорта огромное количество керамической парадной столовой посуды и сосудов для различных религиозных ритуалов, а также для хранения украшений, духов, благовоний, румян, белил и др.

Многие музеи мира имеют хорошие коллекции аттической расписной керамики, найденной археологами при раскопках в разных концах греческой ойкумены, в том числе и в Северном Причерноморье. Сюжеты росписи отражают представления не одних афинян, а вообще греков того времени. Ведь приобретая предмет с росписью, покупатель выбирал не только красивое, но и понятное ему изображение.

Аттические амфоры для вина, гидрии для воды, большие кратеры для смешивания вина с водой, всевозможные кубки для питья (канфары, килики, скифосы), разнообразные сосуды для оливкового масла, косметических и туалетных принадлежностей имели совершенную форму и часто прекрасную роспись. По манере письма ученые выделяют более 700 художников VI—V вв., работавших в мастерских гончарной афинской слободы, называвшейся Керамиком. На вазах сохранились имена немногих из них. Три самые древние вазы с подписью мастера принадлежат Софилосу, жившему в первой половине VI в. Его младшим современником был упомянутый выше выдающийся художник Клитий. Среди лучших мастеров, рисовавших скифов во второй половине VI в., назовем Псиакса и Эпиктета. Они использовали свои наблюдения реальных скифов для изображения мифических героев, не заботясь о том, что в отдаленные времена, с которыми связывалось действие мифа, костюм и вооружение были иными. Правда, художники также не знали, какими были греки времен Троянской войны. Лишь старинные беотийские щиты с характерными выемками по бокам, которыми защищаются греки и амазонки, служили показателем того, что сцена на вазе относится к эпическому прошлому.

Древнейшее известное нам изображение скифа на аттической керамике сохранилось на вазе Франсуа. Клитий нарисовал скифа Токсамиса внешне не отличимым от двух других восточных лучников, одетых в греческие хитоны и схематично переданные высокие шапки. Примерно так же их изображали другие художники середины VI в. В двух случаях около этих персонажей есть надпись «Скиф», не оставляющая сомнений в их этнической принадлежности.

Около 530 г. разные художники одновременно начинают писать скифов с натуры на чернофигурных и только что появившихся краснофигурных вазах. На последних отразились даже такие мел-

кие детали национального костюма, как орнаменты на шароварах или украшения шапок.²⁹ Подобно грекам, скифов изображали безбородыми юношами или взрослыми бородатыми воинами. В краснофигурном стиле вазописи лица женщин уже не выделялись белым цветом, как на чернофигурных вазах (рис. 24). Поэтому часто невозможно различить с уверенностью амазонку и юношескифа. Ведь после возникновения мифа об объединении скифов и амазонок в один народ савроматов художники зачастую стали рисовать амазонок в скифских костюмах. Таким образом, сцены с амазонками дают хорошее представление о костюме скифов.

Рассмотрим несколько рисунков с детальным изображением скифского костюма и вооружения. На краснофигурной тарелке конца VI в. из Британского музея мастер Эпиктет изобразил так называемого скифа-полицейского (рис. 25). Он бежит, оглядываясь назад, и, доставая на ходу стрелу из горита, собирается выстрелить. Традиционное толкование этого образа представляется ошибочным. Ведь для полицейской службы, по словам ораторов, скифов стали использовать лишь после Саламинской битвы, то есть уже после смерти Эпиктета. Кроме того, странно видеть полицейского убегающим, а не наступающим, как ему предписывалось по долгу службы.

По нашему мнению, художник нарисовал убегающую амазонку. Ее движение естественно, так как греки во всех мифах одерживали верх над воинственными женщинами. Амазонка оглядывается назад, так как она собирается стать на колено и выстрелить из лука в гонящегося за ней гоплита. Такая сцена представлена на алебастре (флаконе для оливкового масла), хранящемся в Эрмитаже (рис. 26). Грек в опущенном шлеме целится в противника копьем и защищается щитом от стрел опустившегося на колено скифского лучника. Беотийская форма щита указывает, что мастер, расписавший сосуд около 470 г., представил сцену из эпических времен.

Краснофигурный алабастр из Одесского музея подписан гончаром Гиленом и художником Псиаксом, изобразившим подготовку к бою грека и амазонки в богато орнаментированном скифском костюме. Обнаженный греческий юноша имеет все атрибуты гоплита: шлем, поножи и щит. Его шлем в поднятом, а не в боевом положении, как на предыдущем рисунке: жест правой руки указывает на тренировку движения при бросании копья. Амазонка же проверяет прямизну стрелы, от чего зависит точность ее полета. Лук в боевой готовности с натянутой тетивой висит у нее на согнутой руке (рис. 27).

На чернофигурной амфоре из Эрмитажа мы видим образец одной из наиболее ранних попыток передать непосредственное впечатление художника, увидевшего скифский костюм в 530—520 гг. Бородатый скиф стреляет из лука, а справа и слева от него сражаются амазонки, одетые и вооруженные по-гречески (рис. 28).

Рис. 24. Ахилл и Пентесилея.
Чернофигурная аттическая амфора с росписью Эксекия.
Третья четверть VI в.
Британский музей. Лондон

Рис. 25. Амазонка в скифском костюме.
Краснофигурная аттическая тарелка с росписью Эпиктета.
Конец VI в. Британский музей. Лондон

Рис. 26. Битва гоплита и лучника.
Чернофигурный аттический алабастр.
470-е годы. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 27. Грек и амазонка.
Краснофигурный аттический алабастр с росписью Псиакса.
Конец VI в. Одесский археологический музей

Рис. 28. Скиф и амазонки. Чернофигурная аттическая амфора.
530-520 гг. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Вероятно, художник иллюстрирует эпизод Троянской войны, когда скифы и амазонки пришли на помощь троянцам.

Одежда скифа окрашена в два цвета, одна половина рукавов и шаровар — пурпурная, а другая — черная. Смысл такой раскраски становится понятным при сравнении с более детальным рисунком Эпиктета, где по рукавам рубашки и шароварам амазонки идут продольные полосы, по сторонам которых костюм украшен разными орнаментами; возможно, он шит из двух разных тканей.

Только благодаря рисункам афинских художников теперь можно представить скифский костюм VI в. Его верхняя часть состояла из рубашки, отороченной или сшитой из тканей с различной окраской и орнаментом. Рубашка запахивалась крест-накрест, образуя у шеи острый вырез; низ рубашки заправляли в облегающие шаровары, как у амазонки Псиакса (рис. 27), либо носили навывпуск (рис. 26). На рисунке Эпиктета прямые линии ниже талии (рис. 25) означают, вероятно, складки рубашки, надетой навывпуск. При любом из видов ношения рубашки ее закрепляли на талии туго облегающим поясом. Всю одежду спереди и сзади покрывал орнамент, возможно, вышитый или сделанный аппликацией из кусочков цветной материи и кожи. В скифских погребениях более позднего периода находят бесчисленное количество золотых бляшек с дырочками для нашивки на одежду. Но такие украшения были доступны лишь очень богатым.

На примере творчества Псиакса можно наблюдать, как, внимательно вникая в детали, один и тот же художник рисовал одежду разных народов, наблюдая ее в жизни. Псиакс работал в период, когда только начиналось распространение краснофигурного стиля живописи: хорошо владея традиционной чернофигурной росписью, он стал одним из первых выдающихся мастеров нового стиля. Кроме упомянутого краснофигурного алабастра с амазонкой в скифском костюме, сохранилась его чернофигурная ваза с уникальным изображением скифа, играющего на трубе.³⁰ Одежда музыканта сходна с одеждой амазонки, но шапка у него иная, с острым стоячим верхом, как на рис. 28 и 29. В своих росписях Псиакс, как и другие художники, запечатлел два типа скифских шапок, которые отличались от головных уборов других варваров. Персидские, например, были мягкими, а фракийские имели свисающий на шею хвост лисы. Если костюм персов напоминал скифский, то у фракийцев мы видим поверх хитонов плащи из плотной белой шерстяной ткани с разноцветными полосами.³¹

Скифская шапка, сшитая из плотной кожи, не только согревала в холодную погоду, но и защищала голову и шею от легкого оружия, брошенного с расстояния. Один тип этих головных уборов имел стоячий выступ посередине (рис. 28), как хорошо видно у скифа с двумя амазонками. Другой тип шапки с округлым верхом изображен на амазонках Псиакса и Эпиктета (рис. 25, 27). Скиф-

ские шапки отчасти напоминают наши ушанки, так как имеют два боковых уха, в случае надобности завязывающиеся под подбородком; третье ухо опускается на шею. Как и на современных ушанках, уши скифских шапок можно было поднять и завязать наверху, что видно на ряде рисунков.³²

Специфическую особенность скифского вооружения составлял горит (рис. 20, 25, 26, 27, 28, 36—38, 42—44, 53, 55). В отличие от колчана, предназначенного только для стрел, горит имел два отделения, в которых одновременно находились лук и стрелы. Другие компоненты вооружения — луки с изгибом посередине, стрелы и боевые топоры — использовали разные народы. Горит же характерен лишь для кочевников Северного Причерноморья. Скифы носили его у пояса на перевязи, охватывающей шею и плечо. Греки использовали лук и стрелы лишь на охоте и перебрасывали ремень колчана только через плечо, как можно видеть, например, на многочисленных статуях Артемиды и Аполлона. Наружную часть горита скифы украшали всевозможными узорами. Возможно, судя по изображению чешуйчатого орнамента, для этого использовалась кожа змеи. Крышка горита запахивалась сбоку и снабжалась меховым хвостом.

Псиакс и Эпиктет изобразили скифские гориты верно до мелких деталей: некоторые художники, не понимая их назначения, добавляли к вооружению скифа еще узкий греческий колчан, но стрелы все же помещали в горит.³³ В конце VI в. художники иногда рисовали скифов в греческих хитонах, уже не по незнанию их костюма, а потому что в Греции летом в жару скифы, вероятно, отказывались от своей национальной, слишком теплой одежды.

Начиная со второго десятилетия V в. в аттической вазописи теряется реальное изображение деталей скифского костюма и вооружения. Они постепенно приобретают устоявшиеся обобщенные черты, с некоторыми вариациями переходящие от одного мастера к другому и не несущие уже никакой живой информации. На примере итальянского кратера со сценами из мифа об Ифигении в Тавриде (рис. 22) мы видели, сколь условен стал в IV в. вид амазонки и причерноморского варвара.

Анализ вазовой живописи привел ученых к важному выводу, что между 530 и 490 г. афиняне нанимали скифских лучников во вспомогательное войско.³⁴ Этот факт не запечатлелся в сохранившейся древней литературе. Зато нарисованные с натуры костюмы скифов и амазонок на вазах аттических художников дают нам бесценные знания о внешнем виде скифов рубежа VI—V вв.

Позже, когда скифы появились на улицах Афин в роли полицейских, они оказались уже недостойными изображений афинских художников, а в литературе внимание им уделила лишь комедия. К тому времени из живого фольклора и литературы ушли варианты мифов об участии скифов в Троянской войне. Мы узнаем о них

лишь по вазовой живописи, дополняя единственным литературным свидетельством — насмешкой Страбона над теми, кто верил, что кочевники из-за Борисфена пришли на помощь троянцам.

Аттические вазописцы VI в. включали скифов в различные эпизоды осады Трои. Например, на одной чернофигурной амфоре представлен поединок Диомеда и Гектора над телом поверженного Скифа. Около каждой из трех фигур написано имя. Убитый воин одет в греческий хитон, но на голове у него высокая восточная шапка, а у пояса горит. Все это показывает, что Скиф не просто имя, но и национальность этого персонажа.

Другие художники выделяли скифов только их костюмом. Таков убитый скиф в характерной восточной шапке и кафтане с длинными рукавами на амфоре, где в центре композиции представлен Аякс с телом Ахилла, таков скифский стрелок на некоторых сценах бегства Энея, выносящего на плечах отца из горящей Трои (рис. 29), таков скиф среди гоплитов, окружающих Ахилла, которого старик Приам умоляет отдать для погребения тело своего сына Гектора.³⁵

Особенно выразительны, на наш взгляд, сцены на чернофигурной гидрии, где показано, как скифы сражаются в стане троянцев. Художник изобразил стены Трои, на них стоят несколько гоплитов и скифский лучник, из ворот выезжает боевая колесница и выходят гоплит вместе со скифским лучником.

Из-за утраты многих эпических поэм и отсутствия надписей на амфоре сейчас трудно понять смысл рисунка, на котором длиннобородый скифский вождь вручает лук молодому скифу в присутствии греческих воинов. Высказывалось предположение, что художник иллюстрировал вариант скифского мифа о передаче власти младшему сыну Скифу.³⁸ В таком случае остается неясным, зачем при этом находятся персонажи в греческой одежде. Кроме того, скифские мифы не получили широкого отражения в античной литературе, и на аттических вазах не встречается иллюстраций к чужеземным сказаниям. По нашему мнению, художник изобразил проводы молодого скифского вождя на помощь троянцам, представители которых стоят рядом со скифами.

В качестве второстепенных персонажей скифы встречаются также на вазах с изображением другого популярного цикла мифов о подвигах Геракла. Это особенно интересно, так как они появляются в сценах, не имеющих по литературным источникам никакого отношения к Скифии. Например, на одной вазе показана популярная в греческой живописи сцена борьбы Геракла со львом, а справа от героя помещена колесница, около которой стоит скиф.

Наиболее интересной в живописном сюжете «Геракл и скифы» представляется роспись краснофигурного килика, исполненная в начале V в. мастером Бригом (рис. 30). Четыре силена преследуют Геру, которую защищают Гермес и Геракл. Около каждой фигуры написаны их имена. Все силены обнажены, Гермес и Гера — в

греческих одеждах, а Геракл в пестрых скифских шароварах и кафтане, поверх которого накинута львиная шкура, обычный атрибут героя. Костюм Геракла, по-видимому, напоминает о его подвигах в Скифии так же, как шкура льва — в Немее. К сожалению, в сохранившихся письменных источниках нет рассказа о преследовании Геры силами; поэтому трудно сказать, был ли он отнесен в какие-то дальние страны и имел ли костюм Геракла большее значение, чем напоминание о его деяниях в Скифии.

Говоря о героях греческих мифов, изображенных в скифских одеждах, следует особое внимание уделить амазонкам. Художники рисовали их одетыми и по-гречески, и по-скифски. Например, Ахилл убивает царицу Пентесилею, облаченную в греческий хитон (рис. 24), а Тесей вступает в единоборство с амазонкой, сидящей верхом на коне в скифских шароварах; на краснофигурном кратере середины V в. написано ее имя Мелуса (рис. 31).

На вазах сохранились надписи более семидесяти имен амазонок.³⁸ Такое количество свидетельствует, что художники заимствовали их не из устных преданий, а из неизвестных нам эпических поэм. Имена амазонок в подавляющем большинстве греческие, но в двух из них хорошо различаются скифские корни. На чернофигурном кубке Клитий написал имя амазонки Скилеи. Это — женский вариант имени скифского царя Скила, известного по «Истории» Геродота. В диалогах Лукиана «О дружбе» и «Скиф» одного из собеседников зовут Токсарис. Женский вариант этого имени читается около амазонки на краснофигурной вазе мастера Евфрония. Парные мужские и женские имена вообще употребляются у многих народов, например, Александр и Александра, Евгений и Евгения, Олег и Ольга. Надписи на вазах в сочетании с литературными источниками дают возможность узнать, что такие пары существовали у скифов.

Скифские имена амазонок вошли в греческую архаическую литературу, конечно, не в результате случайного заимствования из повседневной жизни, а из какого-то скифского предания, вернее всего эпического. Судя по тому, что греки соотнесли эти имена с амазонками, в эпосе скифов действовали героини — воительницы. Находки скифских женских погребений с оружием подкрепляют мысль об участии скифиянок в военных действиях и об отражении этого факта в эпосе.

Имя Токсарис, конечно, ассоциировалось у греков со словом *τίξα*, обозначающим лук и стрелы. Возможно, его несколько переделали на греческий лад, чтобы яснее звучало понятное эллинам значение. Анализ имен амазонок показывает, что греки, с одной стороны, стремились наделять их скифскими именами (Скилейя, Токсарис), с другой — непосредственно образовать имя от греческого слова *τίξα*. Таковы амазонки Токсис и Токсофила. Первая участвует в сцене битвы Геракла с амазонками на краснофигурном

Рис. 29. Эней, выносящий Анхиса из Трои,
перед ним гоплит и скиф.
Чернофигурная аттическая ойнохоя.
Около 530 г. Лувр. Париж

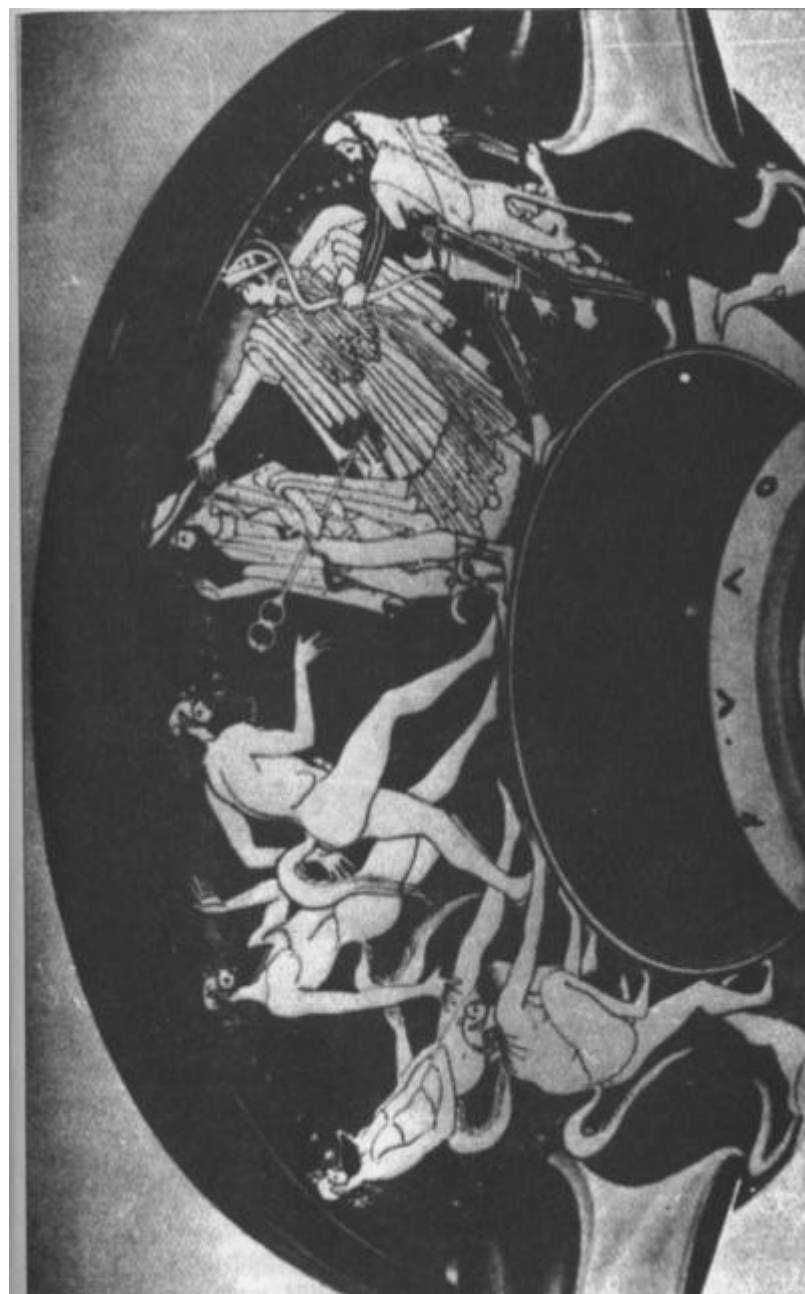

Рис. 31. Сражение Тесея и амазонки Мелусы.
Краснофигурный аттический кратер. Середина V в.
Эрмитаж. Санкт-Петербург

кратере Евфрония, на ней такая же восточная одежда, как и на Токсарис. Токсофила нарисована на чернофигурной вазе из Лувра, где сохранилась композиция с самым большим числом участников сражения греков и амазонок: 23 воительницы ведут бой против 13 эллинов.³⁹ В центре композиции — греческие герои Теламон и Геракл. Токсофила уже повержена, на ней, как и на других ее соратницах, греческий шлем и одежда. Ведь Евфроний расписал вазу во второй четверти VI в., когда появились уже амазонки со скифскими именами (напомним Скилею Клития), но аттические художники еще не видели скифов в национальной одежде у себя на родине и не могли представить в ней амазонок.

Итак, хотя первая запись мифа об амазонках в Северном Причерноморье относится к середине V в., вазовая живопись позволяет зафиксировать существование предания почти на полтора столетия раньше.

В V в. к изображению скифов обращались не только аттические художники, но таких произведений сохранились считанные единицы. Например, город Кизик чеканил фигуру скифа на одной из своих монет.⁴⁰ Еще в VI в., как мы помним из «Истории» Геродота, через Кизик плыл Анахарсис, так что появление скифов в этом транзитном пункте из Понта в Средиземноморье имело здесь давние корни.

Этрусский мастер вырезал на агатовой печати фигуру бородатого варвара в подпоясанной рубашке, пестрых шароварах и шапке с характерными ушами вдоль щек. Около него скифский лук и надпись «Скиф». Вряд ли в Этрурии V в. можно было встретить скифа, так что это изображение исполнено по какому-то греческому образцу. Ведь и на других работах этрусских мастеров⁴¹ выделяют композиции, свойственные эллинскому искусству.

Шедевры греческого ювелирного искусства со сценами из жизни скифов

После исчезновения изображений с натуры скифских героев в аттической вазовой живописи прошло несколько десятилетий, прежде чем эта тема возродилась в другом виде греческого прикладного искусства. Если скифов на античных вазах редко кто помнит, кроме специалистов, то шедевры греческой торевтики * со сценами из жизни и эпоса этих древних кочевников восхищают многих наших современников. Эрмитаж и Киевский музей исторических драгоценностей обладают первоклассными коллекциями

* Рельефная обработка художественных изделий из металла с помощью чеканки и тиснения.

разнообразных предметов античного ювелирного искусства, найденных в скифских курганах. Кроме постоянной экспозиции эти музеи с неизменным успехом демонстрируют во многих странах мира выставки так называемого скифского золота.

В скифских погребениях, начиная с эпохи архаики, находят сделанные греками ожерелья, серьги, перстни, браслеты, зеркала с фигурными ручками или подставками.⁴² Это показывает, что с самого начала торгового обмена с греками предметы ювелирного искусства пользовались у скифов особым спросом.

В V в. скифы могли покупать не только предложенные купцами товары, но и получать определенные вещи, которые видели у греков или которые уже приобрели другие их соплеменники. В IV в. к этому прибавились ювелирные изделия греческих мастеров, исполненные по индивидуальным заказам богатых скифов или полученные в дар от северопричерноморских греков, знавших вкусы скифской знати.

Среди таких предметов выделяются две группы. Декор первой из них не выходил за рамки, привычные греку. Специфические скифские предметы обихода или вооружения мастер украшал греческими орнаментами или сценами из греческих мифов. Например, оправлял скифские точильные камни в золотые обкладки с узором из ов, розеток и аканфа (находки в курганах Малая Близница, Куль-Оба, Талаев) или обивал скифский горит золотой пластиной со сценами из жизни Ахилла (находки в курганах Чертомлык, Мелитопольский, Ильинецкий, Пять братьев).

Вторая группа предметов украшена сценами из жизни скифов. Их стали находить при раскопках курганов еще в прошлом веке и сначала воспринимали просто как иллюстрации быта скифов. Теперь ученые единодушно считают, что эти сцены представляют эпизоды скифского эпоса или отдельных скифских мифов.⁴³ К сожалению, ни один из немногих известных сейчас сюжетов скифской мифологии нельзя с достаточной уверенностью связать с сохранившимися изображениями. Поэтому всем им предлагаются разноречивые толкования, детальный разбор которых выходит за рамки нашего исследования, так как касается реконструкции мировоззрения скифов, а не эллинов.

Греки высоко ценили реализм искусства, умение наблюдать и общую картину, и мельчайшие детали окружающей жизни. Эти качества одинаково восхищали их и в монументальной скульптуре, и в живописи, и в произведениях малых форм. Вот две эпиграммы: одну написал Анакреонт на скульптуру знаменитого афинянина⁴⁴ Мирона, другую — Платон на гемму неизвестного мастера.

*Дальше паси свое стадо, пастух, чтобы телку Мирона,
Словно живую, тебе с прочим скотом не угнать.*

*Пять коровок пасутся на этой маленькой яшме;
Словно живые, резцом врезаны в камень они.
Кажется, вот разбредутся... но нет, золотая ограда
Тесным схватила кольцом крошечный пастбищный луг.*

Греческие мастера, переводя на язык искусства знакомые с детства мифы или их литературные обработки, искали модели для своих произведений в окружающей жизни. Они наделяли богов и героев внешностью, соответствующей идеалу красоты того времени, изображали их в одеждах своих современников, надевали на богинь изящные украшения. Те же принципы они применили и в работах на сюжеты скифской мифологии. Поэтому греческое искусство раскрывает перед нами наряду с философскими, религиозными и духовными идеалами также и быт своей эпохи.

Работы греческих ювелиров воссоздают внешность и костюмы, а также занятия скифов в дни мира и войны. Все внимание художников сосредоточено на жизни мужской части общества. Изображения женщин крайне редки, а детей и вовсе нет. Вероятно, это объясняется спецификой скифского эпоса, который иллюстрировали художники. В качестве параллели напомним древнерусский героический эпос (былины), среди героев которого так мало женщин и детей.

Скифы носили длинную бороду и усы, их волосы были прямыми, часто спадали до плеч и ниже, на лбу подстригались челкой или собирались в кок, который, наверное, держался какой-то заколкой (рис. 38—44). О прическах женщин сказать ничего нельзя, так как на немногочисленных изображениях головы скифянок закрыты либо покрывалом (бляшки «богиня с зеркалом»), либо высоким головным убором (рис. 32).

По сравнению с изображением на вазах рубежа VI—V вв. мужской костюм IV в. мало изменился, но мастера торевтики дают возможность увидеть в одежде скифов много новых деталей. Края и полы курток, запахивавшиеся друг на друга, оторочивали мехом или выделяли полосой строчки. Впереди полы куртки образовывали острый треугольный клин; боковые края куртки делали ровными или с вырезами. Особо нарядная куртка имела по два острых клина спереди и сбоку (рис. 42—44). Обычно куртки шили с длинными, реже с короткими рукавами. Куртку с короткими рукавами носили поверх нижней рубашки с длинными рукавами. Иногда куртки имели капюшоны (рис. 48).

В теплое время надевали только шаровары. Их были два типа: более узкие, возможно, кожаные, заправляли в сапоги (рис. 44, 49), а более широкие из мягкой шерстяной ткани носили навывпуск (рис. 36, 37, 45). Сапоги из мягкой кожи без твердой подметки завязывали ремешком либо только на голеностопном суставе, либо пропускali еще под сводом ступни.

*Рис. 32. Изображение скифянки на золотом украшении женского головного убора из кургана Карагадеуаш. IV в. Эрмитаж. Санкт-Петербург
Прорисовка художника П. Корниенко*

Костюм украшался разнообразным орнаментом либо частично, либо целиком, причем шаровары расшивали более пестро (рис. 25, 27, 46, 48). Их, как и на вазовой живописи VI—V вв., нередко разделяли вертикальная полоса по внешней стороне ноги, реже шаровары имели поперечные полосы (рис. 49).

От холода и от легкого оружия скифы защищали голову высокими жесткими шапками с закругленным верхом (рис. 25—27), а иногда меховыми капюшонами. Остроконечные выступы на шапках (рис. 28, 29) к IV в. вышли из моды.

Женский костюм состоял из свободного длинного платья с глухим воротом и поясом по талии. На платье надевали одеяние, сходное с длинным халатом. Оно не застегивалось и не запахивалось спереди, а его длинные узкие рукава иногда отсрочивали мехом. Скифянки носили головные уборы двух типов: колпак с острым верхом и трапецевидную шапку с накинутым на нее покрывалом (рис. 32).

Жизнь кочевых скифов была немыслима без лошадей. Вероятно, в скифском эпосе герои описывались не только как прекрасные всадники, но и как мастера дрессировки коней. На эту мысль наводит анализ изображений на Чертомлыцкой амфоре (рис. 33—38). Некоторые исследователи истолковывали сюжет верхнего фриза как ловлю коня для ритуального жертвоприношения.⁴⁵ На наш взгляд, наиболее обоснованная интерпретация принадлежит А. В. Симоненко, который сочетает знания археолога и знатока коневодства.

А. В. Симоненко разделил фриз на логично вытекающие из композиции вазы две части — переднюю (рис. 33) и заднюю (рис. 34). На последней представлены две группы: в центре спокойно пасущиеся кони с подстриженной гривой, а по бокам ловля арканом длинногривых необъезженных лошадей (рис. 35). Верховые лошади скифских всадников всегда изображаются с подстриженными гривами, а длинная грива только у необъезженного коня на Чертомлыцкой амфоре или у кобылиц с жеребятами на пекторали из Толстой могилы. Длинная грива у кобылиц оставалась потому, что кочевые народы использовали в качестве верховых лошадей лишь самцов. Две их породы изображены на амфоре: одна степная коротконогая, другая более породистая, верхового склада. Таким образом, на задней части фриза амфоры представлены два состояния лошади по отношению к человеку — дикое и прирученное.

На передней части фриза запечатлено несколько важнейших моментов скифского коневодства. Одна сцена изображает дрессировку коня для посадки на него всадника. Скиф набрал повод, отвернув голову коня вправо, чтобы тот при посадке не мог его укусить. Далее следовало научить уже объезженную лошадь становиться передними ногами на запястья, чтобы всаднику, особенно в тяжелом вооружении, легче было сесть на коня. Художник показывает, как скиф учит лошадь сгибать ногу в запястье (рис. 36).

Рис. 33. Лицевая сторона серебряной амфоры IV в. из кургана Чертомлык. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Рис. 34. Обратная сторона серебряной амфоры IV в. из Чертомлыцкого кургана. Эрмитаж. Санкт-Петербург

Центральную сцену, которую интерпретировали как момент жертвоприношения, А. В. Симоненко объяснил более убедительно в контексте окружающих изображений. Стоящие перед лошадью скифы оттягивают арканами ее задние ноги, а стоящий позади накиннул аркан на левую переднюю ногу (тончайшие серебряные нити арканов не сохранились). В результате этого лошадь должна упасть, и в таком положении ей ставят тавро и кастрируют (рис. 33). Это операция — одна из первых форм селекции и важное условие для правильного и в нужном темпе воспроизводства поголовья стада. По записи Страбона известно, что скифы и сарматы кастрировали лошадей.⁴⁷ Большинство азиатских народов, как установили этнографы, использовали для верховой езды исключительно меринов.

Последняя сцена на передней стороне фриза амфоры посвящена заключительной фазе отношения человека и лошади. Животное обьежено и готово служить для верховой езды. Это подчеркнуто стриженной гривой и седлом; всадник, спешившись, спутывает коню ноги (рис. 37).

Итак, греческий мастер показал нам различные аспекты коневодства, занятия, дававшего кочевникам одно из главных средств к жизни. Однако смысл изображения заключался для скифов не в этом. Они видели на фризе амфоры иллюстрацию какого-то эпизода своего эпоса. По аналогиям с сохранившимися древними сказаниями других народов, мы думаем, что в скифском предании рассказывалось, как герой, выбрав в стаде жеребенка, вырастил из него верного боевого коня для своих военных подвигов.

Иные сцены из повседневной жизни скифов раскрываются на верхнем фризе золотой пекторали, ритуальном нагрудном украшении скифского царя (рис. 39). В центре два пожилых скифа шьют рубашку из овечьей шкуры, рядом с ними пасутся лошади, коровы и овцы — основное богатство кочевников. Слева и справа художник поместил молодых скифов: один доит овцу, а другой уже наполнил молоком амфору и собирается ее закрыть (рис. 40, 41).

Спокойную беседу скифских царей мы видим на чаше из Гаймановой могилы (рис. 42). Оба царя облачены в роскошную одежду с затейливым орнаментом и меховой опушкой по бортам курток. В руках у них атрибуты высшей власти: у одного — булава, у другого — плетка (рис. 43).

Под ручкой чаши — живая сцена из повседневной жизни: молодой скиф пьет, припав ртом к бурдюку с вином. Парные фигуры двух других знатных скифов, к сожалению, сильно повреждены. Только внимательно изучая их, современный художник восстанавливает сцену, некогда исполненную античным мастером (рис. 44).

Золотые нашивки, украшавшие пояса скифских царей в курганах Куль-Оба и Солоха, изображают двух тесно прижавшихся друг к другу скифов, которые пьют из одного сосуда. Это — момент

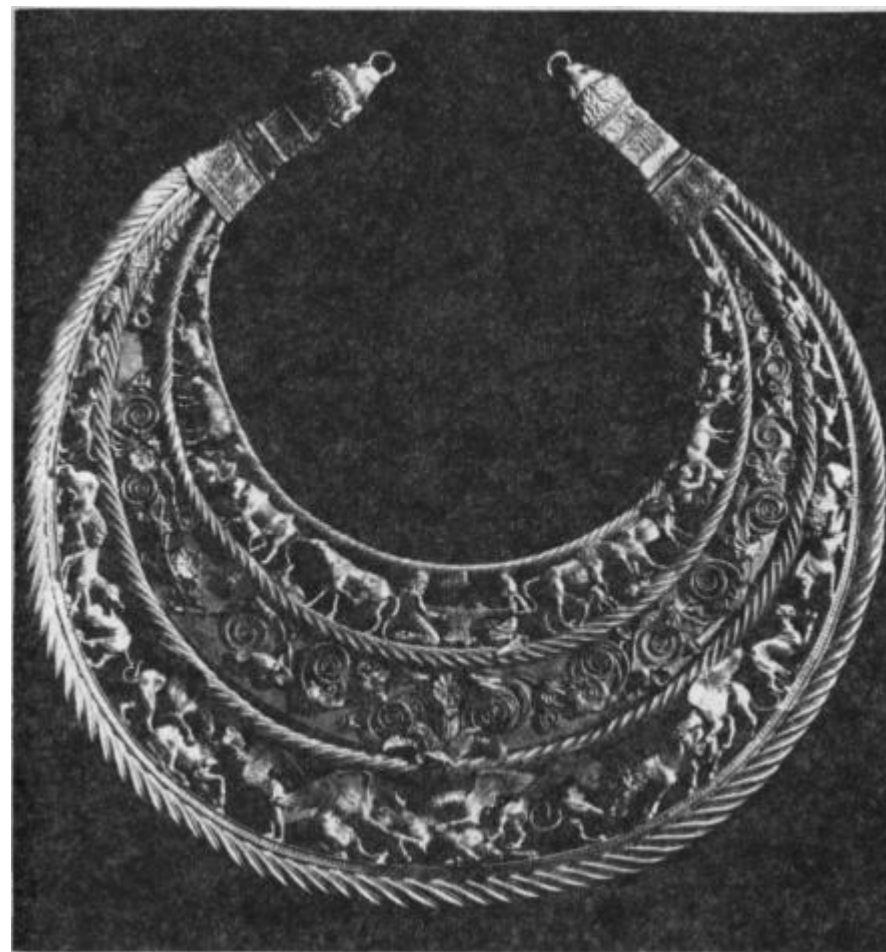

Рис. 39. Золотая пектораль IV в. из кургана Толстая могила.
Музей исторических драгоценностей. Киев

обряда побратимства, одного из распространенных обычаев у большинства первобытных народов. Во время этого обряда сосуд для питья наполнялся вином или водой, смешанным с кровью становящихся братьями мужчин. Вероятно, герои скифского эпоса совершали этот обряд, а сам его процесс художник смог увидеть в быту скифов.

Охота — излюбленное занятие скифов — стала темой композиций на нашивных бляшках из курганов Куль-Оба и Александропольского, на пластинках из слоновой кости, украшавших саркофаг из кургана Куль-Оба, а также на электровом сосуде из кургана Солоха. Мы видим, как скифский всадник с дротиком охотится на зайца (рис. 45), в другом случае он упал с лошади, а собака продолжает преследовать зайца. В связи с этим вспоминается глава из Скифского рассказа Геродота, где говорится о замешательстве в боевом порядке скифов, когда внутрь строя забежал заяц, и «каждый, кто видел зайца, устремился за ним». На первый взгляд странно, что такой переполох вызвал столь обычный для Северного Причерноморья зверь. Безусловно, за ним кроются какой-то обычай и фольклорные рассказы о нем.

Д. С. Раевский привел ряд фольклорных параллелей и предположил, что в скифском фольклоре заяц играл существенную роль и принесение его в жертву обеспечивало благополучие. Поэтому в появлении зайца перед войском скифы увидели благое знамение⁴⁹ о предстоящем сражении, но лишь при условии его поимки. Таким образом, сцены охоты на зайца в произведениях искусства иллюстрируют и фольклорный сюжет, и один из распространенных видов охоты.

Последнего нельзя сказать о сцене на рельефе сосуда из Солохи, где конные скифы в сопровождении собак стреляют из луков во льва и в фантастическое животное с телом львицы и рогатой головой. Здесь иллюстрируется какое-то старинное фольклорное сказание об охоте на чудовищ и на львов. В реальности охотиться на львов скифы могли либо во время походов в Азию в VII в. или еще раньше на своей прародине на Востоке, откуда они пришли в Северное Причерноморье. Носители скифского фольклора, излагавшие греческому мастеру сюжет об охоте на львов, никогда не охотились на этих животных, как, впрочем, и на чудовищ с рогами. Но для фольклора вообще характерно сохранение даже не совсем понятных древних деталей повествования.

В связи с этим стоит привести цитату из статьи А. Ф. Гильфердинга, знаменитого собирателя Онежских былин: «Нужно побывать на нашем Севере, чтобы вполне понять, как велика твердость предания, обнаруживаемая в народе его былинами. Мы, жители менее северных широт, не находим ничего особенного для нас необычного в природе, изображаемой нашим богатырским эпосом, в этих „сырых дубах“, в этой „ковыль-траве“, в этом „раздольном

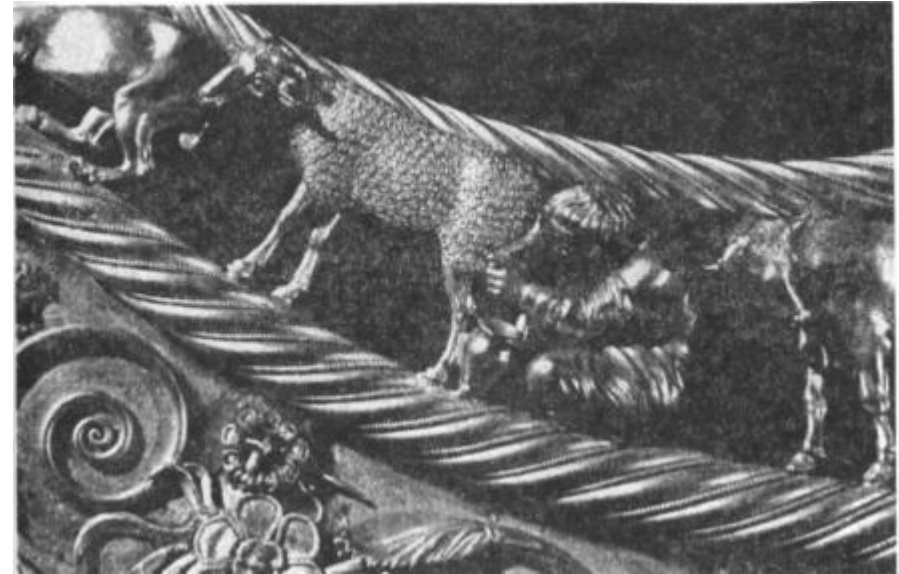

Рис. 40. Скиф, доящий овцу. Деталь пекторали из Толстой могилы

Рис. 41. Скиф с амфорой. Деталь пекторали из Толстой могилы

чистом поле", которые составляют обстановку каждой сцены в наших былинах. Мы не замечаем, что сохранение этой обстановки приднепровской природы в былинах Заонежья есть такое же чудо народной памяти, как, например, сохранение образа „гнедого тура", давно исчезнувшего, или облика богатыря с шеломом на голове, с колчаном за спиной, в кольчуге и с „палицей боевой". Видел ли крестьянин Заонежья дуб? Дуб ему знаком столько же, сколько нам с вами, читатель, какая-нибудь банана. Знает ли он, что это такое „ковыль-травя"? Он не имеет о ней ни малейшего понятия».⁵⁰

Вероятно, в фольклоре скифов IV в., живших в Северном Причерноморье, сохранилось описание пейзажа и фауны их прежней родины. Они рассказывали о львах так же, как исполнители былин о давно исчезнувших турах. Однако для греческих мастеров лев был реальным, часто изображаемым животным, и они реалистически представляли львов на разных сосудах по заказам скифов.

Фольклор всех народов прославляет военные подвиги героев. Не составляли исключения и скифские сказания, военные эпизоды из которых иллюстрировали греческие мастера. Сцены боя украшают золотой гребень и серебряную обкладку горита из кургана Солоха. На них сражаются конные и пешие скифы. В руках у них оружие для рукопашного боя: короткие мечи-акинаки, боевые топоры и копья. От противников они защищаются небольшими щитами разной формы.

Композиция на гребне справедливо считается шедевром греческой торевтики (рис. 46—48). Художник иллюстрирует характерный для эпоса поединок двух героев. Один из них сначала потерял лошадь, а затем был убит своим противником или подоспевшим ему на помощь пехотинцем. В центре композиции — герой-победитель, это всадник в скифских шароварах и мягких сапожках. На нем защитный доспех: чешуйчатый панцирь, стянутый пластинчатым скифским поясом, коринфский шлем и поножи, в руках щит и копье.⁵¹ Находки в скифских погребениях греческих шлемов и поножей⁵¹ подтверждают, что скифы на рубеже V—IV вв., когда был изготовлен гребень, использовали греческие предметы вооружения. Но, конечно, не так выглядел герой эпоса, воспевавшего отдаленное прошлое. Всадник и пехотинец наступают на спешившего воина. Он в греческом шлеме иной формы и в кожаном панцире с наплечниками, привязанными пуговицами на груди. На поясе висят ножны, типичные для скифских мечей, в правой руке короткий обоюдоострый акиnak, а в левой круглый щит из ивовых прутьев с вырезом наверху. Участь этого воина предрешена. Его конь в предсмертных судорогах лежит у ног хозяина, из ран животного на груди, у левой лопатки и на шее струится кровь. Теперь, лишившись коня, воин уже не сумеет противостоять напору всадника и спешащего ему на помощь пехотинца. Но герой с акинаком будет биться до последнего.

На двух небольших вазах из Частых курганов и Куль-Обы развернуты картины быта в военном лагере скифов. По ним трудно даже приблизительно воссоздать сюжет фольклорного рассказа.⁵² Однако содержание, связанное с повседневным бытом, раскрывается легко. Автор вазы из Куль-Обы сумел с величайшим мастерством показать процесс приведения лука в боевое положение. Скифский воин, присев на правую, поджатую под себя ногу, упер в бедро нижний конец лука. Левая вытянутая нога воина удерживает нижнее плечо лука, а в правой руке скиф держит заканчивающуюся петлей тетиву. С одной стороны она закреплена на луке, петлю же надо надеть на другой конец лука, с усилием сжав его (рис. 49).

По этому изображению можно заключить, что лук был очень тугим, и для приведения его в боевое положение требовались не только сила, но и сноровка. При разборе мифа о Геракле и сыновьях змееной богини отмечалось, что в фольклоре многих народов герой среди прочих испытаний показывал умение согнуть и натянуть хороший боевой лук. Рельеф на вазе свидетельствует о наличии подобного сюжета в скифском фольклоре.

Возможно, на сосуде из Частых курганов, где старый скиф протягивает лук молодому, показано, как опытный воин натянул лук для молодого, и возвращает его слегка смущенному юноше, не сумевшему это сделать;⁵³ собственный лук старого скифа спрятан в горите.

По этим изображениям луков видно, что они были небольшими — менее 1/3 роста стрелка. Как установили археологи, размер скифского лука колебался от 60 до 70 см; немного меньшей была длина стрел, состоявших из металлического наконечника и древка с птичьими перьями на конце.⁵⁴

Две другие сцены на сосуде из Куль-Обы знакомят нас с приемами скифского врачевания (рис. 49). Стоящий на коленях воин лечит другому зуб или челюсть. Лицо пациента искажено от боли и страдания. Другой скиф перевязывает своему товарищу рану на ноге. Обе травмы, как считает Д. С. Раевский, можно⁵⁵ получить при активных, но безуспешных попытках натянуть лук.

Последняя сцена изображает беседу двух скифов. Один из них, по-видимому царь, сидит, опершись руками на копьё. Он либо слушает донесение воина, присевшего перед ним на колени, либо собирается дать ему какое-то поручение.

В заключение этого раздела попытаемся ответить на вопрос, кто и где делал рассмотренные выше произведения, и насколько приемлемо для них укоренившееся в отечественной литературе определение «греко-скифское искусство».

Ювелирные изделия пользовались любовью у всех греков. Изысканные украшения, вазы из бронзы и драгоценных металлов, монеты с великолепной чеканкой употреблялись не только в быту, но и служили приношениями богам. Сокровищницы храмов, где

хранились приношения, выполняли роль своеобразных музеев: редкими произведениями искусства там могли любоваться все, кто не мог иметь драгоценностей дома. В храмы и их сокровищницы водили приезжих, с гордостью показывая произведения, выполненные местными мастерами и привезенные из других городов. Среди приношений почетное место занимали изделия из драгоценных металлов. В ольвийских надписях, например, не раз упоминается посвящение божеству золотых венков и ожерелий, серебряных чаш, золотых и серебряных статуэток Ники.³⁶

Геродот, посетивший многие города Эллады, осматривал разные храмы. В начале «Истории» он описал золотые и серебряные сосуды в сокровищницах Дельф и Коринфа³⁷ и в следующих книгах не раз упоминал подобные достопримечательности. О том, как ценились их художественные достоинства, можно судить по «Естественной истории» Плиния: он назвал имена знаменитых греков, делавших чеканные серебряные вазы. Самым лучшим из них считался Минтор. Четыре его вазы в 356 г. погибли во время пожара храма Артемиды Эфесской, причислявшегося к семи чудесам света. В храмах Родоса во времена Плиния показывали чаши других известных мастеров Акраганта, Бозта и Миса. Первый славился изображениями охоты, а другому мастеру, Фракиду, особенно удавались батальные сцены.³⁸

К настоящему времени сохранилось очень немного металлических сосудов работы выдающихся греческих художников. Среди них серебряный с позолотой ритон V в. с фигурой крылатого Пегаса из раскопок на Северном Кавказе (рис. 50) и бронзовый кратер IV в. со сценами мифа о Дионисе и Ариадне, найденный в Дервени близ города Фессалоники на севере Греции. Первый считается работой афинского мастера, второй — коринфского.

В ряду этих редких сосудов почетное место занимает серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана (рис. 33—38) — произведение выдающегося мастера IV в. Как и кратер из Дервени, Чертомлыцкая амфора — сосуд типично греческой формы, предназначенный для вина. В горло амфоры вставлено ситечко для процеживания, а в нижней части сделаны три небольших отверстия с ситечками. Отсюда вытекало процеженное вино, когда вынимали пробки, висевшие на цепочках; отверстия были оформлены в виде львиных головок и головы крылатого Пегаса. Как и на кратере из Дервени, декор амфоры сочетает чеканные рельефы и отдельно выполненные, а затем напаянные скульптурные фигурки (на фризе скифы и кони, а также головы львов и Пегаса). Эти фигурки были позолочены, так что цветовая гамма амфоры перекликается с упомянутым серебряным ритоном с позолоченным Пегасом и чашей из Гаймановой могилы (рис. 42).

Кроме фриза со сценами из жизни скифов, декор амфоры выполнен в традициях греческого искусства. Фриз отделен от

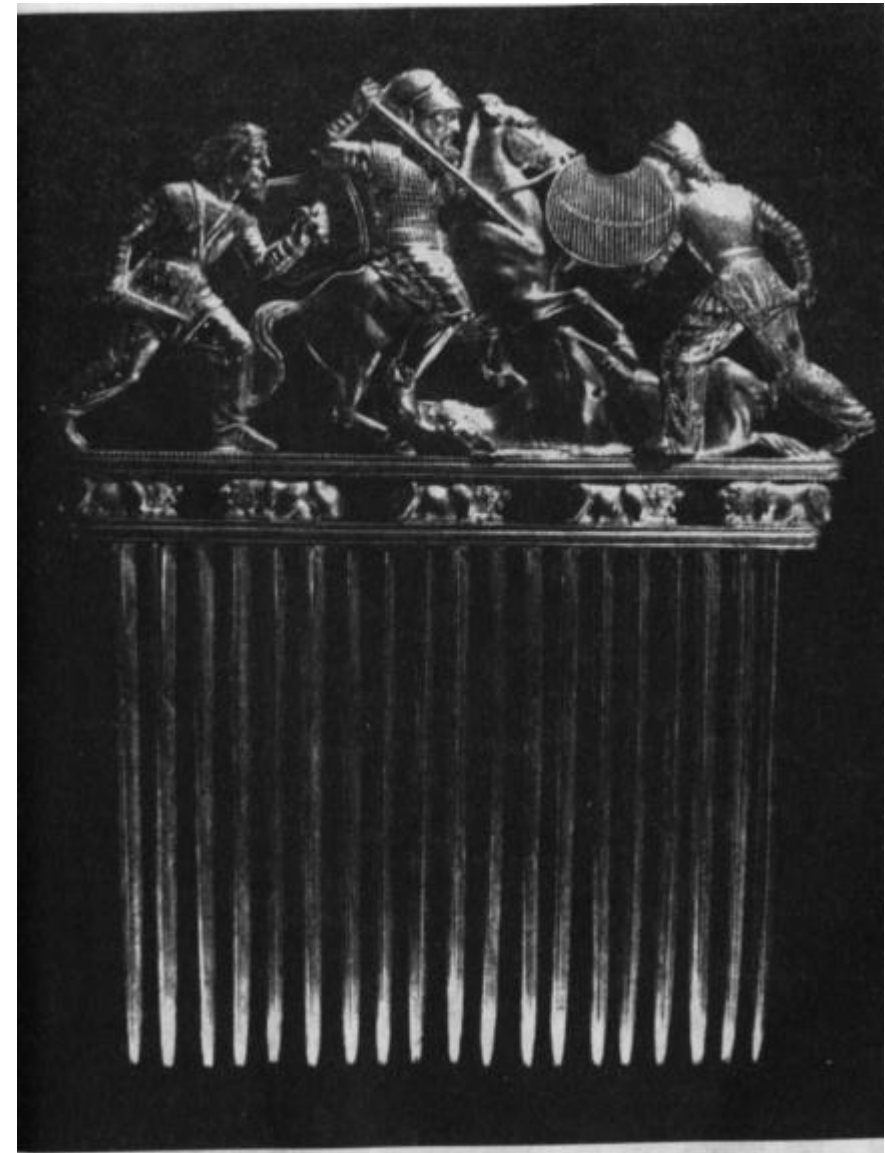

*Рис. 45. Охота на зайца.
Золотая бляшка IV в. из кургана Куль-Оба.
Эрмитаж. Санкт-Петербург*

остальной части тулова греческой плетенкой, а ниже мы видим пальметты, стилизованные бутоны лотоса, листья арацеи, головки львов и Пегаса. У горла амфоры — пояс со сценой терзания лошади грифонами. Его, как и другие сцены терзания животных (на пекторали, обкладках мечей и др.), обычно стремятся связать исключительно со скифской мифологией. Однако этот мотив хорошо известен в греческом искусстве; он встречается не только на металллических сосудах, но и на резных камнях, монетах и мозаиках.

Весьма показательна в этом плане золотая фиала со сценами терзания зверей из кургана Солоха. Если бы не греческие надписи на сосуде, его с уверенностью сочли бы исполненным по заказу скифов на сюжеты их мифов, тем более что золотая фиала в

*Рис. 46. Золотой гребень из кургана Солоха. Конец
Эрмитаж. Санкт-Петербург*

Рис. 47. Голова всадника. Деталь гребня из кургана Солоха

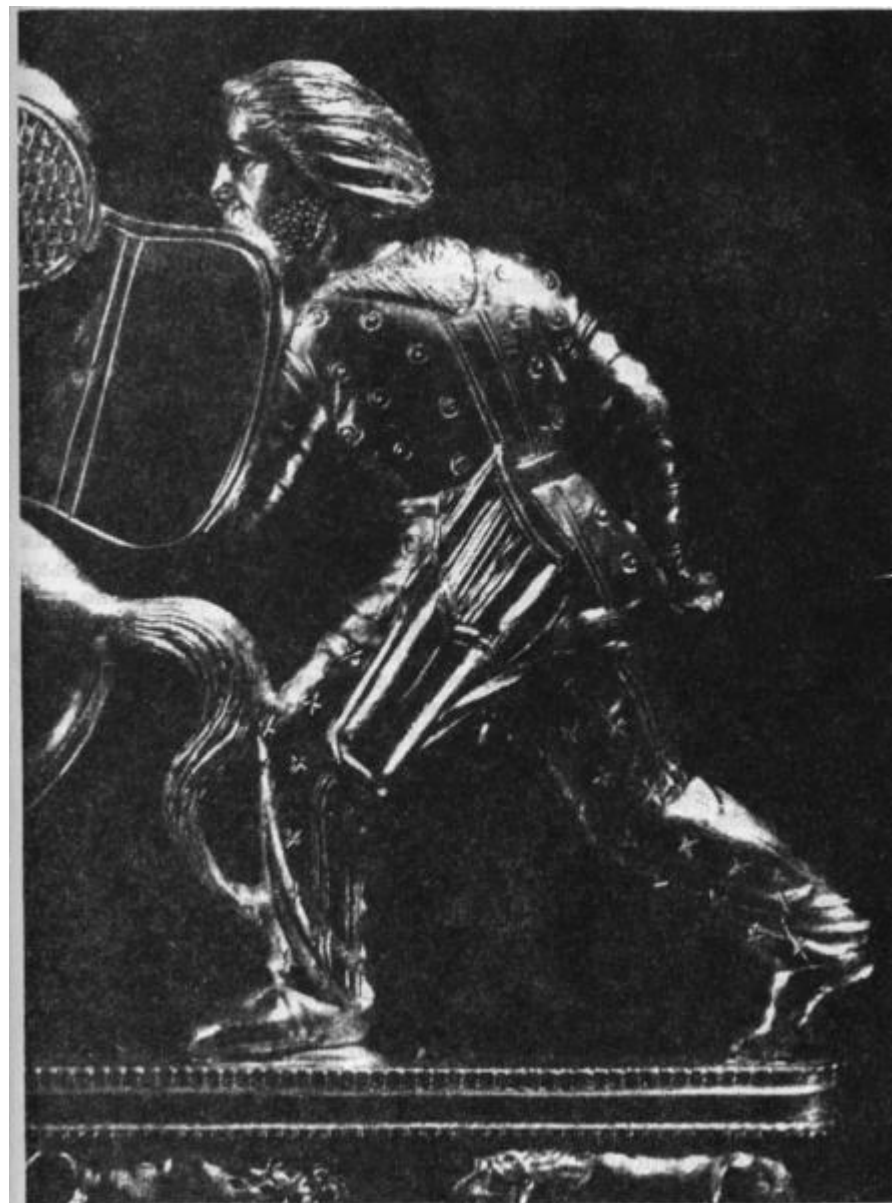

Рис. 48. Пеший воин. Деталь гребня из кургана Солоха

царском погребении рассматривается как один из символов царской власти.

Между тем сосуд сменил по крайней мере трех хозяев, двое из которых были греками. По просьбе первого из них на гладком краю чаши была выбита надпись: «Гермон подарил эту чашу Антисфену на память о празднике Элевтерий». Затем новый владелец стер первоначальную надпись и начертал новую, сейчас не поддающуюся связному прочтению, так как третий владелец, по-видимому скиф, старался уничтожить обе надписи, что ему не полностью удалось.

На рельефе фиалы, сделанной вдали от Северного Причерноморья, греческий мастер представил борьбу зверей: львы и пантеры терзают лань и лошадь. Пятна на шкуре пантеры изображены группами точек, так же, как это сделано на пекторали и золотой обкладке меча из Толстой могилы.

Возвращаясь к Чертомлыцкой амфоре, отметим, что из трех поясов ее декора лишь средний со сценами укрощения коней можно с уверенностью связать исключительно с фольклорными скифскими сюжетами. Греческие амфоры были распространенными сосудами в быту скифов, которые использовали их не только для вина. На пекторали видно, как дояр затыкает амфору с только что надоенным молоком. Сосуд изображен настолько детально, что можно определить место его производства — Гераклея Понтийская (рис. 41). Из этой греческой колонии на южном берегу Черного моря в Северное Причерноморье ввозилось много недорогого вина, поэтому обломки таких амфор часто встречаются на античных городищах и в скифских погребениях. Форма сосуда относится к первой половине—середине IV в., так что по этой детали хорошо датируется время изготовления пекторали.

Три фриза пекторали (рис. 39) сюжетно перекликаются с рельефами Чертомлыцкой амфоры. Здесь также есть сцены мирной жизни, терзания зверей и растительный орнамент. Однако порядок их иной, причем он не просто перевернут, а составлен в иной последовательности. Значит, определенная последовательность для скифских заказчиков была не обязательной. Поэтому представляется проблематичной попытка истолковать изображение на пекторали как строго построенную космограмму, где верхний фриз олицетворяет реальную жизнь, а нижний — подземный мир со сказочными чудовищами.⁶⁰ По нашему мнению, не стоит стремиться найти решительно в каждой детали воплощение скифских понятий. Полностью они передавались греческим мастером лишь в сюжетных композициях, связанных с действиями скифских героев.

Скифы заказывали греческим мастерам предметы как типично эллинского облика (например, амфора), так и скифской формы. К последним относятся двуручные сосуды из Гаймановой могилы (рис. 42) и Солохи, исполненные по образцу скифских ритуальных

Рис. 49. Электровая ваза IV в. из кургана Куль-Оба. Эрмитаж. Санкт-Петербург

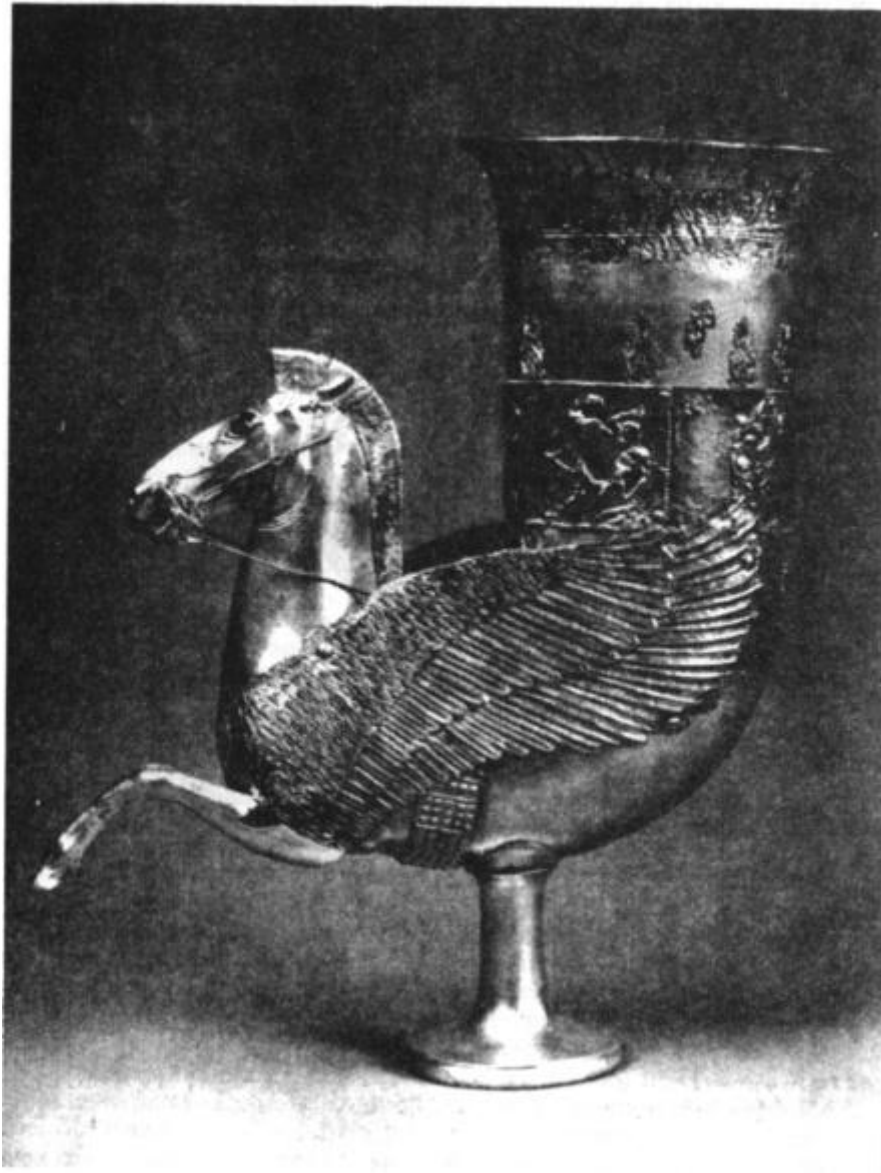

Рис. 50. Серебряный ритон V в. Найден на Северном Кавказе. Музей искусства народов Востока. Москва

чаш; пекторали и гривны повторяли сугубо скифские виды украшений, использовавшихся в costume вождей; например, гривна охватывает шею скифского царя на чаше из Гаймановой могилы (рис. 44). Однако, украшая даже такие специфические предметы, греческий художник не погружался полностью в мир скифской мифологии и быта. Работая над растительным фризом пекторали (рис. 39), грек выковывал привычные ему аканфы и арацеи, а не местные степные растения. Даже вьюнки и простые пятилепестковые цветочки, окрашенные голубой эмалью, навеяны не наблюдениями местной флоры, а по характеру изображения повторяют растения на привозных греческих изделиях. То же самое можно сказать о хищниках и травоядных животных в сценах терзания. Даже если они и отвечали каким-то скифским сюжетам, мастер обращался к образцам, знакомым ему по греческому искусству.

Детально передавая разнообразные орнаменты на скифской одежде (рис. 42, 48, 49), художники не распространяли их на остальной декор своих произведений. Верх сосуда со сценой охоты скифов украшен плющом, а низ отделен плетенкой и декорирован традиционными лучами. Подобным образом оформлено дно чаши из Гаймановой могилы, сосудов из Куль-Обы и из Частых курганов, где рельеф обрамлен полосами традиционных греческих ов. На гривне со скифскими всадниками великолепно выполнены греческие пальметты, инкрустированные синей и голубой эмалью, а застежки пекторали с головами львов, держащих в зубах колечки, в которые продевалась ленточка для завязывания, очень похожа на окончания типичного греческого ожерелья из Большой Близницы.

У нас нет никаких оснований считать греческих художников глубокими знатоками скифской мифологии. Содержание скифского эпоса или мифа пересказывалось им в переводе на греческий язык, так что оставался лишь скелет сюжета без поэтического фольклорного контекста оригинала. Будучи очень далек по культуре и образному мышлению от скифов, грек схватывал лишь внешнюю канву сюжета, а затем, исходя из своего опыта художника, он задумывал композицию и искал в жизни модели для нее. В этой свободной возможности творчества, не стесненной слишком строгими требованиями, содержался залог тех крупных успехов, которых добивался мастер, работая для знатных скифов. Он сам составлял композицию, дополняя ее, где требовалось, чисто греческими орнаментальными и растительными мотивами. Не следует ведь забывать, что предметы прикладного искусства обязательно выполняют и просто декоративную функцию.

О принципах работы греческих художников IV в. хорошо говорится в легенде, записанной Плинием.⁶¹ Юный скульптор Лисипп обратился к художнику Евпомпу с вопросом, кому из предшественников ему следует подражать. Евпомп, указав на толпу людей,

ответил, что надо подражать не произведениям искусства, а самой жизни. Этот завет великолепно воплощали мастера ювелирного дела. Вероятно, автор Чертомлыцкой амфоры не просто наблюдал, как скифы обращаются с лошадьми, но, задумав определенные сцены, просил специально повторить для него тот или иной прием. Известно ведь, что перед Фальконе, когда он лепил Медного всадника, живой всадник ежедневно поднимал коня на дыбы, несмотря на то, что во французском искусстве было наработано много приемов изображения лошади.

Обращение к жизненным наблюдениям накладывалось, конечно, на огромный опыт эллинского искусства. Редко кто замечает, что все сюжеты с изображением скифов уже были опробованы в искусстве греков. Вазовая живопись и скульптура V—IV вв. изобилует разнообразными фигурами пеших и конных воинов, сценами охоты на диких животных, терзаниями травоядных животных хищниками и фантастическими существами.

Даже такие, казалось бы, сугубо скифские мотивы, как охота на зайца, дрессировка коней или перевязывание раны воина встречались в аттической вазописи с конца VI в. Тлесон нарисовал охотника с собакой, несущего убитого зайца, а вазописец круга Евфрония изобразил юношу, охотящегося на зайца;⁶² художник из мастерской Сосия написал Ахилла, перевязывающего локоть Патрокла, предварительно удалив из него стрелу (рис. 51). Подставка под фигурами, по-видимому, указывает на то, что композиция скопирована со скульптуры. На чернофигурной амфоре начала V в. амазонка укрощает лошадь, а затем ведет ее под уздцы.⁶³ Сюжет не связан с Северным Причерноморьем, так как амазонка в греческом костюме и действие происходит на фоне пальмы. Грифон, считающийся традиционным персонажем скифской мифологии, изображен Клитием на вазе Франсуа среди иллюстраций к греческим мифам о Пелее.

Итак, художники зорко наблюдали быт скифов, порой в мельчайших деталях, проявляющихся в изображении костюма, пород местных лошадей и даже в употреблении в быту определенных форм сосудов. Но они не могли, да, наверное, и не стремились проникнуть глубоко в сущность мировоззрения скифов и философское содержание их мифов, которые современные ученые пытаются воссоздать по этим памятникам искусства.

Все это прекрасно видно на таком шедевре греческой торевтики, как гребень из Солохи (рис. 46). Его автор изображает мифологический сюжет поединка скифских героев, напоминающий ему эллинские мифы и эпизоды знакомой с детства «Илиады». Художник великолепно завершил верх гребня сценой боя.⁶⁴ По мощи композиции ее сравнивают с фризами Парфенона,⁶⁵ поэтому логично предположить, что автор гребня был одновременно и скульптором. В античности это не было редкостью. Художник в мельчайших

Рис. 51. Ахилл и Патрокл. Дно краснофигурного килика. Рубеж VI-V вв. Шарлоттенбург, музей

Рис. 52. Золотая обивка ножен меча IV в.
из кургана у села Большая Белозерка.
Музей исторических драгоценностей. Киев

Рис. 53. Таблица монет, найденных
в городах Северного Причерноморья

деталей воспроизвел костюм и вооружение скифов и даже на ножнах меча прочеканил рельеф с головой кабана.⁶⁵ Такое украшение меча известно по находкам в скифских курганах (рис. 52). Но взгляды в лица героев. У всадника и его противника по-гречески аккуратно подстриженные бороды и черты лица, отвечающие идеалам эллинской красоты (рис. 47); лишь у пехотинца отмечены некоторые этнические особенности. Древние герои скифского эпоса явно были обрисованы по-иному.

Гребень из Солохи относится к самым ранним образцам работ на скифскую тему. Безупречная композиция, классические черты лиц, эпическое спокойствие в фигуре всадника склоняют некоторых исследователей к мысли, что произведение выполнено в конце V в., другие относят его к началу IV в.

В отечественной науке издавна сложилось убеждение, что ювелирные изделия с изображением скифов изготавливались в мастерских Пантикапея, где работали, наряду с греками, эллинизированные скифы.⁶⁶ В таком предположении не все убедительно по следующим соображениям.

Благодаря многолетним раскопкам античных городов Северного Причерноморья мы неплохо представляем уровень развития местного искусства. Здесь расписывали вазы, делали терракотовые статуэтки, известняковые надгробия и различные украшения. Всеми признано, что ни одно произведение северопричерноморской работы не достигает лучших образцов искусства Греции. И только боспорским ювелирным мастерским, причем лишь в IV в., приписывают шедевры, способные поспорить с любым произведением высочайшего класса.

Это выглядит довольно странно, тем более потому, что многие греческие художники совмещали несколько специальностей. Например, скульпторы, работавшие в бронзе, владели ювелирной техникой: Мирон, автор знаменитого дискобола, прославился также изготовлением серебряных чаш, а скульптор и архитектор Феодор умел выполнять удивительные работы в микротехнике; как сообщает Плиний, под крылом мухи он сумел поместить модель колесницы с возничим.⁶⁷ Это описание вызывает в памяти феодосийские серьги, сделанные в Афинах: в центре композиции находится крошечная колесница с четырьмя скачущими конями. Размер квадриги, управляемой Никой, составляет всего 12 миллиметров.

Итак, трудно представить, чтобы в Пантикапее только один вид искусства значительно превосходил все остальные. Объяснить это не поможет и соображение об особой поддержке ювелирного искусства заказами скифов. Ведь они покупали у греков расписную керамику гораздо больше, чем изделия из драгоценных металлов. Однако вазовая живопись Пантикапея и Ольвии не достигает лучших образцов своего времени.

В то же время нет сомнений, что изображения скифов сделаны с натуры, и художники явно работали в Северном Причерноморье. Это противоречие можно объяснить следующим образом.

Античные художники и ремесленники высокого класса редко трудились все время на одном месте. Города, особенно не очень большие, какими были колонии в Северном Причерноморье, не могли обеспечить их постоянной работой. В то же время, когда в городе предпринималась какая-нибудь значительная общественная постройка, собственных сил не хватало. Каждый полис время от времени строил или обновлял храмы, и для этого приглашал не только профессиональных архитекторов и скульпторов, но и опытных каменщиков, плотников и других мастеров. В сохранившемся отчете о строительстве храма Асклепия в Эпидавре около 370 г. перечислены скульпторы, каменщики и плотники из Аргоса, Коринфа, Афин, Пароса, Аркадии и даже из соседнего небольшого города Трезены. В постройке афинских длинных стен в 418 г. участвовали каменщики из Аргоса.⁶⁸

Безусловно, с привлечением различных мастеров строились храмы и в городах Северного Причерноморья. Об этом свидетельствуют находки таких фрагментов архитектурного декора, выполненного приезжими скульпторами, как обломок мраморного алтаря V в. из Пантикапея с изображением торжественного шествия женщин, или кариатида IV в. с женской головой из Херсонеса, или часть мраморного фриза храма IV в. в Ольвии, на котором представлена процессия богов или героев.⁶⁹

Греки повсюду стремились украсить свои храмы и площади скульптурами прославленных мастеров. Например, Мирон выполнил для Эгины статую Гекаты, для Самоса — группу из трех богов: Зевса, Афины и Геракла. Произведения Лисиппа, исполнившего за свою жизнь, по словам Плиния, 1500 скульптур, стояли во многих городах Эллады: статуя охотящегося Александра Македонского — в Дельфах, квадрига Гелиоса — на Родосе, фигура Сатиры — в Афинах.⁷⁰

Северопричерноморские города, как уже отмечалось, также приобретали произведения известных скульпторов. По надписям мы знаем о работах Праксителя и Стратонида в Ольвии, а по находкам на Боспоре фрагментов скульптур видно, что они принадлежат представителям школы Поликлета и Скопаса. Трудно сказать, приезжали ли они в эти города, или их произведения привезли готовыми из Греции. Но, конечно, в Северном Причерноморье работали скульпторы, украшавшие храмы. В Пантикапее афинский мастер изваял большую портретную статую одного из Спартокидов.⁷¹ В этом боспорские цари не отличались от других правителей эллинистических держав, заказывавших известным скульпторам свои статуи. Например, Бриаксис сделал⁷² статую Селевка, одного из преемников Александра Македонского.

О том, как в даже в небольших городах приезжие мастера организовывали на месте отливку бронзовых статуй, свидетельствуют раскопки городища Вани в Западной Грузии. Здесь найдены не только фрагменты прекрасно моделированных статуй, выполненных в лучших традициях эллинистического искусства, но и остатки бронзолитейной ямы III—II вв., фрагменты литейных форм из обожженной глины, обломок глиняной воронки, через которую заливали металл в литейную форму,⁷³ куски шлака со следами бронзы и обломки глиняных тиглей.

Многие греческие города приглашали мастеров не только монументального, но и прикладного искусства, среди них особенно часто резчиков штемпелей монет,⁷⁴ а они, как правило, были ювелирами. Пантикапейские золотые монеты второй и третьей четверти IV в. принадлежат к числу лучших образцов античной монетной чеканки (рис. 53). По мнению В. Д. Блаватского, головы бородатых и юных божеств на аверсах этих монет исполнены с большой силой и выразительностью, не уступающей скульптурам Скопаса.⁷⁵ Ученый отмечает также значительную стилистическую близость этих монет и изображений скифов на горите из кургана Солоха.

Находки показывают, что художники приезжали во все крупные города Северного Причерноморья. Поэтому нет оснований считать, что заказы от скифов поступали исключительно в Пантикапей, тем более, что интересующие нас произведения со скифскими сюжетами найдены не только в окрестностях Боспора Киммерийского, но и в курганах Днепровской группы (рис. 54). Вслед за царями Ариапифом и Скилом знатные скифы в IV в. продолжали посещать Ольвию. Там ценили хорошую скульптуру и архитектуру не меньше, чем в Пантикапее, и приглашали разных мастеров для украшения города.

Ювелирную мастерскую в те времена было нетрудно организовать. Мастер привозил с собой инструменты и нанимал в городе небольшое помещение. Золото и серебро, вероятнее всего, доставляли заказчики — скифы. Напомним, что в главе о Геродоте мы писали о торговом пути на Урал, по которому ходили за золотом скифы и греки. Вероятно, найденные в трех скифских курганах золотые обкладки горитов со сценами из жизни Ахилла (рис. 55) сделаны в Ольвии, так как именно в этом полисе на протяжении всего его существования процветал культ Ахилла, и это видели посещавшие город скифы. От ольвиополитов они слышали мифы о герое, так что заказывая горит, скиф вместе с мастером избрал знакомый им обоим сюжет. Ученые обратили внимание на своеобразный отбор сцен из жизни Ахилла, в чем, по всей вероятности, проявился вкус заказчика. Но в целом это чисто греческое произведение с традиционными эллинскими орнаментами и трактовкой сцен из жизни героя, в которых мастер, возможно, использовал композицию художника Полигнота.⁷⁹

Рис. 54. Карта крупнейших скифских курганов

Парадный горит произвел такое впечатление на скифов, что мастер получил немало заказов на повторение этого произведения. К настоящему времени найдены четыре золотые обивки горитов, деревянный корпус которых истлел. Три обнаружены в скифских курганах, а один в гробнице Филиппа Македонского. Они выполнены с одной матрицы, в которую вносились незначительные поправки.

Наше мнение о том, что ювелирные изделия со скифскими сюжетами сделаны приезжими эллинскими мастерами, подкрепляется отсутствием возможности проследить развитие местной художественной школы с собственным почерком. Ведь самое раннее изделие — гребень из Солохи — изготовлено художником высочайшего класса, а более поздние произведения исполнены мастерами не только разной степени одаренности (чаша из Куль-Обы сделана намного талантливее, чем чаша из Частых курганов, имеющая ту же форму и сходные по содержанию рельефы), но и работавшими в разной манере.

Классическая, полная эпической силы и сдержанности композиция гребня контрастирует с иными приемами изображения всадников, охотящихся на львов на серебряной чаше, хотя оба предмета найдены в одном погребении. В ином стиле выполнены фигуры людей и животных на Чертомлыцкой вазе, а серебряная обивка горита из Солохи раскрывает совершенно особое видение мира и приемы изображения битвы, чем на всех прочих произведениях со скифской тематикой. Практика приглашения художников разных школ характерна для IV в. Например, царица Артемисия построила в память своего мужа Мавсола Мавсолей в Галикарнассе и пожелала украсить каждую сторону здания работами скульпторов Скопаса, Леохара, Бриаксиса и Тимофея.

Таким образом, глядя на ювелирные произведения со скифскими сюжетами, мы видим Скифию глазами эллинов из разных частей Греции. К сожалению, это продолжалось всего одно столетие. В III в. Скифия утратила свое могущество, и у ее вождей не стало средств на прежнюю роскошь. В дальнейшем представители разных племен, населявших Северное Причерноморье до конца античности, вступали в торговые связи с греческими колониями и покупали там ювелирные изделия, но они уже никогда не заказывали произведения искусства, украшенные сценами из их сказаний.

Между тем в греческие города Северного Причерноморья продолжали поступать из Эллады ювелирные изделия высокого класса, и, вероятно, в случае надобности сюда приезжали ювелиры из Греции; вкусы местных эллинов менялись вместе с общегреческой модой. Чтобы убедиться в этом, напомним богатый комплекс всевозможных украшений II в. из Артюховского кургана на азиатской стороне Боспора; центральное место среди них занимает золотая диадема с гранатами и цветной эмалью, украшенная в центре узлом Геракла, излюбленным декором греческих диадем эллинистического периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге мы постарались показать, какой Скифия представлялась эллинам в народных преданиях, литературных произведениях и памятниках искусства. Эти три области творчества органично связаны и дополняют друг друга, будучи звеньями одной великой античной культуры. Герои из Скифии встречаются в мифах, которые знали во всей греческой ойкумене, в классических сочинениях античных писателей и в шедеврах вазопиcи и ювелирного искусства.

Древнейшая из названных областей творчества — фольклор; он оказал огромное влияние на две остальные. Его образами пронизаны вся античная литература и искусство, и тема Скифии — не исключение в этом ряду. Народные предания о ней распадаются на три группы.

Далекая страна на северном берегу Понта сразу же после первого появления греков стала местом действия общегреческих мифов. Ведь в архаических народных представлениях за границами обитаемого мира простиралось потустороннее царство, так что северный край ойкумены представлялся пограничьем, отделяющим мир живых от потустороннего света, куда уходят души умерших и где обитают сказочные существа. Поэтому во времена Гомера греки отнесли в страну киммерийцев вход в Аид; поэтому Геракл миновал Скифию на пути в сказочный сад Гесперид, а безлюдный островок близ устья Истра греки приняли за остров Блаженных, где обитают души героев. Наиболее полно этапы переноса действия общегреческого мифа в Северное Причерноморье нам удалось проследить на сюжете о жертвоприношении Ифигении, так как он лучше других освещен в уцелевших произведениях античных писателей.

Названные общегреческие мифы составляют первую группу сказаний, первоначально не связанных с Северным Причерноморьем. В другую группу входят также общегреческие мифы, в которых появляются киммерийцы, скифы и амазонки, прибывшие с северных берегов Понта. В качестве второстепенных персонажей их включали в циклы сказаний о Троянской войне, о битвах греческих героев с амазонками и о Калидонской охоте. Так в мифологии преломились реальные знания греков о киммерийцах и скифах как о смелых воинах и прекрасных лучниках. Почти не сохранившиеся в письменных источниках эти сюжеты восста-

навливаются по вазовой живописи, иллюстрирующей эпические поэмы VII—VI вв.

Наконец, третью группу мифов создали эллины, переселившиеся в Северное Причерноморье и продолжавшие развивать фольклорные традиции ионийских предков. Эти новые мифы в основном передавались в среде колонистов, но некоторые предания, подхваченные мореходами из Эллады, частично влились в популярные во всей Греции сказания. Наиболее полно сохранились сюжеты мифов о Геракле и змееногой богине, а об амазонках у Меотиды. Цикл мифов об Ахилле на Левке и Ахилловом Дроме, сложенный ольвиополитами, известен лишь в самых общих чертах. Северо-причерноморские греки включали в местные мифы прославленных греческих героев. Их пребывание в Скифии до начала колонизации освещало в глазах эллинов их право владения землями в Северном Причерноморье.

Народные предания всегда существуют во многих вариантах, часто противоречащих один другому. Так было и в рассмотренных греческих мифах. Например, считалось, что Ахилл похоронен на Левке, и в то же время была, конечно, известна общегреческая версия о погребении героя под Троей. Противоречивы и рассказы о Геракле. В одних мифах его называли родоначальником скифов, а в других скифы уже жили у Меотиды, когда туда прибыли амазонки после поражения, нанесенного им Гераклом или его современником Тесеем.

Противоречия легко уживались в фольклоре, так как мифы передавались разными рассказчиками в разное время и в разных местностях. Но их нельзя совместить в одном авторском сочинении. Поэтому когда греческие поэты, начиная с Гомера и Гесиода, а затем логографы стали объединять разрозненные рассказы в единое произведение, им пришлось упорядочить фольклорные сюжеты и следить за тем, чтобы действие одного эпизода органично переходило к следующему, располагаясь в хронологическом порядке.

В греческих городах на берегах Скифии были свои писатели, о которых известно очень мало. Творчество поэтов мы знаем в основном по стихотворным надгробным надписям, найденным на некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса. От трудов же, написанных в прозе, не сохранилось ничего, кроме упоминаний о них. Например, в эллинистический период в Ольвии существовали трактаты по риторике,² а сочинение Сирикса по истории Херсонеса так понравилось соотечественникам, что они увенчали его золотым венком и поставили мраморную надпись с текстом декрета, перечислившего заслуги историка.³ В надписи говорится, что Сирикс литературно обработал предания о чудесах, совершенных верховной богиней Херсонеса.

Это дает основание считать, что греческие писатели в Северном Причерноморье, как и в других областях Эллады, создали непро-

тиворечивую мифологическую историю Скифии, но она, как и многое другое, сейчас утрачена. Используя выработанную логографами хронологию жизни греческих героев и определенную в древности дату Троянской войны, можно предложить такую ее реконструкцию. К древнейшим событиям относится рассказ о переправе Ио через Боспор Киммерийский. Ее потомок Геракл родился через 13 поколений и стал родоначальником скифов, агафирсов и гелонов. Следующее после Геракла поколение — современники Троянской войны. В ее начале богиня Артемида сделала невесту Ахилла Ифигению жрицей в своем храме в Таврике. В разгар войны на помощь троянцам пришли амазонки и скифы. Ахилл убил царицу амазонок, но вскоре сам погиб. Свое загробное существование герой продолжает на Левке, острове в Понте Евксинском. После Троянской войны Орест и Пилад отправились в Таврику, вместе с Ифигенией они похитили священный кумир Артемиды Таврополы и бежали в Грецию.

Согласно этим мифам, задолго до начала колонизации земель на побережье Скифии греческие герои совершали здесь свои подвиги; один из них оказался даже родоначальником местных племен. Таким образом, Скифию включили в мифологическую историю греков, и это имело глубокое значение для поселившихся здесь эллинов.

Общаясь со скифами, греки получали некоторое представление об их фольклоре. Уже в конце VII—начале VI в. отдельные предания из скифского фольклора проникли в произведения ионийских поэтов (Алкман, авторы эпических поэм), среди известных к настоящему времени писателей только Геродот специально записывал скифский фольклор, однако ни его записи, ни скифские сюжеты у других авторов не оказали заметного влияния на греческую литературу. Самый известный литературный герой Анахарсис в эпоху эллинизма полностью лишился своего национального облика, превратившись в идеального варвара, каким его хотели видеть греки. Они включили его в число семи мудрецов и вложили в его уста высказывания, перекликающиеся с изречениями других мудрецов. Эллины осмыслили цель его путешествия в Элладу по образцу путешествий греческих ученых и философов, отправлявшихся в страны с древней культурой для усовершенствования своих знаний.

Наиболее многочисленную группу эллинов, знакомых со скифским фольклором, составляли, пожалуй, художники. Это неудивительно, так как они работали по заказам скифов. Но, как и в литературе, эти темы не нашли сколько-нибудь широкого отклика в греческом искусстве за пределами Северного Причерноморья. По ювелирным произведениям мы видим, как переводились на язык изобразительного искусства разнообразные эпизоды скифского эпоса. Их содержание можно восстановить лишь в самых общих

чертах. Фольклорные герои побеждали противников в конных поединках (гребень из Солохи), участвовали в массовых битвах (обкладка горита из Солохи), были выдающимися стрелками из лука (ваза из Куль-Обы), умели вырастить прекрасного верхового коня, верного товарища в мирной и военной жизни (Чертомлыцкая ваза), охотились на страшных зверей и чудовищ (чаша из Солохи), исполняли различные ритуалы (пектораль из Толстой могилы, бляшки со сценой братания).

Из народных сказаний черпали источник вдохновения многие писатели и художники, особенно на начальной стадии развития литературы и профессионального искусства. Эпические поэмы VII—VI вв. и греческая драматургия V в. целиком опираются на фольклорные сюжеты. Некоторые из них, связанные со Скифией, мы знаем только по иллюстрациям вазовой живописи, другие развиваются в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида, третьи, составлявшие единственное хранилище памяти о прошлом, использовал «отец истории» Геродот.

В сочинении Геродота ярко отразился дуализм культуры греков V в., сочетавшей народное и профессиональное творчество. Автор первого исторического труда был не только писателем, но и прекрасным исполнителем фольклорных рассказов; он запоминал массу мифов и новелл и с захватывающим интересом умел их пересказать. Такой талант во времена активной жизни фольклора, по-видимому, встречался нередко, но умение изложить произведения повествовательного фольклора в письменной форме оказалось у Геродота уникальным. Благодаря этому в его «Истории» не просто записаны сюжеты мифов и новелл, в том числе и северо-причерноморских, но они сохранились в развернутой художественной форме, близкой к устному повествованию.

В то же время «отец истории» в научном стиле изложил составленное по определенному плану исследование географии и этнографии Восточной Европы. В нем он обобщил знания греческих колонистов, накопленные за полтора столетия существования греческих поселений на северных берегах Понта. Этими сведениями позднее пользовались и другие авторы естественнонаучных исследований, но ни один писатель не обращался к опросу жителей Северного Причерноморья столь скрупулезно и методично, как Геродот, хотя отдельные вопросы освещались у младших современников историка более подробно.

Сохранившиеся сведения античных писателей неравномерно освещают историю и культуру греческих колоний и их соседей скифов. Одна из причин в том, что античная литература, особенно периода архаики, дошла до наших дней с огромными утратами. Пропали эпические поэмы, в которых, судя по вазовой живописи, встречалось немало эпизодов, связанных с Северным Причерноморьем. Число утраченных трагедий и комедий намного превышает

количество уцелевших. По фрагментам трагедий Софокла нам удалось установить, что он чаще других драматургов использовал сюжеты, связанные со Скифией и Таврикой. Однако не ему, а Еврипиду принадлежит единственная дошедшая до нас пьеса, действие которой происходит на северных берегах Понта.

Немалую роль в обращении к темам, связанным с Северным Причерноморьем, играли субъективные причины. Так, на наш взгляд, Софокл интересовался подобными сюжетами, будучи деятельным сторонником Перикла, вовлекавшего колонии на Понте в сферу афинского влияния. Родственные связи Демосфена в числе других причин побуждали оратора защищать в своих речах интересы Боспора, эти же связи давали его противникам пищу для нападок на оратора.

В целом античные авторы мало интересовались изображением жизни своих соотечественников на берегах Понта, так как она не представлялась им чем-то исключительным и потому достойным описания. Только в двух жанрах литературы в силу их практической направленности уделялось специальное внимание северо-причерноморским полисам. С одной стороны, это были обобщающие географические труды и периплы, где приводились сведения обо всех более или менее крупных греческих поселениях; с другой — судебные речи ораторов, где обсуждались спорные вопросы о торговых и денежных сделках между греками из Средиземноморья и Причерноморья.

Поэтов, драматургов, историков и философов в Северном Причерноморье интересовали, главным образом, экзотические, с их точки зрения, народы, прежде всего скифы, а также необычная природа, климат, флора и фауна этих мест. Неслучайно образ скифа занимает в античной литературе особое место и затем в виде законченного литературного трафарета переходит в европейскую и отечественную поэзию.

Тема Северного Причерноморья нашла определенное место во всех жанрах античной литературы. Она, с одной стороны, формировала взгляды греков на далекую Скифию, с другой — отражала стихийно возникавшие представления. Эти представления были различными у рядовой массы населения, в образованных кругах и в среде купцов и мореходов. Взгляды первой, самой многочисленной группы складывались из устных преданий и театральных пьес. Представители второй группы дополняли эти сведения трудами по истории и этнографии. Знания третьей группы основывались прежде всего на собственном опыте общения с населением Северного Причерноморья, что частично отразилось в судебных речах.

Подобно тому как в литературе о Скифии встречаются имена самых знаменитых авторов, так и в искусстве ряд произведений со скифскими сюжетами принадлежит к лучшим образцам творений

эллинских художников. Среди них ведущие мастера аттической вазовой живописи Клитий, Псиакс, Эпиктет. Они не бывали на северных берегах Понта, но знали о Скифии из народных сказаний и эпических поэм. У себя на родине многие художники видели живых скифов, служивших во вспомогательном афинском войске, и потому детально рисовали их костюм.

Аттические скульпторы изображали греков из Северного Причерноморья такими же, как своих соотечественников. На надгробных рельефах V—IV вв. мы видим мужчин и женщин в расцвете лет, в спокойных позах и обычных для греков хитонах и плащах. К сожалению, не сохранились лица на единственном портретном рельефе этого периода — стеле в честь сыновей боспорского царя Левкона.

В изумительных произведениях греческих ювелиров IV в. раскрываются перед нами серии живых сцен из жизни скифов во время войны, мира, охоты. Эти великолепные памятники прикладного искусства выполнены мастерами различных школ из разных городов Эллады. Поэтому, вглядываясь в них, мы видим Скифию глазами эллинов чуть ли не всей Греции. Если сравнивать с литературой, то творчество этих художников ближе всего к мировоззрению Геродота, описавшего Скифию с доброжелательностью и дотошностью любознательного эллина. Подобно «отцу истории», они открывали для себя новый и необычный мир людей, которых изобразили со всем присущим им талантом и стремлением передать их облик и обычаи как можно достовернее.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Введение

¹ См. библиографию в кн.: Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984 (Археология СССР); Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986.

² Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975; Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.

³ Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973; Штгетльман Ф. М. Античное мистецтво. Кшв., 1977; Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983.

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 373.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ Плиний Старший, IV, 81. **

² Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.

³ Словом «логографы» греки называли также людей, которые за плату писали речи для тяжущихся в суде. См. главу об афинских ораторах.

⁴ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982.

⁵ Сенека. Утешение Гельвецию, VII, 2; Плиний Старший, V, 112.

* Проблемы античности детально освещаются во многих исследованиях. Ссылки на литературу к каждой главе дают возможность читателю ознакомиться лишь с основными работами по тому или иному вопросу и найти в них подробную библиографию.

** Тексты всех античных авторов разделены учеными на книги, главы, иногда на параграфы; в каждой книге поэта учитывается количество стихов. При цитировании указывают римской цифрой книгу, а арабской главу или номер стиха, поэтому нужное место легко найти в любом издании как оригинала, так и его перевода. Если сохранилось лишь одно сочинение того или иного автора, то его название не указывается, например, в «Истории» Геродота или «Географии» Страбона отмечаются только книги и главы.

⁶ По каталогу Н. Эрхарда в настоящее время насчитывается не менее 40 милетских колоний, а если учесть прочие милетские выселки, то их число близко к цифре 70, названной Сенекой в «Утешении Гельвецию» (VII, 2). Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt, 1983. S. 96.

⁷ Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. London, 1980. P. 15—48.

⁸ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 38—

47. ⁹ Фукидид, VI, 3, 2—3; Павсаний, VIII, 46, 2.

¹⁰ Страбон, I, 1, 11.

¹¹ Аммиан Марцеллин, XII, 8.

¹² Геродот, V, 49.

¹³ Куклина И. В. Этногеография Скифии. Л., 1985. С. 48—66.

¹⁴ Страбон, VII, 3, 9.

¹⁵ Он же, I, 2, 10.

¹⁸ Этот вывод известного лингвиста М. Фасмера вошел в число общепризнанных достижений индоевропейской этимологии. Абаев В. И. Скифский язык. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 158.

¹⁷ Пиндар. Пифийские оды, IV, 203.

¹⁸ Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 218, 253, 341, 438. Эпитет «Аксинский» несет здесь двойную нагрузку, обозначая имя собственное и характеризуя берега моря, где вдали от родины страдала Ифигения.

¹⁹ Плиний Старший, VII, 11; Страбон, VII, 3, 6.

²⁰ Геродот, IV, 103, 106.

²¹ Овидий. Печальные элегии, IV, 4, 55—60.

²² Тацит. Анналы, XII, 17.

²³ Страбон, VII, 3, 6.

²⁴ Аммиан Марцеллин, XII, 8, 33.

²⁵ Хоммель. Ахилл-бог // ВДИ, 1981, № 1. С. 68.

²⁶ Ельницкий Л. А. О наименовании Черного моря в древности // ВДИ, 1950, 1. С. 197.

²⁷ Гомер. Илиада, XXIV, 79.

²⁸ Соломоник Е. І. Тавріка [про походження етноніма і топоніма] // Археологія, 1976, № 20. С. 46—50.

²⁹ КБН, 117; ІРЕ I, № 226.

³⁰ Плиний Старший, VI, 20.

³¹ Геродот, IV, 51—57; Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981. С. 12—31.

³² Страбон, VII, 3, 6.

³³ Мела, I, 112; Страбон, XI, 2, 4; Плиний, IV, 87; VI, 18,

19; Птолемей. География, III, 66.

³⁴ Птолемей. География, V, 3, 5.

³⁵ Геродот, IV, 12.

- ³⁸ Там же, IV, 11; *Страбон*, VII, 4, 3.
³⁷ *Дьяконов И. М.* История Мидии. М., 1956. С. 230—232;
Терещоженко А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 11.
³⁸ *Куклина И. В.* Указ. соч. С. 162—173.
³⁹ *Страбон*, XIV, 1, 40.
⁴⁰ *Геродот*, I, 15, 16.
⁴¹ Там же, IV, 87.
⁴² Там же, IV, 12, 45.
⁴³ *Страбон*, VII, 4, 5; XI, 2, 8.
⁴⁴ *Геродот*, IV, 28.
⁴⁵ Схолии к комедии Аристофана «Птицы», стих 945.
⁴⁶ *Стефан Византийский*. Словарь. Статья «Пантикапей».
⁴⁷ *Абаев В. И.* Указ. соч. С. 170—175.
⁴⁸ Древнегреческие месяцы и годы не точно совпадают с современными, поэтому при переводе на наше летосчисление приходится называть период из двух лет или двух месяцев.
⁴⁹ *Стефан Византийский*. Словарь. Статья «Ольвия».
⁵⁰ *Псевдо-Скимн*, ст. 804—809; *Страбон*, VI, 13, 17; *Плиний Старший*, IV, 82; *Птолемей*, III, 5, 14; *Стефан Византийский*. Словарь. Статья «Борисфен».
⁵¹ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 60—69.
⁵² *JPE I*, № 24.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- ¹ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 93; *Виноградов В. Ю.* Киклические поэмы в Ольвии // *ВДИ*, 1969, № 3. С. 142—150; *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // *ВДИ*, 1980, № 2. С. 75, № 33.
² *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 14, 22.
³ *Гордезиани Р. В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 231.
⁴ *Еврипид*. Ифигения в Тавриде, ст. 1464—1465.
⁵ *Severyns A.* Recherches sur la Chrestomatie de Proclo. 1963. P. 82.
⁶ *Philippart H.* Iconographie de l'Iphigenie en Tauride d'Euripide // *Revue Beige de Philologie et Histoire*, 1925. T. 4. P. 5—33.
⁷ *Lloyd-Jones P. H.* Artemis und Iphigeneia // *JHS*, 1983. № 103. P. 87—102.
⁸ *Пиндар*. Пифийские оды, XI, 22; *Эсхил*. Агамемнон, ст. 183; *Софокл*. Электра, ст. 582.
⁹ *Еврипид*. Ифигения в Тавриде, ст. 1460—1463.
¹⁰ *Гесиод*. Теогония, ст. 411; *Еврипид*. Ифигения в Тавриде, ст. 25—31.

- ¹¹ *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 134.
¹² Там же. С. 136.
¹³ *Еврипид*. Ифигения в Тавриде, ст. 1153—1157; *Каллимах*. Гимн к Артемиде, III, 173—174; *Диодор*, IV, 44.
¹⁴ *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 134.
¹⁵ *Геродот*, IV, 103.
¹⁶ Он же, I, 131; II, 42; IV, 59.
¹⁷ Он же, V, 7.
¹⁸ *Дионисий Перигет*. Схолии к ст. 306 и комментарий Евстафия к тому же стиху.
¹⁹ *Никандр*. Превращение, фр. 58.
²⁰ *Trenkner S.* The Greek Novelle in Classical Period. Cambridge, 1958. P. 50—52.
²¹ *Шелов-Коведяев Ф. В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // *ВДИ*, 1990, № 3. С. 49—50.
²² *Русяева А. С.* Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 126—138.
²³ *Зограф А. Н.* Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черном море — СА, 1941, № 7. С. 153.
²⁴ *Охотников С. В., Островерхое А. С.* Святилище Ахилла на острове Левка (Змеином). Киев, 1993. С. 106—108.
²⁵ *Гомер*. Одиссея, XI, 13—16.
²⁶ Там же, XII, 488—491.
²⁷ Там же, IV, 561—569.
²⁸ *Гесиод*. Труды и дни, ст. 170—171.
²⁹ *Дионисий Перигет*, V, 545—547.
³⁰ *Плиний*, IV, 93.
³¹ *Пиндар*. Олимпийские песни, I, 70—80.
³² *Пиндар*. Немейские песни, IV, 43—51.
³³ *Еврипид*. Андромаха, ст. 1237—1238, 1259—1262.
³⁴ *Арриан*. Обезд Евксинского Понта, гл. 34.
³⁵ *Максим Тирский*, XV, 7.
³⁶ *Филострат*. Рассказ о героях, XIX, 16—20.
³⁷ *JPE I*, № 325.
³⁸ *Плиний Старший*, IV, 83.
³⁹ *Филострат*. Рассказ о героях, XIX, 17.
⁴⁰ *Павсаний*, III, 19, 11.
⁴¹ *Мела*, II, 5; *Плиний*, IV, 83.
⁴² *Плутарх*. Тесей, 25.
⁴³ *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 75—76.
⁴⁴ *Еврипид*. Ифигения в Тавриде, ст. 436.
⁴⁵ *Страбон*, XII, 3, 22.
⁴⁶ *Еврипид*. Ифигения в Тавриде, ст. 899.
⁴⁷ *Пиндар*. Олимпийские песни, III, 13—16, 25—26.
⁴⁸ *Аполлодор*. Библиотека, II, 5, 11.

- ⁴⁹ Аполлодор. Библиотека, II, 5, 9.
⁵⁰ Еврипид. Геракл, ст. 408—419.
⁵¹ Геродот, IV, 8—10.
⁶² Он же, I, 171.
⁵³ Он же, V, 43.
⁵⁴ Миллер В. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1882. С. 119; Миценко Ф. Г. Легенды о царских скифах у Геродота // ЖМНП, 1886, январь. С. 39—47.
⁵⁵ Граков Б. П. Скифский Геракл // КСИИМК, вып. 34, 1950. С. 12; Петров В. П., Макаревич М. Л. Скифская генеалогическая легенда // СА, 1963, № 1. С. 20—31; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 32—36, 54; Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 93—98.
⁵⁸ Петров В. П., Макаревич М. Л. Указ. соч. С. 94.
⁵⁷ Русяева А. С. Указ. соч., 1990. С. 51—52.
⁵⁸ Гесиод. Теогония, ст. 298—303.
⁵⁹ SIG. XIV, 1393 A.
⁶⁰ Аполлодор. Библиотека, I, 9, 22.
⁹¹ Плутарх. Тесей, гл. 3.
⁹² Диодор Сицилийский, II, 43.
⁹³ SIG. XIV. 1393 A.
⁹⁴ Геродот, IV, 82.
⁹⁵ Схолии к Феокриту, XIII, 56.
⁹⁸ Эсхил. Хозфоры, ст. 161—163.
⁹⁷ Косвен М. О. Амазонки. История легенды — СЭ, 1947, № 2. С. 33—59.
⁹⁸ Cantarella E. Pandoras Daughters. Baltimore-London, 1989.
Р. 11—19.
⁹⁹ Страбон, X, 5, 3.
⁷⁰ Геродот, IV, 110—116.
⁷¹ Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 125.
⁷² Диодор, II, 45; Юстин, II, 4.
⁷³ Плутарх. Тесей, 26.
⁷⁴ Геродот, IV, 28.
⁷⁵ Эсхил. Прометей Прикованный, ст. 732—735; Аполлодор. Библиотека, II, 1, 3; Аппиан, XII, 100; Стефан Византийский. Словарь. Статья «Боспор».
⁷⁸ Геродот, II, 143; VIII, 114; IX, 26—27, 33.
⁷⁷ Эсхил. Просительницы, ст. 545—555.
⁷⁸ Эсхил. Прометей Прикованный, ст. 732—735.
⁷⁹ Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 393—399.
⁸⁰ Эсхил. Прометей Прикованный, ст. 774.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ¹ Страбон, XIII, 4, 8.

- ² Геродот, IV, 13.
³ Каллимах, III, 248—258.
⁴ Страбон VII, 3, 7.
⁵ Page D. L. Alkman. The Parthenion. Oxford, 1951. P. 87, 90.
⁹ Deveraux G. The Koloxain Horse of Alkman's Parthenion // The Classical Quarterly, 1965. T. 15. P. 178.
⁷ Феогнид, ст. 825—830.
⁸ Платон. Законы, I, 9, 637; Афиней, I, 499.
⁹ Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. М., 1984. С. 119—120.
¹⁰ Овидий. Печальные элегии, V, 10, 48.
¹¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. Главы «Русские вышивки и мифология» и «Мифы, предания, сказки».
¹² Гомер. Илиада, XIII, 6.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ Для ориентации читателя в современном состоянии изучения сведений Геродота о Скифии укажем две важнейшие обобщающие работы: Доватур А. П., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982, 455 с; Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. 240 с.
² Подробно о биографии Геродота и источниках наших сведений о ней см. в основополагающем труде Ф. Якоби и монографии С. Я. Лурье: Jacoby F. Herodotus — RE. — Supplbd. 2, 1913. Col. 213—247; Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1949. С. 7—13.
³ Цицерон. О законах, I, 5; Дионисий Галикарнасский. О характере Фукидида, 820.
⁴ Обличению Геродота в предвзятости посвящен целый трактат «О злокозненности Геродота», приписываемый Плутарху.
⁵ Там же, I, I.
⁸ Перевод С. И. Соболевского в кн.: История древнегреческой литературы. М., 1955. Т. 2. С. 13.
⁷ Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в десяти книгах. Л., 1972. С. 459.
⁸ Polenz M. Herodot. Der erste Geschichtschreiber des Abendlandes. Leipzig—Berlin, 1937. S. 221.
⁹ Цицерон. О законах, I, 5.
¹⁰ Геродот, II, 99.
¹¹ Ehrenberg V. Sophocles und Pericles. Oxford, 1954. P. 30, 137.
¹² Waters K. H. Herodotus the Historien. London, 1985. P. 76.
¹³ Агатемпер, I, 1.
¹⁴ Цицерон. О границах добра и зла, V, 19, 50.

- ¹⁵ Лурье С. Я. Демокрит. Л., 1970. С. 192.
¹⁸ *Jacoby F.* Op. cit. Col. 397.
¹⁷ Анакреонт, фр. 63; Феогнид, ст. 829.
¹⁸ Геродот, I, 106; VII, 84.
¹⁹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 77.
²⁰ Геродот, IV, 30.
²¹ Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984. С. 11.
²² Геродот, VII, 84.
²³ Он же, IV, 88.
²⁴ Об употреблении в античности слова «тиран» см. в главе об афинских ораторах.
²⁵ Черненко Е. В. Указ. соч. С. 51.
²⁶ Сводка литературы дана в указанной выше работе А. И. Доватура, Д. П. Каллистова и И. А. Шишовой.
²⁷ Геродот, IV, 97—98; 131—132.
²⁸ Страбон, VII, 3, 14.
²⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 280; Черненко Е. В. Указ. соч. С. 27.
³⁰ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Указ. соч. С. 335.
³¹ Левинтон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 333.
³² Аполлодор. Библиотека, II, 5, 1.
³ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 183.
³⁴ Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 136.
³⁵ *Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921. S. 241.
³⁶ Климент Александрийский. Строматы, V, 8, 44.
³⁷ *W. Aly.* Op. cit. S. 84; *Balcer J. M.* The Date of Herodotus IV, 1. Darius 'Scythian Expedition' // HSPH, 1972. S. 131.
³⁸ Фридрих И. История письма. М., 1978. С. 32.
³⁹ Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 36.
⁴⁰ Страбон, III, 1, 3; XVII, 2, 2; 3, 1.
⁴¹ Шишова И. А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 17.
⁴² Геродот, IV, 17.
⁴ Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 26.
⁴⁴ Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии — СА, 1985. № 2. С. 49.
⁴⁵ Геродот, IV, 82.
⁴⁸ Он же, IV, 47—53.

- ⁴⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 27—28.
⁴⁸ Граков Б. М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? — Археологія, 1947. № 1. С. 23—37; *Островерхое А. С.* Ольвия и торговые пути Скифии — Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 90.
⁴⁹ Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани — Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 115—122.
⁶⁰ Геродот, IV, 24.
⁶¹ Он же, IV, 23—24.
⁶² Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Указ. соч. С. 252.
⁶³ Поплинский Ю. К. Принципы этнографических описаний в античной литературе // Африканский этнографический сборник. 1990. № 12. С. 144—145.
⁵⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 53.
⁵⁵ Геродот, IV, 10.
⁵⁶ Марченко К. К., Щеглов О. М. До Геродота IV, 81 — Археологія, 1989. № 3. С. 117—122.
⁵⁷ Геродот, I, 106; VI, 86.
⁵⁸ *Polenz M.* Herodot. Der erste Geschichts-Schreiber des Abendlandes. Leipzig—Berlin, 1937. S. 45.
⁵⁹ Геродот, IV, 46.
⁶⁰ Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. Гаврилюк Н. А. Домашнее хозяйство и быт степных скифов. Киев, 1989. См. также книгу В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, где наряду с собственными исследованиями приведена обширная библиография: *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
⁶¹ Геродот, II, 123.
⁶² Он же, IV, 5—7.
⁶³ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 65—71.
⁸⁴ Там же. С. 19—80.
⁸⁵ Геродот, IV, 11.
⁸⁸ Раевский Д. С. Указ. соч. С. 137.
⁸⁷ Геродот, IV, 77.
⁸⁸ Там же, IV, 76.
⁸⁹ Русяева А. С. Религия // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 552.
⁷⁰ Диоген Лаэртский, I, 101—102; Плутарх. Солон, 5.
⁷¹ *Kindstrand J. E.* Anacharsis. The Legend and the Aporhtegmata. Uppsala, 1986. P. 97—164.
⁷² Куклина И. В. Анахарсис // ВДИ. 1971. № 3. С. 119.

- ⁷³ Геродот, IV, 78—80.
⁷⁴ Куклина И. В. Указ. соч. с. 116.
⁷⁵ Виноградов Ю. Г. Перстень царя Скила // СА. 1980, № 3. С. 107.
⁷⁷ Геродот, I, 8; II, 161; IV, 79; V, 92; IX, 109.
Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса М., 1989. С. 95—109.
⁷⁸ Там же. С. 100—101.
Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 178.
⁸⁰ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1969. С. 62.
⁸¹ Геродот, IV, 90, 93; VII, 108.
⁸² Он же, II, 33; IV, 78.
⁸³ Он же, IV, 12, 28.
⁸⁴ Он же, I, 76; II, 34; IV, 12.
⁸⁶ Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территории Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика культура. М., 1990. С. 359.
⁸⁶ Мела, II, 4; Плиний, IV, 84—85; Арриан. Перипл Понта Евксинского, 19; Перипл Анонима, 57; Птолемей. География, III 5, 13.
⁸⁷ Геродот, IV, 20, 100.
⁸⁸ Он же, I, 16; IV, 18, 24, 78.
⁸⁹ Он же, IV, 17, 24, 53, 78, 79.
⁹⁰ Он же, IV, 88.
⁹¹ Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М. — Л., 1953. С. 40—41.
⁹² Гриневиц К. Э. О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. 1966, № 1. С. 105—110.
Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 84—85.
⁹⁴ Козуб Ю. I. Передмістя Ольвії // Археологія. 1979. № 29. С. 3.
⁹⁵ Крыжицкий С. Д. Указ. соч. С. 83.
⁹⁹ Плиний, IV, 82, 84; Мела, II, 7.
⁸⁷ Геродот, IV, 18.
⁹⁸ Абаев В. И. Геродотовы Scythai-georgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74—76.
Псевдо-Скимн, ст. 846; Схолии к Дионисию Перизегету, ст. 311; Плиний, IV, 82.
¹⁰⁰ Ильинская В. А., Тереножкин А. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 193—195.
¹⁰¹ Дион Хрисостом, XXXVI, 3.
¹⁰² Геродот, IV, 71, 81.
¹⁰³ Он же, IV, 5, 59.

- ¹⁰⁴ Геродот, I, 102; IV, 11.
¹⁰⁵ Он же, IV, 17, 21, 105.
¹⁰⁶ Рыбаков Б. А. Ук. соч. Карта на с. 13, где указано 6 разных мест локализации будинов М. И. Артамоновым, А. П. Смирновым, Б. Н. Граковым, А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской.
¹⁰⁷ Armayor O. K. Did Herodotus ever go to the Black Sea? // Harvard Studies in Classical Philology. 1978. № 82. P. 45—62.
¹⁰⁸ Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Русская литература, 1963, № 3. С. 71.
¹⁰⁹ Геродот, II, 9.
¹¹⁰ Он же, IV, 87, 124; VI, 9, 95.
¹¹¹ Черненко Е. В. Ук. соч. С. 19—20.
¹¹² Dreizenter A. Die rhetorische Zahl: Quellenkritische Untersuchungen anhand Zahlen 70 und 700. München, 1978. S. 85.
¹¹³ Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 55—56.
¹¹⁴ Геродот, IV, 18, 53.
¹¹⁵ Aly W. Op. cit. S. 74.
¹¹⁸ Hansen A. Ost-Europa nach Herodot mit ergänzungen aus Hippocrates. Dorpat, 1844. S. 44.
¹¹⁷ Геродот, IV, 73.
¹¹⁸ Гиппократ. О болезнях, IV, 20.
¹¹⁹ Куклина И. В. Трактат «О воздухах, водах и местностях» как источник по истории скифов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 3. Л., 1970. С. 217—232.
¹²⁰ Аристотель. Проблемы, II, 72.
¹²¹ Феофраст. История растений, IV, 53.
¹²² Страбон, VII, 3, 18.
¹²³ Феофраст. История растений, VII, 13, 8.
¹²⁴ Там же, IX, 13, 2.
¹²⁵ Геродот, II, 28; Аристотель. История животных, VIII, 25.
¹²⁸ Геродот, II, 22; Аристотель. История животных, VIII, 12.
¹²⁷ Аристотель. О чудесных слухах, 30; Феофраст. О водах, фр. 172.
¹²⁸ Геродот, IV, 109.
¹²⁹ Плиний, VIII, 109; XXXII, 27; Гален. О составлении лекарств, I, 1.
¹³⁰ Аристотель. История животных, V, 19; VI, 22, 2; VIII, 13, 19; IX, 47.
¹³¹ Геродот, II, 128; Аристотель. Проблемы, XXV, 6; Феофраст. История растений, IV, 13, 14.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- ¹ Полиэн. Военные хитрости, VI, 44.
² Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2. С. 247—250.

- 3 Введение Либания к речи Демосфена «За Ктесифонта о венке» IPE I, № 25 и 31.
- ⁶ Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия // ВДИ. 1984 № 1. С. 64—71.
- ⁸ НО, № 28.
- ⁷ Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960, № 1. С. 29—36.
- ⁸ Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970. С. 15—44.
- ⁹ Havelock E. Preface to Plato. Cambridge-Mass., 1963. P. 36—37.
- ¹⁰ Плутарх. Никий, гл. 28.
- ¹¹ Лукиан. О написании истории, гл. 1.
- ¹² Эсхил. Прометей Прикованный, ст. 433—435.
- ¹³ Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 61—65.
- ¹⁴ Эсхил. Указ. соч., ст. 731—760, перевод С. К. Апта.
- ¹⁵ Страбон, VII, 3, 7.
- ¹⁶ Vos M. F. Scythian Archers in Archaic Vase-Painting. Groningen, 1963. P. 39.
- ¹⁷ Васон Н. Barbarian in Greek Tragedy. New-Haven, 1961. P. 46
- ¹⁸ Геродот, IV, 45.
- ¹⁹ Ярхо В. Н. Эсхил. М., 1958. С. 231.
- ²⁰ Плутарх. Перикл, гл. 20.
- ²¹ Карышковский П. О. Ольвия и Афинский морской союз // МАСП, № 3. С. 81; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 126—134.
- ²² Софокл. Антигона, ст. 905—912; Электра, ст. 417—424; Следопыты, ст. 294—298; Геродот, III, 118—119; I, 108; II, 67.
- Софокл. Драмы. Т. 3. Перевод с предисловием и введениями Ф. Зелинского. М., 1914. С. 256. В своде В. В. Латышева «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». СПб., 1899. С. 626 переводчик дал буквальный, но непонятный перевод: «остриженный по-скифски как ручник», точнее было бы сказать «ободранный».
- ²⁴ Геродот, IV, 64.
- ²⁸ Аполлодор. Библиотека, II, 3.
- ²⁸ Софокл. Драмы. Т. 3. С. 214.
- ²⁷ Цицерон. О природе богов, XXXI, 89.
- Пичикьян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. М., 1984. С. 154—156; Trell B. L. Numismatic Solution of Two Problems in Euripides // The Numismatic Chronical and Journal of Numismatic Society. 1964. Т. 4. P. 96.
- ²⁹ Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 72—74, 87—88, 96—98, 111—112, 127—128.
- ³⁰ Васон Н. Op. cit. P. 132.
- ⁸¹ Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 87—88, 111, 977.
- ³² Там же, ст. 38, 876, 1208, 1212, 1226, 1422.
- ³³ Там же, ст. 39, 1429—1430.

- ³⁴ Геродот, IV, 103.
- ³⁵ Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 421—438.
- ³⁶ Страбон, VII, 6.
- ³⁷ Дионисий Перизет, ст. 543; Арриан. Перипл Понта Евксинского, гл. 32.
- ³⁸ Еврипид. Андромаха, ст. 1259—1269.
- ³⁹ Еврипид. Троянки, ст. 1026; Электра, ст. 241.
- ⁴⁰ TGF) т. 2, fr. 701.
- ⁴¹ TGF> т. 3 (fr. 4
- ⁴² Андокид, III, 5; Эсхин, II, 173.
- ⁴³ Доватур А. И. Рабство в Афинах VI—V века до н. э. Л., 1980. С. 48—49.
- ⁴⁴ Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 291.
- ⁴⁵ Там же. С. 232, № 71.
- ⁴⁶ Аристофан. Лисистрата, ст. 434—462.
- ⁴⁷ Там же, ст. 434, 441, 445, 449.
- ⁴⁸ Там же, ст. 451, 455.
- ⁴⁹ Аристофан. Женщины на празднике Фесмофорий, ст. 1116, 1177, 1193.
- ⁶⁰ Там же, ст. 1017, 1026, 1182, 1184.
- ⁵¹ Софокл. Аякс, ст. 1120—1121.
- ⁵² Аристофан. Ахарняне, ст. 703—712.
- ⁵³ Геродот, IV, 5, 8, 11, 17, 20, 22.
- ⁵⁴ Аристофан. Птицы, ст. 941.
- ⁵⁵ Аристофан. Фрагмент 478.
- ⁵⁶ Поллукс, VII, 59; X, 168.
- ⁵⁷ Афинея, VI, р. 226.
- ⁵⁸ Аристофан. Женщины на празднике Фесмофорий, ст. 1215—1216.
- ⁵⁹ Схолии к Феокриту, 288; Эвполид, фр. 19.
- ⁸⁰ Кратин, фр. 336.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- ¹ О Боспорском царстве см. монографии: Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949; Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // ДГ. 1984.
- ² Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 69.
- ³ Там же. С. 76—77.
- ⁴ Диодор, XX, 22.
- ⁶ КБН, № 6, 8.
- ⁸ Исократ, IV, 50.
- ⁷ КБН, № 114.
- ⁸ Исократ, IX, 11.

- ⁹ Плутарх. Перикл, 8, 6.
¹⁰ Исократ, IV, 67—69.
¹¹ Исократ, VI, 42; XII, 193.
¹² Демосфен, XI, 8.
¹³ Лисий, XVI, 4.
¹⁴ Датировка этой и всех остальных речей тщательно обоснована в капитальном труде Ф. Бласса и признана современными исследователями: Blass F. Die Attische Beredsamkeit. Leipzig, 1892.
¹⁵ Цицерон. Об ораторе, II, 94.
¹⁶ Дионисий Галикарнасский. Об Исократе, 18.
¹⁷ Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959. С. 116—130. В отечественной литературе наиболее обстоятельный анализ «Трапезитика» дан в этой книге. Автор характеризует не только экономические связи между Боспором и Афинами, о которых прямо говорит Исократ, но делает важный вывод о существовании определенного политического договора между этими государствами. Один из пунктов предусматривал взаимную выдачу преступников и подозреваемых в государственной измене, другой содержал соглашение о судопроизводстве в спорных делах между гражданами обоих государств.
¹⁸ Фукидид, II, 4; Платон. Протагор, 24. Р. 337d.
¹⁹ Перевод С. И. Радцига в кн.: Аристофан и его время. М., 1956. С. 26.
²⁰ Аристофан. Осы, ст. 1501—1532; Мир, ст. 781—793, 864.
²¹ Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 23, 91; Hopper R. J. Trade and Industry in Classical Greece. London, 1979. P. 119—122.
²² Демосфен, XIV, 85; XXIX, 46; LIII, 18; LIX, 2.
²³ Демосфен, XXVII, 11.
²⁴ Демосфен, XXXVI, 43.
²⁵ Исократ, XV, 93, 224.
²⁶ Плутарх. Демосфен, гл. 5.
²⁷ Исократ, XV, 187.
²⁸ Демосфен, I, 56.
²⁹ Плутарх. Демосфен, гл. 5.
³⁰ Там же, гл. 11.
³¹ Эсхин, III, 171.
³² Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М. — Л., 1953. С. 192.
³³ Демосфен, XX, 30.
³⁴ Демосфен, XVIII, 129—131; 258.
³⁵ Эсхин, II, 76; III, 150.
³⁶ Динарх, I, 15.
³⁷ Плутарх. Демосфен, гл. 4.
³⁸ Жебелев С. А. Указ. соч. С. 186, 195; Блаватская Т. В. Указ. соч. С. 69—70; Шелов-Коведяев Ф. В. Указ. соч. С. 92—114.

- ³⁹ Динарх, I, 43.
⁴⁰ Демосфен, XX, 31.
⁴¹ Демосфен, XX, 32.
⁴² Демосфен, XX, 33.
⁴³ Страбон, VII, 46.
⁴⁴ Демосфен, XX, 37.
⁴⁵ Исократ, XVII, 57.
⁴⁶ Жебелев С. А. Указ. соч. С. 132.
⁴⁷ Демосфен, XX, 36.
⁴⁸ IPE I, ² № 24.
⁴⁹ Там же, № 212.
⁵⁰ Демосфен, XXXV, 35.
⁵¹ Страбон, XII, 3, 2.
⁵² Овидий. Героини, XII, 27; Арриан. Перипл Понта Евксинского, гл. 16.
⁵³ Демосфен, XXXIV, 6.
⁵⁴ Казакевич Э. Л. О рабах-агентах в Афинах // ВДН. 1961. № 3. С. 19.
⁵⁵ Демосфен, XXXVI, 36.
⁵⁶ Глускина Л. М. Указ. соч. С. 113.
⁵⁷ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 38.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- ¹ Кобылина М. М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 5—15; Соколов Г. М. Античное Причерноморье. Л., 1973. № 16, 17, 19, 20.
² IPE I, ² № 27, 406; НО, № 66.
³ Грач Н. Л. Фрагмент стелы V в. до н. э. из Пантикапея // ТГЭ. 1972. № 3. С. 56—61; Соколов Г. М. Указ. соч. № 21; Лесницкая М. М. Античная стела из Одесского археологического музея // КСИА АН СССР. М., 1976. № 145. С. 23—27.
⁴ Савостина Е. А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА, 1987, № 1. С. 60—69.
⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 68, рис. 5.
⁶ Белецкий А. А. «Благосклонно внимлющий герой из Ольвии» // ВДИ, 1969. № 1. С. 155—161.
⁷ НО, № 29.
⁸ Плутарх. Алкивиад, 16.
⁹ Демосфен, XIX, 314.
¹⁰ Феофраст. Характеры, IV, 4—5.
¹¹ Эсхин, I, 26.
¹² Плутарх. Фокион, 4, 2.

- ¹³ Bieber M. Die griechische Kleidung. Berlin—Leipzig, 1928. S. 30; Geddes A. G. Rags and Riches: the Costume of Athenian Men in Fifth Century — Classical Quarterly. 1987. N 32, 2. P. 312.
- ¹⁴ Соколов Г. М. Указ. соч., № 127, 161.
- ¹⁵ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н. э.). Киев, 1982. С. 127, рис. 49.
- ¹⁶ Феофраст. История растений, IV, 53.
- ¹⁷ Аристофан. Птицы, ст. 1567—1573.
- ¹⁸ Платон. Теэт. 175 е.
- ¹⁹ Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. С. 93, рис. 24, 32, 34, 35, 38.
- ²⁰ Геродот, IV, 120.
- ²¹ Там же, I, 79.
- ²² Дударев С. Л., Махорты С. В. К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 37—40.
- ²³ Greenhalch P. A. Early Greek Warfare. Cambridge, 1973. P. 143.
- ²⁴ Philippart H. Iconographie d'I «Iphigenie en Tauride» d'Euripide — Revue Belge de Philologie et d'Histoire. 1925. T. 4. P. 5—33.
- ²⁵ Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 131.
- ²⁸ Там же, ст. 87.
- ²⁷ Там же, ст. 138—140.
- ²⁸ Варнеке Б. В. История античного театра. М., 1940. С. 115.
- ²⁹ Vos M. F. Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963. P. 48.
- ³⁰ Там же, № 249.
- ³¹ Там же, с. 44.
- ⁸² Там же, с. 42.
- ³³ Там же, с. 50.
- ⁸⁴ Там же, с. 80—81.
- ³⁵ Там же, с. 34—39.
- ³⁶ Алексеев А. Ю. Сцена вручения лука на амфоре VI в. до н. э. // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1981. № 46. С. 41—42.
- ³⁷ Vos M. F. Op. cit. P. 39.
- ³⁸ Bothmer D. Amazones in Greek Art. Oxford, 1957. P. 234.
- ³⁹ Там же. С. 8, 31.
- ⁴⁰ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 442.
- ⁴¹ Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 63—64.
- ⁴² Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966; Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М., 1978.
- ⁴³ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 81; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 31—39; Он же. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 17—22, 181—203;

- Мачинский Д. О. О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 232—240 и др.
- ⁴⁴ Перевод Л. Блуменау и О. Румер. — Греческая эпиграмма. М., 1960. С. 32, 57.
- ⁴⁵ Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. 1976. № 3. С. 68—75; Мачинский Д. А. Указ. соч. С. 239—240; Раевский Д. С. Об интерпретации памятников скифского искусства — Народы Азии и Африки. 1979. № 1. С. 70.
- ⁴⁸ Симоненко А. В. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры // Скифы Северного Причерноморья. Киев. 1987. С. 140—144.
- ⁴⁷ Страбон, VII, 4, 8.
- ⁴⁸ Геродот, IV, 134.
- ⁴⁹ Раевский Д. С. Указ. соч., 1985. С. 60—64.
- ⁵⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Архангельск, 1983. С. 41.
- ⁵¹ Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 74—98, 112—123.
- ⁶² Раевский Д. С. (указ. соч., 1977. С. 33) считает это изображение иллюстрацией якобы существовавшего у скифов мифа о сыновьях Таргитая, который в пересказе Геродота заменен Гераклом. Как показано в разделе «Пути Геракла по Скифии», миф о сыновьях эллинского героя и змееной богини — плод творчества греческих колонистов. Поэтому не следует искать отражения этого предания в произведениях на сюжеты скифского фольклора.
- ⁵³ Карышковский П. О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. 1960. № 1. С. 193.
- ⁶⁴ Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 21—22.
- ⁶⁵ Раевский Д. С. Указ. соч., 1977. С. 35.
- ⁵⁸ IPE I,² № 80, 82, 86, 89, 91, 94, 96—101, 105, 107, 128, 129, 139.
- ⁵⁷ Геродот, I, 14.
- ⁵⁸ Плиний Старший, XXIII, 55.
- ⁵⁹ Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. 1950. № 13. С. 226—232.
- ⁶⁰ Раевский Д. С. Указ. соч., 1985. С. 181—203.
- ⁶¹ Плиний Старший, XXXIV, 61.
- ⁶² Винпер Б. Р. Искусство древней Греции. М., 1972. № 135; Boardman J. Athenian Black Figure Vases. London, 1985. № 110.
- ⁶³ Горбунова К. С. Указ. соч. № 115.
- ⁶⁴ Манцевич А. П. Указ. соч. С. 223.
- ⁶⁵ Ножны меча с головой кабана найдены в скифском кургане: Отрошенко В. В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 121—126.
- ⁶⁶ Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 461—462; Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 120—121; Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964. С. 69.

- ⁸⁷ Плиний Старший, XXXIV, 83.
⁸⁸ Burford A. Craftsman in Greek and Roman Society. New-Jork, 1972. P. 63.
⁸⁹ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 204.
⁷⁰ Плиний Старший, XXXIV, 37.
⁷¹ Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 89.
⁷² Плиний Старший, XXXI, 70.
⁷³ Лордкипанидзе О. Д. Новая находка в Вани // ВДИ. 1989. № 3. С. 178—182.
⁷⁴ Horrer R. E. Trade and Industry in Classical Greece. London, 1979. P. 139.
⁷⁵ Блаватский В. Д. Указ. соч. С. 67.
⁷⁶ Фармаковский Б. В. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцы // Сборник в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911. С. 45—118; Черненко Е. В. Указ. соч. С. 78—87.
⁷⁷ Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979.

Заключение

1. Плиний Старший, I, 83.
2. Диоген Лаэртский, IV, 47.
3. IPE I,² № 344.

УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ ИМЕН, ЭТНИЧЕСКИХ
И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Абдеры 135	Антигона 141, 142, 278
Авгий 46	Антиопа 53
Авлида 34, 39, 207	Антисфен 165, 248
Авхаты 99	Антифан 154
Агамемнон 31, 32, 34—36, 38, 141, 148, 270	Антифонт 159
Агатемер 273	Апи 95
Агафирс 48, 51, 23	Аполлотор 133, 168, 177, 178, 271—273, 278
Агафисы 48, 51, 81, 87, 107, 118, 264	Аполлон 33, 26—28, 35, 37, 46, 52, 95, 116, 146, 147, 207
Агафон 149	Аполлоний 133, 187
Агаэт 26	Аполлоний Родосский 142
Агесихора 62, 64	Аполлония 11, 113
Агида 62, 64	Априй 109, 110
Аид 19, 21, 40, 41, 46, 56, 262	Араке 100, 127
Акра 25, 26	Аргимпаса 95
Акрагант 242	Аргиппей 90, 92, 93
Аксиак 119	Аргонавты 20, 142, 143, 199
Аксиаки 119	Аргос или Арголида 37, 55, 134, 170, 257
Акция 143	Арей 38, 150, 160
Алазоны 88, 89, 119	Ариадна 242
Александр Македонский 72, 170, 257	Ариант 97, 122—124, 126
Алет 143	Аристагор 17, 88
Алкей 22, 130	Аристей Проконесский 59
Алкман 62, 63, 64, 202, 264	Аристогитон 174
Алы Арафенидские 35, 37, 144	Аристоник 132
Амазонки 44, 46, 47, 52—54, 56, 114, 118, 123, 137—139, 149, 159, 160, 182, 206, 209, 210, 216, 217, 219, 223, 252, 262—264	Аристотель 62, 123, 128, 129, 277
Аммиан Марцеллин 269	Аристофан 25, 134, 150—155, 165, 198, 270, 279, 280
Анакреонт 62, 65, 67, 224, 274	Аркадия 47, 199, 257
Анаксимандр 11, 16	Арктин Милетский 31, 42
Анаксимен 11	Аротеры 119
Анахарсис 70, 71, 101—107, 109, 110, 112, 118, 119, 223, 264, 275	Арпоксай 99, 123
Андокид 150, 279	Арриан 43, 114, 179, 271, 276
Андрокл 177	Артаинта 109, 110
Андромеда 48	Артемиды 34—39, 46, 47, 56, 59, 143, 144, 146, 147, 182, 195, 199, 206, 207, 242, 264, 271
Андрофаги 20, 81, 82, 87, 98, 119, 122	Артемида 260
Антестерий 133, 278	

* В указатель не включены наименования Скифия, Эллада, Греция, скифы, греки, эллины, Понт Евксинский, так как они встречаются почти на каждой странице (им посвящена вся книга).

Артемон 177, 178
 Археонид 178
 Археонактиды 157, 158
 Архестрат 165, 166
 Астиаг 141
 Аталанта 199, 200
 Атлант 46
 Аттика 35—37, 53, 54, 155, 159, 176
 Афина 34, 37, 137, 139, 206, 257
 Афиней 66, 189, 273, 279
 Афинодор 189
 Афины 45, 50, 74, 75, 78, 88, 102, 104, 124, 131—135, 140, 141, 143, 144, 146, 150, 156, 159—161, 163—168, 170, 172—175, 177, 178, 180, 181, 200, 209, 217, 256, 257, 280, 281
 Афиняне 131—135, 141, 150, 159—161, 163—167, 170, 172, 176, 178, 181, 203, 209, 217, 224
 Афродита 38, 95, 195
 Ахейцы 33
 Ахилл 22, 31, 33, 34, 39—45, 52—54, 119, 258, 263, 264, 271
 Ахиллов Дром 29, 39, 40, 44, 45, 87, 119
 Аякс 42, 151, 199, 218, 279
 Беллерофонт 146
 Борисфен, город 22, 23, 26—28, 40, 93, 108, 115, 116, 120, 177, 178
 Борисфен, река 22, 27, 29, 45, 87—90, 95, 92, 95, 99, 102, 119, 125, 126, 130, 278
 Борисфениты, ольвиополиты 107, 108, 115
 Борисфениты, скифы 28, 29, 90, 92, 115, 119, 120
 Боспор, государство 5, 24, 26, 128, 130, 132, 156—158, 161, 163, 164, 166—168, 172—182, 186, 260, 266, 263, 266
 Боспор Киммерийский 9, 17, 23—26, 54, 56, 59, 87, 95, 112, 113, 129, 138—140, 143, 144—156, 157, 258, 264
 Боспор Фракийский 11, 19, 24, 28, 42, 80, 81, 97, 113, 148, 176, 179
 Бэот 242
 Бриг 218
 Будины 81, 92, 122
 Вавилон 74, 80, 87, 126
 Вакх 65, 66, 1108, 131
 Вергилий 9
 Византии 166
 Галикарнасс 74, 78, 87, 260
 Гармодий 174
 Гегесо 174
 Гекатей 15, 16, 17, 22, 23, 39, 55, 77, 88, 105, 114, 120, 140, 149
 Гектор 218
 Гелиос 41, 257
 Гелланик 54
 Геллеспонт 74
 Гелон 48, 123
 Гелоны 48, 151, 81, 118, 264
 Гем 17
 Георги 90, 119, 120, 276
 Гера 34, 55, 80, 81, 218, 219
 Геракл 39, 44—53, 55, 56, 69, 84, 99, 111, 118, 119, 121—123, 139, 142, 146, 218, 219, 223, 257, 260, 262—264, 271, 283
 Гераклея Понтийская 13, 17
 Герион 46, 47
 Геркуланум 35, 203
 Гермес 38, 55, 190, 206, 207, 218
 Гермисий 23
 Гермонасса 156
 Геродот 7, 10, 11, 16, 20, 24, 25, 28, 37—39, 48—51, 53, 54, 59, 63, 65, 69, 72—130, 137—139, 141—143, 147—149, 153—155, 202, 219, 223, 236, 240, 258, 264, 265, 267, 269—270, 283
 Герр 23, 89, 92
 Гесиод 19, 41, 49, 62, 263, 270—272
 Геспериды 46, 47, 56, 252
 Гестия 38
 Гея 38, 47
 Гиблесий 177, 178
 Гиг 24, 53
 Гиерон 153, 154, 176, 178
 Гилей 119
 Гилен 210
 Гилея 29, 48, 50, 51, 102, 103, 118, 119
 Гилон 172—174, 181
 Гипакирис 23, 89
 Гипанис 22, 27—29, 88, 89, 97, 103, 119, 122, 125, 130
 Гиперборейцы 46, 47
 Гиперид 163, 168
 Гиппократ 17, 127, 138
 Гипполаев мыс 29
 Гипполайд 165
 Гистизей 83—85, 88
 Гнур 103, 107
 Гобрий 85
 Гойтосир 95
 Гомер 17, 19, 31—33, 41, 45, 53, 58—61, 70, 134, 199, 202, 262, 263, 269, 271, 273

Гораций 9, 66, 67
 Горгий 159, 163
 Дарий 69, 78—86, 98, 99, 102, 106, 113, 114, 123, 124, 126, 200
 Дексамен 184
 Дельфы 23, 26, 74, 143, 146, 242, 257
 Деметра 37, 99, 146, 195, 196
 Демокрит 77, 105
 Демосфен 7, 132, 153, 159—161, 166, 168—176, 189, 266, 278, 280, 281
 Динарх 173, 280, 281
 Диоген Лаэртский 104, 275, 284
 Диодор 271, 272, 279
 Диомед 46, 218
 Дион Хрисостом 28, 32, 116, 276
 Дионис 38, 45, 108—110, 116, 131—133, 184, 242
 Дионисий Галикарнассский 75, 76, 273, 280
 Дионисий Перизетт 41, 271, 276, 279
 Дорийцы 73
 Дурис 199
 Евломп 160
 Евпомп 251, 252
 Еврипид 7, 20, 21, 34, 35, 37, 39, 43, 45—47, 56, 134, 135, 144—149, 206, 207, 266, 269—272, 278, 279
 Еврисфей 46, 47, 51, 53
 Евсевий 27
 Евстафий 271
 Евтимах 200, 202
 Евтиной 167
 Евфроний 53, 133, 219, 223, 252
 Египет 16, 17, 55, 72, 74, 75, 77, 106, 123, 126, 127, 129, 137
 Елена 34, 43, 149
 Ехидна 49, 69
 Зевс 28, 34, 38, 42, 51, 52, 55, 95, 97, 99, 116, 137, 146, 154, 172, 257
 Иберия 87
 Идантир 81, 82, 85, 86, 102, 103, 107
 Иирки 92
 Иксион 203, 206
 Инах 55, 59
 Ио 54—56, 59, 137—140, 264
 Иола 50
 Ион 141, 146, 147
 Ионийцы 13, 16, 33, 48, 80, 82, 87, 114, 120, 156
 Иония 11, 27, 32, 33, 88, 202, 203
 Ипполита 53
 Ирида 206, 207
 Исей 163, 169
 Исократ 7, 158—170, 175, 177, 182, 179—281
 Исседоны 59
 Истр 9, 10, 17, 22, 29, 42, 47, 67, 69, 81—84, 87, 89, 95, 108, 129, 130, 143, 262
 Истрия 11, 26, 107, 109, 113
 Ифигения 20, 21, 33—40, 43—45, 56, 142, 144, 147—149, 182, 195, 203, 206, 207, 217, 262, 264, 270, 271, 278, 279
 Ихнусса 87
 Кавн 135
 Кадм 11
 Калистрат 116
 Каллимах 59, 271, 273
 Каллин 59
 Каллиник 132, 133
 Каллипиды 88
 Калос Лимен 26
 Кандавл 109, 110
 Кар 48
 Карийцы 48
 Каркин 165
 Каттары 99
 Кефы 172, 174
 Керкинитиды 16, 22, 26, 112, 114
 Кефисодем 152, 153
 Киаксар 97
 Кибела 195
 Кизик 11, 102, 103, 116, 223
 Киммерии, город 23, 25
 Киммерии, имя 200, 202
 Киммерийские переправы 23, 25
 Киммерийцы 15, 17, 19—25, 30, 40, 58—62, 100, 114, 122, 139, 202, 203, 207, 262
 Киммерик 23, 25
 Киммерия 23, 25, 60, 61, 154
 Кипр 42
 Кир 69, 122
 Китей 170
 Китт 167, 180
 Клазомены 293
 Кларос 28
 Клеарх 163
 Клеомен 17, 98
 Климент Александрийский 85, 274
 Клитемнестра 34, 141
 Клитий 53, 200, 202, 203, 209, 219, 223, 252, 267
 Кой 82, 84
 Колаксай 63, 64, 99, 123, 202
 Колофон 64

- Колхида II, 137, 139, 142
 Команы 37
 Кониск 189
 Коринф 109, 242, 257
 Корокондама 25
 Кос 179
 Кратет 62
 Кратин 155, 279
 Крез 102, 104, 106, 202
 Кремны 53, 112, 114, 115
 Креуса 146
 Ксенотим 165, 167
 Ксенофан 101
 Ксенофонт 10
 Ксеркс 109, 110, 113
 Ксифодр 85
 Ктесифонт 170, 181, 277
- Лакрит 176—179
 Лампид 180, 181
 Левка 29, 39—45, 148, 149, 263, 264, 270, 271
 Левкон 132, 158, 161, 173—176, 187, 267
 Лемнос 37
 Леохар 53, 260
 Лептин 174—176
 Ливия 47, 77, 87, 127
 Лигдамид 59, 74
 Лид 48
 Лидийцы 48, 106, 202
 Лидия 24, 62, 63, 64, 77, 202
 Лик 103, 107
 Ликург 163
 Липоксай 99, 123
 Лисий 155, 159, 161, 170, 281
 Лисимах 135
 Лисипп 251, 257
 Лисистрата 150, 151, 279
 Лукиан 135, 200, 277
- Магнесия 24, 59, 64, 133
 Максим Тирский 43, 271
 Мандрокл 80, 81
 Мантифей 161
 Массагеты 100, 122
 Массилия 22
 Медея 48, 50, 142, 143
 Мела 23, 44, 114, 269, 271, 276
 Меланион 200
 Меланхлены 16, 81, 82, 87, 92, 119, 122
 Мелеагр 199, 200
 Мелуса 219
 Мемнон 31, 132
 Мемфис 87
 Менда 177—179, 181
- Менексен 165
 Менелай 33, 34, 149, 151
 Меотиды 9, 17, 22, 47, 53, 56, 81, 112, 115, 123, 129, 137, 138, 143, 157, 158, 263
 Месамбрия 113
 Милет 11, 13—17, 24, 33, 64, 88, 114—116, 124, 133, 156, 167, 199
 Милетяне 11, 13, 14, 16, 23, 48, 107, 115, 116, 167
 Мирмекий 23, 26, 130, 157
 Мирон 224, 256, 257
 Мисийцы 17, 48
 Мисия 48
 Мнесилох 151, 15
 Молорх 84
 Монойкос 22
- Навсикрат 174
 Навтим 189
 Неаполь Скифский 109
 Невры 81, 82, 87, 88, 119, 122
 Неоптолем 42
 Никандр 271
 Никий 135, 167
 Никоний 130
 Нил 74, 89
 Нимфей 27, 130, 141, 156, 158, 161, 172—174
- Овидий 9, 20, 67, 68, 179, 200, 269, 273, 281
 Одиссей 31—35, 40, 41, 52, 60
 Ойней 199
 Октамасад 108, 110, 111
 Ольвиополиты 13, 14, 28, 29, 32, 39, 44, 45, 50, 88, 90, 95, 102, 103, 109, 110, 112, 115, 116, 118—120, 125, 132, 133, 176, 181, 189, 190, 263
 Оливия 5, 11, 13, 14, 22, 27—29, 32, 40, 50, 87, 88, 90, 92, 94, 100, 103, 106, 110—112, 115—120, 130, 132, 133, 141, 151, 176, 178, 179, 181, 186, 189, 193, 256—258, 263, 370, 371, 276, 278
 Опоия 107
 Орест 35, 36, 45, 46, 56, 143, 144, 146—149, 206, 207
 Орик 107
 Офиуса 130
- Пантикап 23, 89, 92
 Пантикапей 5, 11, 22, 23, 26, 32, 56, 128—130, 132, 146, 158, 175, 178, 184, 256, 258, 270, 277, 281, 283
 Папай 95, 99
- Паралаты 99
 Парис 31, 33
 Парос 257
 Пасион 165—168, 180
 Патрокл 42, 252
 Пафлагония 63, 64
 Пегас 242, 244
 Пелей 52, 148, 199, 200, 252
 Пелопоннес 46, 55, 102, 133
 Пенелопа 50
 Пентесилея 44, 53, 219
 Пепарет 179
 Перикл 56, 74, 141—143, 152, 159, 266, 273
 Перисад 157, 174, 176, 181, 187
 Перс 48
 Персей 48, 123
 Персефона 194—196
 Персия 74, 80, 106
 Персы 78, 80—86, 110, 142, 159, 160, 202, 203, 216
 Пилад 35, 36, 45, 46, 56, 143, 144, 146, 148, 149
 Пиндар 20, 42, 47, 153, 154, 269—271
 Пирей 176, 187
 Пирон 164
 Питфей 50
 Пифагор 77, 105
 Пифодор 165
 Платон 66, 77, 105, 198, 224, 273, 278, 280
 Плиний 7, 10, 16, 20, 22, 42, 44, 114, 120, 242, 251, 256, 257, 269, 270, 271, 276, 277, 283, 284
 Плутарх 50, 64, 56, 75, 78, 133, 135, 141, 169, 173, 189, 271—273, 275, 278, 280, 281
 Полигнот 258
 Поликлет 53, 257
 Поликрат 184
 Полиэн 277
 Помпей 35, 203
 Помпей 66
 Порфмий 24, 27
 Посейдон 43, 95, 160, 170, 198
 Пракситель 184, 257
 Приам 218
 Прометей 47, 137—139, 142, 270, 272
 Проперций 9
 Пропонтида 11
 Псиакс 209, 210, 216, 217, 267
 Птолемей 7, 112, 114, 269, 270, 276
- Родос 242, 257
- Савлий 102, 103, 107, 119
- Савроматы 47, 53, 54, 81, 90, 92, 98, 118, 126, 130
 Салмидесская бухта 138, 139, 148
 Самос 21, 33, 37, 74, 80, 141, 257
 Сарды 24, 59, 62, 64, 202
 Сатир 157, 158, 161, 164—167, 172, 174—176, 181
 Свида 62
 Селевк 157, 172
 Сибарис 74
 Сибариты 65
 Симонид 62
 Синдика 25
 Синды 158
 Синопа 11, 114
 Сицила 37
 Сиракузы 135, 154
 Ситалк 108, 110
 Сицилия 15, 21, 48, 74, 134, 135, 168
 Скил 101, 106—113, 115—118, 133, 219, 258, 276
 Скилак 129
 Скилея 219, 223
 Скимн 270
 Скиона 177
 Скиф 48, 51, 123, 218
 Скопас 53, 184, 257, 258, 260
 Скопасис 81
 Смирна 64
 Солон 102, 104—106, 133
 Сопейд 163—168, 175, 177, 180
 Сопей 163—167, 175
 Софокл 37, 74, 134, 140—144, 151, 190, 265, 266, 270, 273, 278, 279
 Спаргапиф 103, 107
 Спарта 62, 64, 80, 102, 159, 174
 Спарток 157, 174, 176, 187
 Спартокиды 157, 158, 161, 173, 257
 Стасин 31
 Стефан Византийский 16, 143, 270, 272
 Стикс 190
 Страбон 7, 19, 20, 25, 45, 59, 128, 138, 175, 176, 179, 218, 230., 269—274, 277—279, 281, 283
 Стратокл 165, 166
 Стратон 153, 154
 Стратонид 184, 257
 Суннион 150
- Табиты 95
 Тавр 21, 22, 37
 Таврика 22, 35, 36, 37, 39, 45, 46, 79, 87, 130, 143, 144, 146—149, 203, 207, 264, 266, 270, 271

- Тавры 20—23, 35, 37, 38, 78, 81, 114
130, 143, 143, 144, 147-149, 154!
158, 199, 203, 206, 207
- Тагимасад 95
- Таксакис 81, 200
- Танаис, город 26, 90
- Танаис, река 10, 22, 25, 53, 54, 81, 83
89, 92, 95, 122, 129, 130, 139, 143
- Таргитай 49, 63, 99, 121, 123, 283
- Тарент 79
- Тацит 11, 21, 78, 269
- Теар 113
- Тевкр 152
- Тевтар 51
- Теламон 223
- Темискира 53, 114, 138
- Териодонт 47, 53, 138, 139
- Тесей 44, 45, 50, 53, 54, 56, 159, 199
219, 263, 272
- Тимн 102, 103, 107, 116
- Тимофей 163, 260
- Тира5, 11, 23, 26, 176
- Тирас 22, 33, 51, 83, 89, 100, 122, 130
- Тиритака 157
- Тиссагеты, или тирсагеты 92
- Тит Ливий 10
- Тихон 138
- Тлесикл 189
- Тоант 35, 37, 143, 144, 148, 207
- Токсамис 200, 202, 209
- Токсарис 200, 219, 223
- Токсис 219
- Токсофила 219, 223
- Томы 9, 11
- Траспи 99
- Трезены 50, 257
- Трибалл 198
- Троя 31—35, 39, 45, 218, 263
- Троянцы 31, 45, 53, 218, 264
- Фалес 11
- Фанагория 156
- Фаселида 177
- Фасис 26, 139
- Фемистокл 159
- Феогнид 65, 67, 273, 274
- Феодор 180, 256
- Феодосия 11, 23, 27, 56, 60, 130, 156—
158, 161, 178, 184
- Феокл 189
- Феокрит 272, 279
- Феопомп 130, 163
- Феофраст 128, 129, 277, 281
- Ферекид 85, 86
- Фетида 21, 42, 43, 52, 148, 200
- Фидий 53, 141, 184, 186
- Филипп 165, 166, 170, 260
- Филомел 165, 167
- Филострат 43, 44, 271
- Финей 19, 143, 144, 148
- Фокея 22, 33
- Формион 176, 180, 181
- Фракийцы 17, 19, 24, 38, 81, 108 111
113, 130, 150, 157, 160, 216
- Фракия 19, 46, 77, 108, 109, 110, 135
143
- Фрасилох 163
- Фукидид 11, 152, 153, 269, 273, 280
- Фурии 74, 78, 79, 129
- Халибы 138
- Харон 190
- Херсонес 5, 13, 26, 27, 33, 38, 114, 128
130, 133, 144, 147, 176, 184, 263, 279
- Хиос 33
- Хрис 143
- Хрисипп 180, 181
- Цезарь 56
- Цицерон 15, 75—77, 143, 163, 273, 378
280
- Эвгаммон 32
- Эвполид 279
- Эгей 48, 50
- Эгина 74, 163
- Эдип 140, 143
- Эксампей 97
- Электра 141, 143, 149, 270, 278
- Элефантина 74
- Эней 218
- Эномай 141, 142
- Эолийцы 33
- Эпидавр 134
- Эпиктет 209, 210, 216, 267
- Эратосфен 16, 32
- Эрготим 200
- Эсхил 7, 51, 56, 114, 134—140, 144
265, 270, 272, 278
- Эсхин 7, 150, 153, 159, 161, 170, 172—
174, 181, 189, 280, 281
- Этолия 199, 200
- Этра 50
- Эфес 24, 33, 59, 64, 134
- Эфиопы 62, 128
- Эфор 120, 130, 163, 182
- Эт 142
- Юстин 78, 79
- Япигия 78, 79
- Ясон 50, 142, 199

ГРЕЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ РУССКИМ ПЕРЕВОДОМ И КОММЕНТАРИЕМ

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — М.: Наука. — 1982. — 455 с.

Еврипид. Ифигения в Тавриде. Текст с введением, комментарием, рифмическими и метрическими объяснениями, разночтениями и словарем составил В. И. Петр. — Нежин, 1910. — 291 с.

Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1893. — Т. 1. — 680 с.

ПЕРЕВОДЫ

Аристотель. Сочинения в четырех томах. Перевод В. Ф. Асмуса, М. Л. Гаспарова, С. А. Жебелева и др. — М.: Мысль, 1976—1983.

Аристофан. Комедии в двух томах. Перевод под ред. Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо — М.: Худож. лит., 1954.

Геродот. История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко. — М., 1885. — Т. 1. — 387 с.

Геродот. История в девяти книгах. Перевод Г. А. Стратановского. — Л.: Наука, 1972. — 600 с.

Гомер. Илиада. Перевод Н. И. Гнедича. — М.: Гослитиздат, 1960. — 433 с.

Гомер. Одиссея. Перевод Н. И. Гнедича. — М.: Гослитиздат, 1959. — 436 с.

Демосфен. Речи. Перевод под редакцией Л. П. Маринович. — Т. 1, 2. М., 1994.

Еврипид. Трагедии. Перевод И. Анненского и С. Шервинского. — М.: Худож. лит., 1969. — Т. 1. — 639 с; Т. 2. — 718 с.

Исократ. Банкирская речь (Трапезитик). Перевод Н. Н. Залесского // ВДИ. — 1968. — № 4. — С. 209—216.

Лисий. Речи. Перевод С. И. Соболевского. — М.; Л.: 1933. — 555 с.

Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. Перевод М. Л. Гаспарова. — М.: Наука, 1980. — 504 с.

Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ. — 1988. — № 1. — С. 253—267.

Софокл. Драмы. Перевод Ф. Зелинского. — Т. 1—3. М. 1914—1915.

Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. — М.: Наука, 1964. — 942 с.

Феофраст. Исследование о растениях. Перевод М. Е. Сергеевко М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 591 с.

Эллинские поэты. Перевод В. Вересаева. — М.: Гослитиздат, 1963. — 407 с.

Эсхил. Трагедии. Перевод А. И. Пиотровского. — М.; Л. 1937. — 413 с.

Эсхин. Речь против Ктесифонта. Перевод Л. М. Глускиной // ВДИ. — 1962. — № 4. — с. 189—239.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
- ДГ — Древнейшие государства на территории СССР
- КБН — Корпус боспорских надписей
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
- НО — Надписи Ольвии
- СА — Советская археология
- СЭ — Советская этнография
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
- ст. — стих
- фр. — фрагмент
- FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
- HSPH — Harvard Studies of Classical Philology
- IPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- RE — Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
- TGF — Tragicorum Graecorum Fragmenta

ТАБЛИЦА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МОНЕТ

1. Серебряная драхма с изображением совы. Афины. V—IV вв. до н. э. Реверс.
2. Золотой статер с изображением головы бородатого сатира. Пантикапей. 1-я половина IV в. до н. э. Аверс.
3. Электровый кизик с изображением льва. Кизик. V в. до н. э. Аверс.
4. Медный обол с изображением лука. Пантикапей. Конец IV в. до н. э. Реверс.
5. Медный ас с изображением Деметры. Аверс. Ольвия. Середина IV в. до н. э.
6. Медный обол с изображением Сатира. Пантикапей. Конец IV в. до н. э. Аверс.
7. Медный дихалк с изображением Девы, поражающий лань. Херсонес. Начало III в. до н. э. Аверс.
8. Золотой статер с изображением грифона. Пантикапей. 1-я половина IV в. до н. э. Реверс.
9. Медный дихалк с изображением бодающегося быка. Херсонес. Начало III в. до н. э. Реверс.
10. Диобол с изображением головы коня. Синдская гавань. Конец V в. до н. э. Реверс.
11. Медный обол с изображением горита. Пантикапей. 1-я половина I в. до н. э. Реверс.

Все монеты, за исключением № 5, увеличены в два раза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ГРЕКИ И СКИФЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНО-	
МОРЬЕ	
1. Что понимать под Скифией	9
2. Великая греческая колонизация	11
3. Понт Евксинский и Скифская земля	15
4. Топонимика — свидетель встречи греков и скифов	22
ГЛАВА II. НА РУБЕЖЕ РЕАЛЬНОГО МИРА И ЗАГРОБНОГО	
ЦАРСТВА	31
1. Герои Троянского цикла мифов в Скифии и Таврике	31
2. Пути Геракла по Скифии	45
3. Новая родина амазонок	52
4. Аргосская царица Ио	54
ГЛАВА III. ОБРАЗЫ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ В ПОЭЗИИ	
1. Певцы Киммерии	
2. Формирование стереотипов в изображении скифов	62
ГЛАВА IV. СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА	72
1. Биография «отца истории» и труд его жизни	72
2. Скифо-персидская война	
3. География и этнография Скифии	
4. История Скифии в народных преданиях	98
5. Греческие города Скифии	112
6. Степень достоверности Скифского рассказа	121
7. Скифский рассказ в контексте литературы V—IV вв. до н. э.	127
ГЛАВА V. НА АФИНСКОЙ СЦЕНЕ	131
1. Театры в Греции и Северном Причерноморье	131
2. Великие трагики Эсхил, Софокл, Еврипид	135
3. Смех Аристофана	150
ГЛАВА VI. ТЕМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В РЕЧАХ	
АФИНСКИХ ОРАТОРОВ	156
1. Боспорское царство в V—IV вв. до н. э.	156
2. Виды красноречия	158
3. Исократ — защитник боспорянина	161
4. Связи Демосфена с Боспором	168
5. Тяжбы купцов, торговавших с Боспором	176

ГЛАВА VII. НАСЕЛЕНИЕ СКИФИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЛЛИНСКИХ ХУДОЖНИКОВ	183
1. Северопричерноморские греки	183
2. Киммерийцы и тавры	199
3. Скифы в аттической вазовой живописи	200
4. Шедевры греческого ювелирного искусства со сценами из жизни скифов	223
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	262
ПРИМЕЧАНИЯ	268
УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТ- НИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	285
ГРЕЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ РУССКИМ ПЕРЕ- ВОДОМ И КОММЕНТАРИЕМ	291
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	293
ТАБЛИЦА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МОНЕТ	294

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественный редактор:

Грызлова О. А.

Редактор:

Дралова Н. П.

Корректоры:

Абышко Л. А.

Румянцева Л. Ю.

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13
Телефон издательства: (812) 567-2239
Факс: (812) 567-2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 20. 01. 1997 г. Подписано в печать 30. 04. 1998 г. Бумага офсетная.
 Формат 60х887,,- Печать офсетная. Объем 19 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3622

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printer] in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие известными книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (издается с 1996 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (издается с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (издается с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), французская серия «Gallicinium» (издается с 1998 г.); «Античное христианство» (издается с 1998 г.), «Российские психологи. Петербургская научная школа» (издается с 1998 г.), «Классики русской философии права» (издается с 1999 г.), мемуарная «Петербургская серия» (издается с 1999 г.) и некоторые другие. Всего, включая многочисленные внесерийные издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 300 названий книг.

Наши книги знают, ценят, любят и ждут во многих уголках нашей необъятной России, откуда мы получаем сотни писем благодарных читателей с повторяющимся вопросом: где можно приобрести очередные книги издательства «Алетейя»? Отвечаем: это можно сделать, заказав

их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прислав заказы по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 28, e-mail: motja@cbs.spb.ru, тел.: (812) 219-6301. Книги нашего издательства продаются и в Москве: магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»); в книжной лавке «У Сытина» (тел.: (095) 156-8670; проезд Черепановых, 56); Московский Дом Книги (м. «Арбатская»); магазин «У Кентавра» (м. «Новослободская», Миусская пл., д. 6; тел. (095) 214-5446); магазин «Ad marginem» (м. «Павелецкая», 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7; тел. (095) 951-9360); еженедельная книжная ярмарка в «Олимпийском» (м. «Проспект мира»). В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» представлен в специализированных магазинах и отделах: Дом Книги (Невский пр., 28, отдел «Общественных наук и учебной литературы»); в магазинах издательства Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 7/9); Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского); в магазинах и киосках «Академкниги»; в магазинах издательско-торгового дома «Летний Сад»: Большой пр. П. С, 82 (тел. (факс) (812) 232-2104); В. О., Менделеевская линия, 5; Невский пр., 3; в ассортиментном кабинете «Петербургского книжного центра» (Стремянная ул., 20) тел. (812) 113-1012; на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Елизаровская»).

Среди книжных новинок издательства особенно хочется отметить наши новые переводы, первые издания на русском языке:

- «Древнегреческая элегия»;
- Гигин «Мифы», «Об астрономии»;
- Нонн Панополитанский «Подвиги (Деяния) Диониса»;
- М. Нильссон «Греческая народная религия»;
- Евагрий Схоластик «Церковная история»;
- А. Мацейна «Великий инквизитор», «Тайна беззакония»;
- Ж. де Местр «Санкт-Петербургские вечера»;
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои»;
- Н. Аббаньяно «Мудрость жизни», «Мудрость философии», «Введение в экзистенциализм»;

- Дж. Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ»;
- Дитрих фон Гильдебранд «Что такое философия?», «Новая Вавилонская башня», «Сущность христианства», «Сущность любви»;
- К. Барт «Очерк догматики»;
- Ж.-П. Сартр «Идиот в семье»;
- Симона де Бовуар «Второй пол» и многие другие.

К бесспорным успехам издательства можно отнести трехтомную «Историю Византии» выдающегося русского историка-византиста Юлиана Кулаковского, «Алексиаду» Анны Комниной, новое русское издание Павсания «Описание Эллады» (в 2-х томах), издание итоговой книги размышлений об истоках и судьбах русской литературы Дмитрия Лихачева «Историческая поэтика русской литературы», а также возвращение из небытия книги знаменитого русского мыслителя Алексея Лосева «Имя», собранной на основе материалов, переданных его семье из архивов ФСБ, авторскую версию «Основ средневековой религиозности» Л. П. Карсавина, сборник исторических свидетельств «Суд над Сократом», сочинения в двух томах основателя русской социологии М. М. Ковалевского («Социология», «Современные социологи»), книги серии «Античное христианство» с параллельными текстами и многие другие издания.

Издательство «Алетейя»
(Санкт-Петербург)

в серии «АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»
выпустило в свет

В разделе «Литература»:

- Марк Валерий Марциал «Эпиграммы» (1994 г.);
- Ювенал «Сатиры» (1994 г.);
- «Античные поэты об искусстве» (1996 г.);
- Гигин «Поэтическая астрономия» (1997 г.);

- Катулл «Избранная лирика» (в новых переводах с параллельными текстами) (1997 г.; издание 2-е, исправленное — 1999 г.);
- «Древнегреческая элегия» (1997 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Аттические сказки».

В разделе «История»:

- Ксенофонт «Греческая история» (1993 г.) (вышло три издания);
- Арриан Флавий «Поход Александра» (1993 г.);
- Геродиан «История императорской власти» (1995 г.);
- Аммиан Марцеллин «Римская история» (1994 г.) (вышло три издания);
- Аппиан «Римские войны» (1995 г.);
- Секст Юлий Фронтин «Военные хитрости» (1996 г.);
- «Греческие полиоркеттики. Вегеций: Краткое изложение военного дела» (1996 г.);
- Павсаний «Описание Эллады» в 2-х томах (1996 г.);
- Гигин «Мифы» (1997 г.);
- «Суд над Сократом» (сборник исторических свидетельств) (1997 г.);
- Нонн Панополитанский «Деяния Диониса» (1997 г.);
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои» (с параллельными текстами) (1998 г.);
- Гай Светоний Транквилл «О жизни цезарей. О блистательных мужах» (1998 г.);
- «Первый Ватиканский мифограф».

В разделе «Философия»:

- Ксенофонт «Сократические сочинения» (1993 г.);
- Плотин «Сочинения» (1995 г.);
- А. Ф. Лосев «Античная философия истории».

В разделе «Исследования»:

- Вяч. Иванов «Дионис и прадиионисийство» (1994 г.);

- В. С. Дуров «Нерон, или Актер на троне» (1994 г.);
- Е. В. Герцман «Музыка Древней Греции и Рима» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» (1995 г.);
- А. С. Степанова «Философия древней Стой» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Из жизни идей» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Соперники христианства» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Возрожденцы» (1997 г., 2-е издание — 1999 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Древний мир и мы» (1997 г.);
- В. В. Латышев «Греческие древности». Часть 1 — «Государственные и военные древности», часть 2 — «Богослужбные и сценические древности» (1997 г.);
- М. Нильссон «Народная греческая религия»;
- М. В. Скржинская «Скифия глазами эллинов»;
- Т. Гомперц «Греческие мыслители» (в 2-х томах) (1999 г.);
- Р. Пёльман «Очерк греческой истории и историографии» (1999 г.);
- А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев «Греческая культура в мифах, символах и терминах» (1999 г.);
- «Ранняя греческая лирика» (1999 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Римская империя» (пер. с польского) (1999 г.);
- Д. О. Торшилов «Античная мифография: мифы и единство действия» (1999 г.);
- Э. Р. Доддс «Греки и иррациональное».

В серии «ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

вышли следующие книги:

В разделе «Источники»:

- Анна Комнина «Алексиада» (1996 г.);
- Иордан «О происхождении и деяниях гетов (Гетика)» (1997 г.);
- Иоанн Кантакузин «Диалог с иудеем» (перевод с греческого);

- Прокопий Кесарийский «Война с вандалами. Война с персами. Тайная история» (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное);
- Евагрий Схоластик «Церковная история»;
- Олимпиодор Фиванский «История» (с параллельным греческим текстом).

В разделе «Исследования»:

- Ю. А. Кулаковский «История Византии» в 3-х томах (1996 г., готовится новое издание);
- Е. В. Герцман «В поисках песнопений греческой церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей»;
- А. П. Рудаков «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»;
- И. П. Медведев «Византийский гуманизм»;
- Г. Г. Литаврин «Как жили византийцы»;
- Г. Г. Литаврин «Византийский лечебник XIV в.»;
- А. А. Чекалова «Константинополь в VI в. Восстание Ника»;
- А. П. Каждан «Византийская культура»;
- М. В. Бибииков «Византийская историческая проза»;
- И. В. Кривушин «Ранневизантийская церковная историография»;
- А. П. Лебедев «Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века»;
- А. П. Лебедев «Очерки внутренней истории византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках»;
- А. П. Лебедев «Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века (От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.)»;
- А. П. Лебедев «История разделения Церквей»;
- А. П. Лебедев «Церковная историография...»;
- А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин «Византия и южные славяне»;
- А. А. Васильев «История Византийской империи» в 2-х томах;

- Я. Н. Любарский «Византийские историки и писатели»;
- Г. Г. Литаврин «Византия и славяне»;
- С. П. Карпов «Латинская Романия»;
- «Византия между Востоком и Западом»;
- В. П. Буданова «Готы в эпоху Великого переселения народов»;
- Е. Ч. Скржинская «Византия, Италия, Русь»;
- О. Р. Тафт «Византийский церковный обряд».

Издательство приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков, редакторов.

Телефон редакции: (812) 567—2239,

fax. (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13, издательство «Алетейя»

Для получения книг почтой заказы направляйте по адресу:
199034: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»

факс (812) 218-4422, *тел.* (812) 218-7763,

а также заказав их через отдел «Книга — почтой»

Санкт-Петербургского Дома Книги,
прислав заказы по адресу:

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28